ТАИНСТВО ИСПОВЕДИ

О ГРЕХАХ ЯВНЫХ
И ТАЙНЫХ НЕДУГАХ ДУШИ

Составил архимандрит Лазарь,

настоятель монастыря Вифания в Грузии

Издание второе

Типография Киево-Печерской Лавры КИЕВ 2005

З благословення Блаженнішого ВОЛОДИМИРА,
Митрополита Київського і всієї України,
за намісника Високопреосвященнішого ПАВЛА,
архієпископа Вишгородського

ТАЇНСТВО СПОВІДІ.
Про гріхи явні та таємні недуги душі.
Вид. друге, випр. Рос. мовою.
Києво-Печерська Успенська Лавра, 2005.

У книзі в легкій і доступній формі, але водночас вичерпно розповідаються про таїнство Покаяння. За словами святих отців, покаяння — це завіт з Богом до виправлення життя. Детально розглядаються джерела гріха, розвиток гріховних навичок та їхні наслідки; подаються духовні поради щодо покаяння та сповіді. Книга базується на творіннях святих отців, у ній наводиться також слово святителя Ігнатія (Брянчанинова) про таїнство Євхаристії — Причастя.

З дозволу видавництва «Родник», м. Москва

E-mail: lavra@lavra.kiev.ua
http://www.lavra.kiev.ua

НАЗНАЧЕНИЕ КНИГИ

Каждый шаг на пути духовной жизни христианина есть не что иное, как покаянное движение сердца, зрящего свои грехи. С покаяния открывается для уверовавшего дверь в церковный мир, только через покаяние откроются ему райские врата. Коротко сказать: начало покаяния и есть начало спасения.

В наши дни очень многие люди, познавшие мрачные глубины неверия, безбожия, вкусившие пагубные плоды смраднейших грехов, но милостью Божией вызволенные из этого да, призванные к свету, к пробуждению, к жизни, — через раскаяние, Таинство Крещения, через исповедание своих страшных грехов, оставление их, через полученное в Таинстве Покаяния прощение, через получение благодатных сил в Таинстве Причащения, — рождаются к новой жизни, жизни совершенно иной, совершенно непохожей на ту, которой они до сих пор жили. Но эта новая жизнь требует разрушения многих прежних понятий, ценностей, привязанностей, знаний, вкусов; часто почти полного забвения всего этого огромного греховного хаоса, оставшегося там, позади, перечеркнутого началом спасительного покаяния. Этот процесс отказа от старого, процесс перерождения, воскрешения души довольно сложен, неодинаков у всех, таинственен. Каждого человека Бог одному Ему ведомыми путями, и непостижимыми судьбами Своими изводит из этого греховного Содома, из плена Египетского и ведет через пустыню очищения в землю Обетованную. (Глубоко и основательно рассматривает этот момент, начало духовной жизни, святитель Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению».)

О том, как каяться в содеянных грехах, какие это грехи, насколько они тяжки, как затем их оставить и не повторять, — обо всем этом довольно много составлено поучений, об этом часто говорят священники в храмах, об этом многие уверовавшие как-то и сами знают, ведь немудрено увидеть внешние, соделанные делом и словом грехи, увидеть явные греховные наклонности и страсти свои. Конечно, и на этих первых ступенях, шагах ко благочестию, каждый новообращенный встречает немало препятствий, браней, трудностей, скорбей; но здесь еще ясно все видимо, зло неприкровенно вопиет о себе, — необходимы только мужество и решительность, твердое намерение начать новую жизнь и порвать окончательно со старым. И вот уже при первых малых победах над собой обратившийся ощущает огромное внутреннее облегчение, освобождение, примирение с Богом, с совестью, с людьми, как бы сбрасывает тяжелый груз с плеч, который тяготил его всю жизнь, ощущает радость и прилив новых сил — и с таким воодушевлением входит в таинственный церковный мир, в новую семью, начинает новую жизнь. И если новопросвещенный христианин сумел с помощью Божией отринуть прежнюю свою греховную деятельность и все свои воскресшие силы направить на новую стезю, то... тогда-то и начинается для него самое важное и трудное.

Дело в том, что когда человек видит многие свои явные грехи, то это его очень смиряет, дает правильное понятие о себе, вселяет в душу страх, трепет пред судом Божиим; угадывает он тогда и то направление, по которому на первых порах должно ему следовать. Но когда верующий отсечет по милости Божией явные свои грехопадения, то образ покаяния заметно усложняется, утончается, и здесь появляется большая опасность утерять эту тропу, этот единственно верный тесный путь ко спасению и свернуть на широкую дорогу самодовольства и гордыни. Каясь в прежних грехах, оставляя прежнюю срамную жизнь свою, получая прощение от Бога, мы тем не менее остаемся глубоко пораженными многими духовными недугами, страстями, греховными навыками,— мы больны сердцем, умом, волей, всеми своими чувствами. Грехи прощены, но страсти еще живы; дела греховные не творим, но склонность к ним, жажда их жива, и все это требует еще многих трудов покаяния, многих борений, скорбных взываний и молений к Милостивому Врачу — Человеколюбцу Господу нашему. И до каких же нор так? — Пока живем во плоти!

Вот здесь-то и случается распутие: уж это очень непривлекательная дорога для многих — всегдашнее покаяние, постоянное недовольство собой, недоверие к себе, подозрение ко всем своим чувствам, движениям души, какое-то всегда внутреннее напряжение, боль, горечь. И так, наоборот, хочется человеку сразу же получить полный покой, внутренний комфорт, чувство духовной удовлетворенности самим собой, чувство своей значимости и избранности. И хорошо, если вступивший только что на дорогу христианства сразу же встретит правильного наставника, который укажет ему в самом начале верный путь, научит не удаляться спасительной печали и сокрушения, не отталкивать от себя это неприятное, но полезное зрелище уродства души своей, не прикрывать его ложным мнением о себе и

самооправданием, а нести эту скорбь как свой крест, как верное свидетельство правильности избранного пути (ведь и эти скорби, происходящие от нашего падшего естества, предрекал Спаситель последователям Своим: *В мире скорбни будете* (Ин. 16, 33); кто не возненавидит душу свою, жизнь свою, не может быть учеником Христовым!), как залог будущей радости, хранить это самоосуждение как ту евангельскую соль, без которой всякое делание души тут же загнивает, начинает издавать зловоние.

А как часто выходит наоборот! Это стало уже распространенной болезнью в наше время: теперь люди, по укоренившемуся в них сладострастию, склонности искать всегда и во всем комфорта и приятности, самую духовную жизнь уже понимают как средство скорейшего получения такого внутреннего «блаженства», сладостного покоя, эйфории. И вот теперь наблюдается такая картина: исповедал вновь обратившийся свои прежние тяжкие грехи, походил в церковь, еще несколько раз припомнил на исповеди кое-что из прошлого, немного научился молиться, начал внешне упорядоченную жизнь, но дальше уже не видно, в чем теперь каяться: «Живем как будто нормально, особенно не грешим. Ну, там приходят разные плохие помыслы, оживают некоторые страсти в сердце, — так оно у всех так. Но зато сколько добрых дел мы теперь делаем», и т.д. Так может уже с самого начала сложиться нечувствие к своим болезням. И если здесь не научиться внимательному взгляду на немощи души своей, то внутреннее покаяние не привьется ей, а без него вся духовная жизнь не будет иметь верного ориентира, уклонится на ложный путь — в пагубную прелесть. Тогда человек не только не умеет видеть свои скрытые страсти, но даже начинает мнить, будто он имеет уже какие-то высшие дарования — «духовные», «благодатные», «святые». Все эти кажущиеся светлыми, благодатными, богоугодными проявления душевной деятельности создают впечатление особой избранности, кажутся началом высокой духовной жизни.

И действительно, у человека, составившего коварное мнение о своей праведности, о том, что он уже стоит на некоторой значительной ступени духа, появляется странное, необъяснимое воодушевление, подъем каких-то внутренних сил, необычное разгорячение, принимаемое им за святую ревность, порывы бурной деятельности. Распознать в этих движениях личину самообольщения вначале очень не просто; необходим большой духовный опыт, чтобы точно отличить такую болезненную горячность от истинной ревности. При том при всем уклонившийся не перестает называть себя грешником и отчасти считает себя таким. Дело в том, что страсти здесь начинают действовать очень тонко и прикровенно, так что признание греховности есть, но оно очень поверхностно, больше на словах, а не в чувстве,— признание же своей праведности глубоко сидит в сердце, хотя на словах может ярко и не выражаться.

Теперь видно, как важно с самого начала дать правильное направление течению духовной жизни верующего, предостеречь его от подобного самообольщения, не допустить, чтобы он оазис в пустыне принял за Землю Обетованную (святитель Игнатий), т.е. не позволить ему посчитать себя спасенным, избавленным от опасностей, когда он только еще вышел на путь борьбы. А для этого необходимо сразу же после того, как новообращенный покается в прежде содеянных грехах, преподать ему наставление о коварности внутренних страстей, открыть ему глаза на тот глубокий темный мир внутренней греховной поврежденности души, с которым ему еще предстоит вести брань,— мир коварный, который часто будет прикрываться личиной добродетели и праведности. Поэтому важно сразу указать истинное, нелестное, испытующее воззрение на самые наши «добродетели» и проявления нашей горячности, ревности и неожиданных порывов к высоким подвигам.

Цель этой книги: опираясь на наставления святых отцов древности и отцов последнего времени, предостеречь, насторожить, устрашить, отрезвить новоначальных христиан, показав некоторые тайные сети скрытых недугов души, глубину нашего падения и коварство злых духов, а также и сами некоторые внешние добродетели рассмотреть и показать, какие под ними могут быть сокрыты тайные движения недугующей души.

О ТАИНСТВЕ ИСПОВЕДИ И О ГРЕХАХ

Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших... Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух...

Иез. 18, 30-31

Покаяние есть таинство, в котором исповедающий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом.

православный катехизис

ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ

Господь Иисус Христос сказал, обращаясь к ученикам Своим: Истинно говорю вам; что *вы* свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе *(Мф. 18, 18). И еще Спаситель, дунув сказал апостолам:* Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся: на ком оставите, на том останутся *(Ин. 20, 22-23). Апостолы же, исполняя волю Господа, передали эту власть своим преемникам — пастырям Церкви Христовой, и по сей день каждый верующий православно и исповедающий чистосердечно пред православным священником свои грехи может получить чрез его молитву разрешение, прощение, полное отпущение их.*

В этом и состоит суть Таинства Покаяния. Для того чтобы это таинство совершилось, необходимо со стороны кающегося искреннее покаяние, раскаяние в своих грехах, желание оставить грех, не повторять его; вера в то, что Таинство Исповеди имеет силу очистить и смыть по молитве священника чистосердечно исповеданные грехи; необходимо также условие, чтобы исповедь принимал православный иерей — служитель истинной Христовой Церкви, которая одна только хранит полноту благодати, дарованной нам Богом,

Хотя в Таинстве Крещения христианин и получает прощение всех грехов своих, но в последующей жизни при непрерывной борьбе с грехом не обходится без временных поражений, падений, отступлений — под влиянием внешних соблазнов и собственных страстей. Потому-то и нуждается каждый верующий в частом, по возможности, исповедании своих грехов.

Но что особенно должно подталкивать нас на исповедь, какого рода мысли и рассуждения призывают верующего скорее спешить прибегнуть к этому святому таинству?

Прежде всего та духовная мука, боль, страдание, которые вызывает в душе всякий грех и всякое прегрешение. Как больной зуб иногда своей заунывной болью лишает человека возможности мирно совершать свои дела, но всего его истомляет и мучает, лишает сна и покоя, так и греховная заноза в душе всю жизнь человека омрачает, лишает его духовной радости, мира, благорасположения. Часто умом соделанный грех не вспоминается, даже едва ли сознается за грех, а душа чутко помнит, ощущает в себе яд его, томится, страдает, болезнует, и весь человек исполняется какой-то тоской, тревогой, унынием. Накопившиеся грехи и прегрешения, не снятые с совести (не только крупные грехи, но и многие мелкие), тяготят ее так, что человек начинает чувствовать какой-то необычный страх, ему все начинает казаться, что с ним вот-вот должно произойти что-то дурное, то вдруг он впадает в какие-то нервные срывы, раздражения, ощущает частое беспокойство, не имеет внутренней твердости, как бы не способен владеть собой и т.п. Часто причину всего происходящего сам он и не понимает — а она в том, что на совести человека неисповеданные грехи. По милости Божией эти скорбные ощущения и напоминают нам о них, чтобы мы, озадаченные таким бедственным состоянием души своей, пришли к сознанию необходимости исторгнуть из нее весь яд, т. е. обратились к Таинству Исповеди и этим бы и избавились от всех тех мук, которые ожидают всякого грешника, не очистившегося здесь, в этой жизни, после Страшного суда Божия. То, что грех уже теперь, до Страшного суда, так мучает, жжет, томит человека, говорит само за себя; это значит, что свойством греха есть: мучить, терзать, грызть, жечь, изводить, истаивать душу — и там, где окажутся грешники со своими грехами после кончины мира, это свойство греха расширится и усугубится бесконечно; так что это томление сейчас здесь, на земле,—

только мягкое предупреждение, вразумление, напоминание душе о вечных муках грешников.

Важно и полезно помнить и такую вещь: когда душа христианина отойдет от тела, то первые два дня она находится вблизи тех мест, где жил человек, но на третий день, уже сопровождаемая ангелом-хранителем, отводится от земли на небо, на поклонение Самому Господу и для частного суда над ней, для того чтоб было определено место душе до всеобщего воскресения и Страшного суда —уже окончательного над всем миром. Вот тогда-то, в третий день по разлучении от тела, для души очень страшный, решающий момент: во время восхождения души на небо приступают к ней злые духи — бесы, со своими князьями во главе, областью которых является воздушное пространство, и начинают предъявлять ангелу, сопровождающему душу христианина, свои права на владение этой душой. Они начинают выкрикивать разного рода обвинения — вспоминать все грехи, соделанные человеком, вспоминают при этом многие такие точные подробности, которые едва были замечаемы соделавшим их во время земной жизни, разные нарушения, даже просто соблазнительные слова, сказанные умершим когда-то мимолетно. И все это, оказывается, тщательно было записано у злых наших врагов и прибережено на последний день, чтобы всей этой массой срамных поступков смутить душу, отнять у нее всякую надежду на спасение. Все, все соделанное становится тогда уже немаловажным, всякая мелочь тогда встает поперек дороги бедной души, желающей скорее вырваться, проскочить мимо этих гнусных обвинителей. Делают же это бесы по своей завистливости, так как сами не могут и не желают покаяться и страшно негодуют, когда видят, как человеки через покаяние восходят на небо и избегают ада, уготованного злым духам и их служителям, вот они и рады всеми правдами и неправдами задержать душу. Даже так они наглы, что не только все вспоминают до малейших деталей, но и явно лгут, клевещут, хотя и знают, что эта клевета Праведным Судией не примется во внимание, но желают хотя бы просто смутить душу отчаянием и потому говорят то, чего не было. Но дело в том, что при всем этом те грехи, которые были исповеданы человеком при жизни в Таинстве Исповеди и разрешены священником, бесы даже не могут вспомнить, в их черных списках записи этих грехов в момент их исповедания исчезают совершенно: никто и никогда не вспомнит душе соделанный в этой жизни грех, но очищенный покаянием в Таинстве Исповеди. Такова сила этого таинства!

Очень полезно перед исповедью прочитать подробное житие преп. Феодоры Цареградской (память 30 декабря пост, ст.), которая приняла монашество и проходила свой подвиг под руководством преподобного Василия Нового (память 26 марта). Скончалась в 940 году. Ученик же св. Василия, Григорий, по смерти Феодоры с мольбой просил старца открыть ему загробную участь старицы. И вот по молитвам святого отца открылось его ученику чудесное видение, он беседовал с преподобной Феодорой, и она поведала Григорию о том, что происходило с ней в момент смерти и после, когда душа се проходила страшные испытания. Она подробно описала, как придирались злые духи к ней, как разбирали все стороны жизни ее на земле, как даже разделяются эти враги наши на специальные отделения, каждое из которых специализируется по какому-нибудь определенному роду греха, как их называют— мытарства, и так на каждом мытарстве душу встречают бесы, которые в жизни сей искушают людей каким-нибудь грехом; например, на мытарстве блуда — те духи, которые соблазняли людей в грех блуда, на мытарстве осуждения и клеветы — те, которые соблазняли человека этим грехом; и эти бесы по роду греха имеют и вид свой — т.е. чем отвратительнее грех, тем духи гнуснее и наглее; и там они истязуют душу, к какому она мытарству ближе и сроднее по делам своим, так на нее и нападают с большим остервенением злодеи, и если не найдется душе чем покрыть эти обвинения, то она низвергается прямо в ад и там бывает затворена до общего воскресения.

Об этих страшных истязаниях можно найти очень много упоминаний у святых отцов, да и в Священном Писании. Например, в Псалтири часто святой пророк Давид говорит от лица души, проходящей этот путь «посреде сени смертныя», молящейся ко Господу о избавлении от врагов своих: *Не предаждь мене в душы стужающих ми, яко восташа на мя свидетеле неправедный и солга неправда себе* (Пс. 26, 12). И многие другие подобные

места в Святом Писании и у отцов Церкви напоминают о том, как же страшно и трепетно будет нам в момент прохождения этих мытарств. Потому как полезно заранее, пока нам даны еще сроки, чтобы приготовиться к смертному часу, внимательно рассмотреть самим все свои грехи, может, даже лучше именно руководствуясь теми пунктами, по которым — как указала мать Феодора — и злые духи мытарят души (для этого читай изложенный ниже рассказ о мытарствах). Помня все это и несомненно веря этому учению о прохождении душой мытарств так, как это принято всей святой нашей Церковью, отнимем у злых демонов заблаговременно все, что может послужить в их лапах орудием наших терзаний и мучений!

Практически Таинство Исповеди совершается так: вначале священник молится с желающими исповедоваться, затем уже по одному они подходят к аналою, на котором лежат Евангелие и крест, делают поклон к алтарю или ко кресту и Евангелию, и остаются стоять перед аналоем, склонив голову, или же становятся на колени (но это не обязательно), после чего священник читает краткое увещевание, обращение к кающемуся, в котором кратко, но глубоко содержательно напоминается о смысле исповеди, об ответственности исповедающегося, о том, что он стоит перед Самим Господом и священник лишь свидетель таинственной беседы его с Богом. Вот это обращение в переводе на русский язык: «Дитя мое, Христос невидимо стоит перед тобой, принимая исповедь твою. Не стыдись, не бойся и не скрывай что-либо от меня, но скажи все, чем согрешил, не смущаясь, и примешь оставление грехов от Господа нашего Иисуса Христа. Вот и икона Его перед нами: я же только свидетель, и все, что скажешь мне, засвидетельствую пред Ним. Если же скроешь что-нибудь от меня, грех твой усугубится. Пойми же, что раз уж ты пришел в лечебницу, так не уйди из нее неисцеленным». После этого исповедающийся должен прочесть Символ веры и этим засвидетельствовать свое православное исповедание. Но теперь чаще Символ веры читается всеми готовящимися к исповеди вместе перед тем, как начнут уже по отдельности подходить к священнику.

Иногда, если сам человек не может начать исповедовать свои грехи, священник задает вопросы. Причем первые вопросы, как они расположены в Требнике,— вопросы о вере, о православном исповедании, о верности Святой Православной Церкви. Без веры в святость догматов и преданий Церкви или при каких-либо сомнениях в них, а также при принятии желающим исповедаться каких-либо еретических учений, отступлений вся дальнейшая исповедь теряет смысл. Потому первые вопросы примерно такого содержания:

«Скажи мне, чадо, веруешь ли ты всему тому, что Церковь Православная предала и научила, и не сомневаешься ли в каком-либо ее предании (учении)?»

«Не был ли ты еретик или отступник, не держался ли с ними, посещая их сборища, слушая их поучения или читая их книги?»

Итак, прежде всего надо, чтобы кающийся твердо и решительно исповедал в сердце своем православную веру и покаялся во всех своих сомнениях, колебаниях, уклонениях от чистоты ее. Особенно важно решительно и чистосердечно покаяться во всех тех неправославных учениях и верованиях, к которым имел причастность или доверие до обращения к покаянию. Только после этого возможна дальнейшая исповедь.

Далее приведем описание наиболее распространенных духовных болезней, грехов, злых навыков, страстей с некоторыми разъяснениями их, чтобы тот, кто будет готовиться к исповеди, мог, читая это наставление, поглубже рассмотреть себя, поточнее найти выражения, названия своих болезней. Полезно при этом составить приблизительный план для себя — какие грехи исповедовать, чтобы не забыть потом на исповеди, но надо будет не просто прочитать с листка бумаги свои язвы, а с чувством вины и раскаяния в них открыть их пред Богом, вынимать их из своей души как каких-нибудь гадких змей и с чувством отвращения избавляться от них. (Сравни этот твой список грехов с теми списками, которые будут держать злые духи на мытарствах, и заметь: чем тщательнее ты сам обличишь себя, тем меньше страниц обнаружится в тех демонских писаниях.) При этом, конечно, каждое извлечение такой мерзости и выношение ее на свет будет сопровождаться и некоторым чувством стыда, и некоторой робостью, будет происходить и разное борение в душе. Но не так же ли чувствует себя человек, приходящий к врачу с какой-нибудь отвратительной болезнью,— и стыд, и робость, и страх боли, но желание

здоровья побеждает все. Тем более же желание духовных благ должно придавать большее мужество. И здесь — чем больше борьба, чем больше стыд, робость, страх мешают исповедоваться, тем более важно и необходимо во что бы то ни стало преодолеть их, ведь эти сами чувства уже являются духовными изъянами и доказывают только то, что страсти и грехи крепко цепляются и сопротивляются, не желая быть объявленными, так как быть объявленными — уже почти полное поражение для них, а для души — начало исцеления. Но тем большее и облегчение душе и радость после того, как такой постыдный какой-нибудь грех обличен, вынут из своего гнезда. Так что без труда и боли не может проходить духовная борьба с грехом. Мы так привыкаем к греховным навыкам и мыслям, что расставаться с ними то же, что отсечь у живого тела руку или извлечь глаз из глазницы. Но важно извлечь все целиком, сполна высосать яд из раны, желая только одного — очистить душу, не боясь боли и смрада,— все повергнуть пред Господом, все безобразие души своей пред Милосердным Врачом душ и телес. И знай твердо: и Сам Господь, и служитель Его (исповедающий тебя иерей) только порадуются этому, как бы ни был отвратителен твой внутренний греховный мир, когда ты от него решительно отрекаешься — на душе священника только радость о покаявшемся. Не позволяй себе думать о том, что священник может потерять к тебе расположение или начнет презирать тебя — нет! Так не бывает — любой священник после искренней исповеди еще более располагается к исповедающемуся, гораздо ближе и заботливее начинает относится к нему. Знай это!

О ГРЕХАХ

Грех — это нарушение христианского нравственного закона, это непослушание верующего Слову Божию.

Понятие греха — религиозное, оно применимо только к лицам, принимающим христианский закон, исповедающим веру в Бога и в силу этого находящимся в «ограде церковной». Кто же вне Церкви, тот и не способен осознать вполне своей греховности, увидеть всего своего падения, ужаснуться всей глубине своей зараженности смертельной болезнью, почувствовать всего своего удаления от Бога, от Истины.

Потому сначала следует покаяться в грехах против Бога и Церкви Его. Таких грехов множество, они связаны в непрерывную сеть разных духовных состояний, как простых и очевидных, так и скрытых, на первый взгляд невинных, а на самом деле наиболее опасных для души. Можно их разделить обобщенно так: маловерие, суеверие, кощунство и божба, немолитвенность, пренебрежение к церковной службе, прелесть.

Маловерие. Это грех самый распространенный, иногда маловерие переходит и в полное безверие, хотя часто страдающий им человек продолжает посещать богослужение, прибегать к исповеди. В таком состоянии маловер не отрицает сознательно бытия Божия, однако сомневается в Его всемогуществе, милосердии или Промысле. Своими поступками, привязанностями, всем укладом своей жизни он противоречит исповедуемой им на словах вере. Такой человек никогда не углубляется далее в самые простые догматические вопросы, боясь потерять те наивные представления о христианстве, часто неверные и примитивные, которые он когда-то приобрел. Превращая Православие в национальную, домашнюю традицию, набор внешних обрядов, жестов или сводя его к наслаждению красивым хоровым пением, мерцанием свечей, т.е. к внешнему благолепию, маловеры утрачивают самое главное в Церкви — Господа нашего Иисуса Христа. У маловера религиозность тесно связана с эмоциями эстетическими, страстными, сентиментальными: она легко уживается с эгоизмом, тщеславием, чувственностью. Люди этого типа ищут похвалы и хорошего мнения о них духовника. Такие люди часто на исповеди жалуются на других, желают продемонстрировать свою «праведность». Они легко переходят от приторно-показного «благочестия» к раздражительности и гневу на ближнего.

Такие «праведники», не видящие за собой никаких грехов, часто проявляют к окружающим бездушие, эгоистичны и лицемерны; живут только для себя, считая воздержание от грехов достаточным для спасения. Вообще религиозное самодовольство и самоуспокоенность — главные признаки отдаления от Бога и Церкви.

Суеверие. Часто в среду верующих проникают и распространяются там всевозможные суеверия, вера в приметы, ворожба, гадание, различные еретические представления о таинствах и обрядах. Подобные суеверия противны учению Православной Церкви и служат развращению душ и угасанию веры.

В наше время особенно распространено такое губительное учение, как теософия (наиболее известное его направление — антропософия). На лицах людей, продолжительное время занимавшихся так называемыми оккультными науками, посвященных в «тайное духовное учение», остается тяжелый отпечаток — знак неисповеданного греха, а в душах — болезненно-искаженное сатанинской рационалистической гордыней мнение о христианстве как об одной из низших ступеней познания истины. Заглушая детски-искреннюю веру в отеческую любовь Божию, надежду на воскресение и жизнь вечную, теософия проповедует учение о «карме», переселении душ, внецерковный и, следовательно, безблагодатный аскетизм. Кроме прямого вреда для душевного здоровья занятия теософией, оккультизмом, спиритизмом тяжко грешат тем, что являются попыткой заглянуть дерзко в закрытую дверь, проникнуть в тайну бытия нецерковным путем, окольной дорогой. Непременно нужно исповедовать такого рода увлечения, если к ним имел отношение желающий вступить на церковный путь и приступающий, к Таинству Покаяния.

Кощунство и божба. Эти грехи нередко уживаются с церковностью и искренней верой. Сюда в первую очередь относится кощунственный ропот на Бога за Его немилосердное якобы отношение к человеку, за страдания, которые ему кажутся чрезмерными и незаслуженными. Иногда дело доходит даже до хулы на Бога, на церковные святыни, таинства; часто это проявляется в рассказывании непочтительных или прямо оскорбительных историй из жизни священнослужителей и монахов, в насмешливо-ироническом цитировании отдельных выражений из Священного Писания или из молитвословий.

Особенно распространен обычай божбы и поминовения всуе имени Божия или Пресвятой Богородицы. Очень трудно отделаться от привычки употреблять эти священные имена в бытовых разговорах в роли междометий, которые используются для придания фразе большей эмоциональности, выразительности: «Бог с ним», «ах, ты, Господи!», «все у нас — не слава Богу» и тому подобные выражения. Еще хуже произносить имя Божие в шутках, и уж совсем страшный грех совершает тот, кто употребляет священные слова в гневе, во время ссоры, т.е. наряду с ругательствами и оскорблениями. Кощунствует и тот, кто грозит гневом Господним своим недругам или лее даже в молитве просит Бога наказать другого человека. Большой грех совершают родители, в сердцах проклинающие своих детей и угрожающие им карой небесной. Призывание нечистой силы (чертыхание) в гневе или в простом разговоре также греховно. Употребление любых бранных слов также является кощунством и тяжким грехом. Надо очень решительно бороться с этой болезнью, иначе не может идти речи о духовном здоровье.

Пренебрежение к церковной службе. Этот грех чаще всего проявляется в нежелании участвовать в Таинстве Евхаристии,— т. е. долговременное лишение себя Причастия Тела и Крови Господних, при отсутствии каких-либо обстоятельств, мешающих этому; кроме того, это вообще отсутствие церковной дисциплины, нелюбовь к богослужению. Часто оправдываются занятостью, бытовыми делами, отдаленностью храма, длительностью богослужения, непонятностью церковных служб, языка. Этот грех выражается и в незнании основных молитв: Символа веры, начальных молитв, в непонимании смысла совершаемых таинств и, главное — в отсутствии интереса к этому познанию.

Немолитвенностъ. Это есть частный случай нецерковности — грех общераспространенный. Говоря об этой важнейшей стороне духовной жизни, исповедающийся должен сказать на исповеди — как он молится, каковы плоды его молитвы, доставляет ли ему молитва духовное утешение или же воспринимается им как неприятная повинность, от которой он старается под любым предлогом уклониться; пользуется ли он Православным молитвословом или знает молитвы на память, читает ли он Евангелие. Каждый верующий человек должен каждый день в молитвах поминать своих близких, живых и умерших за здравие и за упокой души, должен молиться «за

ненавидящих и обидящих», за тех, против кого у него есть чувство неприязни, кто, быть может, несправедливо обидел его. Должно также часто посещать богослужения, бывать в храме в воскресные дни и по большим праздникам, необходимо соблюдать установленные Церковью посты — не только в смысле воздержания от пищи, но и в нравственном смысле. Должен он примиряться с теми, с кем был в ссоре, подавать милостыню, прощать долги, должен отстранять от себя все суетное и сосредоточиваться на вечном.

Горячая молитва отличает искренне верующего от «тепло-хладных». Надо стремиться не отчитывать молитвенное правило, не отстаивать богослужения, но стяжать дар молитвы у Господа, полюбить молитву, ждать с нетерпением молитвенного часа. Должен стремиться верующий войти в молитвенную стихию, научиться любить и понимать музыку церковных песнопений, их несравненную красоту и глубину; красочность и мистическую образность литургических символов. Дар молитвы — это и умение владеть собой, своим вниманием, повторять слова молитвы не только губами и языком, но и всем сердцем и всеми мыслями участвовать в молитвенном делании. Необходимо навыкнуть Иисусовой молитве «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго» и эту молитву произносить про себя всегда и везде, особенно же в трудные минуты, при усиливающихся духовных бранях, в искушениях, скорбях.

Итак, брат, рассмотри внимательно: в чем из перечисленных здесь необходимых правил, порядков, обязанностей христианских ты погрешаешь против веры нашей, против святых церковных постановлений,— и не забудь покаяться в этом!

Духовная прелесть. Все перечисленные грехи в основе своей имеют недостаток веры, религиозности, церковности. Этот же грех состоит в ложном ощущении избытка личных духовных дарований. Этот грех особенно распространен в монашеской среде, среди людей духовно развитых, с повышенной духовной чувствительностью, живущих аскетической жизнью. Человек, находящийся в состоянии прельщения, мнит себя достойным и достигшим особых плодов духовного совершенства, подтверждением чему служат для него всевозможные «знамения», т.е. сновидения, голоса, видения наяву. Такой человек, может быть весьма одарен мистически, но при отсутствии церковной культуры и богословского образования, а главное — из-за отсутствия хорошего, строгого духовника и наличия среды, склонной легковерно воспринимать его россказни как откровения — такой человек вскоре взращивает в себе гордое мнение ложное, лестное понятие о своем духовном состоянии. Обычно начинается это состояние с принятия загадочного сна, полного какого-нибудь сумбура, за мистическое откровение или пророчество. В следующей стадии уже наяву являются сияющие видения, в которых он распознает ангела или какого-либо угодника, или даже Богородицу и Самого Спасителя. Они сообщают самые невероятные откровения, часто совершенно бессмысленные.

По учению же святых отцов, не следует обращать внимания на сновидения, тем более пересказывать их. А также крайне недоверчиво относиться к разного рода видениям и знамениям— скорее спешить исповедовать всякое такое странное видение духовнику, также —внимательно следить за сердцем: не возникло ли там гордое чувство, основанное на мысли о своей особой избранности, духовности, и более всего страшиться этой язвы в душе, с которой и начинается прелестное состояние.

Гордость и тщеславие. Это самые глубокие, распространенные и гибельные болезни, с которых и начинается все зло в человеке. Гордыня есть мать всех страстей и грехов, ничто так не удаляет человека от Бога, как гордость. Здесь же рядом стоят и все ей подобные болезни: самолюбие, самомнение, высокоумие, эгоизм, лицемерие и т.п. Гордость не всегда явно бывает видна, но всегда ее присутствие можно найти во многих поступках. Внимательный к себе человек может легко видеть ее в себе, но не всегда можно словом описать свою гордыню и измерить ее глубину. Зато тщеславие, как ближайший прислужник гордости, всегда бывает видимо явно. Это очень коварная страсть, она как вор или как настырный мытарь старается с любой добродетели, вообще с любого поступка человека сорвать свой оброк в пользу гордыни во славу самодовольного «я» человека. Доброе ли дело творит человек, злое ли, красивое или некрасивое — все тут как тут тщеславие высматривает: нельзя ли извлечь из того что-либо хвастливое, насыщающее больное самолюбие. И наоборот: прежде чем сделать

какое дело, всегда человек рассуждает в себе— стоит ли сделать, как сделать, ради чего; и вот тут-то тщеславие и суется со своими пагубными предложениями, лукаво извращая доброе пожелание и подменяя богоугодные мотивы на притворные — ради прославления своей личности. Начал человек хорошее дело ради Господа исполнять, а тщеславие шепнет: «Да, давай — очень хорошее дело, да и про тебя будут вот так хорошо потом говорить», и вот вдруг человек воодушевляется, и силы вдруг особые появляются, и не замечает он, как принял этот лукавый помысел и трудится уже во славу свою, а не Божию. Потому-то так часто Спаситель наш и учил об этой страсти — и молиться не на виду, не напоказ людям, и милостыню давать тайно, и всякое дело делать пред Богом, а не пред людьми. И так многообразно действие всех козней этой страсти, что почти невозможно за всеми ими уследить. И как пишут отцы, что только убережешь один повод к тщеславию, как оно находит его и в противоположном действии — и так, как кожурки у луковицы, снимаешь одну, там другая такая же. Однако эта страсть хоть и такая прилипчивая, и трудноисцеляемая, но с ней надо сильнее всего бороться, так как она губит все труды человека, часто вся жизнь христианина может быть по наружности самая примерная, самая ревностная, а внутри вся изъеденная этим червем, вся может быть основана на этом ложном фундаменте (на песке) — и целое огромное, великолепное здание может рухнуть при легком ветерке.

И заметь, брат: в наше время эта страсть очень сильно распространилась среди христиан в виде ложного благоговения, ложной ревности, человекоугодия, в виде лести и лицемерия. Так смотри внимательно за сердцем своим и этого рода согрешения говори на исповеди, чтобы тебе не променять славу Божию на славу человеческую.

Человекоугодие. Также тонко уводящая от истинного служения Богу страсть! Нам заповедано Господом любить ближнего как самого себя, но можно любить ближнего, служить ему усиленно, но не ради Бога. Все дело в том — какое настроение лежит в основе этой любви. Как можно отличить одну любовь от другой? Любовь христианская обычно не сразу возжигается в сердце, но вначале— как человек начнет жить по-христиански — все его чувства требуют принуждения, борьбы, долгого врачевания, пока они начнут подчиняться хотя бы несколько христианским законам. Сначала и жертвовать собой, каждой крупицей своего «я» ради ближнего крайне трудно, должно сначала частым напоминанием себе евангельских заповедей, угрозой наказания немилосердного, страхом ответа за свои грехи и т.д. увещевать и принуждать себя хотя бы к внешнему исполнению заповеди о любви к ближнему, пока долгим опытом такой борьбы сердце не умягчится и не станет любить само (конечно, по благодати Божией, стяжанной трудом и самопринуждением). И здесь всегда на первом месте стоит Господь, Его пример жертвенной любви к роду человеческому, и проявления такой любви всегда очень сдержанны, душеполезны, плодотворны.

Любовь же человекоугодническая всегда имеет в основе своей какую-нибудь страсть: или это приятность плотская, или родственная, или симпатия, или почтение к человеку из-за его высокого положения в обществе, т.е. вначале стоит желание угодить человеку ради того, что мы его выделяем как-то в сравнении с другими в данный момент и нам хочется иметь о себе его приятное мнение. Итак, эти разные помыслы бывают едва уловимы, но они-то и составляют внутренний толчок к тому, что вдруг появляется желание послужить человеку, успокоить его, порадовать чем-либо. Чаще всего в таких случаях если встречается какая-либо преграда со стороны христианского закона, то легко ее нарушают и «ради любви» часто серьезно преступается установление Церкви и наносится оскорбление Самому Господу. При человекоугодии мы поставляем ближнего впереди Бога и служим ему сами, ради своей собственной выгоды, опираясь на свою собственную нечистую человеческую доброту, часто даже начисто забывая в это время о Боге. Но что хуже всего, что мы и сами в то время думаем и другим даем понять, что мы это делаем по заповеди, по христианскому своему милосердию.

Гневливость, раздражительность. Проявление этой страсти многие оправдывают причинами физиологическими, так называемой «нервностью» вследствие страданий и невзгод, выпавших на их долю, напряженностью современной жизни, трудным характером родных и близких. Хотя отчасти эти причины и имеют место, однако они не могут служить оправданием этой, как правило, глубоко укоренившейся привычки

вымещать свое раздражение, злость, дурное настроение на близких. Раздражительность, вспыльчивость, грубость в первую очередь разрушают семейную жизнь, приводя к ссорам обычно из-за пустяков, вызывая ответную ненависть, желание отомстить, злопамятство, ожесточают сердца в общем-то добрых и любящих друг друга людей. А как тлетворно действует проявление гнева на юные души, разрушая в них Богом данную нежность и любовь к родителям! Мы можем и должны гневаться только на собственные грехи и недостатки. Нил Синайский советует быть «кротким с людьми, но браннолюбивым с врагом нашим, так как в том и состоит естественное употребление гнева, чтобы враждебно противоборствовать древнему змию». И еще: «Кто памятозлобствует на демонов, тот не злопамятен на людей».

Даже спорить надо без ожесточения и гнева, так как раздражение тут же передается другому. Причиной гнева часто бывает высокомерие, гордыня, желание показать свою власть над другим, обличить его пороки, забывая о своих грехах. Перед исповедью надо вспомнить: не питаешь ли ты, брат, злобы наближнего своего и примирился ли ты с ним в сердце своем? После обиды, нанесенной тобой кому-либо исправился ли ты перед ним, не осталось ли у другого на сердце скорби и огорчения? Вспомни и покайся, в чем согрешил, и по возможности до исповеди примирись, спроси прощения у того, кого опечалил, а об обидчиках помолись, желая им от сердца добра.

Там, где люди живут вместе долго, особенно в тесных условиях, бывают часто рядом диавол вселяет между ними распрю, ненависть друг ко другу, начинается постоянное раздражение, осуждение, даже отвращение, неприязнь. Все это дело злой страсти. Начинает казаться, что ближний ведет себя совершенно невозможно, все его действия кажутся крайне уродливыми, вызывающими, непристойными. Это известное бесовское искушение. Находя одну какую-нибудь легко раздражимую струнку в душе человека, диавол начинает все время направлять к ней свои подзуживания, клеветой и ложью подстрекая на гнев, пока уже не расшатает все струны души так, что она все время начинает легко отзываться на всякий гневливый помысел,— и так бесы, найдя себе лазейку в душе вскоре уже протаскивают в нее гору разных братоненавистнических чувств и так легко доводят человека чуть ли не до беснования, т.е. до лютой ненависти к ближнему. Поэтому важно в самом начале очень внимательно следить за такими недоброжелательными помыслами, мелкими раздражениями, вспышками гнева — и сразу же пресекать их, исповедовать, если есть такая возможность, чтобы часто и ясно объявлять такие свои помыслы священнику. А он словом, советом может легко помочь отсечь подобные мысли и не дать болезни развиваться дальше.

Но крайне не полезно думать о том, чтобы разделиться с тем, на кого возникает такая озлобленность,— этого-то и ищет диавол. Надо стоять до конца, зная истинные истоки этого зла. Когда же человек, разжигаемый бесом злобы, негодует на ближнего и его самого ставит в вину, а не диавола и свою страсть, то он подобен, по слову отцов Церкви, глупому псу, в которого кидают камни и он кидается лая на них, кусает их, а того, кто кидает, не замечает. Итак, эта страсть также ныне очень развита, для исцеления ее требуется много внимания, борьбы, частого исповедания, смирения перед ближними, самоукорения, многих молитв с поклонами за себя и за тех, против кого идет брань. Истинные христиане, те, кто всей душой желали послужить Господу своему и искали совершенного очищения сердца, часто намеренно искали себе или наставника, или брата с трудным, строгим или даже раздражительным характером, чтобы, живя рядом с ним, им приходилось постоянно смиряться и через это скорее научиться кротости и незлобию. Таких примеров довольно много встречается в житиях святых.

Грех осуждения. Осуждая чужие недостатки (действительные или кажущиеся), человек мнит себя лучше, чище, благочестивее, честнее или умнее другого. Но не так: «У кого сердце чисто, тот всех людей почитает чистыми, а у кого сердце осквернено страстями, тот никого не почитает чистым, но думает, что все ему подобны» (авва Исаия). Наш суд никогда не бывает беспристрастным, ибо чаще всего основан на случайном впечатлении или совершается под влиянием личной обиды, раздражения, гнева, случайного «настроения».

Православный христианин безусловно может и должен протестовать против неправды, несправедливости, защищать обиженных. Но восстанавливать истину может

лишь тот, кто достоин и заслужил право защищать ее, кто сам может выслушать со смирением правду о себе и с кротостью покаяться в собственных грехах.

суждение явное или едва заметное — почти самый частый грех, который труднее всего исповедовать, так как он мелкой пылью рассеян по всей нашей жизни, по всей деятельности нашей: но эта пыль крайне зловредна. Одно слово осуждения, одна укоряющая мысль часто (как знаем это из примеров жизни святых отцов) совершенно отнимала благодать Божию даже от ревностных подвижников. Одно малое осуждение может совершенно лишить награды многие долгие труды христианина, в один миг может оставить душу начисто ограбленной, опустошенной, унылой, даже если только что она радовалась и веселилась духовной радостью. В Святом Евангелии из уст Самого Господа мы часто слышим предостережения относительно осуждения ближнего: *«Не судите, да не судимы будете!», «Каким судом судите, таким судимы будете», «Прости нам долги наши, якоже и мы прощаем должником нашим».* В молитве Господней «Отче наш» мы прямо выносим себе тяжкий приговор, если, произнесши слова ее, после начинаем судиться с ближним и не прощаем ему какое-нибудь прегрешение.

Если же никого не осуждать совершенно, всегда отводить глаза от грехов ближнего и стараться узреть свои грехи, себя укоряя и поставляя ниже брата своего, то этот путь будет кратчайшим к Царствию Небесному, легчайшим и радостнейшим. Проживи хоть день так, и ты заметишь в себе, как тут же ты приблизишься к Богу. Если никого не осудишь, то при многих согрешениях можешь быть помилован на суде, а при осуждении и при достойной, строгой во всем и чинной жизни найдется и у тебя много грехов, за которые будешь судим по всей строгости. Потому-то так и боялись отцы наши этого греха, так хранили каждое чувство свое, слово, мысль, старались даже легким укором, кивком головы не выказать осуждения, ни обвиняющим взглядом, ни вздохом. Если же навязчиво находят осуждающие помыслы от демонов, то не давай им привиться к сердцу, а если и прилипают к сердцу, то хоть поостерегись высказать, если смолчишь, то уже легко сможешь изгнать эту страсть и из сердца, а сказал — тяжко согрешил!

Уныние. Грех уныния происходит от чрезмерной занятости собой, своими переживаниями, неудачами, и, как результат— происходит угасание любви к окружающим, равнодушие к чужим страданиям, неумение радоваться чужим радостям, зависть. Основа и корень нашей духовной жизни и силы — любовь ко Христу, и ее нужно в себе растить и воспитывать, всматриваться в Его образ, прояснять и углублять его в себе, жить мыслью о Нем, а не о своих мелких, суетных удачах и неудачах, отдавать Ему свое сердце,— это и есть жизнь христианина. И тогда в сердце нашем воцарятся тишина и мир, о котором говорит св. Исаак Сирин: «Умирись с собой, и мирятся с тобой небо и земля».

Часто у тяжко согрешивших или слабых людей, не способных смело вступить в борьбу со своими страстями, бывает сомнение в возможности прощения их, в возможности исправления, это сопровождается признаками уныния, отчаяния (также тяжкого греха неверия). Но ведь *не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 12-13). Безвыходное положение некоторых исповедников, кажущаяся безнадежность их положения заключаются в том, что люди стоят вне Церкви, спасение их в том, чтобы войти в Церковь, в общение любви с братьями по вере.

Грех *празднословия* весьма распространен. Это грех пустого, бездуховного пользования Божественным даром слова. Сюда же относятся сплетни, пересказ слухов. Часто люди проводят время в пустых, бесполезных разговорах, содержание которых тут же забывается. Господь же сказал: *За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36-37).

Грех празднословия никогда не заканчивается простой тратой времени, но оставляет душу человека всю оскверненной, так как всякое многословие несет в себе или осуждение, или насмешку, или удовлетворяет тщеславию, или оживляет в памяти страстные вещи и т. д. Едва-едва только стоит неосторожно открыть рот для пустой беседы, и уже какое-нибудь вредное слово выскакивает, за ним — другое. Потому-то

необходимы внимание, краткость в беседах, немногословие. Ведь иногда и одно необдуманное слово может ли шить человека благодати Божией, стяжанной долгими трудами (см. об осуждении).

Ложь. Сюда же могут быть отнесены: неисполнение данных обещаний, сплетни, выдумки и преувеличения в праздных беседах, клевета, преподание ближнему своих догадок как твердого знания, смелое рассуждение о малопонятных вещах, преподание ближнему убедительных советов при неимении достаточного опыта и духовности. Этот грех так глубоко вошел в сознание современного человека, так глубоки укоренился в душах, что люди даже не задумываются о том, что любые формы неправды, неискренности, лицемерия, хвастовства являются проявлением тяжелого греха, служением сатане — отцу лжи. По словам апостола Иоанна, в Небесный Иерусалим *не войдет никто, преданный мерзости и лжи* (Откр. 21, 27).

Ложь может проявляться совершенно беззастенчиво, открыто, во всей своей сатанинской мерзости, становясь в таких случаях второй природой человека, постоянной маской, приросшей к его лицу. Он так привыкает лгать, что не может выражать свои мысли иначе, нежели облекая их в заведомо не соответствующие им слова, тем самым не проясняя, а затемняя истину. Ложь незаметно закрадывается в душу человека с детских лет: часто, не желая кого-либо видеть, мы просим близких сказать пришедшему, что нас нет дома; вместо прямого отказа от участия в каком-либо неприятном для нас деле мы притворяемся больными, занятыми другими делами. Такая «бытовая» ложь, кажущиеся невинными преувеличения, шутки, основанные на обмане, постепенно развращают человека, позволяя ему впоследствии ради собственной выгоды идти на сделки с совестью. Необходимо искоренять ложь самым решительным способом: помни, что как от диавола не может быть ничего, кроме зла и погибели для души, так и от лжи — его детища — не может последовать ничего, кроме растлевающего, сатанинского, антихристианского духа зла. Не существует «спасительной» лжи или «оправданной», сами эти словосочетания кощунственны, ибо спасает и оправдывает нас только Истина, Господь наш Иисус Христос!

Заповедь «не укради» некоторые понимают слишком конкретно, как запрещение против явного воровства, грабежа и т.п. Однако хищением является всякое незаконное присвоение чужого имущества, как собственного, так и общественного. Хищением (воровством) следует считать невозвращение денежных долгов или вещей, данных на время; к этому же греху относятся: тунеядство, попрошайничество без крайней необходимости, при возможности самому заработать на пропитание. Если человек, пользуясь несчастием других, берет с них какое-либо добро, большее чем следует, то он совершает грех лихоимства. Это также относится к перепродаже вещей и продуктов по завышенным пенам (спекуляция). Безбилетный проезд в транспорте и т.п. грехи — это также нарушение заповеди «не укради».

Если кающийся имеет грех, связанный с нанесением материального ущерба кому-либо, то желательно, чтобы он по возможности возместил свой долг, возвратил украденную пещь или ее стоимость — независимо от давности совершенного поступка. Это будет лучшей формой епитимии.

Сребролюбие: под этим наименованием подразумевается всякое пристрастие к вещам, деньгам, ко всякого рода материальным благам, проявляющееся как в форме расточительности, так и противоположной ей — скупости. Второстепенный на первый взгляд, этот грех чрезвычайной важности — в нем одновременное отвержение веры в Бога, любви к людям и пристрастие к низшим чувствам. Эта страсть порождает злобу, окаменение сердца, многозаботливость, зависть. Преодоление сребролюбия есть частичное преодоление и этих грехов. Со слов Самого Спасителя мы знаем, что богатому трудно войти в Царствие Небесное. Христос учит: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6, 19-21).*

От этого греха близ стоят многие страсти: страсть красиво одеваться, иметь редкие вещи, особенно, «со вкусом», подбирать себе всякую вещь, создавать себе красивую мод-

ную обстановку в доме, отсюда и тщательная забота о порядке в вещах, об их хранении, страх что-либо потерять, страх воров, грабежа, раздражение на тех, кто прикасается или просит вещи, соревнование с другими в приобретении вещей, зависть, осуждение, немилосердие, презрение к нищим; человек начинает много внимания уделять внешнему виду своему и окружающих, отсюда часто начинается отношение к ближнему «по одежке» его, уважение растет или падает в зависимости от материального благосостояния ближнего, а отсюда — и несправедливость, человекоугодие, отвращение или брезгливость. Апостол страсть сребролюбия называет идолопоклонством. Кто начинает служить тленному веществу, тот становится его рабом, почитателем, поклоняется тленному — твари, а оставляет Творца.

Чревоугодие. Разным людям требуется разное количество пищи для поддержания своих физических сил— это зависит от возраста, телосложения, состояния здоровья, от тяжести выполняемой работы. В самой пище нет никакого греха, ибо это дар Божий. Грех же заключается в отношении к ней как к вожделенной цели, в поклонении ей, в сладострастном переживании вкусовых ощущений, разговорах на эту тему, в стремлении тратить как можно более денег на новые, еще более изысканные продукты.

Христианин должен всегда сдерживать себя от всякого излишества, стараясь все делать в меру необходимости и полезности, а все чрезмерное, приносящее душе вред— отсекать. Когда соблюдена мера в пище, то она служит подкреплением и дает силы для трудов во славу Божию, для занятий и телесных и духовных, дает силу совершать молитвы, коленопреклонения и т.д. Лишение же себя необходимого количества пищи, т.е. неразумный пост, а также излишество отнимают силы, лишают человека возможности соблюдать четкий, душеполезный ритм своей жизни. Услаждение вкусовыми качествами пищи очень вредит духовным занятиям, притупляя и кус ко всему духовному, развивает сладострастие, желание искать все новых каких-нибудь чувственных ощущений, в душе поселяется чувство какой-то неудовлетворенности «серой» жизнью, человек начинает ждать и выискивать что-нибудь по ярче, почувствительнее — уже не только в пище, но и в других отправлениях своей чувственности. Поэтому от чревоугодия недалеко и до блудных разжений, все связано в человеке — и от одной страсти недалеко до других. Так чревоугодие порождает и нарушения поста, а это уже удаляет человека от Церкви, от Бога. Чревоугодник не способен бороться со многими другими страстями, тогда как наоборот: пост — оружие против множества страстей.

Греховно также забывать молиться перед едой — особенно по причине нетерпеливого желания поскорее начать есть. Очень вредно есть от скуки, от уныния, от безделия.

Тяжкая страсть, стоящая по соседству с обжорством, — пьянство. Сколько горя повсюду приносит эта страсть — каждый знает. О том, как пагубно действует пьянство на здоровье, на психику, на отношения с близкими людьми — об этом много везде говорят и верующие и неверующие. Беда в том, что трудно бывает пьющему человеку избегать повода к выпивке и храниться подальше от спиртного, так как в обществе повсюду без питья не обходится ни одно событие — ни маленькое, ни большое, ни радостное, ни печальное. При этом все считают своим долгом внимательно следить за ближним, чтобы он пил, иначе боятся, что у того не будет «настроения». Так бывает теперь и в среде людей верующих, тем более что для всякого христианина вино — вещество особое, как хлеб и елей, освященные тем, что часто применяются в богослужении; чистое красное вино и специально испеченный хлеб — просфоры — служат для совершения святого Таинства — Евхаристии. Поэтому и на праздниках христиан всегда бывает вино, и выпивать немного для того, чтобы приподнять праздничное настроение,— не грех, но в наше время так люди стали слабы, так невоздержны во всем, что почти всегда кто-нибудь напивается за таким праздничным столом. Если раньше даже уставом в монастырях позволялось монахам выпивать до двух кружек вина за трапезой, то надо учитывать то, что люди тогда были гораздо сильнее и воздержаннее и на них вино не производило такого действия. В наше же время надо быть крайне осторожным, и когда человек знает за собой слабость к выпивке, то должен заранее всегда настраиваться строжайшим образом — или вообще не прикасаться к вину, или же соблюдать точно меру. Часто теперь пьют вино в посты — но это явное нарушение, так как четко написано

в церковных типиконах, когда пост бывает открыт вину — в случае какого-либо праздника.

Помни, брат, следующее: хотя вино поначалу и кажется вещью самой прекрасной и приятной, и безобидной, но бесы очень любят ловить слабых людей на эту приманку — часто и один стакан лишает бдительности, осторожности, и дьявол уже готовит сеть греха, в которую легко попадает тот, кто хоть немного даже забылся и расслабился. Каких только безумных поступков не творят люди в нетрезвом состоянии, часто прямо беснуются, в полную попадают зависимость от злых духов, прямо «пляшут под их дудку», часто и до самоубийства доводят бесы пьяниц. Господь прямо говорит в Святом Писании, что пьяницы не спасутся. Пьяница ищет в вине радости, веселья, хочет забыться, уйти от скорбей мира сего, но ведь та сила в вине — веселить и согревать сердце — это только слабое напоминание, слабый образ, сравнение с той радостью, духовным веселием, которым уже радуется и веселится каждый истинно верующий и исполняющий заповеди Христовы. Благодать Божия, которую источает учение евангельское, наполняющая каждого, кто внимает слову Божию и живет им,— вот вино, веселящее и пьянящее, и вводящее в Царствие Небесное!

Страшнейшим грехом во все времена считалось нарушение шестой заповеди — ***убийство***, т.е. лишение другого человека величайшего дара Господня — жизни. Таким же страшным грехом является самоубийство и убийство во чреве — аборт.

Очень близки к совершению убийства те, кто во гневе на ближнего допускает рукоприкладство, нанося ему побои, раны, увечья. Виновны в этом грехе родители, жестоко обращающиеся со своими детьми, избивающие их за малейшую провинность, а то и без всякого повода. Часто впадают в этот грех рукоприкладства те, кто злоупотребляют вином. Стало обычной вещью среди молодежи —драться, часто до серьезных увечий, чуть ли не убивать друг друга из-за ничего, ради того, чтоб выказать свое «мужество», постоять за свое «я». Но разве это мужество? Чаще всего такие «герои» просто не умеют подавлять в себе страсть и действуют в порыве гнева, ненависти, под действием вспышки сатанинской злобы; мы же, христиане, знаем, что настоящее мужество как раз выказывает себя в твердом, терпеливом, настойчивом противостоянии страстям, неподчинении им, Кто мужественнее: те кроткие, слабые физически, молчаливые, покорные христиане — юноши, девушки, малые дети, матери вместе со своими младенцами,— которые без сопротивления шли на муки ради Христа, добровольно отдавали себя на мучения, терпели неслыханное над собой издевательство, или же те «мужчины», которые за одно оскорбительное слово готовы выпустить ближнему кишки наружу и чуть что — тянутся за ножом? Интересно, как бы себя повели такие люди, если бы их предали на муки, требуя отречения от своей веры? Скорее всего или бы сразу же отверглись Христа, или бы стали проклинать своих обидчиков, скрежетать на них зубами, стараться ударить кого-нибудь из них. А вот христиане всегда молились даже за своих мучителей и палачей. Часто теперь можно слышать оправдания, что, мол, в жизни существуют «волчьи» законы и кротость не всегда полезна и возможна. Но как такие мысли совместить с законом христианским? К кому же тогда обращены слова Самого Господа: «Научитесь от Меня, яко кроток и смирен есмь сердцем», или заповедь — когда ударят тебя по правой щеке, подставь и левую.

Повинны в этом грехе и те, кто подстрекает на драку, кто стравливает людей сплетнями, наговорами, клеветой, озлобляет друга против друга, близких людей ссорит между собой, те, кто раздор вносит среди окружающих. Да знает такой, что он прямо делает дело диавольское, так как и само слово «диавол» означает — клевета.

Своевременное неоказание помощи больному, умирающему, равнодушие к чужим страданиям тоже следует рассматривать как пассивное убийство. Особенно ужасно подобное отношение к престарелым больным родителям со стороны детей. Сюда же относится неоказание помощи человеку, попавшему в беду: бездомному, голодному, утопающему на ваших глазах, избиваемому или ограбляемому, потерпевшему от пожара или от наводнения. Но мы убиваем ближнего не только руками или оружием, но и жестокими словами, бранью, издевательством, насмешкой над чужим горем. Св. апостол Иоанн говорит: *всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15).

Каждый на себе испытал, как ранит и убивает душу злое, жестокое, язвительное слово.

Не меньший грех совершают и те, кто лишают чести, невинности молодые души, растлевая их физически или нравственно, толкая их на путь разврата и греха. Блаженный Августин говорит: «Не думай, что ты не убийца, если ты наставил ближнего твоего на грех. Ты растлеваешь душу соблазненного и похищаешь у него то, что принадлежит вечности». Приглашать на пьяное сборище юношу или девушку, насильно спаивать непьющего, подстрекать к отмщению обид, соблазнять развратными зрелищами или рассказами, насмехаться над целомудренным и, над скромными людьми, склонять к нарушению поста, заниматься сводничеством, предоставлять свое жилище для пьянства и разврата — все это соучастие в нравственном убийстве ближнего.

Убийство животных без нужды, истязание их — это тоже грех: *Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивого жестоко* (Притч. 12, 10).

Предаваясь безмерной печали, доводя себя до отчаяния, мы грешим против той же заповеди. ***Самоубийство*** — величайший грех, ибо жизнь есть дар Божий и только Ему принадлежит власть лишать ее нас. За самоубийц даже нельзя молиться. Церковь не поминает их имен и не отпевает, не положено даже хоронить их на христианском кладбище и ставить крест на могиле. Ведь самоубийца сбросил свой крест, отказался нести его тяготу, отверг всякое упование на милость Божию, самим покушением на свою жизнь отверг все человеколюбивые и несказанно милосердные о себе попечения Господа (а ведь по слову Самого Господа — и волос с головы нашей не падает без ведома Божия, как же Он печется о каждом человеке!). Отказ от лечения, намеренное неисполнение предписаний врача, сознательное нанесение вреда своему здоровью, злоупотребление вином, курение табака, злоупотребление лекарствами, употребление наркотиков, вообще пренебрежительное отношение к телесному и душевному своему здоровью — все это разные виды того же самоубийства. Тело — храм души, как и весь человек — храм Божий, храм Духа Святого, и «кто растлит этот храм, того Бог растлит» — по слову Св. Писания.

По правилам Анкирского Собора (313), за преднамеренное умерщвление плода (аборт) полагается отлучение от причащения на 10 лет. Св. Василий Великий, говоря в одном из своих правил (2-е правило) об умышленно погубивших зачатый во утробе плод, не допускает различия между плодом, вполне образовавшимся и еще не получившим человеческого вида. Он находит в этом преступлении двойной грех: и детоубийство, и покушение на самоубийство, так как с насильственным погублением плода подвергается опасности и жизнь самой матери. Св. Василий осуждает таких матерей в детоубийстве, но определяет им половину срока епитимии, положенной за убийство. Для женщины, признающей свою причастность к Православной Церкви, искусственное прерывание беременности категорически недопустимо и простительно лишь в исключительных случаях, когда по состоянию здоровья дальнейшее вынашивание плода угрожает ее жизни.

Аборт равнозначен убийству, но в основе причин, приводящих к этому тяжкому греху, замешано еще и отсутствие доверия к Богу, устрояющему жизнь всякого человека, приходящего в мир, боязнь житейских трудностей или страх позора, насмешек — когда зачатие совершилось в результате блуда или прелюбодеяния. Но к этому греху почти всегда причастны и мужчины — мужья или любовники. Мужья, которые поощряют аборт или же сами понуждают к нему — становятся столько же виновными, а то и больше своих жен. Те же мужчины, которые, легкомысленно входя в близкие связи с женщинами, совершая грех блудодеяния, даже часто не ведая того, становятся виновниками совершаемых абортов, оказываются причастными и к детоубийству. И сколько таких легкомысленных «гулящих» мужчин, не зная того, носят на своей крещенской ризе следы крови своих умерщвленных младенцев. Поэтому перед исповедью надо хорошенько припомнить — не было ли совершено такое преступление или, может быть, были такие блудные связи, которые могли кончиться абортом, и на Страшном суде вдруг окажется, что и к такому греху, как убийство, имеешь причастие.

Грех блудодеяния (седьмая заповедь— *непрелюбы сотвори*) — очень распространен, заразителен, глубоко поражает душу и тело, поэтому наиболее опасен. Чувственность глубоко проникла в падшую природу человека и может проявляться в самых разнообразных и изощренных формах.

Блуд — неосвященное благодатной силой Таинства Брака совокупление холостого мужчины и незамужней женщины или нарушение целомудрия юношей и девушек до брака.

Прелюбодеяние — нарушение супружеской верности одним из супругов.

Кровосмешение — плотская связь между близкими родственниками.

Противоестественные половые связи: мужеложство, лесбиянство, скотоложство, малакия (рукоблудие, онанизм). Отвратительность этих грехов очевидна, ясна их недопустимость: они ведут к духовной смерти еще до физической кончины человека.

К великому сожалению, в наше время, как никогда, мир заражен развратом, духом блуда, всюду создается атмосфера, разжигающая плотскую похоть. Особенно пагубно действует сегодня влияние «западной культуры»: гнусные журналы, фильмы, срамные фотографии и картины, бесовская музыка (само начало рок-музыки характерно прежде всего отчаянным бунтом против всяких запретов в отношении половых связей, против всех запретов морали, нравственности — против законов религиозных, общественных, семейных), развращающие романы, стихи и т.д. В общем на вооружении у человеконенавистных демонов блуда сейчас имеются все виды глу око проникающих в души людей средств влияния, пленения, погубления. Грех блуда начинается ранее падения телом — с рассматривания соблазнительных зрелищ, увлечения воспоминаниями виденного греха, блудных картин, когда человек не отсекает и не изгоняет из души попавшую туда заразу греха.

В уединении, часто ночью, возникшие в результате такой невнимательной жизни блудные помыслы особенно сильно одолевают человека. Здесь лучшим лекарством являются аскетические упражнения: пост в пище, недопустимость лежания в постели после просыпания, регулярное чтение утреннего и вечернего правила.

Началом или частью блудного греха являются соблазнительные разговоры, непристойные истории, анекдоты, пение безнравственных песен, писание похабных слов, употребление их в разговорах (матерщина) — все это приводит к порочному самоуслаждению, которое тем более опасно, что связано с усиленной работой воображения, и неотступно начинает преследовать несчастного, часто пленяя весь ход его мыслей, чувств, превращая его в раба жалкой страсти, низкого порока. Много труда и скорбей надо понести затем, чтоб исцелить душу от этого зловредного, крайне прилипчивого, назойливого навыка.

Хотя среди блудных грехов грех рукоблудия кажется самым «безобидным» — но этот грех наиболее трудно врачуется, так как навыкший к нему всегда легко может согрешить; особенно же ночью, лежа в постели, часто бывает побуждаем страстью прикасаться к своему телу и легко может пасть. Здесь нужно всегда заранее быть предупредительным — вовремя отсекать помыслы ко греху, в постель ложиться в белье, покрывающем большую часть тела, ни в коем случае не обнажаясь совсем, не позволять себе прикасаться к своему телу, быть осторожным в бане, стараться не смотреть на свое обнаженное тело, не заглядываться в зеркало. Необходимо чаще произносить краткие молитвы про себя, иногда шепотом, просить у Господа помощи против этого греха, призывать имя своего святого (чье имя носишь). Если за блуд, прелюбодеяние положено правилами Церкви отлучение от Таинства Причащения на многие годы или месяцы, с чтением канонов, поклонами, то за грех рукоблудия полагалось отлучение от Таинства Причащения на сорок дней с сухоядением (т.е. строгим постом — без употребления вареной пищи). Теперь же, снисходя к крайней немощи верующих, учитывая страшную разнузданную атмосферу сегодняшнего мира, срок этот уменьшают и епитимию обычно назначают около двух-трех недель и не с такими строгостями. Бывает, что во время сна при блудных сновидениях или без них происходит блудное разжение, оканчивающееся истечением семени, так называемое осквернение (как еще принято называть — падение). За этот неприятный случай тоже надо понести малое наказание, исполнить правило, сделав 50 земных поклонов с молитвой: *Боже, милостив буди ми, грешному, и очисти мя, блуднаго, имени ради святаго Твоего*, также прочитать молитву Василия Великого — *от осквернения* (есть в молитвословах). В день после ночного осквернения не положено прикасаться к иконам, святыням, вкушать просфоры, пить освященную

воду. Осквернившийся накануне Евхаристии — не приступает к причащению. Падение во сне надо исповедовать священнику.

Также все православные христиане, **состоящие в нецерковном браке** тяжко согрешают, они должны обязательно освятить свой союз Таинством Брака — в каком бы возрасте они ни были. Кроме того, и в браке следует соблюдать целомудрие, не предаваться неумеренности в плотских удовольствиях, воздерживаться от сожительства в посты, накануне воскресных и праздничных дней.

Итак, просматривая этот краткий список грехов, вспоминай, что имеет отношение к твоей жизни; здесь далеко не все описано, что вредит душе и губит ее, но, задумываясь, заглядывая в себя— многое забытое греховное может всплыть в памяти,— так записывай же и спеши исповедовать!

СОВЕТЫ ГОТОВЯЩЕМУСЯ К ИСПОВЕДИ

В Священном Писании сказано: Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения.; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок *(Сир. 2, 1-3).*

Как только ты решишься поститься, каяться, исповедовать свои грехи, так явится множество препятствий, внутренних и внешних. Враги рода человеческого, узнав о твоем намерении, всячески начнут смущать тебя отвне разными обстоятельствами и изнутри сомнениями, помыслами, страхами. Но все исчезнет, как только проявишь твердость в своем намерении.

Исповедоваться надо как можно чаще, промежутки между исповедями должны быть наполнены духовной борьбой, усилиями, которые будут подкрепляться приготовлениями к предыдущей исповеди и от ожидания и приготовления к следующей. Так, частое исповедание грехов будет охранять и поддерживать, трезвить весь твой благочестивый образ жизни. Благодать Божия, действующая в Таинствах Покаяния и Причащения, осязательно производит то, что человек делается чувствительным к своим грехам и немощам, не так легко двигается на греховные дела и укрепляется в истинах веры, Церковь и все ее установления делаются для него родными, близкими сердцу.

Хотя и желательно иметь своего духовника, но это вовсе не обязательное условие для истинного покаяния. Для человека, действительно страдающего от своего греха, безразлично, у кого он исповедует его: лишь бы как можно скорее покаяться в нем и подучить отпущение. Покаяние должно быть совершенно свободным, никак не вынужденным.

Исповедь — это не беседа о своих недостатках, сомнениях, это непростое осведомление духовника о себе. Исповедь—это **Таинство**, а не просто благочестивый обычай. Исповедь — это горячее покаяние сердца, жажда очищения, которая происходит от ощущения святыни, это второе крещение, и, следовательно, в покаянии мы умираем для греха и воскресаем для святости. Раскаяние — первая степень святости, а бесчувственность — это пребывание вне святости, вне Бога.

Первым делом готовящегося к исповеди должно быть испытание сердца. Для этого необходимо несколько дней приготовляться — попоститься, почитать духовную литературу, больше молиться, читать советы и наставления о Таинстве Покаяния, вспомнить и записать свои грехи. Обычно люди неопытные в духовной жизни не видят ни множественности своих грехов, ни их гнусности. Они говорят: «ничего особенного я не совершал», «у меня только мелкие грехи, как у всех», «не украл», «не убивал» — так часто многие начинают исповедь. А самолюбие? неперенесение укоров? черствость? человекоугодие, слабость веры, отсутствие любви к ближнему? малодушие, духовная леность? — разве это нее не важные грехи? Разве можно утверждать, что мы достаточно любим Бога, что вера наша действенна и горяча? Разве каждого человека мы любим как брата во Христе? Разве достигли мы кротости, безгневия, смирения? Чем объяснить нашу безучастность на исповеди, наше самомнение, как не окамененным нечувствием, как не мертвостью, сердечной, душевной смертью? Почему святые отцы и учители наши, остапи нише нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников, а мы убеждены,

что у нас все благополучно?! Чем ярче свет Христов озаряет сердца, тем яснее сознаются все недостатки, язвы и раны. И наоборот: люди, погруженные во мрак греховный, ничего не видят в своем сердце, а если и видят, то не ужасаются, так как им не счем сравнивать, ибо Христос для них закрыт пеленой их грехов.

Разбираясь в нравственном состоянии своей души, надо постараться различать основные грех и от про из водных, симптомы от более глубоких причин. Например, мы замечаем — и это очень важно — рассеянность на молитве, невнимание во время богослужения, отсутствие интереса к слушанию и пению Священного Писания; но не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу?! Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение упреков, неуступчивость, упрямство; но гораздо важнее открыть и понять их связь с самолюбием, гордостью. Если мы замечаем в себе стремление быть всегда в обществе, на людях, проявляем словоохотливость, насмешливость, злословие, если мы излишне заботимся о своей наружности и одежде, то надо внимательно исследовать эти страсти, ибо чаще всего так проявляется наше тщеславие и гордыня. Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, безутешно скорбим об отшедших, то не кроется ли в силе и глубине этих наших искренних чувств неверие в благой Промысл Божий?

Есть еще одно вспомогательное средство, ведущее нас к познанию своих грехов,— перед исповедью вспомнить то, в чем обычно обвиняют нас другие люди, бок о бок с нами живущие, наши близкие: очень часто их обвинения, укоры, нападки справедливы. Перед исповедью надо просить прощение у всех, перед кем считаешь себя виновным, чтобы приступить к таинству с неотягощенной совестью.

При таком испытании сердца нужно следить, чтоб не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; ставши на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах. В таких случаях надо временно оставить испытание своей души и молитвой и добрыми делами прояснить свою душу.

Приготовление к исповеди не в том, чтобы возможно полно вспомнить и даже записать свой грех, а в том, чтобы достигнуть того состояния сосредоточенности, серьезности и молитвы, при которых, как при свете, станут видны ясно наши грехи. Духовнику исповедник должен принести не список грехов, а покаянное чувство, не детальный рассказ о своей жизни, а сокрушенное сердце.

Знать свои грехи— это еще не значит каяться в них. Правда, Господь принимает исповедание искреннее и добросовестное, даже если оно и не сопровождается сильным чувством раскаяния, если и этот грех — окамененное нечувствие — мы исповедуем мужественно и откровенно, без лицемерия. И все же сокрушение сердца, скорбь о грехах своих есть важнейшее из того, что мы можем принести на исповедь. Но что же делать, если иссохшее греховным пламенем сердце наше не орошается живительными водами слез? Что, если «немощь духовная и плоти неможение» так велики, что не способны на искреннее покаяние? И все-таки это не причина для того, чтобы откладывать исповедь в ожидании покаянного чувства. Бог может коснуться нашего сердца и в течение самой исповеди: самоисповедование, наименование вслух своих грехов могут смягчить наше сердце, утончить духовное зрение, обострить покаянное чувство. Больше же всего преодолению нашей духовной вялости служат молитвенные приготовления к исповеди, пост. Истощая наше тело, пост нарушает гибельное для духовной жизни наше телесное благополучие и благодушие. Однако пост сам по себе только подготовляет, разрыхляет почву нашего сердца, которое после этого сможет впитать молитву, Слово Божие, жития святых, творения святых отцов, а это, в свою очередь, повлечет усиление борьбы со своей греховной природой, подвигнет на активное делание добра близким.

Наше бесчувствие на исповеди большей частью коренится в отсутствии у нас страха Божия. Вот сюда и должны быть направлены усилия. Потому очень полезно чтение и размышление о смерти, о Страшнем суде, о горестном пребывании грешников в аду, о мимолетности этой жизни и о бесконечном величии вечности.

Не нужно на исповеди ждать вопросов, надо самому сделать усилия, ведь исповедь —

это подвиг и самопринуждение. Говорить надо точно, не затемняя неприглядности греха общими выражениями. Довольно трудно, но необходимо, исповедуясь, избегнуть соблазна самооправдания, отказаться от попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», отказаться от ссылок на других, якобы введших в грех. Все это признаки самолюбия, отсутствия глубокого покаяния, продолжающегося погрязения в грехе. Иногда ссылаются на слабую память, не дающую будто вспомнить все грехи. И действительно, часто бывает, что мы легко и быстро забываем наши грехопадения. Но происходит ли это только от слабой памяти? Ведь, например, случаи, когда особенно больно было задето наше самолюбие, когда нас незаслуженно обидели или, наоборот, все то, что льстит тщеславию — удачи, добрые дела, похвалы, благодарности, мы помним долгие годы. Все то в нашей мирской жизни, что производит на нас сильное впечатление, мы долго и отчетливо помним. Не потому ли мы забываем наши грехи, что не придаем им серьезного значения?

На исповеди часто говорят: мы уже исповедовали некоторый грех, но нас продолжает беспокоить страх за его тяжесть, что он нам не простится, и никак не можем забыть его. Что же: повторять его снова на исповеди или нет? — На исповеди говори все, что тебя беспокоит, что у тебя болит, не стесняйся поэтому лишний раз сказать о своих прежних грехах. Это хорошо, это будет свидетельствовать, что ты постоянно ходишь с чувством своего окаянства и препобеждаешь всякий стыд от обнаружения своих греховных язв.

Некоторые боятся и как бы не верят, что им могут быть прощены грехи, и эта боязнь иной раз принимает болезненную форму. Это чувство страха покоится или на недостатке веры, надежды, любви к Милосердному Господу, или лее на частой повторяемости грехов. Старайся не грешить, тогда с Божией помощью уменьшится и тревога о непрощении тебя Господом.

Не смей думать, что твои грехи так велики, что не стоит и каяться. Кто принимает наше покаяние? Кто врачует наши греховные язвы? — Всемогущий Бог. Заметь: Всемогущий! Всемогущий Врач! И как Таковой, Он и прощение делает возможным для всех самых тяжких грехов.

Есть так называемые неисповеданные грехи, с которыми многие живут в течение многих лет, а может быть, и всей своей жизни. Все время есть желание открыть их духовнику, но слишком стыдно о них говорить, так и проходит год за годом. А между тем они тяготят постоянно душу и готовят ей вечное осуждение. О как надо бояться нераскаянных грехов! Жизнь наша, по апостолу, что пар (Иак. 4, 14): сегодня мы живы, а завтра готов нам исход. Куда же мы спрячем там свои грехи? Должно стыдиться грехов, а не покаяния. Покаяние есть победа над самим собой, есть победный трофей, так что покаявшийся достоин всякого уважения и чести.

Знак совершенного покаяния — чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, когда грех кажется так же труден и невозможен, как перед тем далека была эта радость.

Раскаяние не будет полным, если, каясь, человек не утвердится внутренно в решимости не возвращаться к тому же греху. Но скажешь: «Как это возможно обещать, что я не повторю греха? Не правильнее ли думать, что скорее всего грех повторится по нашей немощи? Ведь и на опыте каждый знает, что через время неизбежно возвращаешься к тем же грехам, часто из года в год не заметно улучшения». Но на самом деле не так! Не бывает случая, чтобы при искреннем покаянии и добром желании исправиться с верой принятое Святое Причастие не произвело в душе благих перемен. И трудно бывает самому судить о своем состоянии. Возрастающая требовательность к себе, строгость, усиливающееся духовное зрение часто создают впечатление того, что грехов стало больше и они усилились. Верующий начинает думать, что он стал еще греховнее, что болезни усиливаются, на самом же деле многое уже стало лучше, многое зло отвергнуто, но на его месте ранее незамечаемое выявилось, и борьба должна продолжаться не менее усиленная.

Часто Господь по особому Промышлению Своему закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы сохранить нас от тщеславия и гордости. Также и наоборот: чтобы не впали мы в уныние и решились начать борьбу с грехом, Господь не сразу нам попускает увидеть полную картину нашего грехопадения, которая крайне ужасна, но по мере преуспеяния

открывает наши глаза. Часто грех долго остается, но частая исповедь, причащение Святых Таин уже расшатало и ослабило его корни. Да и сама борьба с грехом, страдание о грехах — разве это не приобретение?! «Не устрашайся — хотя бы ты падал каждый день и отходил от путей Божиих, стой мужественно, и ангел, тебя охраняющий, почтит твое терпение»,— говорит св. Иоанн Лествичник, даже если нет этого чувства облегчения, возрождения, надо иметь силы вернуться к исповеди, до конца освободить свою душу от нечистоты, мужественно извлечь все уродства, все скверны — без прикрытия, без украшательства, очистить ее от черноты и грязи. Стремящийся к этому всегда преуспеет!

Только не будем приписывать себе свои успехи, рассчитывать на свои силы, надеяться на свои возможности. Этим можно погубить все приобретенное.

«Ей, Господи Царю, даруй ми зретимоя прегрешения» *(из молитвы св. Ефрема Сирина).* «Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих» *(из 7-й молитвы св. Иоанна Златоуста, «на сон грядущим»),* «Рассеянный ум мой собери, Господи, и оляденевшее сердце очисти, яко Петру, дай ми покаяние, яко мытарю —- воздыхание и якоже блуднице — слезы».
Аминь.

КРАТКИЙ ОБЗОР НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ В НАШЕ ВРЕМЯ ГРЕХОВНЫХ УВЛЕЧЕНИЙ

В приложение к предыдущим советам и наставлениям о Таинстве Покаяния необходимо более подробно остановиться на некоторых очень опасных и душевредных явлениях, которые стали распространены именно в наши дни и многих губят, хотя, может, и не все современные христиане знают о том, насколько гибельны и недопустимы эти увлечения.

Рок-музыка

Необыкновенно широко стало разливаться влияние такой бедственной стихии, как западная «рок-культура» со всеми ее разветвлениями, проявлениями и влияниями.

Крайне разрушительно и пагубно влияние на душу христианина джаз-музыки, рок-музыки, панк-музыки, диско-музыки и других подобных форм и явлений современной популярной музыкальной культуры, которая не заканчивается только в области искусства, но затрагивает все стороны, все мельчайшие детали жизни современной молодежи. Эта культура постоянно изменяется, как хамелеон, подстраиваясь ко всем оттенкам настроения новых поколений, меняет наименования своих «новых» стилей, даже как будто иногда отвергает вчерашнее и бунтует против самой себя, чтобы этим только оживить интерес и вкус к тому же самому. Суть же ее все та же. Это явление крайне возмутительно, отвратительно и оскорбительно для каждого хоть мало благочестивого человека, тем более неприемлемо христианами. Само появление «рок-н-ролла» воспринималось на Западе как начало «сексуальной революции молодежи». Весь путь, по которому прошла и идет эта разрушительная «культура», направляя короткой дорогой огромные толпы молодых людей в кромешный ад, покрыт срамом самых гнусных, самых страшных смертных грехов: это всевозможные блудные извращения, полная «свобода любви», т.е. отвержение всякого стыда, полная распущенность всех самых низких страстей и похотений, наркомания, приводящая часто к самым ужасным последствиям, частым смертным случаям от чрезмерных доз наркотиков, случаям насилия, самоубийства и т. д., не говоря уже о самых безумных злохулениях, которые встречаются в словах песен, в вызывающих заявлениях «рок-звезд» и которыми пропитана вся черная философия этой «новой культуры». При всем при этом в этой среде часто произносится имя Господа Иисуса Христа, часто можно встретить изображение креста и лика Господня, но это только еще более должно ранить сердце христианина,

видящего такое насмешничество над святынями. В словах песен часто встречаются богохульные выражения, иногда явный сатанизм. С целью развратить окончательно сознание молодежи и распространить демоническое влияние во многие записи вложены т.н. «подсознательные сообщения», т.е. — страшные слова, призывы, заклинания, которые можно обнаружить при прослушивании записи в обратном порядке. Исследования показали, что подсознание улавливает такую фразу, услышанную наоборот, и может расшифровать это сообщение, даже если оно сообщено на языке, неизвестном слушающему. Сообщения, передаваемые в «рок-н-ролле» подсознательным образом, имеют такого рода содержание:

а) всевозможные виды половых извращений; б) призыв к бунту против установленного порядка; в) побуждение к самоубийству; г) подстрекательство к насилию и убийству; д) посвящение сатане.

Чтоб нагляднее показать весь диавольский, прямо из бездны сатанинской исходящий дух этой «рок-религии», приведем несколько характерных фактов из бесчисленного множества таковых, которые сами все скажут.

Сам термин «рок-н-ролл» был придуман одним жокеем дискотеки Кливленда. Это выражение описывает два движения человеческого тела во время сексуальных забав, взято оно из народного арго американских гетто,

«Бит-музыка»: бит — это непрерывное повторение регулярных пульсаций в сочетании с укороченными ритмами, которое обеспечивается ударником и басовой гитарой. Он- то и характеризует ритм рок-музыки.

«Жесткий рок» — здесь бит действует так, что возбуждает половые инстинкты.

«Едкий рок» — здесь бит воспринимается так, что улучшает реакцию нервной системы и мозга на различные галлюциногенные наркотики.

«Дурной рок» — сильно возбуждает инстинкты, связанные с насилием, убийством и бунтом.

«Сатанинский рок» — начало этой фазы было положено «Битлз», когда они выпустили в 1968 г. свой «Диавольский Белый Альбом «Впервые появились подсознательные сообщения для передачи «евангелия от сатаны».

«Панк-рок» — цель и философия его заключаются в том, чтобы привести аудиторию непосредственно к коллективному насилию, систематическим преступлениям, самоубийствам. «Панк» вполне приемлет и включает в себя поступки примерно такого рода, как во время концерта, например, нанести партнеру кровавую рану лезвием бритвы, вшитой в джинсы или рубашку, и затем, уже раненого, избить браслетом, покрытым шипами. До этого дошел «рок-н-ролл» уже в 1985 г. (словом «панк» в Англии изначально назывались проститутки обоих полов; позднее значение его — «подонок»).

Стиль музыки «Диско» возник в Нью-Йорке в 1973 г. в среде гомосексуалистов «великой американской митрополии». Статья в «Дейлипьюз» в 1978 г. так анализирует феномен «диско»: «Будучи изолированными друг от друга оглушительной музыкой, купаясь в ослепительном свете, танцующие делают все то, что им приходит на ум, без того, чтобы посмотреть на себя со стороны или даже отдавать себе в чем-либо отчет, как если бы каждый двигался перед зеркалом, непрестанно крича: Я! Я! Я!».

Примечательно, что все производители рок-н-ролла являются членами сатанинской «церкви», а большинство рок-групп приписаны как члены той или иной люцеферовой религии. В том случае, когда они выпускают пластинку или им предстоит спеть новую песню, они просят первожрецов или первожриц их храма околдовать эти произведения, с тем чтобы они обрели успех. После окончания ритуалов посвящения, когда на пластинку накликано огромное количество демонов, им вменяется в обязанность производить определенное воздействие на тех, кто будет слушать ее.

Элис Куппер ясно заявил о том, что он вступил в сговор с демоном и это доставило ему признание.

Мик Джагер из «Роллинг Стоунз» был посвящен сатане и во все ритуалы черной магии. Он сам лично называл себя «воплощением Люцефера». Заглавия трех из его песен явно подтверждают это: «Симпатия к диаволу», «Их сатанинским величествам», «Заклинания моего брата демона».

Элтон Джон заявил, что он никогда не сочинил и не спел ни одной песни, которая до того не была бы написана на языке колдовства. Джон Леннон заявил во время публичного исполнения «Дьявольского Белого Альбома»: «Христианство пройдет. Оно съежится и исчезнет. Я прав, и моя правота будет доказана. Сейчас мы более популярны, чем Иисус Христос. Я не знаю, что уйдет первым — рок-н-ролл или христианство».

В песне группы «Битлз» под названием «Революция номер девять» на пластинке слышится запись слов «номер девять», повторяемых двенадцать раз. Прослушивание этого места в обратном направлении дает фразу: «доставь мне сексуальное наслаждение, мертвый человек».

В хорошо известной среди молодежи песне группы «Лед Зеппелин» «Лестница в небо» слова третьей строфы содержат подсознательное сообщение, при обратном прослушивании ясно слышится: «мне надлежит жить для сатаны». Слова «и еще есть время сменить тот путь, по которому вы идете» при обратном прослушивании дают: «мой милый сатана, никто другой не проложит мне путь».

В песне «Когда в Арканзас пришло электричество» группы «Блэк Оук Арканзас», записанной со сцены, одна из частей представляет набор бессмысленных слов и завываний всей группы. При проигрывании записи этого места в обратном порядке получается: «сатана, сатана, сатана, он — бог, он — бог, он— бог», после чего слышится демонический смех.

Сами пакеты для пластинок оформлены крайне небезобидными изображениями: экзотическими и эротическими, сатанинскими и садистскими картинками, рекомендациями и символами., здесь можно видеть перевернутые треугольники (символ диавола и адской бездны), пирамиды, пентаграммы, гексаграммы, магические круги и все многообразие колдовских символов, фаллических, вагинальных (таких, как 666 или перевертыш 999), сцены человеческих жертвоприношений, черных месс, адских представлений.

В 1981 г. 90% проданных во всем мире пластинок составляли рок-диски (130 млн в год, не считая 100 млн рок-альбомов). Итак, этот феномен почти поголовно затрагивает всех подростков обоих полушарий мира.

Еще одна деталь: почти все рок-концерты сопровождаются многими жертвами — из-за огромного скопления безумствующей толпы многие бывают просто растоптаны или удушены в давке, погибают от больших доз наркотиков. Так 650 молодых людей погибли во время одного из таких концертов в Лос-Анджелесе. Так как холодильники морга были уже заполнены, то тела жертв рока были расположены по обеим сторонам коридоров, ужасный запах смерти наполнял здание. Тела не могли быть опознаны, так как молодые люди эти в основном были из тех, кто покинули родительские дома. В уши журналистки Джуди Аргазони, которая вела репортаж с места происшествия, сатана стал нашептывать такие слова: «Вот они! Смотри на них внимательно, они мои трофеи! Это зал для представления моих трофеев!»

А вот слова из песни «Адские колокола» группы «жесткого» рока «AC/DC»:

Я грохочущий гром, изливающий дождь,
Я прихожу как ураган,
Мои молнии сверкают по всему небу.
Ты еще молод, но ты умрешь!
Я не буду брать пленников,
Я не пощажу ничьей жизни
И никто не воспротивится мне!
Я обрел свои колокола
И я возьму тебя в ад!
Я обрету тебя!
Адские колокола.
Да! Адские колокола!

Итак! Не назвать ли весь этот адский шум, крики, вопли, завывания выпущенных на свободу страстей, извращенных похотений, неконтролируемых движений падшей воли человеческой — не назвать ли весь этот рок-поп-бит-хард-панк-кошмар «адским

колоколом», который судорожно сзывает со всех концов земли своих поклонников на этот черный шабаш (такое название прямо носит одна из групп сатанинского рока — «Блэк Саббат»), где люди вместе с бесами пляшут лихорадочно последний танец перед закатом этого окончательно отдавшегося погибели мира? Это как в одной средневековой легенде о флейтисте из города Гамелена, который с помощью колдовской игры на флейте избавил город от крыс, но, не получив платы, той же сладкой музыкой увел из города всех детей, вовлек их в расщелину скал, откуда они уже не вышли.

Недопустимо думать, что можно все-таки христианину иногда кое-что слушать из такой музыки, выбирая более или менее «безобидное», и тешить этим свой слух. Нет! Не собирают с терновника виноград! Злое дерево не приносит добрых плодов! Дерево, корнями своими пьющее соки адовой бездны, не может приносить безвредных плодов. Можно ли христианину иногда ради развлечения и для разнообразия пообщаться с диаволом? Или поплясать под одну дудку с бесами?

Итак, даже самое «легкое» увлечение православного христианина рок-культурой есть измена своей вере, есть явное оскорбление своего Господа, удаление от Него, есть пагубная прелесть, общение с духами тьмы, заигрывание с сатаной!

Спеши исповедовать такое увлечение и не имей более к сему отношений!

Наркомания

В наше ужасное время открылась еще другая широкая дорога в ад — наркомания. Об ужасных последствиях этой болезни для психического, нравственного, физического состояния человека здесь напоминать излишне, так как сегодня все достаточно об этом понаслышаны. Но вот — как с христианской точки зрения можно видеть это зло?

Во-первых: наркомания очень близко стоит от страшного греха — самоубийства. Кроме того, это явление зла очень близко к таким, как колдовство, черная магия, спиритизм, т.е. общение с «потусторонним миром» — духами тьмы, подчинение их влиянию. Почти все поколения колдунов пользовались подобными «зельями» для достижения соответствующих состояний «утонченности», для более беспрепятственного общения со своими «богами», на деле же — демонами. Само произволение человека к принятию такого вещества, желание испытать сильное, необычное, непостижимое состояние или прикоснуться через это к неизвестному таинственному миру — это уже добровольное приглашение духам тьмы воспользоваться его чувствами, возобладать его душой, лишь бы только это было чем-нибудь «интересненьким», приятным, необыкновенным. Мы, христиане, знаем, как бесы всегда желают и стараются нас прельстить, т е. завлечь сладкой ложью своей, каждому малоопытному в духовной жизни начинают предлагать под видом аппетитных яств напитанные смертельным ядом плоды, каждое доброе начинание наше стараются уклонить в сторону лже-добра. Все свои козни — сети, капканы — злые духи облекают по наружности в самые красочные, привлекательные одежды. Поэтому мы, христиане, всегда стараемся быть очень недоверчивыми ко всем «сладким», приятным, «особенным» своим душевным состояниям, не принимаем без тщательных проверок никаких «откровений», «видений», «просветлений», «явлений», «блаженных состояний» и т.п. необычайностей. Не доверяем и внезапным «сильным» чувствам — ив покаянии, и в молитве, и в проявлениях вдруг горячей ревности,— но во всем этом считаем возможным быть обманутыми диаволом, потому очень хранимся и осторожничаем (ведь ошибка может привести к самому страшному, что только может быть — погибели души нашей!). При всем при этом часто бываем прельщаемы и обмануты бесами. Что же происходит с теми, кто жаждет и ищет именно таких сильных, ярких, приятнейших ощущений, все новых и новых, как можно более необычных переживаний, видений, «откровений», «представлений»? — Такой человек вскоре попадает под всецелое влияние злых духов, становится их рабом — и телом и душой. Эти бесы будут его развлекать до тех пор, пока человек совсем не погрязнет в страсти наркомании, когда он станет уже как бы не самостоятельной личностью, а жалким придатком наркотического вещества, в центре его жизни становится только одно желание — опять войти в то «царствие», которое открывается через наркотик, начинает

жить в этом несуществующем мире, состоящем из «розового тумана». Но затем уже демоны и этого утешения лишают несчастного — потребность принять «вещество» усиливается, дозировки растут, без него все труднее оставаться, а ощущения теряют свою первую «прелесть», угасают и постепенно из этого «розового облака» все яснее просматривается жуткая ухмыляющаяся рожа диавола. Тогда он уже начинает грубо насмехаться над своей жертвой, уже не льстит и не ласкает ее, а безжалостно топчет и часто начинает уже навязывать мысль о самоубийстве, ведь его конечная цель — окончательно заполучить душу. Самоубийство есть самая любимая ядовитая снедь, которую диавол предлагает напоследок своим избранникам.

Сочетание же наркотических опытов над своей душой с рок-музыкой (или ей подобными формами современных демонических культов) дает полный комплект упражнений для скорейшего достижения дна погибельной пропасти. Вот один пример, каких высот умопомрачения можно достичь, воспользовавшись «передовыми» достижениями современной молодежной «культуры». На Западе стали наблюдаться такие жуткие происшествия: некоторые молодые люди из среды «хиппи», наркоманы, дошедшие уже до самой крайности безумия от употребления сильных веществ, вызывающих галлюцинации, жаждущие все новых более и более острых ощущений и уже не находящие удовлетворения в «обычном» своем «путешествии в нирвану», кончали жизнь самоубийством. Но как! — Они взбирались на крыши огромных небоскребов, там вводили себе инъекцию смертельной дозы сильнейшего наркотика и тут же бросались с высоты здания на землю. Действие препарата начиналось во время падения, человек испытывал какие- то фантастические чувства, смерть тоже настигала его еще в воздухе -— от сильной дозы,— на землю падало уже мертвое тело. Появились даже рок-песенки, в которых воспевается подобный вид «подвига» самоуничтожения, «высший пилотаж» при полете в ад.

С чего же начинается наркомания?

Сегодня, когда каждый молодой человек с раннего детства уже познает многие тяжкие грехи, со всех сторон окружен отступничеством от Христа, далек от Святой Церкви, он неизбежно испытывает тяжкое внутреннее состояние: душа его как бы придавлена каменной глыбой — нераскаянными грехами; нет достаточной веры, христианского знания, чтобы обратиться за помощью к Господу, искать в молитве, в Таинстве Покаяния облегчения, исцеления, освобождения от этой тяжести. В таком случае постоянное чувство внутреннего «дискомфорта» побуждает искать средство по легче, которое бы сняло эту тяжесть, дало возможность уйти от тугих, душащих нитей, стягивающих душу (действия нераскаянных грехов), укрыться от томящих, скребущих сердце угрызений совести, найти какой-то иллюзорный, фантастический мир, где нет ни забот, ни скорбей.

Мы, христиане, знаем наверняка, какой мир истинно вожделен душой— и он вполне реален, гораздо реальнее этого видимого мира. То место «светло, злачно, покойно, от него удалены и болезнь, и печаль, и воздыхание» (так говорится об этом в молитве священника за усопших). Это место есть Царствие Небесное, которое и приходил на землю благовествовать Господь наш Иисус Христос и которое откроется при втором Его пришествии, когда уже Он придет судить живых и мертвых. Это Царствие— вечное! И мы все, христиане, чаем этой жизни будущего века, готовимся к ней, о ней только и должны иметь попечение, ради этого готовы терпеть здесь — в этой временной, преходящей жизни — и скорби, и печали, и всякий «дискомфорт». Мы знаем, что вход туда только тем, кто пронес свою душу неоскверненно через все отчаянные напасти века сего прелюбодейного, мужественно, трезво, рассудительно, без малодушия и саможаления, честно отвергал всякую вражескую прелесть, всякое ухищрение бесовское, всяческим хранением хранил свое сердце, искал одну Правду, Истинного Бога, Вечного, не принимал жалкие подделки за истину, не променял вечное блаженство на чечевичную похлебку (как Исав променял свое первородство брату своему Иакову — Быт., гл. 25).

А наркоман продает душу свою, вечность за «воздушный дворец», за «розовый туман». Ему уже трудно возвращаться из его фантастического мира, где так «покойно», в мир сей, где идет постоянная борьба, драка за жизнь, битва между Небом и адом. А он хочет быть в стороне, как дезертир во время боя думает спрятаться под каким-нибудь укрытием и

забыться глубоким сном, не видеть, не слышать происходящего. Но нет, не избежать битвы за свою душу, не избавиться от решительных действий! Чем скорее очнется человек от этого дурмана, чем скорее стряхнет с себя этот гипноз, колдовское очарование, тем удобнее сможет обратиться к Истине, к Господу своему.

Состояние человека в таком глубоком демоническом плену похоже по мрачности своей и удаленности от Света на состояние пророка Ионы во чреве морского чудовища на дне водной бездны. Как бы и не жив человек и не мертв — тело еще живое, а душа уже «по ту сторону мира», частью уже среди бесов в аду. Пророк Иона вопиял: *Обьяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада (Ион. 2, 6-7). Подобен несчастный жалкой мухе, опутанной липкой паутиной,— и паук уже бежит к своей добыче, чтобы высосать ее внутренности.*

Как можно более решительно надо приступать к врачеванию этой болезни!

Современная магия

Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это (Втор. 18, 10-12).

Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них (Лев. 20, 27).

Так строго Господь заповедовал Ветхозаветной Церкви относиться к колдовству, к волхвованию, спиритизму и подобному злу, в Новозаветной же Церкви постановлено Духом Святым:

«Волсви убо суть, иже негли благотворныя бесы призывают, аще и вблагая некия вещи составления, скверноубийцы суть вси и лестцы произволением»; «Аще кии ходят к волхвом, и волхвуют или звездословят или (совершают тому подобные грехи) — шесть лет да не причастятся»; «Чародей, сиречь, волхв и прорицатель... двадесят лет да не причастится. (Номоканон, или Законоправильник).

«Глаголет же святый Иоанн Златоуст: яко аще и святыя Троицы имя глаголется на сицевых, аще и святых будут призывания, аще и знамение крестное наводится (этими колдунами), бежати подобает сицевых и отвращатися».

В наше время все эти злодеяния распространились небывало (хотя большинство неграмотных в духовной жизни людей считали их уже пережитками далекого прошлого и скорее сказочной выдумкой). Но вот те же колдуны, маги, волхвы, заклинатели, шептуны, ворожители в современных костюмах переносятся на самолетах и поездах из города в город, из столицы в столицу, везде принимаемые с неслыханным почетом и уважением, распространяют свои волхвования и чародейства на огромные пространства мира, пользуясь телевидением, радиовещанием, через газеты и брошюры, рекламные проспекты, широким размахом «нелегкой» руки сея духовную смерть, гипнотизируют души, пленяют их в рабство сатане, пополняют войско антихристово, готовят ему армию. А люди уже стали так слепы духовно, что теперь великое множество наших братьев и сестер по вере принимают этих служителей сатаны за своих «благодетелей», «исцелителей», «учителей». Десятки миллионов людей периодически открывают себя для совершенно неизвестного им воздействия, о происхождении и последствиях которого они не имеют даже отдаленного представления. Люди подвергают себя самым изысканным и далеко идущим психологическим и оккультным опытам, влиянию опаснейших сил духовного, психического мира.

Наименования современных оккультных, спиритических, медиумических опытов уже иные, чем в прошедшие времена, суть же их та же (но, пожалуй, и еще коварнее — злые духи совершенствуются во зле, накапливая все шире опыт губительства душ), но прикрываются научными терминами, ничего не говорящими об их связи с какими-либо религиозными системами или духами. «Экстрасенс», «биополе», «активное психическое поле», «психическая энергия», «астрал», «харизматическое возрождение», «микрокосм», «микротеос» и т.п. слова, и нет ни слова о тех существах, которые и без всяких долгих

изысканий и усилий бедного человека, и без особых потуг его разума готовы отвесить ему любое количество чудесностей и небывалых фокусов, требуя только одного: доверия и внимания к себе и к своим служителям и презрения голоса Святой Церкви — Матери нашей. По единодушному мнению святых отцов, именно вниманием человека стараются завладеть бесы: это единственная дверь, через которую они могут проникнуть в душу. Теперь же большинство людей имеет в своем доме коварного очарователя — им становится телевизор, когда по нему транслируется сеанс телемагии. Даже самое поверхностное внимание к передаче делает человека жертвой духовного насилия и духовного грабежа.

Ничто духовное не бывает безличным: или оно Божие, или же сатанинское. Те духовные явления, которые от Бога, характеризуются совершенно ясными и определенными чертами: это учение о покаянии, об истинной вере, о смирении, о вечной жизни. Там, где всего этого нет, там действует дух бесовский, какими бы разными названиями он себя ни прикрывал. Если исцеляющий силой Божией всегда требует от своего пациента о с о з н а н н о й , правой веры, усилий для жизни по этой вере, то все бесовские «исцелители», будь ли то обычные деревенские колдуны, индийские йоги и факиры, современные экстрасенсы, «обладатели сильного биополя» и даже «пятидесятники» и прочие сектанты, прикрывающиеся христианскими названиями, несмотря на свое разнообразие, сходятся в одном: ни ясной осознанной веры, ни усилий для жизни по этой вере они не требуют,— а требуют, чтобы человек, забывшись, расслабившись, предал себя в водительство тому духу, которым они действуют. Четкую, ясную веру они считают пережитком, достойным только средних веков, но не современности. Они учат, что верить можно во все что угодно, а жить и исцеляться необходимо по их рецептам. Их духовные методы в отличие от истинных, христианских — это чистая техника, необдуманное повторение определенных магических формул, заклинаний, использование определенных «заколдованных» веществ, «заряженной биополем» воды, использование определенных положений тела, других чисто физиологических упражнений, при непременном расслаблении ума и воли и полной отдаче себя под руководство бесовского духа.

Диавол есть отец лжи, и слуги его внушают людям прежде всего совершенно неправильный и ложный взгляд на себя. Они учат о скрытых человеческих возможностях, которые якобы есть у людей и их надо только раскрыть в себе. На самом же деле — все духовные возможности и способности человека есть не что иное, как плод деятельности того или иного духа, живого, личного, самостоятельного, бесплотного существа, а человек-то сам по себе в своей падшей, поврежденной грехом природе настолько немощен и ничтожен, что может только принимать или отвергать действия того или иного духа, выбирать— с каким духом ему быть: с Богом или с сатаной. И если Спаситель прямо и ясно говорит: «без Меня не можете творить ничего», то бесы и их приспешники все твердят о великих духовных возможностях человека. В противоположность христианскому смирению, правильному, самоуничиженному взгляду человека на себя они внушают людям гордость и самомнение, зная, что это лучше всяких убеждений и даже лжечудес отведет человека от Бога, приведет его к вечной погибели.

Человек, обращающийся за помощью к колдунам, теряет интерес к Священному Писанию, он начинает интересоваться разными пересказами о чудесах и видениях, происходящих там или здесь по действию каких-либо новоявленных «чудотворцев», жаждет чего-нибудь подобного и в своей жизни, все же учение Церкви Святой становится ему чуждым, непривлекательным, тягостным. У такого человека отмирает в сердце покаянное чувство, он не видит своих грехов. Дальше для втянувшегося в такую «мистическую наркоманию» может начаться еще худшее: явления бесов, всякие ощущения их явного присутствия, чувственное, телесное страдание от них, психические и эмоциональные расстройства, жесточайшие депрессии и, наконец, самоубийства или злодеяния, совершенные под влиянием демонических сил. Но самая большая опасность — вечная погибель души, если человек не оставит общения с духом злобы и не покается.

Хотя колдуны часто используют теперь христианскую терминологию, некоторые даже берутся лечить только крещеных, но это лишь уловки, «овечьи шкуры» на волках,— где

нет проповеди покаяния и учения о вечной жизни, там и быть не может ничего церковного, ничего христианского, ничего Божиего. Самые «молитвы» колдунов нисколько не похожи на церковные, но исполнены всякой темноты, загадочности, мрака и явной бессмыслицы. Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы (1 Ин. 1, 5), а там, где всякая тьма, там Бога нет!

Бывает, что эти колдуны облегчают болезни или являют какую-либо другую «чувствительную помощь», но это происходит по пословице: «голову вытащили — хвост увяз». Только они одно излечат, другое заболит, человеку становится то получше, то похуже, и он ходит и ходит к таким «целителям»-губителям, попадая под сильнейшее влияние бесов. С бесовскими «лекарями» не следует даже шутить и любопытствовать о них, нельзя «ради интереса» ходить к гипнотизерам и смотреть телесеансы подобных опытов. Малейшее внимание, даже еще и без всякого сочувствия ко всякой бесовской «кухне», может иметь для нас роковые последствия и в этой, и в будущей жизни. Само такое «любопытство» — это уже тяжкий грех против христианской веры и совести, оскорбление Всемилостивого Отца Небесного, презрение и неблагодарность к Нему.

Восточные культы

В наш век особенно усилился еще один лютый враг христианства, который жаждет, если б мог, пронзить самое его сердце, враг коварный, льстивый и весьма преуспевающий в своем зле,— это индуизм и иные восточные культы. Как никогда распространяется влияние восточных идей в некогда христианских странах, особенно волна их захлестнула Америку, но теперь уже этими учениями заразилась молодежь почти во всем мире. Среди современного поколения необыкновенно популярны восточные «мудрецы»: индийские гуру, тибетские ламы, японские учителя дзен-буддизма и т. п. наставники восточных религий, которые уже становятся «местными» и в нашей стране вслед за Западом, давно плененным ими. В последние времена эти явно враждебные христианству учения стали старательно скрывать свою враждебность, заменяя терминологию, говоря о единых целях всех религий, внушают всем, что разногласия между верами только внешние, суть же их одна, все они истинны и должны обогащать одна другую, а не отрицать. Учителя подобного направления стремятся усиленно вовлечь в свое безумие и христиан во всем мире, именно на нашу веру и покушаются они прежде всего — для этого избирают слабые стороны современных христиан, изобретают разные обманы и хитросплетения слов, чтоб соблазнить ими, насколько возможно, и верных. Коротко рассмотрим здесь основные черты распространенных ныне учений, учитывая то, что они могут каждый день переменять термины и некоторые формы обрядности, переменять свой вид и цвет, как хамелеоны, подстраиваясь под дух времени, лишь бы соблазнить большее число душ,— суть же и цель всех этих «духовных» сетей и ловушек всегда одна: увести человека от познания Истинного Бога, от покаяния, любыми лжами достичь прелестного «покоя» и безблагодатного «блаженства», усыпить и успокоить совесть без исповедания грехов, отвести от переживания, осознания своего падшего состояния, сокрыть истинное болезненное положение души, создать иллюзию «духовного» и физического здоровья, счастья, на самом же деле оставляя человека в состоянии обреченности на вечную смерть. Все эти учения есть духовный наркоз, который не лечит, но отнимает чувство боли (а ведь боль есть напоминание уязвленного организма о своей болезни, прошение его о врачебной помощи, не будь ее — болезнь оставалась бы не замеченной и развивалась бы беспрепятственно).

Восточные религии внушают человеку больному, что он здоров, пробуждают в нем веру в свое совершенство и божественность, питают его гордыню, по действию злых духов щедро одаривают его самыми изысканными и приятнейшими «духовными утешениями», «видениями», переживаниями «блаженств», «покоя», «мира» и «бесконечности». Все это способствует широкому распространению этих верований. Вступающий на путь подобных религиозных опытов вскоре начинает ощущать на себе их явное действие, видит в себе многие изменения «к лучшему» — как ему кажется, он становится спокоен, уверен в себе, бодр, даже радостен, примирен с ближними и т.п. Но

все это плод глубокой прелести, весь этот дворец выстроен на ложном основании, на песке гордыни, самоупоения, лести себе, на обожествлении самого себя. Но этого обманутый человек никак не захочет принять, он видит только то, что эти упражнения «действуют», и действуют «прекрасно» — значит, «они хороши и истинны». К сожалению, наше православное учение о прелести, подробно и широко изложенное в писаниях святых отцов, так теперь мало известно «христианам» и так ими пренебрегается. В среде же еретиков — католической, протестантской, сектантской — этого учения и в помине нет, и сами они давным-давно состояния прелестные принимают за «чистую воду» христианства. Неудивительно, что такая среда не смогла дать достойный отпор нашествию восточных учений, но уже многое из них впитала и породнила себе. Православные же христиане н большинстве своем пока еще чувствуют и ясно сознают пагубность и враждебность такого мудрования, но и у нас уже много слабых верой и духовным рассуждением, не хранящихся сего зла.

Индуизм. Заманчивость индуизма играет всеми оттенками спектра: там есть все соблазнительное для любого чувства, привлекательное для любой слабости, но особенно для гордыни. Современный индуизм легко расправляется с теми вопросами и недоразумениями, которые вызывают сегодня у маловеров такие догматы Православия, как первородный грех, ад, вечные муки, которые современные люди никак не могут вместить в свои «гуманные» рассудки. Индуизм же дает «интеллектуально-удовлетворительные» альтернативы для каждой христианской догмы: ад, оказывается, «представляет собой только временное состояние души, навлеченное нашей собственной «дурной кармой» — прошлыми деяниями в этой или «прошлой» жизни — и, разумеется, конечная причина не могла бы иметь бесконечных последствий», первородный грех превращается в «первородную божественность», человек — в «бесконечного сновидца, видящего конечные сны», проблема мук решается еще проще: боль — это «майя», или иллюзия, она в реальности не существует и т.д.

Современные индуисты стараются внушить, что «нет никакой реальной разницы» между индуизмом и христианством, что между ними нет никаких разногласий и добрый христианин должен бы стать еще лучшим христианином, изучая и практикуя веданту (мистический индуизм). Иногда свами пытаются доказать, что идеи, присущие христианству— Логос и Крест, в действительности ведут свое происхождение из Индии, а те идеи, которые присущи индуизму — перевоплощение, переселение душ и самадхи (транс), можно найти и в христианских писаниях «при условии правильного истолкования», что никакой разницы не существует, все «одно». Они укоряют христианство в том, что оно слишком дорожит своими догмами, что необходимо освободиться от «застывших догм», и тогда эти религии смогут обогатить одна другую.

К сожалению, не многие понимают, что сам индуизм есть также система догм, только противоположных христианству,— все, что почитают христиане или индуисты, вытекает из их догматов. А индуистские догматы — прямое отрицание христианских догматов. Отсюда заключение: то, что индуисты считают злом, христиане считают добром. Самый страшный грех для христианина есть самое высшее осуществление добра для индуиста. Христиане всегда признавали гордыню главным грехом, источником всех остальных грехов, прототипом этого стал Люцифер, который говорит: «Я вознесусь на небо, я воздвигну свой престол превыше звезд Бога. Я вознесусь выше облаков, я стану равным Всевышнему» (ср.: Ис. 14, 13-14). На более низком уровне именно гордыня обращает все достоинства человека в пороки. А для индуиста вообще, для адвайтиста и ведантиста в особенности единственный «грех» — это неверие в то, что ты сам и человечество — и есть сам бог. Один из современных проповедников веданты — свами Вивекананда[1] заявлял: «Вы еще не понимаете Индии! Мы, индийцы, в конечном счете человекопоклонники. Наш бог — это человек!» Доктрина мукти (спасения) заключается в следующем: «человек должен стать божественным через осуществление

[1]Вивекананда — монах-индуист, появился в парламенте религий в Чикаго в 1893 г., ставил целью обращения западного мира в индуизм, конкретнее — в учение веданты (мистического индуизма).

божественного...».

Итак, догматы индуизма и христианства, поставленные лицом к лицу, отрицают взаимно друг друга во всем, что касается природы Бога, природы человека и смысла человеческого существования.

Индуизм — это не столько интеллектуальный поиск, но скорее практическая система, и эта практика в прямом смысле слова — черная магия. Гуру предлагает ученику проверить философию своим собственным опытом, и тот видит, что ритуалы индуизма и вправду действуют (по щедрому покровительству этому учению духов лжи), ученик может получить силы (сиддхи) — это такие способности, как чтение мыслей, силы исцелять или убивать, материализовывать предметы, предсказывать будущее и так далее, т.е. полный набор смертельно опасных психических трюков, и он непременно впадает в состояние прелести, в котором принимает наваждение за реальность, переживает «духовные опыты», полные безграничного «блаженства» и покоя, его посещают видения «божества» и «света». При этом ученик гуру очень редко спрашивает, откуда происходят его переживания и кто отпускает ему их в кредит, в форме «сил» и «прекрасных состояний», он не знает главного: что ему придется расплачиваться за все это ценой своей бессмертной души.

Множество «духовных» упражнений индуизма сводятся к немногим практическим основам, это: идолопоклонство (поклонение изваянию или изображению «божества» с разными приношениями, курениями и иными ритуалами); «джапа» — повторение санскритской мантры, данной ученику при посвящении (т.е. повторение магической формулы-заклинания); «пранаяма»—дыхательные упражнения в сочетании с джапой. Есть и другие практические упражнения, относящиеся к тантре, это— поклонение «богу» как «матери», женскому началу, силе, энергии, эволюционному и действенному. Они полны неприкрытого зла и достаточно отвратительны. Так, свами Вивекананда говорил: «Я поклоняюсь Ужасной! Ошибочно полагать, что всеми людьми движет только тяга к наслаждению. Столь же многие имеют врожденную тягу к мукам. Будем же поклоняться Ужасу ради него самого. Немногие дерзали поклоняться Смерти или Кали. (Богиню Кали, одно из самых популярных божеств индуизма, изображают среди необузданного кровопролития и резни, с ожерельем из черепов и отрубленных голов, с гротескно высунутым языком, жаждущим еще крови: в индуистских храмах ее ублажают кровавыми жертвами, убивая козлов.) Будем же поклоняться Смерти!» Вот еще слова свами о богине Кали: «Есть еще кое-кто, кто смеется над существованием Кали. Но ведь сегодня она здесь — в толпе. Люди вне себя от страха, и солдаты призваны сеять смерть. Кто может утверждать, что бог не может проявлять себя в виде зла, как и в виде добра? Но только индуист осмеливается поклоняться ему как злу!» Он заклинал свою богиню: «Приди, о Мать, приди! ибо имя твое — Ужас!», и его религиозным идеалом было: «слиться воедино с ужасной навсегда...»

И вот такая целенаправленная деятельность зла практикуется с твердой уверенностью, что это — добро!

Смысл веданты, сообщенный Вивеканандой, заключается, главным образом, вот в чем: «Все религии истинны, но веданта — это самая высшая истина. Различия кроются лишь в «уровнях истинности». Человек не идет от заблуждения к истине, а поднимается от истины к истине, от истины, которая ниже, к истине, которая выше», «Сегодняшняя материя — дух будущего», «сегодняшний червь — завтрашний бог». Вся веданта зиждется на том, что человек есть бог. Так что спасение человека — дело рук самого человека. Вивекананда выразил это так: «Кто может прийти на помощь бесконечному? Даже рука, протянутая тебе из тьмы, должна быть твоей собственной рукой».

Современные индуисты как будто равно уважительно относятся ко всем религиям и желают объединиться с каждой, «молясь в мечети с магометанином», «поклоняясь огню с зороастрийцем», «преклоняя колени пред крестом с христианином». Они утверждают, «что все религии — от самого низкого фетишизма до самого высокого поклонения «абсолюту» — это всего-навсего различные попытки осознать «бесконечное», думают, что они «собирают все эти цветы и, связав их вместе нитью любви», создают из них «дивный букет поклонения »... Но при этом все религии оказываются только ступенями к

«наивысшей религии» — адваита веданте. При этом индуисты особенно презрительно относятся к христианству, которое считают «низкой истиной» — дуалистической (так, Вивекананда в частной беседе заметил, что «только трус подставляет бьющему другую щеку»).

Веданта провозглашает полную свободу для каждой души— «быть самой собой», она отвергает какое бы то ни было различие между священным и мирским.

Цель индуизма — создание вселенской (универсальной) религии: цель, весьма желанная диаволу, дающая ему возможность подставить этой лжерелигии лжебога — антихриста и в лице его добиться наконец поклонения себе, как богу, всего мира. Такая вселенская религия не может признавать «индивидуалистических, сектантских» идей, она не желает иметь с христианством ничего общего. Эта «религия грядущего» будет опустошительным пожаром, пожравшим христианство. Если христианин согласится с утверждением индуистских проповедников, что различия у них с нами только кажущиеся, а не реальные,— тогда индуистские идеи получают свободный доступ в его душу, а развращающая сила индуизма непомерна — она приводит к самому порогу поклонения злу.

Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою! (Ис. 5,20-21).

Индийская йога — учение, рекомендующее довольно аскетический, подчиненный дисциплине образ жизни,— состоит в управлении дыханием и в определенных физических позах, которые приводят к состоянию расслабления, способствующему медитации, при которой обычно применяется мантра, или священное изречение, которое помогает сосредоточиться. При этом йога ставит цели духовные (!), а совсем не только физические, как достижение телесного здоровья и красоты. Чаще всего тем, кто приступает в наше время к подобным занятиям, ничего не сообщают о сверхъестественном, а лишь о здоровье, о физическом и нравственном совершенстве. Более того, все мистическое и оккультное отрицается. Но иногда, спустя время, «продвинутым» перспективным и надежным ученикам открывают эзотерическое, тайное учение. Но и такой — «телесный» уровень упражнений йогой — формирует определенные духовные воззрения и готовит человека к духовным переживаниям, о которых тот пока и не догадывался. Большинство изучающих это учение так и остается на этом уровне экзотических упражнений, индуистского жаргона и сознания своей значимости «в космосе». В этом последнем пункте и сосредоточены истинные эзотерические цели начального посвящения: сознание собственной значимости — вот что внушается человеку вместе, конечно, с непременной заботой о здоровье, а также «любовь к людям», сопровождаемая учением о каком-то абстрактном и расплывчатом «добре» и «нравственности». Но для христианина «сознание собственной значимости» есть проявление сатанинской гордыни, которая сожигает и превращает в ничто всякое доброе начинание.

В последнее время становится все популярнее так называемая «христианская йога» — попытки использовать приемы йоги для «христианской» медитации, сделать человека «раскрепощенным, удовлетворенным», пассивным, «восприимчивым к духовным идеям и впечатлениям». Занимающиеся ими описывают «необычайные ощущения покоя», «прекрасное самочувствие», «эйфорию (блаженство)», «ощущение полного здоровья», «удовлетворенность, заполняющую тело и душу и предрасполагающую к духовной жизни», «легкость», «повышенную податливость и восприимчивость к раскрытию личных отношений между богом и душой», «сладостную молитву, охватывающую всего человека», «чувство трепетного ожидания прикосновения “святого духа”»; «чувство возрастающей жажды праведности, возрастания, приближения к богу» и т.п. Любой понимающий природу прелести (духовного заблуждения) поймет, что в этих описанных чувствах присутствует именно отступление от верного пути, уклонение в сторону сектантских «христианских» опытов и даже языческих: то же стремление к «святым и божественным» чувствам, та же открытость и готовность быть «восхищенным» неким духом, те же поиски не Бога, а «духовных утешений», то же самоопьянение, которое принимается за «состояние благодати», та же невероятная легкость, с которой человек

становится «созерцателем» или «мистиком», те же «мистические откровения» и псевдодуховные состояния — это общие признаки тех, кто впал именно в прельщенное мнение о себе.

Сбитые с пути и полные гордыни современные искатели духовных истин более всего подвержены прелести. Нападение на нас восточного мракобесия и преуспеяние его обязано многим этому ложному мистицизму. И как эти лжеучения соблазнительны ныне для молодых людей, особенно тех, кто употреблял наркотики и которым уже знакомы опыты подобного рода.

Дзен-буддизм очень сходен с техникой индийской йоги, из которой он изначально и произошел. Здесь есть те же позы, методика дыхания, повторение священного имени в сочетании с другими приемами, своеобразными и свойственными только дзену. Цель этих приемов точно такая же, как и в йоге: исключить рациональное мышление и достигнуть состояния спокойной безмолвной медитации, проникнуть в «центр собственного существа», в «лишенное образов и звуков созерцание», в «глубокое и прекрасное царство психической жизни», в «глубокую внутреннюю тишину»». Достигнутые таким образом ощущения несколько напоминают ощущение наркомана.

В наш больной век становится возможным и такое противоречивое явление, как «христианский дзен». Его проповедники говорят об обновлении христианства, они лепят к своему учению наставления православных отцов-подвижников, говорят, что и они ведут также к состоянию «созерцательного безмолвия и покоя», рекомендуют желающим повторение Иисусовой молитвы во время дзеновской медитации...

Какое множество в сегодняшнем мире введенных в заблуждение, искренне считающих себя пророками, несущими собратьям своим благо, не догадываясь, что влекут их к психической и духовной погибели!

Из всех современных восточных учений дзен, возможно, самое интеллектуально-изощренное и духовно-трезвое учение: его идеи о сочувствии и о любви к «космическому Будде», быть может, самый высокий религиозный идеал, которого может достигнуть человеческий разум без Христа. Его трагедия в том и заключается, что в нем нет Христа, а значит нет спасения, и сама его изощренность и трезвость очень эффективно препятствуют его последователям искать спасения во Христе.

Дзен фактически не имеет теологического фундамента, он опирается на «опыт» и таким образом впадает в то самое заблуждение, как и индуизм: «если нечто действует и приносит «мир» и «гармонию» — то, значит, оно истинно и хорошо!» Дзен обращается к так широко распространенной тонкой гордыни тех, кто полагает, что может сам себя спасти, и поэтому не нуждаться ни в каком спасителе, кроме самого себя.

В последнее время уже появляются новые дзен-буддистские монастыри, где очень серьезно и глубоко изучают эту религию. Даже обсуждение «духовных» вопросов между молодыми дзен-монахами своим серьезным и эрудированным характером удивительно напоминает дискуссии между серьезными молодыми православными мирянами и монахами, воззрения их выглядят убедительно искренними. Такой дзен-буддизм сегодня дает почти все, что может пожелать молодой религиозный искатель наших дней, за исключением Христа, Истинного Бога, и вечного спасения, которое лишь Он один может даровать.

Как уже говорилось, конечная цель распространения в наши дни восточных культов — создать универсальную религию. Дзен, видимо, должен сыграть здесь немалую роль. Итак, пусть нам послужит предостережением: религия будущего будет не просто культом или сектой, но могучим и глубоким религиозным течением, которое будет абсолютно убедительно для ума и сердца современного человека.

Можно привести множество других примеров восточных культов. Каждый год приносит перелицовки старых культов. Но сказанного, думаем, достаточно, чтобы понять, что кришнаизм, различные виды медитаций, йоги, разные «мирские культы самосознания» и многое множество их разновидностей — все эти движения и поиски «духовности» не имеют ничего общего с христианской традицией, но являются продуктом восточных языческих религий и современного спиритизма. В этом православным христианам категорически запрещается соприкосновение с ними!

Нарушение этого запрета крайне пагубно, так как такие разные «духовные переживания» и таинственные «прекрасные ощущения», которые дают эти разнообразные медитации,— это вступление в «космические духовные области», где глубинные стороны человеческой личности вступают в контакт с настоящими духовными существами — демонами, падшими духами, которые всегда, как рой ос, вьются вокруг человека, ища его преткновения. «Посвящение» в опыты духовного мира вовлекает человека в нечто неподвластное сознательному контролю его воли, человеку уже чрезвычайно трудно выпутаться из сети нежелательных психических переживаний.

Такое «новое религиозное сознание» становится врагом христианства, который намного могущественнее и опаснее всех ересей прошлого. Поначалу «духовные» опыты восточных культов как будто добры или «нейтральны», но затем преподавателями их совершается закономерный переход к опытам странным и пугающим, в конце концов приобретающим несомненно демонический характер. Даже чисто физическая сторона таких психических учений, как йога, таит в себе опасность, так как они предрасполагают человека к психическим настроениям и опытам, которые являются первоначальной целью йоговских упражнений, из которых они и происходят. Примерно то же самое можно говорить и о таких ныне весьма распространенных восточных школах, как карате, кунфу, дзюдо и т.п., где также под видом спорта, упражнений для развития в себе каких-то скрытых возможностей — телесных и психических — на самом деле идет серьезная духовная обработка личности человека, затрагивающая самые глубины его души и сердца. Эти занятия едва ли не более опасны для души, нежели ранее перечисленные бесовские религии. Конечно, и здесь сам учащийся не понимает глубинного смысла всех тех экзотических действий, слов, поз, криков, которыми сопровождаются все эти упражнения. Многие из современных «христиан» возмущаются, когда священник от них начинает вдруг требовать категорически оставить подобные занятия, они не видят ничего нехристианского в карате, кунфу, йоге и т.д. «Ведь это всего лишь древняя мудрость, наука древних о совершенствовании наших телесных и душевных возможностей...» Что отвечать на такие заявления?! Мы, христиане, знаем только одну истинную науку о совершенстве, также и науку о нашем падшем и расстроенном состоянии, знаем и подробнейшее учение о всех сторонах жизни (и внутренней и внешней) — это есть учение Христово, всегда обильно и щедро распространяемое и громко провозглашаемое святой нашей Церковью. И мы, христиане, хорошо знаем, как злонамеренно и неусыпно бродит возле каждого человека диавол, «яко лев, рыкая» и «ища, кого поглотить», и всякое «великое» учение, сопровождаемое «знамениями», «особенными дарованиями», «нечеловеческими возможностями», в котором не проповедуется Христос, есть порождение этого лютого злодея — диавола. Чему учат перечисленные «спортивные» занятия? Это ясно каждому, если перестать врать себе: убивать или же жестоко калечить своего противника голыми руками! Тут опять начинают обычно спорить, утверждают, что это «искусство обороны», что первым каратист или кунфуист не нападет на человека и т.п. При всем при этом в состав упражнений входят вещи, которые должны бы вызывать «легкий» ужас у смиренного христианина, воспитанного на заповедях евангельских и о учающегося тому, чтобы достичь кротости, незлобия, любви к врагам, и тому, чтобы подставлять бьющему под удар лицо: так, кунфуист упражняется над тем, чтобы, например, молниеносно нанести удар сопернику и, двумя пальцами руки пронзив грудь его, вырвать из нее сердце. При «совершенном развитии телесных возможностей» это проделывается столь мгновенно, что убитый падает замертво, даже не поняв, что произошло. Существуют подобные же приемы для вырывания у ближнего печени и других жизненно важных органов. При этом ударе убийца должен прежде сосредоточиться на некотором таинственном источнике энергии, или сил «кими» (он находится где-то в области чрева), которая — по учению некоторых школ — и дает таковую сверхчеловеческую силу удару и перетекает при нанесении его на противника (о происхождении этого источника ничего не говорится). При ударе каратист или кунфуисг издает страшный вопль, который будто дает возможность сконцентрировать эти внутренние силы (если прислушаться к такому воплю и попытаться подобрать соответствующий ему оттенок настроения, то наиболее всего он напоминает

вырывающийся на свободу сгусток сконцентрированной ненависти, которая, как яд змеи, долгими тренировками складывается в какой-то мешочек под сердцем у такого человека). При этих уроках часто ученику предлагается делать нечто напоминающее те восточные религиозные ритуалы, о которых говорилось ранее: становиться на колени и складывать в таинственной позе руки, при этом происходит опять же что-то вроде медитации, многое также таинственное и не понимаемое самими учащимися должны они проделывать со своим телом и душой.

Что же на самом деле происходит при этих занятиях? Думаем, что здесь происходит призывание в себя, в свое тело нечистого духа — беса, силой которого и совершается действие крайне мощное и превосходящее человеческие возможности. Беда в том, что большинство людей в наши дни мало знакомы с истинным учением о падших духах и явно не принимают всерьез как существование этих духов, так и их способностей. Нам же, православным христианам, из подробнейшего учения и разъяснения наших святых отцов Церкви хорошо известно не только то, что злые духи легко приходят на всякий зов к ним, но и то, что они имеют способность проявлять великую физическую силу, могут легко передвигать любые тяжести, творить великие знамения и чудеса. Многим из нас и из житейского опыта известно, какую силу иногда дают бесы так называемым «одержимым», бесноватым — людям, в которых вселяется и начинает над ними властвовать злой дух,— как иной раз хрупкую с виду женщину, одержимую бесом, не могут удержать шесть-семь здоровых мужчин (например, во время отчитки в церкви) или как такие люди рвут крепчайшие веревки и цепи, которыми их связали. Когда же злой дух оставлял таких несчастных, то они физически оказывались крайне слабыми. Так что злые духи — бесы — с радостью и легко растерзали бы весь род человеческий, если бы не Милосердый наш Господь, Который не попускает им этого. Когда же люди сами начинают искать и призывать эту злую силу, то тут уже и Бог попускает такому человеку быть обольщаемым врагами рода нашего.

Стоит ли еще говорить о подобном зле и о том, как оно несовместимо с христианской жизнью?!

Итак, серьезно задумавшись о этом, необходимо поспешить изгнать из своего сердца всякие симпатии к такого рода «мудрости древних», отшатнуться от всего этого мрака, всю свою жизнь — и внутреннюю и внешнюю — очистить от всякого такого демонического влияния, близким людям говорить, предостерегать их от подобного заблуждения. О причастности своей к подобным языческим культам (хотя бы и давно было и прошло это увлечение) обязательно нужно принести покаяние — исповедовать этот грех!

Маловерие и нецерковность

Кроме подобных перечисленным уклонений от правил нашей веры, теперь часто наблюдается иное, более неприметное, но не менее отвратительное предательство в отношении православной веры — это презрение самого Православия, самой Матери нашей — Православной Церкви; это легкомысленное, поверхностное, неуважительное отношение к догматам, обрядам, правилам, установленным ею; это нецерковная, беспорядочная, безблагодатная жизнь, которая тем не менее провозглашает себя «православной», жизнь двойная — когда человек по временам бывает «верующим», в определенные моменты и при определенных обстоятельствах, в обычной же своей деятельности далеко не похож на христианина; это бесстрашное, беззаботное, «панибратское» общение с еретиками и хулителями наших, святынь, горячая, активная дружба с миром сим прелюбодейным, это теплая симпатия и сочувствие лживым «добродетелям» мира, его лживым понятиям и хвалебным гимнам падшему человечеству; это легко принимаемая к сердцу' клевета и хула на церковные порядки и установления, частое сомнение в правильности того или другого церковного правила; это пренебрежение установленными Церковью постами и безучастное отношение к церковным праздникам и событиям; это та **теплохладность**, о которой говорится в Апокалипсисе: *Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл,*

а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Апок. 3, 15-16).

В среде наших верующих уже давно идет какой-то страшный процесс внутреннего охлаждения к Божественному, внутреннего омертвения и отчуждения к Небесному, процесс отступления, измены Православию, тайного отречения от Бога. Но при всем этом внешнее исповедание веры как будто растет, ширится, громогласно заявляет о себе. Как много желающих приобщиться к поверхностной вере, сделать несколько любопытных шагов в прекрасный мир христианства и как затем мало желающих до конца идти этим путем, путем узким и скорбным, оставить всю свою прошлую жизнь, отринуть ее «прелести», восстать против своих страстей, своей воли, отвергнуться себя, не оборачиваться к оставленному позади Содому! Большей частью теперь семя веры попадает на тонкий слой почвы, лежащий на камне нечувствия, падает или посреди терний, или на дорогу и бывает иссушаемо, заглушаемо или похищаемо, попираемо. Ныне, еще более чем в прежние времена, потребны многий труд, борьба, мудрость и трезвение, чтобы взрастить и сохранить плоды веры.

Уже в прошлом веке многие святые отцы приметили признаки этой болезни: «Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается, от силы благочестия отреклись, отверглись люди». «Оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто жительство по заповедям Христовым: принято жительство противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, т.е. в духовную. Вера без дел веры, т.е. без исполнения заповедей Христовых, мертва». «Есть, в частности, христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялись в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одной общей главой — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она». «Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. «Прильпе земли душа их», неспособна к восприятию впечатлений духовных». «Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую,— смерть вечную! Путь узкий — путь самоотвержения, тесно на пути широком своеугодия! Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисполненную уже, в пресыщенную уже пропасть ада!..» (святитель Игнатий Брянчанинов).

«Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Эта сила посторонняя, злая сила. Источник ее — диавол, а злые люди являются только орудием, посредством которого он действует. Это антихрист идет в мир. Это его предтечи. Про это апостол говорит: «Послет им духа заблуждения, духа лестча. Зане любве истины не прията» (старец Варсонофий Оптинский).

Можно встретить множество подобных высказываний, полных скорби и горького предчувствия всех тех страшных духовных бедствий, которые и обрушились на мир в нашем веке, нанесли тяжелейшие раны всему христианству. И краски этой печальной картины все сгущаются.

Внешность сегодняшнего православного христианства украшается и торжествует, приемлется миром и им восхваляется — внутренняя же жизнь крайне оскудевает духовностью и отличается небывалой немощью. Незаметно все то, что связано с вечностью, с жизнью будущего века,— все это отодвигается на последний план; жизни же и устройству века сего уделяется усиленное внимание. Слышатся и видятся повсюду дела и слова, по наружности очень внушительные, религиозные, благочестивые, по сути же — все они от мира сего, преследующие цели временные, жалкие. О вечности же разговор не заходит, а если и заходит, то какой-то несерьезный, часто полушутливый или как-то между прочим — как о чем-то далеком и весьма туманном. Сегодня, когда приходится беседовать даже с самыми церковными и ревностными христианами о Царствии Небесном (например, при упокоении кого-либо из их близких), то чувствуется какое-то омертвение к этому понятию; напоминание о жизни иной, вечной не рождает у них

радования и умиротворения, но отражается на лице легкой тенью некоторого недоверия и скуки. Как часто теперь мы, православные христиане, пытаемся себя или ближнего стимулировать к какому-либо делу полезному стимулом суетным, примитивным, даже и основанным на какой-либо страсти (на тщеславии, сребролюбии, гордыни и т.п.) и как редко заставляем себя потрудиться и поскорбеть непосредственно ради Царствия Небесного.

Конечно, такая «вера» мертва! «Вера», которая не о жизни вечной ревнует, а о преходящем, тленном,— такая «вера» и толкает, и будет толкать человека в разные соблазны, развлечения, похоти века сего прелюбодейного, в разные его играния и актерства и рано или поздно восстанет на веру православную, которая, как всегда, отрывает человека от притягивающей его к себе и пленяющей земли, подталкивает, правит его к Небу, к Вечному, Божественному. Таким лже-верующим наша вера будет всегда казаться очень суровой, мертвящей, всезапрещающей, скучной и мрачной. Действительно, Православие без живой веры и чаяния жизни будущего века становится невыносимо тяжким игом, не растворенным сладостью и веселием, для любящего мир сей грешника.

Возлюбили все люди землю! Возлюбили «свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, плоть и кровь...» — Это язва страшная! А как она часто неприметна, как важно все время проверять свое сердце и ум, следить за тем, где мы собираем свое сокровище: на Небе ли или на земле; чем мы оживляем ревность к делам своим: исканием Царствия Небесного или земного! Такая внутренняя подмена вышнего на низшее ведет к целой цепочке предательств и измен Православию. Ориентируясь на земное благополучие, человек хотя и продолжает молиться и совершать многие обряды и правила церковной жизни, но цели его, внутренние движения, «порывы» — уже не святые, не высокие, не оживляющие, не очищающие душу, а расслабляющие, опутывающие страстями. Тогда меняются многие понятия, тогда — сами греховность и нищета наша духовная не видятся во всей полноте своего безобразия, тогда и многое темное начинает казаться светлым, горькое — сладким, недопустимое — вполне полезным, многая фальшь — чем-то правдивым и прекрасным. Учение Святой Церкви пренебрегается, люди начинают изобретать свои взгляды и учения относительно тех истин и заповедей, которые они хотя и слышали от православных и из Священного Писания, но им не нравилось православное истолкование.

Таким образом, «христиан» становится все больше, а истинных поклонников Христа Господа все меньше. О Церкви, о вере, о христианстве разговоров — все больше, а деятельной жизни по вере, внутренней борьбы со страстями — все меньше. Истинная духовная жизнь подменяется прямо ей противоположной — исканиями душевных наслаждений, «Эгоцентризм и самодовольство, которыми пронизана жизнь большинства нынешних «христиан», настолько пропитали все вокруг, что всякое понимание того, что такое «духовная» жизнь, для них — за семью печатями, и когда такие вот люди берутся за «духовную жизнь», то у них получается лишь другая форма самоудовлетворенности». «Христианская духовность созидается в тяжелой борьбе за обретение вечного Царствия Небесного, которое начинается во всей полноте лишь после конца временного мира, и настоящий воин Христов не ищет покоя даже в предвидении вечного блаженства, в котором он может удостовериться еще при жизни» (иеромонах Серафим Роуз). Так видится положение современных христиан в наши дни.

Таксе слабое понятие о вере, неприятие ее во всей глубине и силе ведет к принижению самого понятия о Церкви, о ее учении, ведет к нецерковности, к оставлению предания святых отцов, оставляет человека в полном одиночестве в жалкой ладье посреди бушующего страстями житейского моря.

Итак, когда чаяния свои человек полагает в земной жизни, то и сердце его, по учению Евангелия, бывает прилеплено к земле, вся деятельность и все мышление его приземленены, к Небу уже не способен он поднять очей своих — такая жизнь не может быть христианской. Святой епископ Игнатий писал: «Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию; они начнут оставлять без внимания обновление естества

человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь: в этом настроении и направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения всем поврежденным и развращенным требованиям и пожеланиям души и тела. Разумеется: такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд. Такому направлению отступление от христианства свойственно».

Как сейчас важна и ценна в верующем самая глубокая преданность учению своей Матери-Церкви, родившей его духовно в святой крещенской купели, как необходима самая горячая, твердая преданность Святому Православию, как потребна крайняя осторожность в отношении к бурному, стремительному потоку лжедуховности, лжерелигиозности, лжедобра! Необходимо в покаянном чувстве находить и извлекать из своего сердца гадкие плевелы — пристрастие к миру временному и отчуждение ко всему Божественному, Небесному, вечному! Задумайся об этом, наверняка, ты и в себе найдешь признаки этой распространенной ныне болезни — устрашись того, чтобы не оказаться тебе одним из тех лжехристиан, которых будет великое множество ко времени пришествия антихриста и в лице которых злодей этот найдет своих преданных поклонников.

«Дни века сего всегда были лукавы и пребудут такими: но наш век не больше ли всех лукав,— и не больше ли потому мудрости требует от нас, чтобы искупить сие опасное время, обратив противодействие ему в куплю спасения» (святитель Феофан Затворник).

Думаем, здесь будет целесообразно вспомнить о тех мытарствах, через которые проходит душа усопшего на третий день после смерти. Так важно всегда нам помнить о том страшном часе, когда мы будем стоять лицом к лицу с тем злом и безобразием, которое сопутствовало нам в жизни и с которым мы полагали общение. Церковь много и обстоятельно учит о мытарствах, многие подробности их известны из откровений, сообщенных являвшимися умершими в видениях или зачастую неожиданно возвращавшимися к жизни через несколько часов или даже дней после смерти людьми, которые с ужасом передавали эти страшные впечатления, многие при этом оставались уже до конца жизни в самом покаянном настроении и непрестанно готовились к смерти, чтобы уже не быть застигнутыми врасплох бесами-мытарями.

Довольно подробное и яркое повествование о мытарствах сообщила в видении преподобная Феодора Цареградская (память ее 30 декабря). Коротко излагаем его здесь.

Рассказ о мытарствах преподобной Феодоры Цареградской

Преподобная Феодора жила в Константинополе в первой половине X века. Она была замужем, но овдовела и вела благочестивую жизнь, служа бедным и странникам, затем приняла монашество и жила под руководством преподобного Василия Нового (память 26 марта). Скончалась она в преклонном возрасте. Ученик же святого Василия, Григорий, с мольбой стал просить старца открыть ему загробную жизнь святой старицы Феодоры. И вот ради его неотступных просьб, по молитве старца, во сне открылось Григорию чудное видение: он оказался в святом, прекрасном саду, где встретил Феодору и мог расспросить ее о том, как она рассталась с телом и как пришла в эту святую обитель. Преподобная отвечала: «Как я могу, дорогое чадо Григорий, рассказать тебе все? После того, что я в страхе и трепете испытала, я многое забыла, тем более что видела такие лица и слышала такие голоса, каких не приходилось, никогда видеть и слышать в течение всей своей жизни. Что я могу сказать, так это то, что лютая мне встретилась бы смерть за мои неправые дела, совершенные на земле, если бы не молитвы отца нашего Василия. Одни молитвы его сделали мою смерть легкой». После этого преподобная Феодора рассказала, как устрашили ее при кончине множество вдруг явившихся злых духов. Они принесли большие книги, в которых были записаны грехи всей ее жизни, и пересматривали их в нетерпении, как будто ожидая с минуты на минуту прихода какого-то судьи. Видя это, она пришла в такой трепет и ужас, что совершенно изнемогла, и, в страдании оглядываясь по сторонам, желала увидеть кого-нибудь, кто смог бы отогнать бесов. Находясь в таком мучительном состоянии, преподобная увидела двух ангелов, ставших

рядом с ней, злые духи тут же отошли подальше. «Зачем вы, мрачные враги рода человеческого, смущаете и мучите душу умирающей? Не радуйтесь, здесь вашего ничего нет»,— проговорил один ангел. Тогда бесстыдные духи начали вспоминать все, что святая сделала от юности словом ли, делом ли или помышлением. При этом они многое прибавляли от себя, стараясь оклеветать преподобную. Наконец пришла смерть, она налила что-то в чашу и поднесла святой испить, а после, взяв нож, отсекла голову. «Ах, чадо мое,— продолжала рассказ преподобная Феодора,— как мне тогда стало горько, горько! В эту-то минуту смерть исторгла мою душу, которая быстро отделилась от тела, подобно тому, как птица быстро отскакивает от руки ловца, если он выпускает ее на свободу». Светозарные ангелы приняли душу преподобной и стали отходить с ней на Небо, тело же святой осталось лежать на земле, словно сброшенная одежда. Когда святые ангелы держали душу преподобной, злые духи, опять приступив, сказали: «Мы имеем многие ее грехи, отвечайте нам за них». И тогда ангелы стали вспоминать все добрые дела, которые сотворила святая: ее милосердие, миролюбие, любовь ко храму Божию, терпение, смирение, пощение и многие другие подвиги, которые преподобная понесла в жизни. Затем явился и преподобный старец Василий и стал говорить ангелам: Покровители мои, эта душа много мне послужила, успокаивая мою немощь и старость, Я молился о ней Господу, и Он даровал мне благостыню эту». При этом преподобный Насилий дал ангелам какой-то ковчежец, добавив: «Когда хотите мытарства воздушные миновать, искупайте ее, взяв из этого ковчежца и отдавая лукавым и злым духам». Ангелы взяли преподобную Феодору и направились вверх на Небеса, восходя как бы по воздуху. И вот на пути внезапно встретилось **первое мытарство**, которое называется мытарством Празднословия и Сквернословия. Истязатели требовали дать ответ во всем, что преподобная Феодора когда-либо дурно говорила, обвиняли за неприличный смех, насмешки, дурные песни. Все это святая забыла, ибо много времени прошло с тех пор, как она начала вести жизнь, угодную Богу. Но ангелы защитили ее.

Выше находилось мытарство Лжи. Находившиеся там злые духи были очень мерзки, противны и свирепы. Они с яростью начали клеветать на святую, но ангелы дали им из ковчежца и миновали их.

Когда преподобная достигла **третьего мытарства** — Осуждения и Клеветы, от злых духов вышел более старый и начал рассказывать, какими дурными словами преподобная оклеветала кого-либо в своей жизни. Много он показывал ложного, но удивительно было, с какой подробностью и точностью запомнили бесы то, что забыла сама преподобная.

Слуги **четвертого мытарства** — Обьядения и Пьянства, словно хищные волки, готовы были поглотить святую, вспоминая, как она ела утром, не помолившись Богу, ела до обеда и ужина и без меры, нарушала посты. Стараясь вырвать душу Феодоры из рук ангелов, один из злых духов сказал: «Не ты ли обещала при святом крещении Господу Богу своему отречься от сатаны и всех дел его и от всего, что принадлежит сатане? Дав такой обет, как ты могла совершить то, что совершила?» И бесы пересчитали даже все чаши вина, которые выпила преподобная Феодора в течение всей жизни. Когда она сказала: «Да, это было, и это я помню», ангелы снова дали часть из ковчежца святого Василия, как это они делали на каждом мытарстве, и отправились дальше.

«Знают ли находящиеся на земле люди, что ждет их здесь и с чем они встретятся по своей смерти?» — спросила преподобная Феодора ангелов. «Да, они знают,— ответил ангел,— но наслаждения и прелести жизни так сильно действуют на них, так поглощают их внимание, что они невольно забывают о том, что их ждет за гробом. Добро тем, которые помнят Священное Писание и творят милостыню или делают какие-либо другие благодеяния, которые впоследствии могут искупить их от вечных мук ада. Но горе тем, которые живут небрежно, как будто бессмертные, думая только о благах чрева и гордыни. Если внезапно постигнет их смерть, то окончательно погубит, так как они не будут иметь в защиту себя никаких добрых дел; души тех людей темные князья этих мытарств, сильно измучив, отведут в темные места ада и будут держать их до пришествия Христова. Так и ты, Феодора, пострадала бы, если бы не получила от угодника Божия Василия дарований, которые тебя спасли здесь от всего дурного». В такой беседе они достигли **пятого мытарства** — Лености, где истязуются грешники за

все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, ленящиеся в праздничные дни ходить в храм Божий. Там же испытуется уныние и небрежение как мирских, так и духовных людей и разбирается нерадение каждого о своей душе. Многие оттуда низвергаются в пропасть. Ангелы восполнили недостатки преподобной дарами св. Василия и отправились дальше.

Шестое мытарство — Воровство — они прошли свободно. Также и **седьмое мытарство** — Сребролюбия и Скупости — ангелы прошли без задержки, потому что, по милости Божией, преподобная всегда довольствовалась тем, что давал Бог, и усердно раздавала имеющееся нуждавшимся.

Духи **восьмого мытарства** — Лихоимства, истязующие взяточничество и лесть, заскрежетали от злости зубами, когда ангелы прошли от них, ибо они ничего не имели против преподобной.

Девятое мытарство — Неправды и Тщеславия, десятое — Зависти, и одиннадцатое — Гордости — ангелы прошли свободно.

Вскоре на пути встретилось **двенадцатое мытарство** — Гнева. Старейший из духов, исполненный гнева и гордости, приказал слугам мучить и истязать преподобную. Бесы повторили все подлинные слова преподобной, сказанные ею в гневе, припомнили даже, как она с гневом смотрела на своих детей или строго наказывала их. На все это ангелы ответили, дав из ковчежца.

Словно разбойники, подскочили злые духи **тринадцатого мытарства** — Злопамятства, но, ничего не найдя в своих записях, горько заплакали. Тогда преподобная осмелилась спросить одного из ангелов, откуда злые духи знают, кто и что сделал в жизни дурного. Ангел отвечал: «Всякий христианин при святом крещении приемлет ангела-хранителя, который невидимо оберегает его от всего дурного и наставляет на все доброе, который записывает все добрые дела, совершенные этим человеком. С другой стороны, злой ангел в течение всей жизни следит за злыми делами людей и их записывает в своей книге. Он записывает все грехи, в которых, как ты видела, испытываются люди, проходящие мытарства и направляющиеся на Небо. Грехи эти могут возбранить душе вход в рай и привести прямо в бездну, в которой злые духи сами живут. И там эти души будут жить до Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, если не имеют за собой благих дел, которые бы могли вырвать их из рук диавола. Люди, верующие во Святую Троицу, приобщающиеся как можно чаще Святых Таин Тела и Крови Христа Спасителя, прямо восходят на Небо без всяких препятствий. И святые ангелы Божии являются защитниками, и святые угодники Божии молятся о спасении душ праведно живших людей. О злочестивых же и зловерных еретиках, которые не совершают в своей жизни ничего полезного, никто не заботится, и в защиту их ничего ангелы не могут сказать».

В **четырнадцатом мытарстве** — Разбойничества, которого достигли ангелы, испытывались все, кто кого-нибудь толкнул с гневом, бил по щекам или каким-либо орудием. И это мытарство ангелы миновали свободно. Внезапно они очутились в **пятнадцатом мытарстве** — Чародеяния, обаяния (колдовства), отравления, призывания бесов. Здесь находились змееобразные духи, цель существования которых — вводить людей в соблазн и разврат. По благодати Христовой преподобная скоро миновала это мытарство. После этого она спросила, за всякий ли грех, который человек совершит в жизни, он истязуется в мытарствах или возможно еще при жизни загладить грех, чтобы очиститься от него и не мучиться при мытарствах. Ангелы отвечали преподобной Феодоре, что не всех так подробно испытывают на мытарствах, но только тех, кто, подобно ей, не исповедовался чистосердечно перед смертью. «Если бы я исповедала отцу духовному без всякого стыда и страха все греховное и получила прощение,— сказала преподобная Феодора,— то я перешла бы беспрепятственно все эти мытарства и ни в одном грехе мне не пришлось бы быть истязуемой. Но как я не хотела чистосердечно исповедовать отцу своих грехов, то здесь и истязуют меня за это. Конечно, мне много помогло то, что я в течение всей своей жизни старалась и желала избегать греха. Тот, кто с усердием стремится к покаянию, всегда получает от Бога прощение, а через это и свободный переход от этой жизни в блаженную загробную жизнь. Злые духи, которые

находятся в мытарствах вместе со своими писаниями, раскрывши их, ничего не находят написанным, ибо Святой Дух делает невидимым все написанное. И видят это они и знают, что все записанное ими изглажено благодаря исповеди, и очень скорбят тогда. Если человек еще живет, то они стараются на этом месте снова вписать какие-либо другие грехи. Велико поистине спасение человека в исповеди! Она спасает его от многих бед и несчастий, дает возможность беспрепятственно пройти все мытарства и приблизиться к Богу. Иные не исповедуются, надеясь, что будет еще время и для спасения, и для оставления грехов. Иные просто стыдятся на исповеди высказать духовнику свои грехи — вот такие-то люди будут испытаны в мытарствах строго. Есть и такие, которые стыдятся высказать одному духовному отцу все, а избирают нескольких и открывают одни грехи одному, другие другому и так далее. За такую исповедь они будут наказаны и не мало претерпят при переходе из мытарства в мытарство».

Незаметно приблизилось **шестнадцатое мытарство** — Блуда. Истязатели изумились тому, что святая беспрепятственно достигла их и, когда начали говорить, что она сделала в жизни, дали много ложных показаний, приводя в подтверждение имена и места. Так же поступили и слуги **семнадцатого мытарства —** Прелюбодеяния.

Восемнадцатое мытарство — Содомское, где истязуются все противоестественные блудные грехи и кровосмешения, все сквернейшие, тайно совершаемые дела, о которых, по слову апостола, стыдно и говорить, преподобная Феодора миновала скоро. Когда поднялись выше, ангелы сказали ей: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства. Знай, что редкая душа минует их свободно. Весь мир погружен во зле соблазнов и скверн, все почти люди сластолюбивы, *помышление сердца человеческаго— зло от юности его* (Быт. 8, 21). Мало умерщвляющих плотские похоти и мало таких, которые свободно прошли мимо этих мытарств. Большая часть, дошедши сюда, погибает. Власти блудных мытарств хвалятся, что они одни более всех прочих мытарств наполняют огненное родство во аде. Благодари Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца твоего. Уже более не увидишь страха».

На **девятнадцатом мытарстве** — Идолослужения и всякой ереси — преподобную ни в чем не испытывали, В последнем, **двадцатом мытарстве** — Немилосердия и Жестокосердия — были записаны все немилостивые, жестокие, суровые и ненавидящие. Душу человека, не следовавшего заповеди Божией о милосердии, сбрасывают отсюда в ад и затворяют до общего воскресения. Словно назойливые пчелы, подлетели слуги жестокого беса, но, не найдя ничего в преподобной, отошли. Радостные ангелы провели святую сквозь Небесные врата. Когда они вошли внутрь Неба, вода, бывшая над землей, расступилась, а позади снова соединилась. Ликующий сонм ангелов встретил святую и повел ее к Престолу Божию. Когда они шли, то на них спустились два Божественных облака. На необъяснимой высоте стоял Престол Божий, такой белый, что освещал всех предстоящих пред ним. «Все там находится такое, что невозможно ни понять, ни объяснить; ум омрачается недоумением, и память исчезает, и я забыла, где я нахожусь»,— так рассказывала преподобная Феодора. Она поклонилась Невидимому Богу и услышала голос, повелевший показать ей все души праведных и грешных и после этого дать покой.

После рассказа Феодора провела Григория по Небесной обители, ввела во дворец, в сад, где он, пораженный благами, хотел узнать о них подробнее, но преподобная лишь сказала, что все это неземное и достается тому, кто в земной жизни переносит много скорбей и напастей, кто оберегает заповеди Господни и в точности выполняет их. Итак, поклонившись святой, Григорий вернулся домой и в это время проснулся и стал размышлять о виденном. Боясь — не бесовское ли это наваждение, он поспешил к учителю, преподобному Василию, но тот, предупредив его, сам рассказал все то, что видел Григорий и просил его записать виденное и слышанное на пользу ближним.

Думаем, что каждый кающийся христианин найдет в этом рассказе огромную пользу для себя, со страхом вдумается в то, что ждет его после упокоения, и возжелает, пока есть время, трезво переоценить свою жизнь, свои поступки, слова, мысли, скорее исповедовать все греховное без утайки, отвергнув нерешительность.

Блудный грех

Читая повествование о мытарствах, обратим внимание на то, что открыли святые ангелы о блудном грехе,— что более всего души бывают задерживаемы и истязаемы на этом мытарстве и чаще всего отсюда низвергаемы во ад, так как весь род человеческий крайне блудлив и сладострастен, не воздержан и развращен, так что редко обретается один человек, не причастный к смрадному греху. И читая древнюю историю человечества в книгах Ветхого Завета, видим, сколько раз именно развращение плотское губило народы и страны, наводило гнев Божий и казнь. Так, при потопе было уничтожено все человечество, за исключением восьми душ,— и это была казнь за развращение; горящей серой была сожжена Содомская земля со всем ее населением — пять городов в плодородной, богатейшей земными благами долине, где теперь находится Мертвое море, море, в котором не живет рыба, но если и попадет из Иордана, тут же погибает в водах его, окружающая местность мертва, обнаженна, лишена жизни, покрыта пылью и пеплом, даже воздух здесь крайне нездоров. Вот такое страшное надгробие воздвиг гнев Божий над могилой развратившегося народа, позабывшего всякий стыд, вот — памятник греху, напоминание нам о тех муках, которые ждут подобных грешников в вечности, вот сколь мерзок грех блудный пред Богом! Мы знаем из Святого Писания, что никакой блудник не войдет в Царствие Небесное, будь то прелюбодей, или рукоблудник, или кровосмеситель, не говоря уже о мужеложниках, скотоложниках и тому подобных грешниках.

Но наше время превосходит все времена по массовой развращенности, по глубине разнузданности и бесстыдству разврата. Уже целиком все пять частей света сего осквернены теми грехами, за которые были сожжены, испепелены, потоплены в соленых и ядовитых водах пять городов долины Сиддим. И мы помним, что при конце мира вся земля будет сожжена за подобное отступление от заповедей Божих, за развращение, неистовый блуд, за поклонение сатане и исполнение его дел.

А ведь какого разгула достигло это растление в наши дни! Уже огромные сборища отчаянных развращенцев объединяются в нечестивые сообщества, создают какие-то свои клубы, свои фирмы, свое искусство, диктуют всему миру свои моды, вкусы, даже издают книги с советами, сопровождаемыми иллюстрациями — как наиболее изощренно предаваться этому растлению, как наиболее тяжко осквернить, унизить, опорочить свои тела и души, как наиболее удалить их от Бога, сделать трудноисцелимыми, как бы выжечь на них клеймо диавола. Для широкого распространения сего соблазна используются все достижения современности, все средства влияния современной науки на души людей: телевидение, кино, журналы, газеты, реклама, музыка, живопись, литература — все это с помощью современной техники оформлено так ярко, впечатлительно, «осязательно», что, подобно острому тонкому и длинному ножу, врезается в сознание, поражает чувства, глубоко входит в сердце человека; подобно ядовитому газу, выпущенному в лицо растерянной жертвы грабежа, внезапно парализует, помутняет разум, проникает во все внутренности, входит в кровь, лишает жизни или на многие годы отравляет душу и тело. Уже и самые малые дети видят и знают об отвратительнейших половых извращениях все, что раньше знали только самые потерянные, падшие люди. А теперь дети, подобно тем содомским отрокам, уже усиленно стараются подражать взрослым негодяям, прикоснуться к смертельному яду, вкусить смертоносного плода, от которого на всю жизнь (если они даже и начнут покаянную, очистительную работу над собой) останется на душах их тяжелейшая рана, язва, ведь не одна греховная зараза так глубоко не всасывается в сердца, как разврат, тем более познанный в детстве.

Распространителей этого ядовитого снадобья можно считать без колебания тяжкими преступниками — хуже убийц и грабителей. Тот, кто не борется (имея такую возможность) с порнографическим дурманом, который теперь легко входит в каждый дом, как бы гнилой воздух с улицы при открытых окнах, кто не ограждается сам, не ограждает ближнего, особенно детей,— тот причастен к тяжкому преступлению (как тот, кто, увидев человека, стоящего на железнодорожном пути при несущемся на него поезде, не окрикнул и не выхватил его, но спокойно смотрел на его смерть). «Христианин»,

который пленяется подобной «забавой» — смотрит порнографические фотографии, фильмы и т.п.,— не христианин! Святое Евангелие ясно передает нам слово Божие: *Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй», а Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27-28). В Ветхом Завете народу израильскому был дан закон побивать камнями до смерти и затем сжигать всех блудников. А сегодня в обществе, которое чаще всего называет себя «христианским», стыдом и срамом считается не блуд, не разврат, а целомудрие! Многие молодые люди, не осквернившие еще тела свои блудом, стыдятся своих друзей и стараются выказать себя распутными, ищут случая скорее познать грех, чтобы этим хвастнуть пред сверстниками, снискать некоторое их уважение к себе,— и это случаи не редкие, а повсеместные.

Как часто теперь священник вместе с таким несчастным развратившимся, но ищущим врачевания молодым человеком много и тяжко трудятся, скорбят и усиливаются достичь здравия и как часто эти усилия не достигают цели, так как грех уже так усвоился, среда так располагает к греху, а веры и страха так мало в современном мире. Остается только вопиять, умолять, просить, устрашать: ради Бога, ради спасения души, ради вечной жизни не посевайте с самого начала в душе своей семени греха сего, не травите сердец своих, найдется ли потом достаточно слез покаянных, чтобы залить то пламя страсти, которое так легко распаляется в жаркое наше время, когда все иссушено вокруг, не стало страха Божия, веры, чаяния будущей жизни, но всюду одно сладострастие, царство похоти.

Святой митрополит Димитрий Ростовский, подробно рассматривая события, описанные в Книге Бытия, долго задерживается на рассуждении о страшной каре, постигшей содомлян и их соседей, рисует страшную картину этого греха, его мерзостность, его пагубность, его обреченность. Приведем здесь выборочно и сокращенно это слово святого отца.

«Где люди, переменив нрав человеческий, уподобляются свиньям, гной и кал любящим, там отступают ангелы Божии, вместо же ангелов к таковым приближаются бесы и вступают с ними в сообщество. Таковых людей бесы любят и просят Христа разрешить жить им в них, как в свиньях гергесинских, и попускается им, и вселяются они в них, и гонят их в то пропастное, смрадное и скаредное Содомское озеро, и даже потопят их в бездне адской.

Грех содомский — больший из всех, тягчайший, лютейший и богопрогневательнейший более всех прочих и на небо вопиющих грехов. За такой грех Бог хочет не только вечной казнью мучить во аде, но и повелел такого грешника умерщвлять временной казнью (Лев. гл. 20). И сам Он первым огненную казнь навел на содомлян, давая пример, чтобы таковые впоследствии без пощады были казнены.

Когда любострастная похоть блудная возьмет в ком-либо верх и войдет в обычай, то ослепляет человека: если она и не делает слепыми плотские очи такого человека, то, однако, погубляет умные его очи, чтобы не видеть ему ни Бога, ни людей, ни себя самого. Ибо такой человек уже ни Бога не боится, ни людей не стыдится и ни себя не щадит, но как слепой в яму, так и он в блудную пропасть упадает и погибает.

Гневается Бог весьма на сквернящегося грехом блудным человека, ибо таковой не только преступает заповедь Божию, повелевающую не прелюбодействовать, но и Самому в новой благодати Сыну Божию, Христу Спасителю нашему великую обиду наносит, «творя уды Его,— как говорит апостол,— уды блудничы», ибо телеса наши суть уды Христовы: оскверняющий тело свое блудодейством, уды Христовы в себе оскверняет.

Если в те древнейшие времена, которые были до воплощения Христова и прежде дарования закона на Моисеевых скрижалях, если в те времена Бог не пощадил блудников, но иных потопом истребил, а иных огнем и каменным градом, посланным с небес, погубил, то как Он пощадит ныне, когда закон Божий проповедан, когда уже Христос живет в человеческих телесах, когда и гражданские законы возбраняют блудные дела и когда везде установлены за таковые дела грозные наказания? Если долготерпеливый Господь и не тотчас посекает уготованным мечом Своего врага, не убивает его в самом блудном деле, ожидая покаяния его, однако настанет то время, в которое Он *руце свои*

умыет в крови грешника (Пс. 57, 11), если тот не покается. Бывает же и то, что грешника в самом греховном деле постигает гневом Божиим неожиданная смерть, ибо и потоп нашел на вселенную, когда люди женились и посягали, и на Содом неожиданно одождился огнь и многих на том деле застал. И в настоящее время, когда блудник совершает грех свой, Бог гневается на него и как на врага своего ярится, меч наказания Божия над согрешающим висит, ад под ним отверзает уста свои, геенна огненная ему воспламеняется, черви неусыпающие для него умножаются, тьма кромешная и тартарские муки его ждут, руки бесовские готовы похитить его и похитили бы тотчас, если бы не возбранялось им сие от Бога. Ангелы святые, зря его дело скверное, отвращаются, святые, видя, гнушаются, хранитель плачет, демоны радуются, а блудник умом своим ничего об этом не помышляет, ибо он слеп и не видит Бога и приготавливаемой ему гневом Божиим вечной казни.

Не видит слепотствующий умом своим блудник людей, то есть не стыдится их, как бы не замечая их, хотя и знает, что всем известны его беззакония и что все над ним посмеиваются; однако он небрежет о сем, погубив свой стыд. Не напрасно древние эллины, находясь в идолопоклонстве, изображали блудную страсть в образе юноши, называемого ими Купидоном, слепого и нагого, имущаго глаза платом покрытыми и завязанными, а все тело без всякой одежды: они обозначали в изображении этом юностное бесстыдство в любодеяниях, не заботящееся о наготе своей и о явлении другим дел своих. Наконец, слепотствующий умом своим блудник не видит и самого себя, то есть не заботится о тщете своей, не смотрит, сколь великих благ лишается, и погубляет тройственные свои блага: или внешние, которые имеет от фортуны или благополучно счастием приобретенные; или же естественные для тела блага; или, наконец, блага внутренние, душевные, духовные.

Блудное невоздержание не только одного человека вводит в беды и лишает временных благ, но и целые города со странами разоряет и опустошает, отнимает скипетры у царей и творит воинскую силу немощной и бесчестной. Губит невоздержанный блудник и естественные блага своего тела, которые суть: здоровье тела, благолепие лица, красота глаз, приятность голоса, бодрость, храбрость, крепость и сила. Все это от невоздержанной похоти в человеке ослабевает, умаляется, как цвет увядает и погибает. А более всего, когда кому-нибудь из таковых пристанет скаредная и весьма мучительная болезнь — с трудом исцеляющаяся французская проказа; когда эта болезнь пристанет, тогда она, как червь неусыпающий, снедает все тело и покрывает его струпьями с ног до головы, испускает злой смрад и для всех делает человека мерзким. Губит блудник также плод свой, который у него должен был бы быть в законном супружестве честным и во славу Божию: в блудницу излив его, как в болото. Губит всякий прелюбодей и истинную любовь и союз со своей супругой, ибо та, узнав, что муж ея прелюбодействует, начинает ненавидеть его и гнушаться им, а иная и сама также начинает прелюбодействовать назло своему прелюбодействующему мужу. Наконец, губит таковой и лета жизни своей, ибо когда блудник бывает невоздержанным, тогда уменьшаются в нем силы его от дел блудных, сокращаются дни жизни его и он раньше времени стареет и умирает. Но прежде такого старения довольно часто бывает смерть или от отравы, или от убийства. Ибо иные из-за блудниц бьются друг с другом до положения души, как из-за Таисии, египетской блудницы, бывшей прекрасной лицом, многие ссорились и бились, обагрив порог дома ее своей кровью.

И все внутренние душевные блага умаляются, когда человек погрязает в блудных страстях. Память его изнемогает, разум помрачается, и свободная воля начинает рабски служить его страстям; когда в нем начинает владычествовать этот грех, с которым он уже свыкся, то таковой *не еже бо хощет, сие творит, но еже и не хощет, то содевает* (Рим. 7, 19). Все те добрые и богоугодные дела, которыми заслуживается спасение, в таком человеке ослабевают и превращаются в противоположные.

Но самая большая потеря для христолюбивой души заключается в лишении Божией благодати, так как она, если не покается, делается чуждой усыновления Божия, наследия Царствия Небесного, дружества со ангелами, общения со святыми, соцарствования вечного Христу и превожделенного Его лицезрения, в котором все веселие и радость, все

блаженство и услаждение для святых Божиих. Все это отдавшийся всецело своим плотским похотям любострастный блудник губит и нисколько о том не жалеет. Наконец, он бывает повинен мукам вечным, огню неугасимому и неусыпающему червю, тьме кромешной и тартару, которого и сам сатана трепещет; однако всего этого он, как слеп и, н видит и видеть не желает, не рассматривает, не рассуждает и не щадит себя, готовя себе столь лютые муки.

Одожди Господь камение горящее на Содому и Гоморру (Быт. 19, 24)... Те камни, которые были одождены с неба, были горящей серой. Поистине, казнь люта, ибо сера загорается более всякого другого вещества, горит ужаснейшим огнем, а вместе с тем испускает нестерпимый смрад. Так эта казнь оказалась подобной смрадному греху содомскому: за разжение плотское — огонь, за смрад греха — смрад серы.

Раю Божию подобна была страна Содомская, как и Иорданская, пока содомляне не прогневали Бога и не навели на себя и на всю эту страну Божьего наказания, как пишется: *возвед Лот очи свои, виде весь предел Иорданск наводнен, прежде разсыпания Содомска и Гоморрска, яко рай Божий* (Быт. 13, 10). А когда постиг гнев Божий и Господь одождил на грешников огнь и истребил их, тогда и всю страну их превратил в пустыню.И как прежде она уподоблялась раю по красоте своей, изобилию плодов прекрасных и по благорастворению воздухов, так потом она сделалась подобной адской стране — некрасивой, бесплодной, мрачной и тлетворной. Убоимся же, о люди, дерзающие без страха прогневлять Бога своими скверными грехами и беззакониями, дабы и нас не постигла казнь Божия! Постигнет же всячески, если не покаемся; если не в нынешнем, то в будущем веке мы не избежим наказания, ибо грех, не очищенный путем покаяния, не останется без наказания или во временной жизни, или в вечной.

Разоренный Содом является образом нашей души. Как он прежде крайнего прогневания Бога и гибели своей был подо ен раю, а потом, когда ради грехов была отнята от него милость Божия и он подвергся казни, он сделался подобным аду, дымным, смрадным, пустынным, безводным и бесплодным,— так и душа наша прежде своего развращения и прежде уклонения к скверным делам является как бы раем: Бог в ней живет, Дух Святой в ней почивает, ангелы святые сохраняют ее, реки благодати Божией наполняют ее, плоды духовные умножаются. Но как только она ниспадет в ров греховный, не позаботится встать от него, но начнет еще глубже ниспадать от греха ко греху, тогда она уподобляется аду: Бог от нее отходит, Дух Святый опечаливается, Ангелы отвращаются, иссыхают реки благодати Божией, губятся духовные плоды и бывает она бесплодна, дымится смрадом греховным и увеличивает в себе пламя похотей греховных. В том только душа блаженна, что ей возможно (чего уже невозможно Содому), если она захочет, опять из подобия адова превратиться путем покаяния в райскую красоту».

Прелюбодеяние

Прелюбодеяние есть падение несвободного с несвободной, т.е. имеющего законную жену мужа, с женой, имеющей своего мужа, или падение свободного с несвободной, или наоборот.

Прелюбодеяние есть повреждение и осквернение чужого ложа и своего. Если оба лица несвободны, то оба они одновременно оскверняют чужое и свое ложе, не сохраняя в своем законном супружестве веры и любви и преступая предел закона: посему и судится грех прелюбодеяния более, чем грех любодеяния.

Падение таковых есть великий и тяжкий грех, не только тяготу и скверну блуда содержащий, но и законный брак повреждающий и оскверняющий и досаждающий Творцу и Законоположителю Богу. Прелюбодеющий разлучает то, что Бог сочетал, рассекает пополам плоть едину и наносит обиду тайне супружества. Поэтому грех прелюбодеяния — вдвойне больший грех, чем любодеяние, и виновность первого более тяжела, чем последнего. Ибо любодеяние оскверняет только два свободных лица — любодействующего и любодействующую, прелюбодеяние же простирается на четырех: два лица оно оскверняет, а двум другим наносит обиду. Поэтому и епитимия прелюбодею св. Василием Великим положена такая: блудник подвергается запрещению на 7 лет, а

прелюбодей — на 15 лет (см. Кормчую, 58-е и 59-е правила). А св. Златоуст считает прелюбодеяние грешнее даже разбойничества: «Каждому Бог дал жену и положил законы для естества, установив соединение с одной. Поэтому преступление с иной есть разбойничество и лихоимство, и даже преступление, лютейшее всякого разбойничества, ибо мы не так сильно страдаем, когда уносят наше имущество, как в том случае, когда подрывается брак» (на Послание к Солунянам 4, 6). Прелюбодеяние в Ветхом Завете не удостаивалось помилования и прощения и никакими жертвами не могло быть очищено: не упомянуто о сем в книге Левит, в которой описывается, какие жертвы нужно приносить за какие грехи. За прелюбодеяние не было назначено жертвы или очищения, но что же? — казнь смертная, и не каким-либо иным способом этот грех истреблялся и очищался в людях Божиих, как только смертной казнью (Лев. 20, 10; Втор, 2, 22).

Прелюбодеяние, хотя бы оно и не было обнаружено, тем не менее сопровождается постоянной мукой внутреннего в совести: внутренний червь постоянно грызет, обличает, отягчает и в отчаяние приводит. Если же прелюбодеяние обнаруживается, воспоследствует за сим великий стыд, бесчестие, неукротимая ярость мужа, ложе которого осквернено, гнев собственной жены согрешившего и достойное по праведному суду наказание.

Всегда грех прелюбодеяния во всех народах строго наказывался лютыми казнями или муками: Опилий, римский царь, повелевал прелюбодея и прелюбодейцу связывать вместе и бросать в огонь. Август, Тиверий, Домициан, Аврелий и Север установили за прелюбодеяние такое наказание: сгибать вершины двух деревьев, привязывать к ним за ноги виновного и отпускать, таким образом тело грешника или грешницы разрывалось на части. Другие римские цари позволяли безнаказанно мужу убивать жену и прелюбодея с ней, если застанет их вместе согрешающими. Древнегреческий царь Сенедий дал закон — секирой отсекать головы мужу и жене, взятым на месте прелюбодеяния. Саксоняне убеждали прелюбодейцу, чтобы она сама удавилась веревкой, а труп ее сжигали и вешали прелюбодея над этим костром. Египтяне прелюбодея били железом, нанося ему тысячу ран, а прелюбодейце отрезали нос. Куманы, посадив жену нагой на осла, возили ее по всему городу и били. Бразильцы таких жен или убивали, или же продавали как рабынь. В иных местах отрезали женам нос и уши, а мужам — уды прелюбодеяния. Многие и другие лютые наказания прелюбодействующих были в различных странах.

Ныне же среди христиан таковые грехи столь многочисленны, но казни смертной им не положено; вообще этот грех теперь слабо наказывается, и только разве Сам Праведный Судия будет казнить в будущем веке.

Отчего происходят постигающие отовсюду нас столь великие бедствия? — Из-за грехов наших месть Божия бьет нас, а мы не хотим познать виновности нашей и покаяться.

Пьянство

В творениях святителя Димитрия Ростовского встречается весьма полезное и вразумительное, устрашающее и протрезвляющее наставление тем, кто слаб в отношении спиртных напитков. И эта страсть в наше время стала одной из самых распространенных и многое множество зла, горя, несчастья и беззакония производящей. Поэтому приведем здесь в сокращении это рассуждение св. отца — с целью вызвать раскаяние и желание побороть эту болезнь, если читающий сие ею болен.

Невинно вино, но проклято пьянство, от которого столь великий вред бывает, о чем нет нужды и говорить, ибо это может каждый увидеть из повседневного опыта.

Славный среди древних эллинов философ Анахарсис говорил, что лоза виноградная родит три грозди: во-первых, гроздь услаждения, во-вторых, упоения и, в-третьих, гроздь печали. Сие он изъяснял в том смысле, что питое вино в незначительном количестве является услаждением и полезно человеку, ибо утоляет жажду, подает цельбу стомахе (греч. — желудок) и веселит сердце, тогда как питие в большом количестве делает человека пьяным, порождает многочисленные свары, разжигает ярость и поднимает на брань и бой, за чем следует немалая печаль.

...Поистине, пьянство есть содомо-гоморрский виноград и не иные гроздья его, как только гроздья желчи, горести, исполненные змеиного и аспидного яда и рождающие ярость, ибо каков сад, таковы и плоды бывают!

Первая гроздь желчного пьянственного винограда заключается в помрачении ума, изменении разума и погублении памяти, ибо сила пьянственная, восходя от наполненного вином желудка к голове, потемняет мозг и смущает ум. Поэтому бывает то, что многие в своем пьянстве не помнят о себе и не знают, что делают и что говорят, как безумные; если же с ними приключится какое-нибудь бедствие или бесчестие, или раны, то они наутро не помнят.

Другая гроздь есть бесстыдство, ибо пьяный никого не стыдится, но, погубив стыд, произносит слова скверные, хульные, бесстыдные, нелепые, скаредные и недостойные целомудренного слуха, и бывают его уста как бы некоей пустой хлевиной, исполненной смрадного гноя, а язык уподобляется лопате, которой выкидывается гной. Сердце же такого человека чем иным может быть, разве только сокровенным местом многих зол, откуда не может происходить добро, но лишь одно зло, как говорится в Евангелии: *Человек злый от злаго сокровища сердца своего износит злое, от избытка бо сердца глаголют уста его* (Лк. 6, 45).

Третья гроздь пьянственного винограда есть несоблюдение тайны, ибо все то, что трезвый глубоко в сердце своем скрывает, погребши молчанием, будут ли это свои или вверенные ему кем-либо другим тайны, все это пьяный делает известным для всех. Кроме того, и все, что было совершено давно и предано забвению, он вспоминает и как мертвеца воскрешает. Такой подобен бочке, полной нового пития, в которой при шумящем и изливающемся питье дрожжи не удерживаются на дне, но поднимаются наверх и, гонимые из бочки внутренней теплотой, вытекают вон. Подобно сему, и в пьяном человеке сила опьянения возмущает сердечные тайны и гонит их вон. Он устами своими открывает тайны подобно тому, как пища из желудка, исполненного пьянством, выбрасываются и тайны блеванием. В пьяном обе эти, т.е. и пища и тайны, превращаются в блевотину.

Четвертая гроздь пьянственного содомо-гоморрского винограда есть распадение похоти на плотское смешение. Посему-то апостол и увещевает: *Не упивайтеся вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 18), а св. Василий Великий говорит: «Несомненно от вина, как от некоего источника, проистекает безудержная похоть, которая много превосходит даже неистовство всех бессловесных по отношению к женскому полу; ибо бессловесные животные не переходят границ естественного, а упивающийся вином в мужчинах ищут женского пола и в женщинах — мужского пола».

Пятая гроздь, исполненная змеиного и аспидного яда, есть ярость, гнев, вражда, ссоры, драки и кровопролития. Пророк Осия говорит: «Начата князи яритися от вина, не токмо же князи, но и простолюдины, исполнившеся вина, возстают друг на друга яростью». Посему-то и Приточник (тот, кто говорит притчами — царь Соломон) выражает порицание: *Кому люте? Кому молва? Кому суды? Кому туга и понос? Кому сокрушение вотще? Кому сини очи (синяки под глазами)? Не пребывающим ли в вине и не набирающим ли, где пирове бывают?* (Притч. 23, 29-30). И Сирах увещевает: «В вине не мужайся, многих бо погуби вино: пещь искушает железо в калении, тако вино сердца гордых в пьянстве». И еще тот же говорит: *Горесть душам вино много пиваемо, с гневом и клеветою умножит ярость безумного* (Сир. 31, 29-30, 34-35).

Шестая желчная гроздь пьянственного винограда есть повреждение здоровья, ослабление телесных сил, дрожание рук, боль головы, изменение глаз, бедствования желудка, стоны, недуги, преждевременная старость, сокращение лет жизни и ранняя кончина.

Седьмая гроздь — растрата имущества, погубление богатств и отсутствие прибылей. *Делатель пиянивый,*— говорит Сирах,— *не будет богат* (Сир. 19, 1), О как много таких, которые от великого богатства пришли к крайней нищете! Примером сего может быть блудный сын.

Восьмая несладкая гроздь — лишение спасения, ибо пьянство губит, подобно вещественным имениям, и духовные богатства. Оно осмеливается на все грехи, ибо тот

грех, которого трезвый человек гнушается, боится или стыдится, тот грех он в пьяном виде совершить не стыдится, не боится и не гнушается. Об этом ясно говорит святой Златоуст: «Пьянство, если в ком найдет и целомудрие, и стыд, и разум, и кротость, и смиренномудрие, все повергает в бездну законопреступления». Истину говорит апостол: *Пияницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 10).

Девятая желчная гроздь — гнев Божий, ибо пьянствующий, преступая заповеди Божии, подвигает на гнев Бога своими грехами. Посему пророк Исаия восклицает: *Горе востающим заутра, гонящим сикера, пиющим до вечера: вино бо пожжет я. С гусльми и прегудицами, и тимпаны, и свирельми вино пиют, адел Божиих не ведят (Ис. 5, 11-12). И таким и пророк Иеремия говорит: Пийте и упийтеся, и наблюйте, и падите, и не возстаните от лица меча, егоже Аз послю среди вас (Иер. 25, 27).*

Десятая и самая горькая гроздь пьянственного винограда есть несомненная погибель души, ибо иные грешники, когда приблизятся к часу смерти своей, могут каяться и сожалеть о грехах, имея трезвый ум. Пьяный же как может, умирая, покаяться, если он не помнит себя и не знает, что приблизилась к нему неожиданная кончина? Умирающему же без покаяния неизбежна геенна.

Вот каковы грозди того содомо-гоморрского винограда, то есть пьянства, вкус которых хотя вначале и кажется сладким, но после превращается в желчную горечь и в яд змеиный и аспидный».

Все это сказано не для похуления вина, но для укоренил пьянства, ибо вино создано Богом на радость и здоровье людям, а не для пьянства и вреда. Говорит св. Златоуст: «Вино дано для того, чтобы мы веселились, а не безобразничали, чтобы смеялись, а не были осмеяны, чтобы мы здравствовали, а не болели, чтобы исправили слабость тела, а не уничтожали душевную крепость». «Пьянство не от вина, но от безмерного употребления: вино нам дано не для иного чего, как только для телесного здоровья, но сему препятствует безмерное его употребление». Тот же святой считает пьяниц за их безмерное пьянство бесчестнее псов, ослов и прочих бессловесных животных, ибо всякое животное не ест и не пьет больше, чем нужно, и никто не может принудить его, чтобы оно ело или пило больше, чем желает его природа. Пьянствующий же человек и без принуждения все больше и больше наполняет чрево свое, так что даже сам себе вредит.

Так что не сочти этот грех маловажным, даже если ты не систематический пьяница, но только по временам упиваешься, то тем более поостерегись, чтобы не спиться тебе более, ведь при нашем намерении начать новую жизнь по христианскому закону и брани часто усиливаются, и то, что было раньше незначительным, после бывает сильнейшим искушением, вокруг всех наших слабых точек души собирается множество коварных бесовских ловушек и козней. А пьянство опаснее других грехов тем, что начинается незаметно, а через него потом пролезают в душу все другие страшные позывы ко греху, которые пьяный легко принимает и исполняет на деле. Никакой грех неначинается так безобидно (по виду), как этот, и не приводит потом к стольким падениям, самым ужасным и тяжким по последствиям. Но и многие труды и усилия необходимо понести для того, чтобы перебороть эту страсть, необходимо искреннее раскаяние и молитвенное обращение к Господу и святым Его за помощью (особенно часто об избавлении от этой страсти просят св. мученика Вонифатия).

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ПОУЧЕНИЯ О ПОКАЯНИИ

Итак, здесь мы коротко упомянули о самых распространенных и наиболее зловредных грехах нашего времени (конечно, далеко не о всех), таких, злостность которых теперь часто недооценивают и считают «легкими». Теперь стоит коротко коснуться и того, как вообще исправлять себя, свое сердце, откуда начинать, где искать корни греха, на что обращать внимание более, какая страсть от какой происходит. Прекрасно об этом говорит святитель Феофан Затворник в проповеди субботней первой недели Великого поста. Приведем здесь часть ее.

Об исправлении сердца

Воспитание в себе всего святого так трудно и многосложно, путь к добру пролегает

среди такого множества сокровенных распутий, что приступающему к благому подвигу самоисправления непременно должно начертать предварительно в мысли, что и как исправлять, носить сие начертание постоянно в уме и сердце, чтобы с ним, как с верным путеводителем, беспреткновеннее и надежнее привести к концу начатое дело.

Итак, первое — что нам исправлять в себе?

Почти все, что есть в нас. Грех любит полновластие. Если он в любви у нашего сердца, то уже овладевает им всем и всего человека покрывает своей зловредной силой. Для грешного и человека и человечества надпись одна: *от ног даже до головы несть целости* (Ис. 1, 6). В этом каждый легко убедится, если приникнет внутрь грешного сердца. Там увидит он коренное семя зла, увидит основные возбуждения греха, равно как и то, в чем он обнаруживается.

Семя всего нравственного зла — самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности —должен бы жить только для Бога и людей. Освящая свою деятельность возношением ее как благодарственной жертвы к Богу Спасителю, он должен бы всю ее простирать на пользу ближних и на них изливать все, что бы не получил от Щедродавца Бога. Одно здесь не бывает без другого: нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога,— равно как, любя Бога и ближних, нельзя не жертвовать собой славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслью, сердцем и желанием отвращается от Бога, а вследствие того — и от ближних, то, естественно, останавливается на одном себе — себя поставляет средоточением, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних.

Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но, разрастаясь и подавляясь ближе к поверхности сердца, семя сие выходит из него уже в трех видах, как бы в трех стволах, проникнутых его силой, преисполненных его жизнью: в самовозношении, своекорыстии и любви к наслаждениям. Первое заставляет человека говорить в сердце своем: кто как я; второе: всем хочу завладеть; третье: хочу жить в свое удовольствие.

Кто как я! — Какая душа не ощущала в себе подобного движения? Не те только, кои от природы одарены высокими совершенствами или своими трудами успели сделать что-нибудь важное и общеполезное, могут мысленно возноситься перед другими. Самовозношение проходит по всем возрастам, званиям и состояниям; следит за человеком чрез все умственные и нравственные степени усовершения; оно не подчиняется никаким внешним отношениям, и хотя бы человекжил один, в безвестности и отдалении о г всех, он всегда и везде несвободен от искушения — превозношения. С тех пор как он к сердцу принял первую лесть змия — «будете яко бози», с тех пор он начал возвышать себя над всеми, как Бог,— начал ставить себя выше той черты, на которой поставлен природой и обществом,— это общая болезнь всех и каждого. Кажется, что опасного полюбоваться мыслью, что я выше того, другого, третьего? — А между тем, смотрите, сколько зла и сколько темных порождений проистекает из сей незначительной, по-нашему, мысли! Мыслью и сердцем возносящий себя над всеми, если предпринимает что, предпринимает не по гласу разума и совести, не по советам мудрых и внушению слова Божия, а по своим соображениям, предпринимает потому, что этого ему хочется: он своеволен; если приводит в исполнение предпринятое — всего ожидает от одного себя: он самоуверен, самонадеян; когда исполнит, все относит к себе и оттого бывает высокомерен, горд, притязателен, неблагодарен; поставляя себя в отношение к другим, желает, чтобы везде и во всем исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановению: он властолюбив и склонен к насилию; поставляя других в отношение к себе, не может терпеть их влияния, в каком бы скромном виде оно ни являлось: он презрителен и непокорен; встречая нарушение своей воли, выходит из себя, обиженный, воспламеняется местью; он жаждет чести и славы, когда обладает сильным характером; лицемерен и тщеславен, когда слаб душой; дерзок, своенравен, спесив, склонен к пересудам, когда низок. Вот в каких видах является самовозношение, вот сколько греховных движений одолжены ему своим происхождением! Едва ли кто может не изобличить себя в том или другом.

«Хочу, чтобы все было мое!» — замышляет своекорыстный,— и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно, как бы само, лично, действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекла для него какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядочено, всему дан такой ход, что и время, и место, и вещи, и лица — все, к чему прикасается рука его и мысль, несет в его сокровищницу сродную себе дань. Личная польза, интерес— это коренная пружина, везде и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждении он готов все обратить в средство для своих целей: будет искать высших степеней достоинства и чести, если это выгодно, возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других, решится на все груды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостяжателен, или скуп и только под сильным влиянием тщеславия может любить великолепие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собой, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени — самолюбия! И у кого нет каких-нибудь вещей, с которыми расстаться столь же больно, как потерять самое сердце,— расстаться с счастьем?

«Хочу жить в свое удовольствие»,— говорит порабощенный плоти,— и живет в свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять. Он изведал только разные роды наслаждений, с ними только и умеет обходиться, говорить о них и рассуждать. Сколько благ на земле, сколько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная наклонность. Отсюда — лакомство, многоядение, изнеженность, щегольство, леность, распутство — наклонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу. Станет он услаждать вкус, делается сластолюбивым, игра цветов научает его щегольству, разнообразие звуков — многословию, потребность питания влечет его к многоядению, потребность самохранения,— к лености, иные потребности — к распутству. Состоя в живой связи с природой чрез тело, душевно преданный телу столькими каналами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отправлений, и вместе с наслаждениями он впивает в себя и коренной дух природы — дух механического непроизвольного действования. Потому, чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг его свободы, и кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти.

Вот как разрастается в нас зло от малого, почти незаметного семени. На дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла— самолюбие; от него идут полные его силой три отрасли зла— три его видоизменения: самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рождают уже бесчисленное множество страстей и порочных наклонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое дерево зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит вовне и покрывает все, что окружает нас. Подобное дерево, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-нибудь любит грех,— с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, у другого другая сторона его.

Что же за причина, что мы большей частью не замечаем его в себе и нередко держим на мысли и вслух, не стыдясь, говорим: что ж такое я сделал? Или — чем я худ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Не покровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого, потому он спешит одеть его листвием, прикрыть его безобразие, и прикрывает так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие дерево. Эти лиственные прикрытия суть — **рассеянность и многозаботливость.** Рассеянный не любит жить в себе, многозаботливый не имеет свободной минуты. Один не может, а другому некогда замечать то, что происходит внутри. С первым пробуждением от сна душа их тотчас выходит из себя — и у первого уходит в мир мечтаний, у последнего же погружается в

море нужных будто дел. Настоящего для них нет, что, собственно, характеризует всю их деятельность. Один охотнее живет в самосозданном мире и действительного касается только отчасти, ненамеренно, поверхностно; другой и мыслью, и сердцем весь впереди, каждое дело он спешит окончить как можно скорее, чтобы приступить к другому; начинает другое — и спешит к третьему, вообще настоящим у него заняты только руки, ноги, язык и прочее, а его дума вся устремлена в будущее. Как же при таком ходе внутренних движений заметить им, что кроется в сердце?

Вот в общих чертах все, что надлежит нам изменить в себе, вот обширное поприще деятельности в святом подвиге самоуправления! Надобно снять покров с греха — изгнать из души беспечность, нечувствие, самообольщение, рассеянность и многозаботливость; надобно отсечь его ветви — все порочные страсти и наклонности; наконец, ископать его с самым корнем, изгнать самолюбие — самоотвержением. Труд немалый и нелегкий! Греховная нечистота, изображенная перед сим, покрывает душу не как пыль, которую можно стряхнуть легким движением воздуха. Нет, она проникла в самое существо наше, срослась с ним воедино, стала как бы ее частью, потому освобождаться от нее есть то же, что отделять себя от себя, что изымать око, усекать руку. Впрочем, такая трудность не подавлять нас должна, а возбуждать от нерадения. Искренно желающий спасения не смотрит на препятствия: от них он еще бодреннее воспрянет, решительнее приступит и ревностнее начнет спасительное дело самоисправления.

Как же совершать сие дело? С чего начать, что делать потом, что далее, какой вообще ход внутреннего самоисправления? Сердце человека глубоко — как узнать, что в нем происходит при известных обстоятельствах, а тем более, что должно в нем происходить? Всякий имеет свой характер, у всякого свое настроение, свои страсти, наклонности, привычки. У всякого потому ход внутреннего самоисправления должен быть свой и одного для всех установить никак невозможно, Самоисправление не есть дело холодных соображений, а живого и ревнивого действования, совершающегося глубоко в сердце. Христианство—тайна, не в основании только, но и в приложении. Ход образования его в сердце подобен пути по сокрытому и запутанному подземному ходу. Вступающему в него скажут: вот путь,— и решившийся идти идет уже сам. «Кто убо может спасен быти?» — скажет кто, соображая все трудности самоуправления. Отвечаем ответом Спасителя на подобный вопрос: *У человек сие невозможно, у Бога же вся возможна* (Мф. 19, 26). Решившийся начать христианскую жизнь чрез Св. Таинства получает благодать Духа, просвещающую, укрепляющую и утешающую. Пребывая неотлучно с ним, она руководит его во все время опасного земного странствования самым премудрым и предусмотрительным образом. И кто может надеяться сам совершить исправление своего сердца? Разве в сем святом деле может кто ожидать успеха от человеческой помощи и человеческого искусства? Послушайте, что говорит Господь: *Воскроплю на вы воду чисту, и очиститеся от всех нечистот ваших: и очищу вас, и дам вам сердце ново, и дух нов дам вам, и отьиму сердце каменное от плоти вашея, и дам вам сердце плотяно, и Дух Мой дам в вас* (Иез. 36, 25-27). Все от Господа! Ему и предадим себя — представим себя его благодатному действию как нечистое и безобразное смешение, да образует из нас, как художник и содетель, добрые сосуды в честь — создания добрые зело. Со своей стороны мы можем представить Богу только искреннее желание самоисправления и полную готовность повиноваться Его мановениям. Что происходит с тем, кого посетит благодать Господня, как она поведет его по пути очищения в состояние чистоты и непорочности,— это Спаситель изобразил в притче о блудном сыне.

Прежде всего благодать поучает человека, как разоблачить и снять с него покровы: ибо иначе как и приступить к труда, не видя, над чем трудиться? В этом действии спадает с очей ума ослепление, сердцу возвращается чувство и воля пробуждается от усыпительной беспечности, Вместе с тем душа невольно останавливает внимание на себе и сосредоточивается внутрь: скорбь и страх, перенося душу за гроб, к судному престолу, отторгают ее от мира и представляют заботливости ее другой, высший предмет. Обнаженное древо греха стоит теперь пред умным взором грешника во всей безобразной наготе и уже не по роду своему — плодородит самоосуждение, покрывает стыдом, жжет

судом и угрызениями совести. Луч милосердия Божия в смиренной душе рождает теплоту умиления и изводит токи слез раскаяния; обильные непрестанные слезы с самым корнем вымывают наконец из сердца все древо греха. Так совершается все. Человек стоит теперь на чистой земле непорочности и ревнует о святом благочестии.

Коротко и легко дело самоисправления в описании; но не так коротко, а тем более легко бывает оно на самом деле. Многообразны нужды наши; многообразны и попечительные действия в нас благодати: одного приемлет она прямо в блаженный покой, изводит в пажить духа, пасет и услаждает; другого долгими обходами испытывает и после многообразных уже странствований проводит туда, как утружденного и изможденного путника.

Трудно! Но что же бывает без труда? С тех пор как проклята для человека земля в делах своих, человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении.

Труд самоисправления не столько тягостен наделе, как нам кажется с первого взгляда. Он представляется необъятным только со стороны, только дотоле, пока мы не приступим к нему. И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления. с каким кто приступает к делу. Тесен путь в Царствие, тяжким представляется иго Христово, но только до тех пор, пока мы еще стоим вне, соображаем, обдумываем ход новой жизни. Но когда зародится и образуется в сердце спасительная решимость, она приносит с собой и воодушевление на благое делание. Воодушевленный последователь Христов идет вслед Его, радуясь и благословляя иго, воспринятое от Него.

Спросите, где взять такое воодушевление? — Будем молиться, и молитва веры низведет сей Божественный огнь. Будем молиться о воодушевлении, о решимости и возбуждении от греховного сна.

О страстях и пагубных пороках и о том, какие от каких рождаются

Приведем здесь еще краткое слово из сборника «Крины сельные, или Цветы прекрасные», приписываемого святому старцу схиархимандриту Паисию Величковскому.

Прежде всякого грехопадения бесы наводят на человека следующие страсти: мрачное забвение, гнев жестокий, т.е. бесчеловечную и зверскую злобу, и неведение как тьму беспросветную. Эти три страсти предшествуют всякому греху. Ибо не совершит человек ни одного греха прежде, чем он предварительно не расположится ко всякому злу забвением, или гневом, или неведением. От них происходит душевное нечувствие, т.е. ум — душевное око — бывает темен и пленяется тогда всеми страстями. Прежде всего рождается маловерие. Маловерие же порождает самолюбие — начало и конец, корень и родоначальник всякого зла, оно есть бессмысленная любовь к своему телу, когда везде и во всех вещах избирает кто-либо себе одному только полезное. Искореняется же этот злой корень страстей любовью и милосердием и отречением от своеволия. Самолюбие порождает немилосердие и сребролюбие — несытую утробу, также корень и причину всякому злу. От сих двух — самолюбия и сребролюбия — происходят во всяком месте всякое несчастие и жестокие злодеяния. Как в мирянах, так и в монахе сребролюбие порождает гордость, чрез которую бесы отпали от святой славы и свержены с неба. Гордость порождает славолюбие, которым прельстился Адам, захотев быть богом, и не был, и тем навел страдание и клятву на весь род человеческий. Славолюбие порождает сластолюбие, чрез которое Адам пал и был изгнан из рая.

Сластолюбие порождает чревообъядение и различные блудные дела. Блуд порождает гнев, погашающий сердечную теплоту и пагубный для всякой добродетели. Гнев порождает памятозлобие — охлаждение духовной теплоты. Памятозлобие порождает мрачную и злобную хулу на своего брата. Хула порождает безвременную печаль, как ржавчина съедающую человека. Печаль порождает безумную наглость. Наглость порождает тщеславие, выставляющее напоказ добродетели и из-за этого оставляющее труды без награды. Тщеславие порождает невоздержанное многоречие. Многоречие порождает празднословие, пленение. Уныние порождает мрачный сон. Если кто эти страсти победит, тому и прочие покорятся, каковы: страхование, ужас, зависть,

ненависть, лицемерие, лесть, ропот, неверие, лихоимство, пристрастие, вещелюбие, малодушие, острожелчие, самомнение, любоначалие, человекоугодие, дерзость, смех, совершенное падение, невыразимый ров и погибель из-за отчаяния, в каком состоянии человек сам себя закалает, не ведая того человеколюбия Божия и милости, что пришел Он грешников спасти и что нет на земле такого греха, которому не было бы прощения. Семь следующих страстей — самолюбие, сребролюбие, гордость с тщеславием, злопамятность, осуждение, самомнение, отчаяние — конец всем страстям. От сих страстей если кто не хранит себя и не отвержет их, тот погубит следующие десять добродетелей: веру, любовь, пост, воздержание, бдение, молитву, смирение со смиренномудрием, безмолвие с молчаливостью, нестяжательность и рассуждение — и вместе повредит все остальные добродетели. Если кто имеет хоть одну из сих главных страстей, таковой нисколько не преуспеет, хотя бы и подвизался против прочих страстей, совершал какую-либо добродетель и хотя бы даже кровь свою пролил за Христа; и молитва таковового неприятна Богу. Господь Бог да избавит нас Своей благодатью от всякой напасти и страстей во веки. Аминь.

Что есть истинное покаяние

После всего сказанного о грехах, о страстях и о необходимости решительной борьбы с ними необходимо несколько подробнее сказать о самом покаянии, именно: в чем заключается истинное покаяние, в чем оно выражается, как к нему приступить и на что при этом направить главное усилие. Об этом обстоятельно учит святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Приведем это поучение с некоторым сокращением.

«Истинное покаяние заключается в том, чтобы не только исповедать поистине грехи свои, но и не возвращаться также к прежним злым делам, но проводить жизнь свою в непрерывном ее исправлении; не только не возвращаться к прежнему, но и с сокрушением сердечным жалеть о преждесодеянном; не только же жалеть, но и дать удовлетворение за содеянные грехи немалыми трудами покаяния, которые не только бы сравнились с содеянными грехами, но и превзошли бы их. Суетно покаяние того, кто недолгим от брашен воздержанием и единодневным пощением хочет многократное объядение и пьянство покрыть. Тщетно покаяние того, кто каким-либо кратким и легким умерщвлением своего тела думает очистить себя от долговременных и тяжких смертных грехов. Неправедно покаяние того, кто немногими воздыханиями и биениями в перси надеется оправдаться от многих неправд, татьбы, убийства, хищения, грабления, братоозлобления и тому подобных прегрешений. Сомнительно прощение грехов того, кто малыми только слезами (кроме других истинному покаянию подобающих подвигов и трудов) великие скверны и беззакония чает смыть и избавиться от вечных мучений.

Многие слезы пролили ниневитяне и великое обнаружили покаяние (см. Книгу Ионы, гл. 3), ибо облеклись во вретища от мала до велика и заповедали пост не только людям, но и скоту; и возопили они к Богу, продолжая молитву, и обратились каждый от пути своего злого. Однако они остались в неизвестности относительно своего спасения, ибо говорили: «Кто весть, раскается ли, или умолится Бог и отвратит гнев ярости Своея, да не погибнем?»

Если те, обнаружив такое покаяние, оставались в неизвестности относительно умилостивления Божия и прощения грехов своих, то какую уверенность может иметь надеющийся очиститься малым покаянием и немногими слезами от многих и тяжких грехов?

Ты скажешь: ниневитяне были язычники, не ведущие Писания, которое говорит: *Сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), и еще: *Близ Господь сокрушенных сердцем и смиренные духом спасет* (Пс. 33, 19), и еще: *Рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Мы же, верные, уповаем, что и малые слезы с исповеданием грехов могут получить у Господа грехопростительную милость.

Отвечаю на сие. Да, могут. Но могут разве только для тех, которые уже находятся при смертной кончине и у которых нет времени для больших слез и удовлетворения за

грехи; к таковым Господь бывает милостив за одно сердечное сокрушение. Пример — разбойник на кресте, который при кончине своей изрек немногие слова с исповеданием и сердечным сокрушением, но тотчас же услышал от Господа милостивое слово: *днесь со Мною будеши в рай* (Лк. 23, 43). От человека же здорового и имеющего время для покаяния Бог требует многих слез, многих трудов и подвигов, дабы он сравнял труды покаяния с прежними грехами и даже превзошел их подвигами.

О слезах же говорится следующее: есть некоторые, которые по временам приходят в умиление и плачут, вспоминая грехи свои, а грешить не перестают; для таковых какую пользу может принести их состояние умиления, если нрав их остается неисправным? Другие приходят и на покаяние, исповедуют со слезами грехи свои, а после опять возвращаются к тем же греховным сквернам; и таковым какая польза от омовения слезного, если они опять с любовью входят в прежнее болото? Ибо недостаточно бывающего только по временам умиления и сокрушения сердечного без истинного покаяния, которым требуется не только сожалеть и плакать о грехах, но и не возвращаться к греховным делам, а за содеянные грехи подъять подобающий подвиг.

Вспоминает апостол Исава, сына Исаакова, что он не нашел места покаяния, хотя и *со слезами поискал его* (Евр. 12,17). Почему слезы грешника сего не были вменены в покаяние, не были приятны Богу и не очистили греха, о котором проливал слезы сей грешник? На сие отвечает св. Златоуст следующее: «Он не нашел места покаяния, потому что не обнаружил достойного покаяния». Из этого примера сей учитель увещевает нас, грешных, говоря: «Те, которые предполагают без мук согрешать (надеясь без подобающаго изнурения и наказания получить прощение своих грехов), те да подумают о следующем; почему Исав не получил прощения? — потому что не покаялся, как подобало. Хочешь ли видеть покаяние тщательное (истинное, подобающее), услышь о Петровом покаянии после отвержения. Благовестник (евангелист), повествуя нам о нем, говорит: Изшед вон плакася горько (Мф. 26, 75; Лк. 22, 62). Потому-то и отпущено было ему таковое согрешение, что он плакал подобающим образом». Святой папа Климент говорит о Петре, что он, услышавши глас возгласившего петеля и тотчас вспомнив свое отвержение от Христа, повергся на землю и изливал многие слезы, горько плача, и сие он творил во всю жизнь свою. И поэтому-то Никифор, повествователь о церковных деяниях, пишет о нем, что очи его были как бы кровавыми, и сие от горького плача. Таково было покаяние святого Петра после его согрешения.

Ты же. надеясь в один час оплакать грехи твои, можешь ли так горько плакать, как плакал Петр? Можешь ли рыдать во всю ночь, как он? И далее, можешь ли понести таковые труды и подвиги, какие воздал Петр Христу Господу своему за свое отвержение, претерпев все, даже до своего распятия вниз головой? Не надейся посему на возникающее у тебя по временам малое некое сердечное сокрушение, не уповай на немногий твой труд и на кратковременный подвиг, но соответствующее грехам твоим и даже их превосходящее яви пред Господом покаяние со многими слезами и тогда ожидай от Него милости.

Учит святой Златоуст в беседах евангельских, говоря следующее: «Покаяние не в том только заключается, чтобы отступить от прежних злых дел, но чтобы показать еще большие добрые дела, ибо сказано: «Сотворите плоды, достойны покаяния». Как же сотворим? — Если начнем совершать противоположные грехам дела. Похищал ли чужое? — раздай похищенное и свое. Долгое ли время блудодействовал? — воздержись и от своей жены в установленные дни, приучая себя к воздержанию. Досаждал ли кому- либо или бил ли кого-либо? — благословляй в дальнейшем досаждающих тебя и благодетельствуй уязвляющим тебя. Ибо для нашего здоровья недостаточно только извлечь стрелу, но необходимо и на язву наложить врачевание. Наслаждался ли и упивался в прежнее время? — постись и пей воду, чтобы ты избавился от постигшего тебя вреда вследствие пьянства. Воззрел ли блудными глазами на доброту чужую? — потом отнюдь не взирай на лицо жены, усердно оберегая себя после принятых язв, и утвердись во благом, ибо сказано: «Уклонися от зла и сотвори благо».

Святой Григорий Двоеслов, назвав человека древом, от плода познаваемым, говорит: «В плоде, а не в листьях или корнях может быть познано покаяние, ибо и Господь про-

клял дерево, которое имело листья, но было бесплодно; Он не принимает исповедания (бываемого только на словах) без плода — удручения тела.

Человек есть мысленное древо, имеющее корень покаяния своего в помысле и намерении исповедания грехов; имеет он и листья — это уже самое исповедание грехов Богу пред отцом духовным и обещание исправления; плоды же этого дерева— удовлетворения и подвиги. Познается поэтому истинное покаяние не по корню намерения и не по листьям исповедания и обещания, но по самым плодам удовлетворения. Утверждай намерение как корень, умножай слова как листья, но если ты не имеешь достойных покаяния плодов, подвигов, трудов и усердного тщания об удовлетворении за грехи, то бойся проклятия».

В Святом Писании мы находим двух грешников, которые каялись о содеянных ими злых делах и исповедали грех свой Боту,— это Саул и Давид. Но не оба они получили от Бога прощение, Говорил Саул: *Согреших, яко преступих слово Господне* (1 Цар. 15, 24). Говорил и Давид: *Согреших ко Господу моему* (2 Цар. 12,13). Однако Давид получил прощение и спасся, а Саул не сподобился прощения, но пребывал под гневом Господним и погиб. Почему? Сам непрощеный грешник Саул виновен, так как, исповедав грех свой, не сотворил ничего в удовлетворение за него, не явил истинного покаяния и исправления. А сколь много трудился в покаянии Давид после своего исповедания греха! Он всякую ночь ложе свое омывал слезами, вставал в полночь, пепел как хлеб ел и питие с плачем растворял, изнемогал от поста и удручал тело свое, смиряя себя пред Господом во вретище и пепле многое время: поэтому-то он не только получил прощение греха, но и сделался любезным для Бога. Саул же, совершивший только самое исповедание греха, но не потрудившийся в покаянии, остался непрощенным во веки.

Посему никто да не надеется от грехов своих великих очиститься только одним исповеданием и каким-либо незначительным умилением, без трудов и подвигов, подобающих истинному покаянию, если он поленится потрудиться, хотя и будет иметь время для своего исправления и удовлетворения за грехи. Хорошо подражать Давиду, который говорит: *Беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем* (Пс. 37, 19). Вот не довольствуется Давид одним только исповеданием беззакония своего, но заботится и об удовлетворении: исповедаю, говорит, грех мой и потружусь, пока не сотворю удовлетворение за содеянное. Что пользы открыть язву, а подобающего лекарства к ней не приложить? Какая польза исповедать грехи, а епитимии за них не понести, не исправить жития своего?

О епитимии

Приведем еще слова других отцов Церкви о Таинстве Исповеди. Вот что они говорят.

«Господь Спаситель всегда примет кающегося, но милость Свою вполне возвращает не вдруг: потрудись и докажи, что глубоко, а не мимолетно сокрушаешься, и опять милость Божия осенит тебя.

И это бывает только после исповеди и разрешения в Таинстве Покаяния. Без исповеди же и разрешения, хоть ты целую жизнь промучься, ничего не получишь. Ибо грех по крещении лишает благодати обновления духа. Ее надо вновь сподобиться, чтобы помощью ее очистить втеснившиеся снова в душу и тело нечистоты страстей и самоугодия. Возвращается она в Таинстве Покаяния, которое есть второе крещение в слезной купели. Поелику оно таково, то ему предшествует то же, что и Крещению, т.е. вера, сокрушение со слезами, исповедь с положением решения ходить прочно по воле Божией. Ради таковых расположений сердца вместе с разрешительным словом отца духовного возвращается благодать и, сочетаясь со свободой, полагает снова начало духовно-благодатной жизни, подобно тому, как бывает сие при погружении в воду крещаемого с произнесением крещальных слов, какие произносить повелел Господь. Без этого же благодать не возвратится: следовательно, и духовной жизни в собственном ее значении не будет.

Что касается непосредственного прощения, то оно бывает лишь в отношении к грехам, ненамеренно прорывающимся, каковых больше всего в помыслах, чувствах, меньше в

словах и еще меньше — или чуть заметны они — в делах. Ревнитель богоугождения, страхом Божиим проникнутый, как только заметит такой проскользнувший грех, тотчас обращается к Господу, им всегда зримому, сокрушенно кается, осуждая себя, и прощен бывает. Но и при этом, коль скоро какой грех тяготит хоть сколько-нибудь совесть, лучше поспешить к духовнику и, исповедавшись, получить разрешение».

«Отпущение грехов таинственное бывает тотчас по исповеди в момент разрешения священнического, а отпущение следов их из естества совершается по трудах покаяния.

Кто кается, тот приемлется в милость Божию; но дары милости не тотчас даются, а спустя иногда довольно долгое время. Это продление невозвращения даров милости и есть Божия епитимия. Ее несут все грешащие большими или малыми грехами. Срока сей епитимии Господь не объявляет, а держит его в своем секрете. Оттого милость или чувство помилования всегда возвращается внезапно,— и бывает тогда в душе праздник. Епитимия от духовника дается для сокращения срока Божией епитимии. Она показывает добровольное принятие на себя покаянных трудов, напрягает сознание своей виновности и преклоняет Бога на милость или делает душу более способной принять сию милость.

Епитимия не есть удовлетворение за грехи правде Божией, не есть жертва за них, не есть выкуп; ибо это удовлетворение, эту жертву, это искупление мы имеем в одном Спасителе нашем, на Себе подъявшем грехи мира, но это есть духовное врачество, необходимое для исправления жизни кающегося, для уврачевания нравственных его недугов, имеющее единственной своей целью — уврачевание его недугов и предохранение от грехов.

Наложит ли духовник епитимию или не наложит, но эта Божия епитимия — отсрочка в даровании чувства помилования всегда бывает более или менее длительная, судя по грехам. Когда же придет сие чувство (помилования), то тут бывает не то, что при убеждении — тут чувство помилования входит в сердце и обладает им и заставляет радоваться и ликовать все силы души и тела. Покаявшийся чувствует на себе при сем объятья Отчи. Это райское состояние дается всем тем, которые довольно потомят себя в сокрушении и преутруждении,— конечно, все под условием веры и смиренного к Господу припадения» (Святитель Феофан Затворник).

О продолжительности епитимии в постановлениях апостольских сказано: «Не изрекайте одинакового приговора на всякий грех, но на каждый налагайте свой собственный». Отсюда при наложении епитимии требуется принимать в соображение свойство греха, степень раскаяния и обстоятельства кающегося. Св. Златоуст пишет: «Не о продолжении времени заботься, а об исправлении души: если известно, что сокрушился или исправился,— все сделано».

Правила Номоканона велят отлучать от причастия великих грешников на несколько лет, а святые отцы часто допускали их до причащения, по раскаянии их, через несколько дней. Как согласовать все это?

Согласовать будет просто, когда вы примете во внимание, что время запрещений определено св. отцами не безусловно и что священник, смотря по обстоятельствам, имеет полное право или сокращать, или увеличивать время епитимии. Так, св. Василий Великий в одном из своих правил говорит: «Не временем судити запрещения, но образом». Какой смысл в этих словах? — Тот, по святоотеческому толкованию, что хотя «запрещения повелена быша, якоже и написана суть, не подобает же на время запрещений взирати, но на образ покаяния!»

Как должно каяться

Спрашивается теперь: кто же как должен каяться?

«Тот, кто познает свои грехи и сознается в них искренне; сознавшись, сокрушается о них и оплакивает их; сокрушившись же и оплакавши их, полагает твердое намерение более не оскорблять Бога своими грехами; и наконец, в сих расположениях смиренно исповедует все грехи свои перед духовником, чтобы получить разрешение в них и явиться к чаше Господней оправданным и чистым пред очами Божии- ми» (Святитель

Феофан Затворник).

«Истинное покаяние состоит в следующем:

а) от прежних грехов мы должны отстать и ими так, как мерзостью, гнушаться;

б) за оные грехи жалеть и Бога умилостивлять и духовнику исповедаться, от других грехов всячески беречься;

в) оставлять ближнему согрешения их, дабы нам самим Бог оставил;

г) любовь и милость всякому являть, чтобы самим милость получить;

д) смирять себя;

е) никого не осуждать, не клеветать;

ж) Богу молиться всегда, чтобы в напасть вражию не впасть» (Святитель Тихон Задонский).

Св, Василий Великий говорит: «Не тот исповедует грех свой, кто сказал: согрешил я, и потом остается во грехе; но тот, кто, по слову псалма, обрел грех свой и возненавидел.

Какую пользу принесет больному попечение врача, когда страждущий болезнью крепко держится того, что разрушительно для жизни? Так, нет никакой пользы от прощения неправд делающему еще неправду, и от извинения в распутстве — продолжающему жить распутно.

Премудрый Домостроитель нашей жизни хочет, чтобы живший во грехах и потом дающий обет восстать к здравой жизни положил конец прошедшему и после содеянных грехов сделал некоторое начало, как бы обновившись в жизни через покаяние».

Исповедь должна быть искренней и откровенной!

«Те, которые исповедуют помыслы свои отцам духовным, должны исповедоваться со всей искренностью, с сокрушением сердца, как бы пред Самим Богом,— тогда они могут получить милость. Исповедь же, совершаемая с небрежением, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению».

«Грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни греха истребляются борьбой с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать».

«Как зрение своих согрешений, так и сердечное исповедание их есть особенный дар Божий и испрашивается усердной молитвой. Умоляй милосердно Господа, чтобы даровал тебе этот дар — залог спасения, и сам понудись к откровенности, ибо враг рода человеческого ненавидит этот путь и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость Божию частым исповеданием своих грехов».

«Побеждай ложный срам на земли и не постыдишься на небеси!» (Святитель Игнатий Брянчанинов).

Какие помыслы необходимо исповедовать и какие не нуждаются в немедленной исповеди?

«Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества, но когда греховные помыслы и очищения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить их особенно. Такие помыслы и ощущения должно исповедовать духовнику так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое Таинство Исповеди спасет тебя. Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь. Исповедь едва ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере она — оружие самое сильное и самое действенное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной диаволом: прибегай к нему, доколе диавол и нанесенная им напасть не отступят от тебя.

Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливающиеся усвоиться душой, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая бессмысленной заботы исчислять их; на исповеди, пред причащением Святых Христовых Таин, скажи, что ты сверх значительных грехов (которые должно изложить с точностью) согрешил разными помышлениями, словами и делами, в

ведении и неведении» (Святитель Игнатий Брянчанинов).

При осознании своей греховности надо избегать смущения и отчаяния, которые от бесов.

Сознавать себя грешным необходимо для спасения, а засуживать себя и метаться во все стороны от греховности очень вредно. Все неумеренное — от бесов, как сказал преподобный Пимен Великий.

«Если случится тебе впасть в какое-либо простительное погрешение делом или словом (обеспокоиться какой-либо случайностью, или осудить, или услышать, как осуждают другие, или поспорить о чем, или испытать движение нетерпения, суетливости и подозрения других, или понебречь о чем), то не следует крайне смущаться или скорбеть и отчаиваться, помышляя о том, что ты сделал, тем более прилагать к тому печальные о себе думы, что верно тебе никогда не освободиться от таких слабостей, или что сила твоего произволения работать Господу слаба, или что ты не как следует шествуешь путем Божиим,— при всяком подобном случае обременяя душу свою тысячами и других страхов, от малодушия и печали.

Ибо отсюда что выходит? То, что ты стыдишься предстать пред Богом с дерзновением, как оказавшийся неверным Ему, напрасно тратишь время на рассматривание, сколько времени пробыл ты в каждом погрешении, сосложился ли с ним и возжелал его или нет, отверг ли такой и такой помысл или нет и т.п. И чем больше мучишь себя так, тем больше увеличивается в тебе расстройство духа, туга и нехотение исповедаться. Но и когда пойдешь на исповедь и исповедуешься со смутительным страхом, и после исповеди опять не находишь покоя, ибо тебе кажется, что не все сказал. И живешь ты таким образом жизнью горькой, неспокойной и малоплодной, напрасно тратя много времени. И все это происходит оттого, что мы забываем о своей естественной немощи и выпускаем из виду, как следует душе относиться к Богу, именно когда душа впадает в какое-либо простительное и несмертное погрешение, то ей следует со смиренным покаянием уповательно обращаться к Богу, а не томить себя излишней о том печалью, тугой и горечью.

Мы обращаем здесь речь свою к тем, которые живут духовной жизнью и деятельно ищут преуспеяния в ней, всячески избегая грехов смертных. Для тех же, которые живут не строго, а как случится, не тревожась, если и смертным грехом оскорбят Бога, потребно другое слово. Им надлежит глубоко скорбеть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совесть и исповедовать без жаления себя все грехи свои, и никаких не должны они по нерадению лишать себя средств, необходимых к уврачеванию и спасению их.

Покаяние всегда должно быть воодушевлено и проникнуто крепким упованием на Бога, и при легких каждодневных падениях, а тем паче при более тяжких согрешениях, чем обычные, в которые падает иногда и усердный раб Божий по попущению. Ибо сокрушение покаянное, которое только мучит и грызет сердце, никогда не восставляет души в благонадежное настроение, если не бывает соединяемо с твердым упованием на милосердие и благость Божию. Такое упование непрестанно должно исполнять сердца ревнующих достигнуть высших степеней христианского совершенства, Оно оживляет и приводит в напряжение все силы души и духа» (Никодим Святогорец).

Воспоминание прежних телесных грехов вредно!

Тот, кому прощены грехи при Таинстве Исповеди, обязан не повторять этих грехов, и только. Воспоминание прежних телесных грехов очень вредно и воспрещается святыми отцами. Тут действуют неверие, недостаток уважения к Таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность.

Открывать свои грехи кому-либо из близких (не духовнику)— значит, опять проявлять недоверие к Таинству Исповеди, в котором действует всесильный Дух Святой, решительно и вполне изглаждая грехи человеков. Зачем ты считаешь уничтоженное существующим? Не смей прикасаться к великому Таинству! Ничтожная пылинка! Не смей пополнять великого Таинства, которое имеет свою полноту от Бога и не нуждается в пополнении человеческом. Не повторяй согрешений: вот все, чего требует от тебя Бог и что единственно нужно для твоего спасения. Бойся недоверия, ибо оно умаляет в мыслях человека могущество и благость Божию. Надо очень остерегаться фальшивых мыслей и

разгорячения, потому что при них человек, думая делать добро, может наделать много зла и себе, и ближним.

Крайне опасно откладывать исповедь грехов своих и оттягивать свое исправление.

«Ныне время сеяти, искати, просити, толкати в двери милосердия Божия, когда Бог обещал услышати и помогати: и слушает и помогает. Глаголет бо: во время благоприятно послушах тебе и в день спасения помогах тебе. Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения. Ныне всяк просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзается,— глаголет Христос. Тогда того не будет,

«Я-де, при смерти могу покаяться»,— отвещает иный. — Можешь с таким покаянием и во ад пойти. О человече, тогда ли хочешь каятися, когда время престает покаяния и наступает время суда и истязания? Тогда ли хочешь к Богу обратитися, когда Бог тебя к ответу зовет? Тогда ли хочешь искать, когда время уже уходит? Без спорно, что должно и при смерти каяться, и Бога со усердием призывать, я ко тогда наипаче подвиг великий души бывает, но до смерти отлагать покаяние есть прелесть ума, нерадение о спасении и кознь диавола, который таковую мысль в сердце человека влагает и научает закон Божий бесстрашно нарушать, Бога прогневлять и покаяние день ото дня отлагать, чтобы тако человека лестно погубить. Сего ради, когда хочешь блаженно умереть, таков ныне буди, каков быть при смерти желаешь. Рассуждай о мирских вещах — чести, славе, богатстве и роскоши — ныне так, как умирающие рассуждают, которые все тогда оставляют» (Святитель Тихон Задонский).

Согрешивший не должен смущаться, если духовник будет строгим словом врачевать его рану.

«Кто согрешающего нежит льстивыми ласками, тот только боле располагает его ко греху и не подавляет преступлений, а питает. Но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет брата, тот содействует его спасению. *Ихже аще люблю,*— говорит Господь,— *обличаю и наказую* (Откр. 3, 19). Так надлежит и священнику Божию не обманывать льстивыми услугами, но промышлять о спасительных лекарствах. Неискусен тот врач, который слегка только ощупывает напухающие извилины ран: сохраняя заключенный внутри, в глубоких впадинах, яд, он только увеличивает его силу. Надобно открыть рану, рассечь и, очистивши от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной вопиет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль: он будет благодарить потом, когда почувствует себя здоровым» (Святитель Киприан).

Аминь.

О ТАЙНЫХ НЕДУГАХ ДУШИ

ЧТО ОСОБЕННО ВАЖНО В НАЧАЛЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Кто внимательно читал наставления святых отцов Церкви, тот, безусловно, заметил, что более всего в этих учениях говорится о покаянии, о смирении, о плаче пред Богом за грехи свои. Об этом так много написано отцами, что почти в каждой святоотеческой книге и на каждой странице ее можно найти подобное наставление. Но, как ни странно, в наше время христианами больше всего упускается, искажается и нарушается именно это учение, этот важнейший закон духовной жизни. И это не случайно! По мере того как век сей движется к страшному концу своему, приближаются времена всеобщего отступления от истины, всецелого обольщения мира дьяволом и всеобщей прелести,— люди все глубже погрязают во всех страстях своих, во всех грехах и заблуждениях.

Первая же из всех болезней века сего — гордыня, она-то и поднимает все выше главу свою. Об этом ясно предсказывал апостол Павел, что в последние времена *люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся* (2 Тим. 3, 2-5) и т.п. И теперь уже каждый духовник, старающийся помогать приходящим к нему верующим врачевать душевные недуги, знает, какая сегодня это непростая работа, как въелись эти

болезни в души людей, как все от мала до велика глубоко поражены безумной гордыней, тщеславием, самолюбием, как велеречивы, заносчивы, обидчивы, как все своевольны, непокорны, непослушны, недоверчивы. А в духовной жизни это самое тяжкое. Теперь очень редко кто доверяет своим наставникам, больше же каждый следует своему рассудку, к духовникам же обращаются только для виду, потому что так принято, на самом же деле во всем полагаются на себя. Вообще картина духовной жизни сегодня очень бедственная, если бы кто из древних отцов взглянул на нее своим очищенным взором, наверно, не вынес бы этого зрелища и горько рыдал бы о наших душах. Так, Пахомий Великий, живший еще в четвертом веке, имел видение от Бога о том, как будут жить последние монахи. После этого он долго плакал, скорбел, отказывался от пищи (житие преподобного Пахомия, 15 мая ст. ст.). Но мы так уже свыклись с этим положением, что вовсе даже и не видим этого нашего бедствия. Многие страсти так откровенно гуляют сегодня в среде христиан, к ним относятся как к самым безобидным и даже за авным чертам характера, никто не ужасается им, не пресекает их, хотя многие из этих «шалостей» прямо убивают душу и сеют духовную смерть вокруг того, кто выявляет эту страсть и заражает ею других.

Из такого бедственного состояния — из-за оставления правильного учения отцов Церкви, из-за отсутствия верных учителей покаяния, из-за отсутствия опытного и внимательного пастырского надзора за верующими — происходит гибельное отклонение от спасительного пути, и, конечно, это прежде всего выражается в том, что христиане теряют верный дух покаяния, верный взгляд на свою греховность, на свое падение. Проще сказать: не ведаем верно — кто мы, в каком мы отношении к Богу, каковы пред Ним и каково Его величие, каково наше безобразие.

Дает ведение этого Православие! Само святое это слово уже многое говорит: право славить Бога, т. е. правильно, верно сознавать величие, славу Божию, достойно этому величию воздавать хвалу, славословить Вседержителя, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого. Но это знание неразрывно связано и с тем, чтобы нам правильно и верно сознавать наше собственное падение, ничтожество, недостоинство и со страхом произносить Имя Божие. Возвеличивать беспрестанно Бога и уничижать непрестанно себя — вот Православие!

Гордыня же наша, гордый разум наш, если его сразу не начать душить и топтать, как на иконах Архангел Михаил топчет змия — сатану (выражение святителя Феофана Затворника), он обязательно посягнет исказить этот правильный взгляд на себя и представить нам наше падение куда не таким глубоким, а наши хорошие свойства куда более прекрасными и надежными, чем это есть на самом деле. Отсюда и происходит безобразное искажение духовного зрения, око наше становится темным, а в душе тогда тьма кромешная. Сколько бед отсюда! Посмотреть внимательно в учение каждого еретика, раскольника — и можно увидеть, что более всего у них отклонение в покаянии, в понимании того, как Бог взирает на наши сердца, насколько требователен к нам и насколько снисходителен. Так, католики думают спастись одними внешними делами, как бы откупить свое спасение без очищения глубин сердца. Протестанты, наоборот, считают, что достаточно одной веры, а дела покаяния не важны, что уже все грехи наши искуплены Иисусом Христом на Кресте: только верь да исповедуй веру свою словом — и достаточно. И в том же роде все более и более умножаются уклонения от истинного понимания того, кто мы, как нам жить, чтобы снискать милость у Бога, что же необходимо для спасения.

Путь духовной жизни необыкновенно сложен: как, например, не просто научиться живописи или музыке, сколько при этом необходимо трудов, познаний, навыка, разных упражнений, и при этом многие навыки в искусствах развиваются как-то интуитивно, о них даже невозможно ясно выразиться или постичь их рассудком. При этом еще многое зависит от учителя, от школы. Но духовная жизнь — не сложнее ли, не таинственнее ли? Здесь все — великая тайна, здесь все почти невидимо. Ведь это наука из наук, искусство из искусств! Как же можно в духовной жизни хвататься за дело сгоряча, самонадеянно, по смутному какому-то зову души отдаваться во власть неизвестных чувств, судить о внутренних своих движениях и настроениях только по вкусу, который они производят у

нас внутри.

В духовной жизни и опасности во много раз ужаснее, здесь можно потерять не имя и состояние, как в занятиях искусствами,— здесь теряется вечность, жизнь. Здесь встречается и сильнейшее противодействие злых сил — и внутри нас, и вовне; здесь идущего встречает на пути коварство врагов, хитрость за хитростью, сеть за сетью. И вот печальная картина: многое множество прельщенных христиан. Многие из них сходят с ума, совершают страшные поступки, учат, проповедуют несуразицу. Так как учение истинное, святоотеческое, православное, смиренное стало искажаться и забываться, то и все это прельщение теперь часто принимают за явление нормальное, даже всевозможные проявления восторженности, разгоряченности, фанатизма, основанные на самообольщении, принимают за действия благодати, считают «возрождением веры», началом «новой эры».

ГДЕ И КАК НАУЧИТЬСЯ СВЯТОМУ ПОКАЯНИЮ

Научиться правильному покаянному настрою души можно, так сказать, из рук в руки, т.е. найти такого смиренного наставника, который сам имел бы в себе тот сокрушенный и покаянный дух, и от него прямо перенять это глубокое, спасительное, живящее воздыхание о бедной, падшей душе своей, а вместе стем и радостное упование на неизреченное милосердие Божие; или же если не повстречается таковой учитель, то можно, но уже сложнее, научиться этому духу, внимательно читая святых отцов Церкви, особенно стараясь перенять у них эту науку смиреннейшего еамовоззрения, крайнего недоверия себе во всем, осторожного отношения ко всем движениям души своей, ко всем чувствам своим, всегдашнего окаявания се я, внутреннего плача о се е, чувство собственного недостоинства, сознание своей удаленности от Бога, странничества на земле сей. Для этого полезно читать древних отцов, особенно наставительны примеры из жизни пустынных монахов, которые особенно преуспевали в стяжании покаянного плача о себе, в смиренномудрии. В наставлениях преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайского, много говорится о том, как под видом добродетелей часто скрываются тайные страсти; дают правильное направление в покаянии поучения аввы Дорофея, святых Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Множество важных советов находится и у отцов поздних времен, особенно полезна книга «Невидимая брань» Никодима Святогорца, очень доходчивы прекрасные письма епископа Феофана Затворника, покаянным духом отличаются поучения, письма, образ жизни самых поздних отцов, монахов, живших в конце XIX - первой половине XX века, перенесших небывалые скорби и гонения. Но особенно соответствует потребностям духовной жизни нашего последнего тяжкого времени по духу, по доступности понимания, красоте и силе слова подробное, основательное учение о покаянии, о лукавствии злых духов, о прелести и коварности страстей в книгах святого епископа Игнатия (Брянчанинова). Это как бы сконцентрированное учение всех отцов Церкви, разъясненное и удобоприложимое к проблемам последнего времени.

Приведем здесь некоторые отрывки из книг этого отца, касающиеся нашей темы, именно: как снискать спасительный путь, как отличить истинное состояние богоощущения от мнимого, от прелести, как оберечь себя от искусительной лести врага?

На эти вопросы находим у владыки Игнатия ясный и определенный ответ.

«Услышь, возлюбленнейший брат, услышь, чем различается действие прелести от действия Божественного! Прелесть, когда приступает к человеку, мыслью ли, или мечтанием, или тонким мнением, или каким явлением, зримым чувственными очами, или гласом из поднебесной, слышимым чувственными ушами,— приступает всегда не как неограниченная властительница, но как обольстительница, ищущая в человеке согласия, от согласия его приемлющая власть над ним. Всегда действие ее, внутри ли оно, или снаружи человека, есть действие извне; человек может отвергнуть его. Всегда встречается прелесть первоначально некоторым сомнением сердца; не сомневаются о ней те, которыми она решительно возобладала. Никогда не соединяет прелесть рассеченного грехом человека, не останавливает движения крови, не наставляет подвижника на покаяние, не умаляет его пред ним самим; напротив того, возбуждает в

нем мечтательность, приводит в движение кровь, приносит ему какое-то безвкусное, ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол «я».

Божественное действие — невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никаким сравнением, заимствованным из сего века; приходит, действует таинственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех пред его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть погибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца: потом мало-помалу» [9, т, 2, с. 319][2].

"Святая истина извещается сердцу тишиной, спокойствием, ясностью, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадежию на себя, к утешительной надежде на Бога. Ложь, хотя бы и облеклась в личину добра, познается по производимому ею смущению, мраку, неопределительности, переменчивости, развлечению, мечтательности; или же она только обольщает сердце — льстиво приносит ему довольство, упитательство собой, какое-то неясное, мутное наслаждение. И это наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которой прикрыта поверхность глубокого, темного омута — жилища чудовищ...

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко почти всегда обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющие его злыми помыслами имеют более чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу — его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного... Доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный совет ближнего — воспитанника Восточной Церкви, единой святой, единой истинной,— ищущего и нашедшего з повиновении ей блаженную свободу... Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения...» [9, т. 4, письмо 11].

«...Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину: и святые отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные, духовные перлы — христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные,— словом сказать, находили Евангелие... Некоторый инок сказал Сисою Великому: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это — не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари».

Высокое занятие — непрестанное памятование Бога! Но эта высота очень опасна, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения.

Смотрите — как Писание согласно с Отцами! Писание говорит: *...всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50,18-19). Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, па чувстве покаяния. Вез этого они отвергаются Богом.

...Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самой жизнью, самыми помышлениями и чувствованиями своими. Отличительной чертой их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным их занятием был плач о грехах своих.

Другое направление получили подвижники Западной Церкви и писатели ее о подвижничестве со времени разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси... Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто исступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатью...

Святые отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на

[2] Список цитируемой литературы

высоты видений,— приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые отцы заботятся об исправлении сердца, об изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедившись в справедливости новой мысли, легко отбрасывает старую, легко усвояет себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным,— это труд, это усиленная, продолжительная работа, это борьба неимоверная. Лютость этой борьбы отцы выражают так: «Дай кровь и прими дух». Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа. Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей, за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся, находятся в этом состоянии...

В святых отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождением крови, часто на Западе искал пролития крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святого Духа, мертвящее страсти...» 19, т. 4, письмо 441.

Владыка Игнатий свидетельствует, что из прелести и самомнения возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство. Несчастнейшее видимое последствие прелести есть неправильная, зловредная для себя и для ближних деятельность,— зло, несмотря на ясность его и обширность, малопримечаемое и малопонимаемое. Случаются с такими прельщенными людьми и несчастья, очевидные для всех и весьма трагические.

«На Валаамском острове,— рассказывает владыка,— в отдаленной пустынной хижине жил схимонах Порфирий. Он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг — положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу» и руководствовался ею. Книга эта написана из «мнения». Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, от которого невдалеке была его пустынь. Когда он прощался со старцами, они предостерегали его, говоря: «Не вздумай пройти по льду: лед только что встал и очень тонок». Пустынь Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах отвечал тихим голосом, с наружной скромностью: «Я уже легок стал». Он ушел. Через короткое время послышался отчаянный крик. Скитские старцы встревожились, выбежали. Было темно; не скоро нашли место, на котором совершилось несчастье; не скоро нашли средство достать утопшего: вытащили тело, уже оставленное душой» [9, т. 1, с. 253-254].

«Блаженна душа, узревшая гнездящийся в себе грех! Блаженна душа, узревшая в себе падение праотцев, ветхость ветхого Адама! Такое видение греха своего есть видение духовное, видение ума, исцеленного от слепоты Божественной благодатью. С постом и коленопреклонением научает святая Восточная Церковь испрашивать у Бога зрение греха своего.

Блаженна душа, которая сознала себя вполне недостойной Бога, которая осудила себя как окаянную и грешную! Она на пути спасения; в ней нет самообольщения.

Напротив, того, кто считает себя готовым к приятию благодати, кто считает себя достойным Бога, ожидает и просит Его таинственного пришествия, говорит, что он готов

принять, услышать и увидеть Господа, тот обманывает себя, тот льстит себе, тот достиг высокого утеса гордости, с которого падение в мрачную пропасть пагубы...

...Чувство плача и покаяния — едино на потребу душой приступившей к Господу с намерением получить от Него прощения грехов своих. Это — благая часть! Если ты избрал ее, то да не отымется она от тебя! Не променяй этого сокровища на пустые, ложные, насильственные чувствования, не погуби себя лестью себе.

«Если некоторые из отцов,— говорит преподобный Исаак Сирский,— написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтоб мы искали их преждевременно и с ожиданием... Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение... Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это — не признак любви к Богу, это — недуг души».

Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении.

Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им; другим являлись бесы в своем собственном виде, и представлялись побежденными их молитвой, чем вводили их в высокоумие; иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервны, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, в совершенное омрачение, причислялись по духу своему к духам отверженным.

Если имеешь нужду беседовать с самим собой, приноси себе не лесть, а самоукорение. Горькие врачества полезны нам в нашем состоянии падения. Льстящие себе уже восприняли здесь на земле мзду свою — свое самообольщение, похвалу и любовь враждебного Богу мира: нечего им ожидать в вечности, кроме осуждения...

Святые отцы Восточной Церкви, особенно пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обымало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зрения греха своего.

Некоторого великого отца спросили, в чем должно заключаться делание уединенного инока? Он отвечал: умерщвленная душа твоя предлежит твоим взорам, и ты ли спрашиваешь, какое должно быть твое делание? Плач — существенное делание истинного подвижника Христова; плач — делание его от вступления в подвиг и до совершения подвига.

Зрение греха своего и рождаемое им покаяние — суть делания, не имеющего окончания на земле: зрением греха возбуждается покаяние; покаянием доставляется очищение; постепенно очищаемое око ума начинает усматривать такие недостатки и повреждения во всем существе человеческом, которых оно прежде, в омрачении своем, совсем не примечало» [9, т. 2, с. 122-127].

«Чем более человек вглядывается в грех свой, чем более вдается в плач о себе, тем он приятнее, доступнее для Духа Святого, Который, как врач, приступает только к сознающим себя больными, напротив того, отвращается от богатящихся суетным своим самомнением. Гляди и вглядывайся в грех твой! Не своди с него взора! Отвертись себя, не имей душу свою честну себе! Весь вдайся в зрение греха твоего, в плач о нем! Тогда в свое время узришь воссоздание твое непостижимым, тем более необъяснимым действием Святого Духа. Он придет к тебе, когда ты не чаешь Его, воздействует в тебе, когда ты признаешь себя вполне недостойным Его!

Но если в тебе кроется ожидание благодати,— остерегись: ты в опасном положении! Такое ожидание свидетельствует о таящемся самомнении, в котором гордость. За гордостью удобно последует, к ней удобно прилепляется прелесть. Прелесть есть уклонение от Истины и содействующего Истине Святого Духа, уклонение ко лжи и содействующим лжи духам отверженным. Прелесть существует уже в самомнении, существует в удостоении себя, в самом ожидании благодати» [9, т. 2, с. 320-32].

«В молитвах твоих погружайся весь в покаяние. Есть состояние обновленное — это знаешь; а находишься в состоянии ветхости! И потому пребывай в непрестанном сетовании, в печали спасительной. Отвергнись себя! Но имей душу свою честну себе по

примеру святого апостола. Оценивай себя только осуждением себя. Будь бескорыстен пред Богом. Никак не позволь себе ожидания благодати: это — состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины. Стремись узреть грех твой и возрыдать о нем: это твое дело. А Бог сделает Свое дело, потому что Он верен, дал обетование и исполнит его. Благодать — Его! Дать ее — Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их ни обмывал: судия твой — Бог» [10, письмо 87].

«Подивитесь и поклонитесь Истине, Которая непрестанную изменяемость человеческую врачует заповедью непрестанного покаяния. Ложась на одр, кайтесь, и, вставая, кайтесь: как в цепи звено держится за звено, так в жизни вашей воздыхание да следует за воздыханием. Так проводите дни, месяцы и годы. Предметом рассматривания вашего да будут немощи ваши. В чувстве сердца вашего будьте подобны ввергнутому до конца жизни в темницу, подобны прокаженному, изгнанному вне стана. Тогда окончатся страдания, когда окончится жизнь: последнее стенание испустится с последним вздохом» [10, письмо 12].

К этим выдержкам из книг епископа Игнатия (Брянчанинова) будет уместно добавить несколько слов, извлеченных из творений его современника, также новопрославленного святого отца епископа Феофана Затворника — именно о том, почему же мы часто так упорно не видим своих грехов? Что так ослепляет нас?

Изображая внутренние наши страсти в виде греховного дерева, которое, имея внизу три ствола, далее разветвляется на множество ветвей и веточек, которые проникают во всю нашу деятельность, святитель Феофан говорит, что это древо самим грешником часто не замечается. «Что же за причина, почему мы часто думаем или не стыдясь говорим: что ж такое я сделал? Или— чем я худ? — вопрошает св. отец и отвечает: — Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Не покровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого; потому он спешит одеть его листвием, прикрыть его безобразие, и прикрывает так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Эти лиственные прикрытия суть — рассеянность и многозаботливость.

В письмах святителя Феофана находим такие мысли:

«Надо стать у сердца и навыкать замечать возникающие из него мысли и чувства. Тогда и узрите, что за смрадная вещь наше доброе будто сердце. И придет тогда поминутное покаяние, и исповедь Боту Вездесущему и Всезрящему...

Вот что нам надобно: не мерить себя, т.е. на сколько аршин поднялись от земли, лучше совсем забыть про эту меру. Одна пусть будет: «никуда негожи»...

Мера наша вот какая: когда чувствуем, что кругом нечисты и что спасение нам только от великой милости Божией, то и хорошо. Как скоро начнем присвоять себе хоть малую частичку праведности, это худо. Тут скорее надобно поднимать сварливую брань на себя...

Что не видите успехов, это не худо, а хорошо. Беда, когда увидите. Только не видя успехов, прилагайте ревнование и молитву об успехе, а беспечности не предавайтесь...

Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо. Нищий и в мороз сильный бегает по окнам и просит... То же и с сердцем! Когда коснется его чувство беды, нищеты и голода,— покоя не дает ни телу, ни душе... А голод и беду (т. е. чувство бедственности своей). Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья. У больного нет аппетита; он сыт... Надо нажечь беду вокруг...

Вы спрашиваете, что значит: зажечь беду вокруг себя? — Это глубокое чувство опасности своего положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе. Сие чувство и будет гнать вас к Господу и заставит непрестанно вопиять: помоги, защити! Оно было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положением, которое упокоевает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении. Сыт — и что еще? Не память только грехов я разумел, а вообще чувство, что деваться некуда, кроме Господа...

Вопль нераскаянных на суд низводит Господа, как Содом, а вопль кающихся грешников — на милость, как Ниневия. Уж куда нам в праведники? И беда нам, когда мысль попадет на самоправедность. Какая злая сия мысль! Как она убивает душу? Точно зловредная роса на нежный цветок или страшно холодный ветер, который все окостеневает. То ли дело грешнику кающемуся. Объятия Отчи отверсты ему, *«Пад на выю облобыза его», «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».* Давайте так делать. Когда вкусим сладости покаяния, иной и не похочем» [14, письма 14, 3, 4, 25].

Приведем здесь еще несколько поучений из книги «Невидимая брань» Никодима Святогорца, которые ясно определяют правильное, душеспасительное внутреннее делание и цель внешних добродетелей и подвигов.

Этот отец начинает свою книгу с разъяснения — в чем состоит христианское совершенство, ибо, «не узнавши этого,— говорит он,— можешь уклониться с настоящего пути и, думая, что течешь к совершенству, направляться совсем в другую сторону... Самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним». Далее старец говорит, что не все правильно это понимают, но многие думают, что в исполнении самих добродетелей или особых подвигов, таких как пост, бдения, коленопреклонения, разные телесные строгости, выстаивание церковных служб, умная молитва, уединение или молчание и т. п., и заключается совершенство христианской жизни. Однако ж эти добродетели одни не составляют искомого христианского совершенства, но лишь средства и способы к достижению его. Правильно, душеспасительно проходить эти добродетели с той целью, чтобы получить чрез это силу и мощь против своей греховности и худости, чтоб почерпнуть из них мужество противостоять искушениям и обольщениям трех главных врагов наших: плоти, мира и диавола. Каждая добродетель может дать свое духовное пособие, самое необходимое для раба Божия в его духовной борьбе.

«Но с другой стороны,— продолжает старец Никодим,— эти же добродетели тем, которые в них полагают всю основу своей жизни и своего упования, могут причинить больший вред, нежели явные их опущения, не сами по себе,— потому что они благочестны и святы,— а по вине тех, которые не как должно пользуются ими; именно когда они, внимая только сим добродетелям, внешне совершаемым, оставляют сердце свое тещи в собственных своих волениях и в велениях диавола, который, видя, что они соступили с правого пути, не мешает им не только с радостью подвизаться в этих телесных подвигах, но и расширять и умножать их, по суетному их помыслу. Испытывая при сем некоторые духовные движения и утешения, делатели сии начинают думать о себе, что возвысились уже до состояния чинов ангельских и чувствуют и себе присутствие Самого Бога; иной же раз, углубившись в созерцание каких-либо отвлеченных, неземных вещей, мечтают о себе, будто совсем выступили из области мира сего и восхищены до третьего неба...

Они обыкновенно желают, чтоб их предпочитали другим во всяком случае; они любят жить по своей воле и всегда упорны в своих решениях; они слепы во всем, что касается их самих, но весьма зорки и старательны в разбирательстве дел и слов других; если кто начнет пользоваться почетом у других, какой, как им думается, имеют они, они не могут этого стерпеть и явно делаются немирными к нему; если кто помешает им в их благочестивых занятиях и подвижнических деланиях, особенно в присутствии других,— Боже сохрани! — они тотчас возмущаются, тотчас кипятятся гневом и становятся совсем другими, на себя непохожими... Какая бы ни случилась с ними прискорбность, они не хотят подклонить выю свою под иго воли Божией... Имея внутреннее свое око, т. е. ум свой помраченным, им смотрят они и на самих себя, и смотрят неверно. Помышляя о внешних своих делах благочестия, что они хороши у них, они думают, что достигли уже совершенства и, возгордеваясь от этого, начинают осуждать других. После сего нет уже возможности, чтоб кто-либо из людей обратил таковых, кроме особого Божия воздействия. Удобнее обратится на добро явный грешник, нежели скрытный, укрывающийся под покровом видимых добродетелей...

Если, воодушевясь ревностью, победишь и умертвишь беспорядочные страсти свои, свои похотения и веления, то благоугодишь Богу паче и поработаешь Ему благолепнее,

нежели избичевывая себя до крови и истощая себя постом больше всех древних пустынножителей. Даже то, что ты, искупив сотни рабов-христиан из рабства у нечестивых, дашь им свободу, не спасет тебя, если ты при этом сам пребываешь в рабстве у страстей. И какое бы вообще дело, будь оно самое великое, ни предпринял ты и с каким трудом и какими пожертвованиями ни совершил бы его, не доведет оно до той цели, какую достигнуть возжелал ты, если при том ты оставляешь без внимания страсти свои, давая им свободу жить и действовать в тебе...

Со времени преступления прародителя нашего мы, несмотря на расслабление своих духовно-нравственных сил, обыкновенно думаем о себе очень высоко. Хотя каждодневный опыт очень впечатлительно удостоверяет нас в лживости такого о себе мнения, мы в непонятном самопрельщении не перестаем верить, что мы нечто, и нечто немаловажное. Эта однако ж духовная немощь наша, весьма трудно притом замечаемая и сознаваемая, паче всего в нас противна Богу, как первое исчадие нашей самости и самолюбия и источник, корень и причина всех страстей и всех наших падений и непотребств. Она затворяет ту дверь в уме или духе, через которую одну обыкновенно входит в нас благодать Божия, не давая благодати сей внити внутрь и возобитать в человеке. Она и отступает от него. Ибо как может благодать, для просвещения и помощи, войти в того человека, который думает о себе, что он есть нечто великое, что сам все знает и не нуждается ни в чьей сторонней помощи? — Господь да избавит нас от такой люциферовской болести и страсти!..

Ненавидя же это злое в нас самомнение, Бог ничего, напротив, так не любит и так не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное убеждение и чувство, что всякое в нас добро, в нашем естестве и нашей жизни, происходит от Него единого, как источника всякого блага, и что от нас не может произойти ничего истинно доброго, ни помысл добрый, ни доброе дело...

Познай свое ничтожество и постоянно содержи в мысли, что ты сам собой не можешь делать никакого добра, за которое оказался бы достойным царствия небесного. Слушай, что говорят богомудрые отцы: Петр Дамаскин уверяет, что «ничего нет лучше, как познать свою немощность и неведение, и ничего нет хуже, как не сознавать этого». Святой Максим Исповедник учит, что «основание всякой добродетели есть познание человеческой немощности». Святой Златоуст утверждает, что «тот только и знает себя наилучшим образом, кто думает о себе, что он ничто».

...Так глубоко внедрилось в нас и так крепко сцепилось с нами это самоценение, будто мы нечто, и нечто немалое, что оно всегда скрытно живет в сердце нашем, как некое тонкое и незаметное движение, даже и тогда, когда мы уверены, что никакого не имеем упования на себя, а, напротив, исполнены полного упования на единого Бога. Чтоб избегать тебе, сколько можешь, такого сердечного самомнения и действовать без всякого на себя надеяния, а с единым упованием на Бога, всякий раз настраивайся так, чтобы сознание и чувство своей немощности у тебя предшествовало созерцанию всемогущества Божия, а то и другое предшествовало каждому деянию твоему» [7, с. 12-15, 17, 18, 20, 25].

Итак, эти немногие отрывки из учения святых отцов, близких нам по времени, точным и доступным нам языком передающих учение всех древних отцов Церкви, ясно показывают главные черты внутренней христианской жизни, то, что «в покаянии— вся тайна спасения» [10, письмо 86]. Желающий узнать глубже это учение может найти его во всех почти писаниях святых отцов. Особенно же красноречиво, в самых тонких поэтических оттенках, выражен этот дух покаянного самовоззрения и умиленного молитвенного плача пред Богом — в богослужебных текстах Церкви, особенно в песнях великопостной Триоди, поемых в храмах в дни Великого поста. Все наши молитвословы обильно напитаны этим святым духом покаяния и для того и предназначены, чтобы научить нас ходить пред Богом православно, вопиять к Нему из глубины смирения. И все эти молитвы составлены святыми не для других, они записали их из своего внутреннего духовного переживания, они сами именно такими и почитали себя — грешными и окаянными, как и выразили это в словах молитв, говоря о себе самих, а Церковь эти молитвословия сохранила как лучшие образцы нашего молитвенного предстояния Богу и донесла до нас, чтобы мы учились на этих молитвах смиренному и покаянному

самовоззрению. Глубоко заблуждается тот, кто думает, что отцы только изображали нам образ покаянного плача о себе, но сами себя признавали не столь уж грешными. Нет! — в них не было притворства, но в том-то и есть истинное Православие, чтобы всегда при свете Божественной Истины видеть себя нечистым и недостойным Бога, сколько б ни очищался человек от грехов.

СКОРО ЛИ ИСЦЕЛЯЕТСЯ ДУША

Итак, очевидно, что все дело спасения протекает через осознание своего падения, через смирение и признание себя недостойным каких-либо высоких духовных дарований, через терпеливое несение покаянных трудов и неспешность в ожидании признаков исцеления. Последний момент очень важен — неспешность! Здесь сегодня многие претыкаются: все мы очень торопимся, желаем видеть плоды трудов своих очень скоро. За малое покаяние тут же ожидаем великой милости и, раз всплакнув о себе, считаем себя уж очищенными и убеленными, ждем явления ангелов и знаков особого Божественного благоволения к нам, как будто уже достойным многих даров Духа. Отсюда происходят частые обольщения. Но совсем не этому учит нас опыт православных подвижников. Хорошо видно из патериков, как сложен, как продолжителен, многотруден этот путь очищения прокаженной души,— и это даже в самых подходящих для исцеления условиях монастырей и пустынь.

Разве дикие горы, безлюдные ущелья, дремучие леса, в которых подвизались многие отцы, отсутствие всякого общения с миром, да и часто вообще с людьми, строжайший пост, непрестанная молитва при глубокой вере и всецелом уповании на Бога, постоянный плач о себе и другие высочайшие подвиги святых подвижников — разве это не сильнейшие средства против всех глубинных корней греха? Казалось бы, человек, приявший такой образ жизни, должен в кратчайшее время совершенно очиститься от всех страстей своих, даже вообще забыть о существовании греха. Но не так на самом деле. Многие и многие годы, десятилетия проводимы были святыми в напряженной борьбе с гнездящимися в сердцах их страстными змеями, прежде чем достигали они освобождения от этих страстей, умерщвляли их и стяжевали мир души.

«До самой кончины человека страсти сохраняют способность восставать в нем, и неизвестно ему, когда и какая страсть восстанет; по этой причине, доколе дышит, не должен оставлять бдительного наблюдения над сердцем своим; он должен непрестанно вопиять к Богу, умоляя Его о помощи и помиловании»,—говорил авва Исаия [11, с. 128, ст. 58].

Мария Египетская, ушедшая в пустыню Иорданскую для покаяния, сорок семь лет прожила в этой пустыне, никого не встречая из людей, без пищи и одежды, питаясь кореньями. Из них — семнадцать лет, словно с лютыми зверьми, боролась она со своими помыслами. Когда она вкушала скудную пищу, тотчас приходили помыслы о мясе и рыбе, жаждалось вина, то ею овладевало желание петь любодейные песни, они слышались ей, смущали сердце и слух. Она плакала, скорбно взывала к Небу, просила помощи у Бога. Страстный огонь разгорался внутри сердца и опалял всю ее, возбуждая жгучую похоть. Она повергалась на землю и так лежала день и ночь, пока покаяние не совершалось и милость Божия не отгоняла злое смущение. Тьма за тьмой, беда за бедой обстояли ее семнадцать лет. И только после этого времени ей явилась Пресвятая Богородица как Помощница и стала руководствовать ею, отогнав всякое греховное смущение от души Марии (житие преподобной Марии Египетской, 1 апреля старого стиля).

Преподобный Иоанн Многострадальный подвизался в Киево-Печерской лавре и много страдал от блудной похоти, ничто не могло избавить его — ни жажда, ни голод, ни тяжелые вериги. Тогда он затворился в пещере, где стал сражаться со страстью в жесточайшей борьбе. Доходило до того, что святой закапывал себя до плеч в землю, но жар похоти не оставлял его. По временам диавол в виде огромного змия нападал на подвижника, страшно томил и терзал его. Наконец Господь избавил Своего раба — через тридцать лет его затвора в пещере, после столь многих скорбей. И только тогда страсть отступила от Иоанна и свет Божественный осиял подвижника (житие преподобного Иоанна Многострадального, 18 июля старого стиля).

Авва Аммон сказал: «Я препроводил четырнадцать лет в скиту, моля Бога денно-нощно, чтоб Он даровал мне победить гнев» [11, с. 50, ст. 6].

Один брат, живший в пустыне и сильно смущаемый блудным вожделением, пошел за наставлением и молитвенной помощью к старцам. И вот, найдя там величайшего и искуснейшего по рассуждению и подвигам авву Памву, поведал ему брешь свою. Тот утешил и наставил его. Также сказал о себе: «Ты видишь меня, как я стар, семьдесят лет живу в келии этой в попечениях о спасении моем. В таковой старости поныне претерпеваю искушения и напасти. Поверь мне, чадо, что в продолжение двенадцати лет не оставлял меня блудный бес ни днем, ни ночью, непрестанно нападая скверными помышлениями и мечтаниями». И рассказал старец, какая тяжкая и упорная брань была у него с бесом блуда, как он много раз доходил до великой скорби и отчаяния, как через многое время Господь освободил его, научив познавать свою немощь и уповать на помощь Божию, а не на свои силы [11].

«Нет ничего хуже греховного навыка. Зараженный греховным навыком нуждается во многом времени и труде, чтоб освободиться от него»,— сказал один египетский старец [11, с. 346, ст. 20].

Итак, видим, что не скоро искореняются страсти. Но важно заметить еще и то, что чаще всего нам и не полезно получить скорое избавление от них. Конечно, Господь может в один миг очистить нас от всех наших немощей, но Господу угоднее наше смирение, покаянное молитвенное наше состояние; а скорое освобождение от недугов вызвало бы у нас гордостное, самодовольное, бездейственное душевное настроение. Святые отцы ясно видели это. Так, амма Сарра была борима бесом блуда в течение тридцати лет и никогда не помолилась о том, чтобы брань отступила от нее, но молила только Бога даровать ей мужество и терпение в брани [11, с. 328, ст. 1]. Иоанн Колов умолил Бога, и отъяты были у него страстные вожделения. Он ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некоторому отцу и сказал ему: вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани. Старец отвечал ему: иди и умоли Бога, чтоб возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине браней душа приходит в преуспеяние. Иоанн испросил у Бога возвращения браней, и когда пришли брани, то он уже не молился об освобождении от брани, но говорил: Господи! даруй мне терпение в брани [11, с. 262, ст. 11].

Вот учение **православное**! — Не покоя искать, не скорого освобождения от всего скорбного и тягостного, даже не желать скорого очищения от всех своих страстей,— а только того сокрушенного и смиренного сердца, которого *Бог не уничижит* (11с. 50, 19) и которое только и угодно Боту нашему, пред святостью Которого все наше «чистое» как грязь и скверна, само небо пред Ним нечисто.

В каком противоречии с этим духом стоят многие современные религиозные учения и настроения, как распространено ныне искание духовных утешений, какого-то сладостного, беззаботного, беспечального состояния, как бы уже «райского» блаженства,— только здесь, на земле, не пройдя путем очищения, омовения от своих греховных язв. Такие религиозные учения стараются закрыть глаза человеку на его болезни, создать у него иллюзию здоровья, приглашают его радоваться и наслаждаться ложным здравием и надуманными совершенствами своими, пребывать в коварном спокойствии о своей будущей судьбе, упиваться иллюзией счастья и гармонии, а на самом деле носить в себе семя величайшей скорби, зачаток ужасной муки, которая откроется тогда, когда вместе с этой жизнью будет отъята от такого обольщенного человека и та завеса лжи, которой прикрывалось истинное положение вещей.

И как трезво, как утешительно наше православное верование! — Скорбеть и скорбеть здесь, на земле: от бесов, от людей, от своих немощей телесных и душевных, плакать, стенать,— до конца этой земной бренной жизни, а все сладостное, утешительное — пусть будет там, в вечности! Ведь во временной, изменчивой жизни и не надежно иметь что-либо ценное.

Не так смотрят на духовные болезни люди обольщенные; те, кто образ покаяния не приял от святой нашей Церкви, от святых отцов, кто не доверяет православному учению,— они смело решают все трудности, у них все очень просто. Пришлось слышать

одну беседу пятидесятника с православными христианами. Он укорял православных в холодности и нелюбви к Богу, в фарисействе. Их признание себя духовно немощными, исполненными страстей он объяснил нерадением, нежеланием их полностью предаться действию «благодати», мол, причина в них самих, если бы они хотели, в одну минуту могли бы освободиться от всех страстей своих, для этого требуется только решимость и одно сильное покаянное движение души — и вся греховность тут же испарится, как от огня, «благодать» тут же начисто освободит покаявшегося даже от всех наклонностей ко греху, такое покаяние тут же выжгло бы всякий грех из души, и сразу наступило бы прозрение и просветление. Так что все дело только в выборе, в решимости и т. п. Сам он лично сразу же, при первом же горячем «покаянном» акте ощутил это освобождение и получил «благодать Духа», с тех пор он совершенно изменил свою жизнь, постоянно чувствует в себе необыкновенную любовь ко всем, решимость всегда жертвовать собой ради Бога, он озарен «светом» и необыкновенно счастлив. И действительно, он весь сиял, весь пылал каким-то внутренним жарким воодушевлением. Он поведал о дивных чудесах, которые с тех пор постоянно происходят с ним и с членами его семьи (они также все чудесно преобразились после «крещения» у пятидесятников).

Все возражения православных, их предостережения против таких чудесностей, несколько попыток преподать учение о недоверии себе и о глубокой изъязвленности души человеческой— перед обольщенным явились только новым доказательством его правоты и еще раз убедили его, что православные из-за своего нерадения, маловерия и робости, привязанности к «безжизненным канонам», из-за «фарисейства» утратили всякое общение с Богом, на том он и остался.

Надо заметить, что по внешности: бодрость, оживление, горячность, кажущаяся святой, ревность, самоотречение, готовность идти на любой подвиг и другие вырисовывающиеся снаружи черты таких людей — внешне создают им пленяющее впечатление, для многих предпочтительное рядом с тяжко вздыхающим о себе, ничего в себе хорошего не чающим, а от того и сдержанным, иногда даже как ы подавленным *с* виду, смиренным христианином православным.

КАКОВЫ ОСОБЕННОСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

А мир все более и более склоняется симпатией к такого рода ложному, истеричному христианству. Но мы не должны обращать внимание на его вкусы — чем более мы будем хранить дух нашей веры, тем более мы будем чужды этому миру, тем более будем ненавидимы им, презираемы, будем видеться ему нелепыми, немощными, даже безблагодатными. Если сегодня мир отчасти привлекается к православным и любопытствует об их вере, то это не повод к тому, чтоб нам в угоду миру изображать какую-то таинственную напыщенность, ложную духовность. Бедная правда лучше выряженной лжи. Мы теперь бедны духовностью, как никогда, нам более, чем христианам других времен, подходят слова псалма: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истина от сынов человеческих* (Пс. 11, 1), Мы — нищие духом, и увидеть это ясно, осознать это, в смирении и покаянии понести это,— пожалуй, единственное доступное и спасительное делание для нас в наши дни. Ясное осознание духа времени, нашего духовного положения, меры наших возможностей — сохранит нас от неправильных исканий, от напрасной растраты тех жалких сил, которые мы имеем, от банкротства дел наших, от несбыточных мечтательных предприятий и не соответствующих нашему состоянию подвигов.

Нашему времени уже не свойственно обилие духовных яств, то великолепие и благоухания, которыми была исполнена и овеяна жизнь прежних христиан. Нам осталось больше немощи и скорби, поэтому и наиболее спасительными для нас будут именно: постоянная смиренная молитва и воздыхание об убожестве нашем, самое скромное и уничиженное воззрение на все свои труды и делания, самое снисходительное и милосердное отношение к близким, безропотное, благодарное приятие всего случающегося сил ми, всецелое упование на милость Божию и ни в коем случае не надеяние на свои добрые дела, не ожидание в себе чего-либо высокого.

Яркий живописный образ этому находит святой епископ Игнатий: изобилие духовных

благ в среде древних христиан он сравнивает с роскошным обедом, который устроил богатый Домовладыка Своим многочисленным друзьям и знакомым. На этой духовной трапезе предстояло безмерное количество духовных яств, по окончании трапезы гости были щедро одарены духовными дарами. Когда все разошлись, то Домовладыка, увидев толпу голодных нищих, приказал слугам не убирать стола, но предложить все оставшееся убогим. Робко и в недоумении взошли они в обширную залу, стали употреблять все, что оставалось на столе и под столом,— упавшие крохи, никто из них не вкусил цельного блюда, не видал ни стройного служения прислуги, ни драгоценной посуды и утвари, не слышал хора певчих, музыки, так что никто из них даже не мог составить себе ясного, точного понятия о бывшем обеде. Насытив голод, они только приблизительно могли угадывать, какое было здесь прежде них великолепие. Но тем не менее они припали пред Домовладыкой, благодаря Его за пищу, которой до сих мор не едали никогда и не видали. Он сказал им: «Братия! При распоряжении Моем об обеде я не имел в виду вас, поэтому Я не представил вам обеда в должном виде и не даю вам подарков...» Нищие воскликнули в один голос: «Владыко! до подарков ли нам! до пышного ли обеда! несказанно благодарим за то, что Ты не возгнушался нами; нас, истерзанных всякого рода недостатками, впустил в Твой чертог, спас от голодной смерти!» Нищие разошлись, продолжая благодарить милосердного Домовладыку, Тогда Он сказал слугам: «Теперь уберите стол и заключите Мой чертог. Уже гостей не будет,— и что можно было предложить в пищу, предложено. Все кончено!» (19, т. 5, с. 384-385).

Нищие и убогие — это образ нашего состояния; крохи и пустые тарелки — духовный голод нашего времени, смиренное благодарение и признание себя недостойными никаких роскошных яств и даров — пример необходимого нам расположения души.

Необходимо нам внимательно прислушаться к тем предчувствиям и предсказаниям св. отцов, которые относятся к нашему времени — времени, судя по всему, последнему. Это осознание духа нашего времени, с одной стороны, выведет нас из состояния самообольщения, откроет верный взгляд на наши силы и возможности, сделает скромнее наши требования к себе и к другим, с другой — заставит взбодриться, быть бдительными и осторожными, не унывать, но и не возноситься мечтательно, отрываясь от реальности.

Вслушаемся в скорбные, но полезные слова:

«Закатывающееся солнце живо представляет собой состояние христианства наших времен. Светит то же солнце правды — Христос, Он испускает те же лучи, но они уже не проливают ни того сияния, ни той теплоты, как во времена, нам предшествовавшие. Это оттого, что лучи не падают прямо на нас, но текут к нам лишь в косвенном, скользящем направлении. Лучи Солнца Правды, Христа — Дух Святой: «*Свет и податель Света человекам, Имже Отец познавается и Сын прославляется и от всех познавается»* (стихира на вечерне Пятидесятницы)...

«Ныне, когда умножились богатые науками, искусствами, всем вещественным, ныне оскуде преподобный *(Пс. 11, 1). Святой Дух, призирая на сынов человеческих, ища достойного сосуда в этом сонме именующих себя образованными, просвещенными, православными, произносит о них горестный приговор:* Нестъ разумеваяй, и несть взыскали Бога, Вси уклонишася, вкупе непотребны быша: несть творяй благостыню, нестъ даже до единаго. Гроб отверст гортань их, языки своими льщаху: яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их, и пути мирного не познаша. Несть страха Божия пред очима их *(Рим. 3. 11-18).*

Вот причины, по которым Дух Божий чуждается нас, между тем как Он — истинное достояние истинных христиан, приобретенное для всех новых израильтян их всесвятым Родоначальником» [9, т. 1, с. 406-407].

«Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию: они начнут оставлять без внимания обновление естества человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь; в этом настроении и направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения всем поврежденным и извращенным требованиям и

пожеланиям души и тела. Разумеется: такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд. Такому направлению отступление от христианства свойственно» (9, т. 1, с. 457-458).

«Посреди рая явилось зло облеченным в личину добра, для удобности к обольщению: оно является в недре Святой Церкви прикрытым и разукрашенным, в приманчивом разнообразии соблазнов, называя их невинными развлечениями и увеселениями, называя развитие плотской жизни и уничижение Святого Духа преуспеянием и развитием человечества. Человецы будут растлени умом, по причине благоволения их неправде (2 Сол. 2, 12), неискусни о вере, имущий образ благочестия, силы же его отвергшиися (2 Тим.3, 8, 5). Для получивших эту силу и произвольно отвергших ее трудно возвращение ее (Евр. 10, 26), по причине утраты самого благого произволения, что непременно следует за намеренным пренебрежением дара Божия .Образ благочестия могут кое-как слепить ухищрения человеческие: но восстановление силы благочестия принадлежит Тому, Кто облекает человеков силой свыше» [9, т. 1, с. 495-4961.

«Ныне во многом люди дерзнули в установления Святого Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления небесные земными, духовные плотскими, святые греховными, мудрые нелепыми... Есть, в частности, христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялось в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одной общей главой — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она; никто ее не останавливает, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат — так отяжелел слух их — спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его святой Церкви, который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечении, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. *Прильпе земли, душа их,* неспособна к восприятию впечатлений духовных» (9, т. 4, письмо 581).

«Сети диавола умножились в сравнении с временами первенствующей Церкви Христовой, умножились до бесконечности. Умножились книги, содержащие лжеучение; умножились умы, содержащие и сообщающие другим лжеучение; умалились до крайности последователи Святой Истины; усилилось уважение к добродетелям естественным, доступным для иудеев и язычников; явилось уважение к добродетелям прямо языческим, противным самому естеству, взирающему на них, как на зло; умалилось понятие о добродетелях христианских, не говорю уже, как, умалилось, почти уничтожилось исполнение их на самом деле; развилась жизнь вещественная; исчезает жизнь духовная; наслаждения и попечения телесные пожирают все время; некогда даже вспомнить о Боге. И это все обращается в обязанность, в закон» (9, т. 1, с. 397).

«Мы в настоящее время пришли в такой период жизни человечества, когда спасаются исключительно только безропотным терпением скор ей, с верой в Бога и надеждой на Его милосердие. Другими путями теперь не умеет спасаться никто. Остался для нашего времени только один единственный путь: терпение скорбей...»

«...Без смирения человек не может без вреда для себя получить и какие-либо дарования Божии. Вот почему и предсказано, что в последние времена ввиду усилившейся гордости люди будут спасаться только терпением скорбей и болезней, а подвиги от них будут отняты» (16, с. 70, 116).

«Скорби — особливо удел нашего времени, которому в удел не даны ни подвиг мученичества, ни подвиг монашества. Участок наш, христиан времени последнего, участок скорбей, по-видимому мелочных, ничтожных. Весы у Бога!» [9, т. 4, с. 462].

«Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно...

Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они благочестно живут, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем

самообольщении» [12, письмо 188].

А вот мысли отца, современного нам,— иеромонаха Серафима Роуза, жившего в Америке (f 1982): «Поскольку переводы православных книг о духовной жизни становятся все более и более доступными, а православная терминология по духовной борьбе все более носится в воздухе, все большее и большее количество людей толкует об исихазме, Иисусовой молитве, аскетической жизни, возвышенных молитвенных состояниях и о самых возвышенных из св.отцов вроде святых Симеона Нового Богослова, Григория Паламы или Григория Синаита. Очень хорошо знать об этой действительно возвышенной стороне православной духовной жизни и почитать великих святых, которые на самом деле вели ее; но если мы не будем иметь очень реалистического и очень смиренного сознания того, насколько все мы далеки от жизни исихастов и как мы мало подготовлены к тому, чтобы хотя бы приблизиться к ней, наш интерес к ней будет лишь еще одним из выражений нашего эгоцентрического пластмассового мира...

Мы должны глубоко понять, в какие времена мы живем, как на самом деле мы мало знаем и чувствуем наше православие, как мы далеки не только от святых древности, но даже от простых православных христиан, живших сто лет тому назад или даже одно поколение назад, и как сильно нам надо стремиться, чтобы сегодня просто выжить как православным христианам...» [19, с. 61].

Итак, отцы последнего времени очень часто говорили, что наше время особенно лукаво и трудно для спасения, что очень распространилось лицемерие, что истинное благочестие почти утрачено, что христиане большей частью ведут только наружно добродетельную жизнь, сердца же их удалены от Бога, порабощены земле, миру сему тленному, что притворство стало повсеместным, что никто уже не ищет Божьего, но каждый ищет себе угодного. Сейчас перед каждым верующим стоит нелегкая задача: отыскивать и отделять в этом хаосе лживых дел и слов человеческих, в этом смешении правды и лжи ту Истину, которая одна только может спасать и исцелять, — Истина эта рядом, она никогда не иссякнет, но множество лжеистин стараются заслонить ее, внушить, что они-то и есть та Истина, которая нам необходима. И вовне и внутри нас постоянно идет вражеская работа, враг усиливается подменить православную веру, ее дух на тонкую, изящную подделку, вынудить нас сделать только малый шаг в сторону от тесного пути, а там уж и совсем завести на путь отступничества.

Особенно важно теперь научиться правильно понимать и прилагать к своей жизни писания святых отцов, усвоить себе их дух, так как это есть дух евангельский. Отцы жизнью своей, делом, словом, чувством исполнили евангельское учение, они ясно усвоили его и подробно изъяснили в своих книгах. Понять, а тем более исполнить евангельские заповеди нам без этого отцовского опыта никак невозможно, мы непременно заблудимся уже в самом начале пути. И само слово святоотеческое стало уже весьма трудно доходить до нас, мы перестали понимать святых отцов. Их подвиги во многом нам уже непосильны; та непоколебимость веры, которая давала им силу совершать чудеса,— теперь уже не встречается; их простота, чистота ума и сердца— для нас кажутся непостижимыми; их отрешенность от мира, их беспопечительностъ, пренебрежение к телесному и устремленность к небесному — для нас уже почти невозможны. Но тем не менее — дух святых отцов, их внутреннее делание, главная направленность и цель их трудов остаются и для нас необходимыми. Мы не можем идти так же бодро, как шли они, нести такие же тяготы, взбираться на те же высоты,— но мы можем и должны держать то же направление пути, иметь те же цели, определять ценность и полезность чего-либо по тем же отцовским меркам, считать вредным и неполезным то, чего береглись и отцы.

БОЯТЬСЯ ЛИ АДА «РЕВНОСТНЫМ» ХРИСТИАНАМ

Христианин, избрав неверный путь внутренней жизни, основанный не на истинном покаянии, а на некоторой тайной гордыне и с ней на других страстях, далеко не всегда может заметить это сам; даже все признаки этой болезни могут быть так глубоко сокрыты, что только опытный духовник сумеет обнаружить ее, В таком случае, надо заметить: окружающие всегда скорее примечают в действиях обольщенного человека

что-то больное, чем он сам; так что, когда нас обличают, надо всегда призадуматься и много раз приложить, примерить это обличение к себе — вполне возможно, что оно не случайно.

В духовной борьбе как часто враг усиливается обмануть нас! Святые отцы говорят, что злые духи применяют и так: забирают свои орудия, которыми растравляли наши страсти, и как бы удаляются от человека, таким образом все брани затихают и душевные недуги совсем не замечаются. Когда же человек расслабится и почтет себя в безопасности, тогда-то враг и вонзает свою отравленную стрелу в самую какую-нибудь уязвимую часть души, возжигает в ней самую жгучую какую-нибудь притаившуюся страсть, накопившую новые силы и жаждущую насыщения.

И тогда несчастный человек не выдерживает внезапного восстания в себе такой темной силы и легко падает. Но знают и иное коварство злые духи: они могут удалиться надолго, даже оставить по удалении своем в человеке самые, казалось бы, спасительные и благодатные настроения души; даже как бы ревность к добрым делам, святым подвигам, горячее рвение к молитвенным занятиям, посту, бдению; даже трепетное желание творить дела милосердия, любить всех людей, помогать бедным и спасать несчастных; даже силу терпения, чтобы сносить иногда поношения и оплевания, желание говорить о себе униженно и совершать некоторые труды покаяния и т. п. Все это не только действует в человеке без противодействия бесов, но они же еще незаметно разжигают и поощряют такие движения и настроения души,— только при всем при этом злые духи тонко касаются нашего тщеславия и в глубине сердца продолжают кадить свой фимиам идолу нашей гордыни. Демоны как будто удалились, но они пристально следят за тем, чтобы не погас этот гордостный огонек в нашей душе. И вот: человек живет по наружности прекрасно — ревностен, скромен, правдив, милосерд, нестяжателен, как будто исполнителен во всем; он даже иногда скорбит о своих прегрешениях, иногда даже очень болезненно переживает какой-нибудь малый свой проступок; он жаждет чистоты и совершенства; он терпит оскорбления, совершает многие и многие кажущиеся вполне достойными добродетели; но при этом тот фимиам иному богу — идолу «я» — не перестает куриться в глубине сердца, с каждым подвигом все сгущается, с каждым «добрым» делом все больше упитывает нашу гордыню.

Как же избегать этого зла? Под каждое неразумное, хотя по виду и доброе, наше начинание демон гордыни старается подставить свое кадило; неопытный христианин не всегда умеет хорошо рассмотреть, на что он опирается в самом начале своего делания, из какого источника берут соки корни этого его древа подвижничества, кто на самом деле поощряет и присваивает себе эти его труды. Дело в том, что истинное добро в нас должно иметь основание только на заповедях евангельских, совершатся из-за страха или послушания или же любви к Богу (смотря по духовной высоте нашей жизни), но никак не ради чего-либо иного: не ради самого подвижничества, или «духовности, или отделенного от Евангелия «добра», или «нравственности», или «святости», или даже «совершенства» и других громких добродетелей, понимаемых отвлеченно; но стремиться совершать дела наши надо так, чтобы этим исполнить волю Божию, имея одну цель — угодить Богу. Что бы человек хорошее ни делал, он не может ни на что из этого надеяться, должен всегда говорить: «Я раб, ничего не стоящий, сделал то, что должен был сделать (Лк. 17, 10), и сделал слабо и нерадиво». Заповеди Божий так бесконечно глубоки, что исполнить их вполне никто из нас не может, но даже чем более кто будет стараться их исполнить, тем более будет видеть свою немощь, свое несовершенство, греховную поврежденность и удаленность от Бога: от этого сознания ему останется только бесконечно смиряться, укорять себя, пока не скажет, подобно апостолу Павлу: *Из грешников я первый* (1Тим. 1,15), ему останется только уповать на милость Божию, не зная за собой никаких достоинств.

Но не так бывает в том случае, когда человек имеет меркой своих дел не бесконечное, а ограниченное, земное; тогда и делам своим он определяет цену, вымеряет их вес и значимость. Тогда-то и рождается болезненная ревность, неутешная скорбь даже о малых своих поползновениях — из страха потерять что-либо из своего богатства. При таком уповании на свои труды человек становится в своих глазах богачом, собирающим

прилежно и умножающим добро; всякий свой подвиг, даже самый малый хороший поступок, он сразу взвешивает и вносит в свое хранилище— и это вместо заповеданной нам нищеты (чтобы признавать себя совершенно нищим духовно)!

Такие самодовольные делания, конечно, не имеют глубины, требуемой от дел, истинно посвященных Богу; они, как насаженные на неглубокой почве, не имеют корней на глубине истинной веры, но корни их простираются по поверхности, пьют нечистые соки разных страстей. Итак, чтобы понять, на чем держится такое подвижничество, надо смотреть не на внешние его подвиги, а на внутреннее самовоззрение: считает ли человек себя действительно грешником, немощным, недостойным — не на словах только, даже не умом и не на поверхности чувства, а в глубине сердца, там он вздыхает ли о себе, окаивает ли себя, или там у него ликует торжество победителя, радостное признание своей значимости и богоугодности? Хорошо видно это из того: считает ли такой человек себя погибающим, вполне достойным адских мук и находящимся в реальной опасности быть осужденным идти в этот вечный ад, что только по милости Божией он может быть спасен, а не какими-то своими добродетелями; что он нуждается во многих молитвах о себе, а собственные его дела и молитвы недостаточны для спасения. Если же такой «ревностный» христианин, называя себя грешным, все же довольно твердо уверен, что никак не может быть, чтобы он угодил в темницы ада, имея столько добрых дел, то такое расположение сердца — беда! Совершенно иной пример подают нам святые отцы, которые и на земле уже достигли ангельского состояния, могли совершать дивные чудеса, имели дар прозрения, имели видения и откровения от Бога; а умирая, неутешно рыдали о себе и искренно считали себя осужденниками ада.

Когда настало время кончины святого аввы Агафона, братия, заметив в лице его страх, сказали: «Отец! неужели и ты боишься?» Он отвечал: «Хотя я старался всеусиленно исполнять заповеди Божий, но я человек — и не знаю, угодны ли дела мои Богу». Братья сказали: «Неужели ты не уверен, что дела твои благоугодны Богу?» Старец сказал: «Невозможно удостовериться мне в этом прежде, нежели предстану Богу: потому что иной суд Божий и иной человеческий» (11, с. 49, ст. 25).

Когда настало для аввы Арсения время кончины, тогда братия, бывшие при нем, увидели, что он плачет. Братия сказали ему: «Отец! Неужели и ты страшишься?» Он отвечал: «Страшусь! Страх, ощущаемый мной в настоящий час, пребывал со мной с того времени, как я сделался монахом» [11, с. 42, ст. 16].

Пимен Великий говаривал братии своей: «Уверяю вас: куда ввергнут сатану, туда ввергнут и меня» [11, с. 302, ст. 21].

Много лег старец Силуан нес высокие подвижнические труды, много претерпел мучительных борений с бесами. Так, однажды ночью, во время молитвы старца, злые духи усиленно стужали ему и не давали чисто молиться. Он в скорби, с болезнью сердца возопил ко Господу, прося научить его, как ему молиться и что делать, чтобы бесы не мешали ему. И услышал ответ в душе: «Гордые всегда так страдают от бесов».— «Господи,— говорил старец,— научи меня, что должен делать я, чтобы смирилась моя душа?» И снова в сердце ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». После этого старец Силуан познал, что весь подвиг должен быть направлен на стяжание смирения. С того дня его «любимой песнью», как он сам выражался, стало: «Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе: «Где Ты, Свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя» (Архимандрит Софроний (Сахаров).) Старец Силуан. Жизнь и поучения. М.—Минск, 1991. С. 40-41).

Иоанн Лествичник повествует, что один монах-подвижник часто от помышления о смерти приходил в исступление и, как лишившийся чувств или пораженный падучей болезнью, относим был находившимися при нем братьями почти бездыханным [4, сл. 6, ст. 17].

Для утверждения той мысли, что нам всегда надо находиться в покаянии и сокрушении, тот же отец приводит такую устрашающую повесть: жил в тех местах некто Стефан, который, любя пустынное и безмолвное житие, многие лета провел в монашеских подвигах и просиял различными добродетелями, в особенности же украшен

был постом и слезами. Сей отец удалялся в места отшельников для подвига суровейшего и строжайшего покаяния, там прожил несколько лет в безлюдной пустыне. Перед кончиной своей вернулся в свою келию. За день до кончины он пришел в исступление, с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоящих говорил иногда так: «Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет»; а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете»; потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братиям»; иногда же возражал: «Нет, вы клевещете на меня». На иное же отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость».

Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание, говорит св. Иоанн, и, что всего ужаснее, его обвиняли и в том, чего он не делал. Увы! безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: «Не знаю, что и сказать на это»; хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез. Увы мне! Увы мне! Где было тогда слово Иезекиилево, чтобы сказать истязателям: «В чем застану, в том и сужу, глаголет Бог». Ничего такого не мог он сказать. А почему? Слава Единому Ведающему. Некоторые же говорили, что он и леопарда кормил из рук своих в пустыне. В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом: и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал [4, сл. 7, ст. 501.

Повествуют отцы и такую повесть: один прозорливый отец пришел в некоторый город, когда там умирал один почитаемый всеми монах. Все жители города считали его святым старцем и весьма прославляли его, рыдали о его смерти, почитали это для себя великой утратой, молитвами его многие надеялись избавиться от всяких искушений. Путешествующий прозорливый монах присутствовал при этом событии, и ему открылось ужасное видение: он увидел, как явились страшные эфиопы с трезубцами, раздался глас с высоты: «Не дайте ему покоя, потому что ион не дал Мне покоя ни на один час». И так эти эфиопы, пронзив душу умирающего трезубцами, извлекли ее и утащили восвояси. Петр Дамаскин, святой отец восьмого века, так объясняет этот случай: причиной сего было возношение монаха, так как если бы у него были другие грехи, он не мог бы их утаить от людей, тем более совершать их ежечасно. Но только одно высокомудрие может по самоугодию утаиться почти от всех и от самого того, кто его имеет, если не попустится ему впасть в искушения, которыми душа обличается и познает свою немощь и неразумие. Потому Дух Святой и не обретал ни на один час покоя в жалкой душой что она всегда имела этот помысел и радовалась о нем, как о некотором добром деле, оттого и помрачилась она, как демоны. Не видя себя согрешающим, может быть, человек тот питал Б себе одну страсть вместо других, и этой одной довольно было демонам, как могущей восполнить место прочих пороков (Творения... Петра Дамаскина. М., 1874. Кн. 2. Сл. 24).

Там же святой Петр Дамаскин говорит: «Никто не получит пользы от других добродетелей, хотя бы он и на небе жил, если имеет гордость, чрез которую диавол, Адам и другие весьма многие пали. Потому никто не должен отвергать страх, пока не достигнет он пристанища совершенной любви и не будет вне мира и тела» (там же).

Когда авва Макарий Великий пришел в скит Нитрийской горы, стеклось к нему многочисленное братство. Старцы просили его, чтобы он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, сказал им: «Братья! очи ваши да испустят слезы прежде отшествия вашего туда, где слезы наши будут жечь наши тела». Все заплакали и, пав ниц, сказали: «Отец, молись за нас» [11, с. 284, ст. 6].

«Ныне, во время земной жизни, часто нисходи умом в ад, чтоб не низойти туда навечно душой и телом»,— поучал Тихон Задонский.

Только этот путь: самоосуждения, неверия себе, почитания себя худшим из грешников, достойным всяких мук,— святые отцы признавали спасительным и безопасным. Избрав правильный путь духовной жизни, никак невозможно не пройти стезей страха и трепета за свою душу; все, кто спасался,— шли ею.

КАК МОЖЕТ САМОУНИЧИЖЕНИЕ УЖИВАТЬСЯ С ВНУТРЕННИМ МИРОМ

Многие, услышав все сказанное, могут смутиться духом и сказать: «Если так помышлять о себе, если так всегда себя засуживать, если отвергать всегда всякую в себе уверенность и нисколько не надеяться на свои добрые дела, то тогда точно впадешь в отчаяние, руки опустятся и не захочешь ничего делать». — Но нет! Это не так! Как же тогда святые отцы, которые так уничижали себя в своих глазах, всю жизнь проливали слезы о душе своей и ни о чем не желали больше помышлять, как только о своем недостоинстве, — как же они не отчаивались, но прилагали труд к труду, не оставляли ни на минуту заботу о душе своей и никогда не теряли бодрости, решимости бороться до конца? Как же они при этом имели и внутренний духовный мир, и радость духовную?

Хотя святые отцы в своих писаниях иногда и разъясняют этот вопрос, но все же умом постичь этого невозможно, познается же это таинственное явление в душе мира и сладости при покаянии и самоосуждении только самой деятельной покаянной жизнью. Так же труднообъяснимо и само это признание своей греховности, почитание себя самыми негодными и недостойными грешниками теми из отцов, которые вели самую высокую подвижническую жизнь, постоянно внимая своему сердцу, стараясь во всем исполнять волю Божию. Так, авва Дорофей приводит такой рассказ. Один старец весьма духовной жизни по имени Зосима беседовал с некоторым философом и говорил о грехах. Софист спросил: «Скажи мне, как ты считаешь себя грешным, разве ты не знаешь что ты свят? Разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?» Старец не мог ответить, а только говорил:

«Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным». Софист продолжал вопрошать, старец же недоумевал, как отвечать, и тогда авва Дорофей вступил в беседу и сказал философу: «Не то же ли самое бывает и в софистическом, и врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то по мере упражнения в оном врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле: душа приобрела навык постепенно и нечувствительно. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению и нельзя выразить это словом». Услышав это объяснение, авва Зосима очень обрадовался, подтвердив, что так оно и есть. Софист также остался доволен разъяснением [5, с. 46].

Так и в отношении вышесказанного: то, что умом труднопостигаемо и как будто не совместимо одно с другим, на деле таинственно совмещается, дивно сочетается и действует душеспасительно. Этому учит сам опыт; каждый христианин, который вкусил хоть немного этой горечи покаяния и самоуничижения, испытал чувство печали о своей греховности,— тот обязательно заметил, что с ними чудно соединена глубокая внутренняя, мирная, тихая радость, надежда; тот заметил — как душа после таких приливов самоукорения, смирившись, приклонившись пред Богом, бывает милостиво утешена Им; как самоосуждение, признание себя окаяннейшим преступником, величайшим грешником, достойным адских мук, непостижимым образом в глубине сердца укрепляет упование на милость Божию. Когда мы сами себя искренно, из глубины души осуждаем, окаиваем, то Сам Господь нас оправдывает и прощает, когда мы скорбим, тяжко вздыхаем о грехах своих, то Сам Он вселяет в сердца наши радость помилования.

«Печаль по Богу не ввергает человека в отчаяние, напротив того, утешает его, внушая ему: «Не бойся, снова прибегни к Богу; Он благ и милосерд; Он знает, что человек немощен и помогает ему». Печаль по Богу приносит радость и утверждает человека в воле Божией»,— говорит авва Исаия.

«Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволение... В обвинении себя найдете утешение. Обвините себя и осудите себя, а Бог вас оправдает и помилует...»

«Уготовьтесь на скорби, и скорби облегчатся: откажитесь от утешения, и оно придет к тому, кто считает себя его недостойным...»— наставляет святитель [10, письма 12, 18].

Также случается и противоположное сему: как человек, почитающий себя грешником, чуждым всего доброго, этим самоукорением и смирением приближается к Богу и утверждается в истинном добре, так и наоборот — тот. кто считает себя ревностным и благочестивым христианином, способным на многие доброделания и подвиги, на самом

деле далек от Бога и от истинного добра и часто бывает посмеян от демонов.

КАК МОГУТ ДЕМОНЫ, ПРЕДЛАГАЯ ПО ВИДИМОМУ ДОБРОЕ, УЛАВЛИВАТЬ НАС В СВОИ СЕТИ

Хотя самые прекрасные дела могут не приносить душе никакой пользы и даже вредить ей, но и без внешних дел, без понуждения себя к душеполезным подвигам и трудам никак нельзя, и внутренняя жизнь без этих дел быть не может. Необходимо нащупать, отыскать ту священную и таинственную связь между внешним и внутренним, когда то и другое будут дополнять и подкреплять друг друга, и ото тоже приобретается через опыт, через молитву, дается ищущему и просящему благодатью Божией. Для того чтобы наши дела достигали главной цели, т.е. исправляли, врачевали нашего внутреннего человека, а не были бы бессмысленным ударением по воздуху (1 Кор. 9, 26), необходимо внимательно следить за каждым движением сердца, стараться всегда заметить — какой помысел и чувство возникли в душе и склонили нас к тому или иному поступку, слову, желанию, и исходя уже из этого судить о том, что полезно и что вредно. Если так внимать себе, то откроется, что не всякое поведение, похвальное по наружности, действительно хорошо и что иногда невзрачное, простое, не имеющее никакой привлекательности извне жительство на самом деле весьма душеполезно.

Под видом полезных дел и добрых намерений часто скрывается что-либо очень опасное и вредное. Царь Соломон говорит в притчах: *Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти* (Притч. 16, 25), и царь Давид в псалмах: *На пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (11с. 141,4), т. е. «на пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня». «Они» — это бесы, которые чаще всего стараются улавливать нас, предлагая что-либо с виду очень полезное, светлое и героическое. И гораздо чаще христиане падают, обольщенные чрез ложные добродетели, чем соблазненные явными грехами, к тому же и выйти из этого обольщения много труднее, чем подняться из явного падения в какой-либо грех, так как здесь не всегда виден и сам вред.

Как много такого рода примеров — разных тончайших ухищрений и злодейств диавольских встречаем в повествованиях святых отцов, в житиях. Как часто, почти каждодневно и ежечасно, такие лукавые советы и подшептывания диавольские пытаются увлечь в сторону каждого христианина, уклонить его на неверный путь. Демоны легко входят в беседу с нашим умом, при этом скрывают себя, а свои советы выдают как самую обычную нашу собственную мысль, поэтому мы часто подвержены опасности принять такую какую-нибудь яркую и приукрашенную мысль, порыв души, воспламенение чувства за что-либо истинное, за спасительное и благодатное озарение. Нас бесы обычно пытаются обмануть лукавыми помыслами и ложными чувствами, подвижников же, отшельников и тех из мирян, кто берет на себя особенные подвиги, также и тех, кто, не имея подвигов, однако, имеет о себе высокое мнение, демоны часто обольщают ложными видениями и откровениями, являясь им или в виде светлых ангелов, или в виде людей. Но в общем-то и те и другие козни одного характера и зацепкой своей в душе человека имеют его тайную, глубинную уверенность в своей праведности, чувство своего достоинства.

Для того чтобы иметь особую осторожность и трезвость к разного рода «светлым» и ярким явлениям внутри и вовне нас, приведем здесь некоторые весьма поучительные повести из писаний отцов, раскрывающие многообразие, хитросплетенность и коварство бесовских обольщений.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что «демоны стараются ввести человека в общение с собой и в подчинение себе не всегда явно греховными помышлениями; они внушают первоначально действия, не имеющие в себе по видимому ничего предосудительного, часто по видимому добрые, а потом уже, получив влияние и власть над человеком, ввергают его в беззакония, которые, таким образом, суть последствия первоначального последования внушениям демонов. Это показывает, как тесен и прискорбен мысленный путь, с каким трезвением должно шествовать по нему» [11, с. 472, ст. 117].

Один старец поведал такую историю: один юноша, упросив отца своего, чтобы он отпустил его, вступил в монастырь, в котором стал усиленно подвизаться, даже удивляя настоятеля своей строгой жизнью. Затем в скором времени стал проситься в пустыню на отшельническую жизнь. Добившись наконец разрешения, отправился в пустыню и поселился в одном месте, которое Господь ему указал чудным образом. Там он вселился и стал подвизаться и так прожил в отшельничестве шесть лет, никого не видя. И вот однажды приходит к нему диавол в виде старца, аввы; лицо у него было страшное. Брат, увидевши его, испугался, пал лицом на землю и стал молиться, потом встал. Диавол сказал: помолимся, брат, еще. Они помолились, и, когда кончили молитву, диавол спросил его: сколько времени живешь ты здесь? Он отвечал: шесть лет. Диавол сказал: ты сосед мой, а я только четыре дня тому назад узнал, что ты живешь здесь. Моя келия недалеко отсюда; одиннадцать лет я не выходил из нее— вышел только сегодня, узнав, что ты живешь по соседству. При таком известии я подумал: схожу к этому человеку Божию и побеседую с ним о пользе душ наших. Скажу ему и то, что отшельничество наше не приносит нам никакой пользы, так как мы не причащаемся святых Тела и Крови Христовых; что я боюсь, чтобы нам не сделаться чуждыми Христу, если мы удалимся от этого таинства. Да будет тебе известно, брат, что в трех милях отсюда есть монастырь, имеющий пресвитера: сходим туда в воскресный день, причастимся Телу и Крови Христовым и возвратимся в наши келии. Совет понравился брату. Когда наступил воскресный день, диавол опять пришел и они отправились вместе в тот монастырь, вошли в церковь, встали на молитву. По окончании молитвы брат не нашел того, кто его привел, стал искать его, спрашивать у братьев, где тот авва, который вошел с ним в церковь? Они отвечали: мы не видали никого, видели только тебя одного. Тогда брат понял, что то был демон, и сказал сам себе: смотри, с какой хитростью диавол извлек меня из келии моей! Но что до этого, я пришел для доброго дела; причащусь Тела и Крови Христовых и возвращусь в келию мою. Брат причастился, потом был принужден разделить трапезу с братьями монастыря и наконец возвратился в келию свою.

И вот проходит время, и опять приходит к нему диавол, теперь уже в образе мирского молодого человека, начал осматривать его с головы до ног и говорить: это он самый! Потом снова стал осматривать его. Брат спросил его: с чего ты так смотришь на меня? Он отвечал: думаю, что ты не узнаешь меня. Впрочем, как и узнать после столь продолжительного времени! Я — сосед отца твоего, сын такого-то. Как же! Твой отец не так-то ли называется? А имя матери твоей не такое ли было? Сестра твоя так-то называлась; твое прежнее имя было такое. Матерь и сестра твоя умерли уже более трех лет тому назад, а отец умер только что ныне и сделал тебя наследником своим, говоря: кому мне оставить имущество мое, как не сыну моему, мужу святому, который оставил мир и проводит отшельническую жизнь ради Бога. Ему предоставляю все блага мои. Потом просил нас найти сына его и известить, чтобы ты пришел и принял имущество и раздал нищим за свою душу и за его. Многие искали тебя и не нашли, а я, пришедши сюда по делам своим, узнал о тебе. Не медли! поди продай все и исполни волю отца твоего. Брат отвечал: мне не следует возвращаться в мир. Диавол сказал: если не пойдешь, имущество пропадет, а ты дашь ответ пред Богом. Что говорю тебе худого, когда говорю: поди и раздай имение нищим и сиротам, как благой распорядитель, чтобы блудницы и развратные люди не расхитили оставленного бедным?..— И так, такими речами обольстив брата, диавол возвратил его в мир; он проводил его до города и тут оставил. Монах хотел войти в дом отца своего так, как уже умершего, и вот! сам отец его выходит к нему навстречу. Увидев его, отец не узнал и строго спросил его: ты — кто? Монах смутился и не мог отвечать ничего. Начал отец его допрашивать, тогда монах в смущении сказал: я сын твой. Отец возразил на это: по какой причине ты возвратился сюда? Монах постыдился объяснить истинную причину своего возвращения, но сказал: любовь к тебе заставила возвратиться меня, потому что я очень жалел о тебе. Он остался в отцовском доме; по прошествии некоторого времени впал в любодеяние и подвергся тяжкому наказанию от отца своего. Несчастный! он не обратился к покаянию, но остался в мире [11, с. 453-456, ст. 9].

Комментируя эту повесть, святитель Игнатий указывает на то, что главной причиной

падения монаха было преждевременное и самовольное вступление его в отшельничество, для которого он не созрел. Также замечает, что диавол на отшельников часто действует явно, а на живущих в общежитии — обычно помыслами, но действие это в сущности одно и то же. Чтоб погубить человека, диавол употребляет часто самые благовидные предлоги, живописует обильное добро и пользу, а ввергает в тяжкие грехи и пагубу.

Насколько же враг лукав и предусмотрителен! Выход отшельника в первый раз как будто не имел в себе ничего бедственного, даже закончился, казалось бы, обильной пользой. Но вред был в том, что у души была отнята спасительная осторожность, показана ей безвредность выходов. Так часто диавол свою жертву, выводя на погибельный путь, долго может подготовлять, скрывая от нее всякий вред, и рисовать многие достоинства этого пути, пока наконец не улучит время уже. непоправимо повредить потерявшему осторожность христианину.

Епископ Игнатий напоминает искушение, постигшее преподобного Петра Афонского. И этот отец был хитро искушаем злым демоном, который предстал пред ним в виде его родственника и красноречиво уговаривал его оставить безмолвие и идти в родную страну спасать там погибающих соотечественников. Святой Петр отверг эту лесть и посрамил диавола. Святитель Игнатий говорит: «Святые могли отражать нападения врага единственно по милости Божией, содействием благодати Божией, живущей в святых и просвещающей их: как выдержать эти нападения при одной слепой самонадеянности, при решительном скудоумии, при самомнении, которое всегда льстит себе и обманывает себя? Как выдержать эти нападения, находясь по внутреннему человеку во мраке духовном, в плену и порабощении у диавола? — Нелишним будет заметить, что правда плотского мудрования, проповедуемая духами, тождественна с правдой, проповедуемой враждебным Богу миром, противоположна правде евангельской» [11, с. 458],

Он же приводит и другой случай демонского искушения: демоны, принимая вид ангелов, являлись одному брату, будили его, показывали ему свет и звали к Божественной службе [3]. Но тот, испросив совет у старца, посрамил бесов и не послушался их, хотя они как будто предлагали благое. Тогда бесы стали клеветать на того старца, открывшего брату их козни. Они говорили брату: старец твой лицемер, он имел деньги и не дал взаймы одному брату, сказав, что у него их нет. Брат и это с утра пораньше пересказал старцу. Старец сказал: что у меня были деньги — правда, а брату, просившему у меня взаем, не дал, зная, что причиню вред душе его, если дам. Я признал за лучшее нарушить одну заповедь, чтобы не впасть в нарушение десяти. Из этого могло произойти большое смущение, причиной которого были бы эти деньги. А ты не слушай демонов, которые хотят обольстить тебя...

«Никак не должно увлекаться добродетелями, которые предлагаются демонами,— комментирует этот рассказ владыка Игнатий,— как бы эти добродетели не были возвышенны и блестящи. Все, предлагаемое демонами, должно отвергать, без всяких исключений. Произвольное повиновение демонам, хотя бы оно совершилось по их приглашению и настоянию, подчиняет человека демонам, лишает человека духовной свободы, соделывает его орудием их. Великое бедствие — поработиться демонам и сделаться орудием их! Бедствие, объемлющее мир и не понимаемое миром» [11, с. 466-467, ст. 110].

Интересные и весьма поучительные случаи описывает один святогорец, монах, живший на Афоне в девятнадцатом веке, посещавший многие достопримечательные места на Святой Горе и описавший свои впечатления в письмах к своим друзьям в России.

Когда автор писем направлялся с одним монахом Святой Горы в келию того монаха, то, проходя по пути мимо исполинской скалы, возвышавшейся над пропастью, тот поведал такую историю, связанную с этим местом. До последней турецкой войны спасался здесь грек, который был из знатного рода, но, отказавшись от всех прав своих на славу и

---

[3] Какое лукавствие! Очень многие теперь ни на минуту не усомнились бы, что это явление действительно ангелов света: поднимать на молитву среди ночи, звать к Божественной службе?! — сколь бы многие теперь, не задумываясь, приняли такое призывание.

почести света, он избрал пустынную жизнь. Нужно полагать, что в подвигах он был чрезвычайно силен, иначе не раздразнил бы беса. Тогда как все попытки в мысленной брани с пустынником остались для беса напрасными, он нашел в нем слабую сторону и его собственное сердце и разум употребил орудиями к его дивному падению. Бес вскружил голову пустынника мыслями о высоте его подвигов, убедил его разум представлением разнообразия и строгости и множества их и таким образом мало-помалу, со временем, довел несчастного до такого заблуждения, что он стал желать таинственных видений и очевидных опытов проявления духовного мира. Когда таким образом укоренилась в нем глубоко гордость и самомнение, демон стал действовать решительно! Он начал являться пустыннику в виде ангела и беседовать с ним. Несчастный до того верил словам ангельским и собственной своей мысли, что начал желать служения Церкви в архиерейском сане, которого, по словам ангела, он давно достоин и к которому предназначен Самим Господом. Значение родных его в свете слишком занимало его воображение, и слава их имени щекотала мысль забывшегося подвижника. Недоставало только случая, который бы мог его вызвать из пустыни в мир... Но у беса за этим дело не станет. Однажды, когда пустынник был слишком занят высоким своим предназначением в будущем и, придумывая средства к достижению своей цели, погрузился в глубокую задумчивость, вдруг кто-то брякнул крылечным кольцом. Пустынник вздрогнул, перекрестился и, нашептывая молитву, подошел к двери:

— Кто там? — спросил он.

— Такие-то,— отозвались из-за двери,— мы с твоей родины, принесли тебе от родных твоих поклон и еще кое-что. Мы с важным к тебе поручением; позволь войти к тебе и переговорить с тобой, святой отец.

Пустынник отпер дверь, и два незнакомца почтительно приветствовали его.

— Прошу пожаловать,— скромно произнес пустынник, отворяя дверь.

Незнакомцы вошли. Хозяин усадил своих гостей на циновочный диван, и сам сел против них. Наконец пустынник спросил о цели их посещения, незнакомцы стали говорить:

— Вот что мы должны сказать тебе, святой отец: ты знаешь, как мы страдаем в подданстве Порты, как угнетены мы, наши семейства, наша вера и самая наша Церковь... Ты, конечно, это сам знаешь...

— Да, так,— с чувством проговорил пустынник,— что ж из этого?

— Ты знаешь, верно, и то,— продолжал тот же незнакомец,— что война у турок с Россией кончилась миром, чрезвычайно для нас выгодным, теперь нам дана возможность и свобода жить по-христиански... Но вот беда: у нас, на твоей родине, нет епископа. А без епископа может ли быть Церковь, в силах ли мы управляться сами собой? Кто отразит от нас хищничество турок? Между тем мы знаем твоих родных, знаем и тебя, и твою жизнь; а потому прости нас, что мы тебя, без твоего согласия, выпросили себе в епископа. Вот на это и турецкий фирман, а при нем и патриаршая грамота. — Незнакомцы вынули бумаги и передали их пустыннику.

— Помилуйте! — возразил пустынник, смиренно потупив глаза, а между тем готовый прыгать от радости. — Мне ли принять жезл пастырского правления, когда я и сам собой не в силах владеть? Мне ли взять на себя бремя апостольского служения, когда я чувствую мои собственные немощи и множество грехов? Нет, чада, отрекаюсь от того, что выше сил моих! К тому же — моя пустыня мне рай, я дал обет пред Богом — умереть здесь...

— Как хочешь думай о себе, святой отец,— отвечали незнакомцы,— а глас народа — глас Божий: воля правительства — воля Божия! Ты знаешь, что общественная польза предпочтительнее нашей собственной. А фирман на что? Нет, отец, не отрекайся!... Церковь тебя зовет. Если ничто тебя не трогает — ни бедствия народа, ни семейные наши горести,— так ужели и нужда Церкви для тебя ничего не значит?

— Когда так,— отвечал наконец пустынник, по некотором размышлении,— согласен.

— Итак, отец, поторопись! — заметили гости. — Чем скорее отправимся, тем лучше: невдалеке отсюда, на дороге, нас ждут мулы и провожатые.

Пока пустынник собирался, что-то укладывал в мешок свой, незнакомцы не

переставали торопить его. Наконец они начали подниматься этой тропинкой на самую высоту скалы: тяжелая грусть и смутное предчувствие теснили грудь подвижника; он тосковал о разлуке со своей пустынью. Когда они поднялись туда, на самый высший пункт скалы, несчастный не хотел уйти, не посмотревши еще раз на низменные красоты своей строгой пустыни; все трое они стояли на скале; под ногами их лежала пропасть... Пустынник был так неосторожен, что при беседе с незнакомцами подошел с ними на самый отвесный край скалы. И тут сильный толчок в спину сбросил его, как вихрем сорванный с дерева осенний листок, в бездну, со скалы раздался свист, и сатанинский хохот разнесся над пустыней.

Несчастный не убился до смерти. Бог дал ему время покаяния и, послал к нему инока из соседней келлии. Низверженный был весь изломан, сам череп его разбит, кровь ручьями текла из ран, однако ж он имел довольно времени и силы рассказать подробности своей жизни и искушения, просил у знавших его отшельников поминовения и молитв на у ах плачущего инока испустил дух. После ужасного искушения он не более трех часов был жив.

Святогорец, услышав этот страшный случай, стоя на той самой скале, удивлялся больше тому, что, падая с такой высоты, тот несчастный монах еще оставался жив. «Верно, он имел добродетели, ради которых не оставил его Господь умереть без покаяния»,— заключает автор писем эту повесть [8,ч. 2, письмо 11].

Опять: из писем святогорца видно, что демоны далеко не всегда боятся и наших молитв, но даже могут поощрять многие наши неправильные молитвенные старания.

«Демон не столько силен, сколько хитр и многосторонен в искушениях»,— говорит афонец и приводит такую историю. Жил у них в монастыре один русский старец, он имел сердечное влечение к молитве, но не разумел достоинства и важности послушания, и вот он стал уклоняться от общих монастырских послушаний и уходить в лес для молитвы. Помысел все чаще и чаще твердил ему, что молитва — это свойство ангельского духа и пища души, а работы — потребность житейская, мирская и суетная; так он все более и более уклонялся в самочине, пока не стали у него появляться мысли о высоте своего подвига и жизни. Наконец ему стал являться светлый ангел и благословлять его молитвенный подвиг. Самыми убедительными доводами он превозносил молитву и принижал братское послушание. Неизвестно, чем бы кончилось дело, но на поведение брата обратил внимание один старец из греков. Он подробно расспросил брата и испугался за него, услышав о его видениях. Тогда он сделал ему строгое наставление, он говорил такие слова: «Тебя погубит демон, он сведет тебя с ума за твои самовольные молитвенные подвиги, твоя молитва вменяется тебе в грех и доставляет демону свободный к тебе доступ. Тебе является сатана, а не ангел. Испытай это, если хочешь: не уходи в лес, работай с братьями, келейный канон же исполняй в келии твоей, а когда «ангел» этот явится пред тобой — то ты не обращай на него никакого внимания и строго держись твоей молитвы...» — и еще многое в таком же духе сказал старец, так что тот русский монах серьезно испугался и послушался. Он так и сделал — поработав с братьями, пошел молиться в свою келию. И точно — «ангел» опять является, но старец — никакого внимания к нему, даже не смотрит на него. И «светлый ангел» взбесился — вместо прекрасного и молниезрачного юноши вдруг очутился гадкий эфиоп со сверкающими, как огнь, глазами и пустился скакать перед молящимся братом. Напрасно тот крестился и учащал поклоны, надеясь отогнать демона,— тот не уходил и не давал совершать канон. Наконец брат в негодовании со всей силы хлестнул беса четками, а тот своей лапой ударил монаха по уху и исчез как дым. С той поры несчастный брат оглох и поныне, повествует святогорец, тем ухом ничего не слышит.

Вслед за этим рассказом автор писем замечает, что искушения монахов в пустыне еще более опасные и вследствие того на Афоне принято за правило у каждого из отходящих на безмолвие в пустыню: решительно не принимать никаких видений и смиренным сознанием своего недостоинства и греховности отревать явления духовного мира, какие бы то ни было. Далее он приводит такие случаи.

Пустынник высокой жизни и редких подвигов однажды тихо нашептывал молитву в своей келлии вечером. Вдруг разлился пред ним ослепительный свет и юноша ангель-

ской красоты предстал пред пустынником. Принявши себе за правило — чуждаться чувственных явлений, какого бы рода они ни были, пустынник спокойно оставался на своем месте и, нашептывая молитву, не обращал внимания на привидение. Между тем юноша не исчезал. Это удивило пустынника потому более, что ни креста, ни молитвы не боялся явившийся.

— Кто ты? — строго спросил его наконец пустынник.

— Я твой ангел-хранитель,— кротко отвечал явившийся.

— За чем же ты сюда? — спросил пустынник.

— Мне приказано от Господа Бога,— сказал тот,— посетить тебя в моем настоящем виде: и я пришел к тебе.

— Я не нуждаюсь в этом,— заметил пустынник, встал и начал молиться.

Ангел не исчезал и, казалось, сам молился с молившимся старцем. Пустынник не понимал, что за странное явление. Если это демон, рассуждал он сам в себе, крест и молитва, конечно, сокрушили бы его и уничтожили призрак.

— Чем ты уверишь меня, — спросил по некотором раздумье пустынник явившегося,— что ты действительно ангел Божий?

— Чем угодно,— отвечал тот. — Ты знаешь,— продолжал ангел,— что демоны боятся силы крестной и знамения креста: но я не боюсь. Я поклоняюсь Богу, поклоняюсь, как видишь, и кресту... — Тут ангел перекрестился и в умилительном благоговении пал пред изображением креста Христова. Пустынник поколебался.

— Чего еще требуешь от меня? — спросил его ангел, поднявшись от земли. — Ты видишь, что я не только не боюсь креста, но и поклоняюсь ему: значит, я ангел-хранитель твой.

— Может быть,— спокойно сказал пустынник, но все-таки ты мне не нужен в твоем чувственном виде: у нас ангелы-хранители невидимы!

— Так ты еще не веришь мне? — снова спросил ангел пустынника.

— Никогда и не поверю,— решительно отвечал старец. — С Богом отойди от меня, кто бы ты ни был, хоть бы самый архангел; мне нет нужды в твоем видимом присутствии. Ты меня отвлекаешь от молитвы, а это одно уже доказывает, что ты не ангел.

Напрасно! — возразил тот. — Я не уйду от тебя, потому что мне поведено оставаться при тебе.

— Твоя воля,— хладнокровно сказал пустынник,— без спросу и приказания духовника я тебя знать не хочу,— уйди от меня! Ты не нужен мне в этом виде. — И пустынник встал на молитву, а между тем ангел сделался невидим, обещаясь в следующую ночь опять явиться таким же образом.

Когда рассвело, пустынник пришел к своему духовнику и рассказал ему о видении. Духовник задумался: поклоняться кресту, знаменаться крестом и не бояться молитвы — это свойство не демонских действий. Впрочем, духовник запретил пустыннику и говорить, и заниматься видением, если оно повторится, а знать только молитву и не обращать внимания на проявление духовного мира. Так пустынник и поступил.

Между тем для разрешения своих недоумений касательно пустынникова видения духовник отнесся к одному из старцев, известному здесь на Афоне опытами созерцательной жизни, даром рассуждения и строгой наблюдательности за прилогами демона, и просил его советов: «Что делать пустыннику при подобных явлениях?»

— Ничего,— отвечал тот,— знать только себя и Бога.

— Что ж ты думаешь о поклонении кресту явившегося юноши: действительно ли он ангел? — спросил духовник старца.

— Может быть,— отвечал тот,— но всего вернее, что это демон...

— А знамение креста, которого не боится юноша? а лобзание креста? — возразил духовник. — Что об этом скажешь?

— То же, что и о самом видении,— отвечал старец. Потом по некотором размышлении он продолжал:

— Ты знаешь и, конечно, согласен, что, чем выше наш путь к Богу, тем опаснее и многоразличнее наша брань с сатаной; чтоб показать в нас Свою силу и обличить с тем вместе немощь сатаны, Бог иногда попускает ему действовать и ратовать на нас так, как

только он сам, лукавый, хочет и может. Вследствие вот такого попущения Божия самый крест для беса может быть не страшен, не страшно и все то, что в других случаях для него грозно и убийственно, как Божий гнев[4].

Что ж остается делать пустыннику, если будет повторяться видение? — спросил духовник старца. — Может быть, и действительно является ему ангел?

— Хотя бы явившийся принял вид и Самого Христа,—сказал старец,— что ж за беда? По вознесении Господа для нас полезнее вера в Него, нежели видение. Одно здесь требуется: не обращать внимания на явление, а заниматься своим делом, то есть молитвой. Пусть является и ангел: что ж за беда? Мы имеем дело и молитвенные отношения к Богу, к нашему Владыке и Господу; а ангел не более как раб Его и служитель... Посуди же: хорошо ли прервать беседу с Господом и заняться Его слугой? Если и действительно является твоему пустыннику ангел Божий — не принимать его!.. Ангел никогда не оскорбится нашей невнимательностью к нему во время молитвы, потому что он знает Божественную важность наших отношений молитвенных к Богу и не только никогда нас не будет отвлекать от них, но, напротив того, более еще возбуждать должен к точному и постоянному исполнению их. А если ангел огорчается нашим хладнокровием к его присутствию и препятствует нашим молитвенным беседам с Богом, такой ангел, хоть бы и сам был весь в крестах, а не только лобызал крест,— не принимай его: он противник!.. Итак, мой совет один и тот же: не только принимать, но не должно даже и желать чувственных проявлений духовного мира: потому что нам нет в них ни нужды, ни пользы, а опасностей бездна. В нашей мысленной брани мы всего лучше видим действия сил, противоположных между собой: мы знаем в ней, каков сатана в своем бесстыдстве и скверных помыслах, и ясно видим, как светлы, чисты и непорочны ангелы в проявлении мирных и спокойных мыслей, которые наводятся ими на наше сердце, в то самое время как сатана обуревает нас всевозможными нечистотами кичливых, корыстных и блудных мечтаний, неистовством гнева и проч. и проч. Чего же еще более? К чему чувственное явление ангела или сатаны, когда мы слишком хорошо знаем их и без этого?

Чтобы убедить тебя в справедливости слов моих,— продолжал старец,— то есть что не должно принимать явлений, потому что они опасны, послушай, что я скажу тебе про моего соседа— пустынника. Ему в ночное время, когда он только становился на молитву, казалось, что крест, висевший в переднем углу келии, вдруг загорается ослепительным светом, ярче солнца. Сияние этой славы креста так действовало на сердце молившегося, что он бывал вне себя от радости. Когда сосед открылся мне в этом, я с первого раза приписал подобное явление демонской игре; впрочем, мне захотелось проверить опытом видение. Для этого, собственно, я отправился на ночь к моему соседу. Когда смеркалось, мы расселись по углам келии. «Послушай, брат,— сказал я хозяину,— по моему недостоинству, я думаю, для меня невидим будет свет, который исходит от твоего креста, поэтому, когда ты заметишь по обыкновению это чудо, скажи мне». Хозяин проговорил: «хорошо», и мы молча начали перебирать четки в глубокой тьме пустынного вечера. Не прошло и часа, как мой хозяин торжествующим голосом воскликнул: «Отче! свет исходит от креста; я не могу даже смотреть на него... Радость моего сердца неизъяснима... Я вне себя от восхищения духа этим видением, от теплоты Божественного света!» —

---

[4]Но и в наши дни заметны умножившиеся явления духов в виде ангелов или таинственных существ из космоса, которые иногда являются с крестами, «молятся» или поучают чему-либо как бы добродетельному и христианскому, совершающиеся чудесности или явно демонические фантастические фокусы, против которых оказываются бессильными молитвы и даже совершаемые священником молебны и освяшения: не подобное ли это вышеописанному попущение Божие — действовать сатане, «как только сам он хочет и может», так что ему уже «не страшно все то, что в других случаях для него грозно и убийственно» — только это попущенно уже не по высоте жизни нашей, а по причине глубочайшего внутреннего отступления от Бога, от Евангелия, от Православлания. Та свобода, с которой демоны теперь обманывают, одурманивают людей, напоминает слово из Святого Писания о пришествии антихриста, что оно «по действию сатаны будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины... И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи. .» (2 Фес. 2, 9-11).

«Перекрестись!» — прошептал я ему. «Не могу, отче,— возопил он,— радость до того меня обессилила, что нет мочи руки поднять!» — «Несчастный! » — горько произнес я и, бросившись к нему, окрестил его. «Несчастный,— повторил я,— до чего ты довел себя твоим безрассудством, твоей гордостью! Продолжается ли еще свет, или уже нет его?»— спросил я потом соседа. «Ничего нет,— отвечал тот,— теперь темно по-прежнему». Видишь, что бывает с нашим братом,— заметил старец духовнику...

Когда духовник передавал мне беседу его со старцем, говорит автор писем, слова последнего я принял с полным убеждением, приводя себе на память святого Никиту, киевского затворника (житие его 31 января). И этого отшельника предостерегали от искушений сатаны: значит, можно полагать, наверное, что и Никита требовал от явившегося ангела знамения креста, и самая молитва, при том непрестанная, которой занимался бес на виду у затворника, должна была по необходимости сопровождаться в известных местах крестом и поклонением пред образом, без которого, конечно, не мог быть св. Никита. Не будь этих признаков в молитве ангела, затворник мог бы тотчас догадаться и узнать под светлым видением действие ангела тьмы. Значит, бывают искушения такого рода, где Бог попускает сатане действовать так, что ни молитва, ни крест но производят на него страха и смятения. Конечно, это уже непроницаемые судьбы нашего Бога. Одно можно только из этого заключить: что все, что ни делает с нами Господь, что ни попускает сатане,— все для того, чтобы мы, проходя различные степени искушений, самым опытом оправдали справедливость Его слов: *Сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9) 18, ч. 2, письмо 3],

Со старцем Иларионом Грузином был такой случай (этот отец подвизался на Афоне в девятнадцатом веке), когда он жил в полном затворе в башне, никого не принимал и никуда не выходил, то бесы вели против него сильнейшую брань. Как-то в окно к старцу старались залезть некоторые паломники, чтобы взять у него благословение, но старец скрылся от них. Демоны же воспользовались случившимся для своих целей и повели свою осаду. Один раз они в виде паломников залезли в окно и бросились к старцу, стали говорить, что вынуждены были прибегнуть к такой мере, потому что он никого не пускает, а им весьма желательно видеть его как своего соотечественника. Ради него якобы они приехали из столь далекой страны посоветоваться о разных делах. Приняв их за действительных паломников, он вступил с ними в разговор, а это демонам только и было нужно. Они завязали длинную беседу о бедствии своего народа и Церкви, а в заключение сильно надругались над старцем, так избив его, что он пролежал безгласен два месяца [15, с. 56].

Таким сильным искушениям, часто с длящимися долго тяжкими последствиями, подвергаются не только монахи и отшельники, проводящие уединенную жизнь, но и христиане в миру, когда они не по разуму принимают на себя высокие подвиги. Этими своими усилиями они раздражают демонов, но так как подвиги их неправильны, не производят главного, т.е., смиряя тело, не смиряют душу, а незаметно воцаряют в ней сильнейшую гордыню и самомнение, то и благодать Божия не хранит таких делателей, а попускает им ради их же вразумления быть обольщаемыми и осмеиваемыми бесами, дабы чрез это смирить их.

Епископ Игнатий описывает такой современный ему случай: ходил в Александро-Невскую лавру к отцу Иоанникию за духовными наставлениями некий солдат (в то время и сам будущий владыка обращался к этому наставнику за духовным советом), знали его Павел, он был из недавно обратившихся от раскола, был прежде даже наставником у раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло радостью. Но он по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию предался неумеренному и несообразному с его устроением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие.

Однажды ночью Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизной голубь. От голубя раздался глас: «Прими меня: я — Святой Дух — пришел соделать тебя моей обителью». Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него чрез уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страстью

ненасыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы сделались его постоянным притоном. Наконец он опомнился. Обольщение свое бесовским явлением и осквернение последствиями прелести изложил в письме к иеросхимонаху Леониду. В письме проявлялось прежнее высокое духовное состояние падшего. Самому епископу Игнатию довелось читать это письмо.

«Должно заметить,— говорит владыка Игнатий,— что падший дух, желая овладеть Христовым подвижником, не действует властительски, но ищет привлечь согласие человека на предлагаемую прелесть, и по получении согласия овладевает изъявившим согласие... а Святой Дух самовластно, как Бог, приходит в то время, как смирившийся и уничижевший себя человек отнюдь не чает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием Своим объемлет всю волю и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии» 19, т. 5, с. 49-50].

А вот случай, который произошел совсем недавно, его поведал один инок. Эта трагическая история приключилась с его родным братом, с которым они оба не так давно обратились к вере, начали посещать храм, стали вместе совершать паломничества по святым местам, бывать в монастырях. Братья занялись и чтением святых отцов, и Иисусовой молитвой. Но, видимо, брат инока в этих упражнениях уклонился от правильного пути и впал в самомнение, оттого и случилось следующее: однажды, когда он был один в доме и занимался молитвой, явился пред ним отвратительный бес и стал мешать молитве, брат не устрашился, но смело вступил с бесом в беседу. Он стал увещевать беса покаяться, стал говорить ему о неизреченном милосердии Божием, что даже его Бог может помиловать, если он — бес— покается. И что-то еще наказывал бесу в таком же духе. Бес выслушивал как будто внимательно, потом серьезно задумался и, наконец, принял вид кающегося, стал молиться, стенать, стал преклоняться пред иконой, в общем всем видом выражал глубокое сокрушение, раскаяние в содеянном зле и выказывал себя жаждущим скорейшего помилования. Брат завороженно следил за его действиями (видимо, внутренне ликуя). И вот действительно, через некоторое время на беса как бы сходит какое-то светлое облако, как бы свет, как бы благодать, и он на глазах торжествующего юноши превращается в светлого ангела. И вот этот ангел начинает горячо благодарить брата, кланяться ему в ноги; называет его своим спасителем: благодаря его слову он спасен, он опять святой ангел, и, наконец, он должен отблагодарить брата; бывший бес предлагает быть его всегдашним верным хранителем, войти в него и всегда его хранить и помогать своей возрожденной ангельской силой. Брат в неописуемом восторге, сам вне себя от счастья, соглашается. Ангел входит, и...— брат начинает бесноваться, кричать, ругаться страшными словами, крушить иконы, выбрасывать их в окно, вытворять другие ужасные вещи. Теперь он находится в психиатрической больнице. Иногда он живет и дома с родными, но, когда болезнь усиливается, его приходится отвозить в лечебницу, так как поступки его тогда отвратительны. Но когда ему бывает получше, он немного может молиться. Брат его — инок — по многим монастырям разослал просьбу молиться о его несчастном брате.

А вот примеры того, как истинное смирение легко избегает подобных сетей.

Некоторому брату явился диавол, преобразившись в ангела света, и сказал ему: «Я — архангел Гавриил, послан к тебе». Монах на это отвечал: «Смотри! не к кому ли другому ты послан? потому что я недостоин того, чтобы посылались ко мне ангелы». Диавол тотчас исчез. Старцы говорили: «Если и поистине явится к тебе ангел, не прими его легковерно, но смирись, говоря: я, живя во грехах, недостоин видеть ангелов» [11, с. 480, ст. 134].

Поведали о другом старце, что он безмолвствовал в келии своей, претерпевая искушения бесовские. Ему очевидно являлись бесы, но он презирал их. Диавол, видя, что он побежден старцем, явился ему и сказал: «Я — Христос!» — старец закрыл глаза. Диавол повторил ему: «Я — Христос, зачем ты закрыл глаза?» Старец отвечал: «Я не желаю видеть Христа здесь, но в будущей жизни». После этого диавол уже не являлся [11, с.481, ст. 135].

Нужно заметить, что явление действительно святых ангелов от Бога бывает только тем смиренным и кротким христианам, которые уже находятся вне опасности возгор-

диться, впасть в самомнение и через это повредиться.

Однажды, когда св. Макарий Великий сидел в келлии своей,— предстал ему ангел, посланный от Бога, и сказал: «Макарий! не бойся нападения невидимых врагов, потому что наш благий Владыка не отступит от тебя и не престанет поддерживать тебя, мужайся, укрепляйся, храбро побеждай начала и власти противные: но деланием твоим не превозносись, чтоб Божественная помощь не оставила тебя, чтоб ты не пал падением дивным». Блаженный Макарий отвечал, обливаясь слезами: «Чем превозноситься мне, когда душа моя, подобно развратной блуднице, питается смрадом нечистых помышлений, приносимых бесами». — В такое глубокое смирение, говорит святитель Игнатий, приведен был преподобный глубоким самовоззрением, которое доставлено было ему его умным деланием. В себе он увидел падение человека и его общение с демонами [11, с. 284, ст. 8].

«Невозможно человеку,— пишет святитель Игнатий,— находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собой некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности. Истинное смирение не свойственно плотскому мудрованию и невозможно для него: смирение есть принадлежность духовного разума. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут закон Божий телесно, не разумея ни того, что говорят, ни того, на чем основываются: потому и мнят исполнить его делами». Из слов преподобного отца явствует, что признающий за собой какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести: падший ангел в ложном, гордом понятии христианина находит пристанище, к этому понятию удобно прививает свое обольщение, а посредством обольщения подчиняет человека своей власти, ввергает его в так называемую бесовскую прелесть. Из вышеприведенных опытов видно, что ни один из прельстившихся не признал себя недостойным видения ангелов, следовательно, признавал в себе некоторое достоинство. Иначе и не может судить о себе плотской и душевный человек».

Итак, не всякому доброму, как нам кажется, в нас движению или порыву молено доверяться, но надо точно различать добро истинно христианское, евангельское, от добра ложного, душевредного, удаляющего от Бога.

КАК РАЗЛИЧАЕТСЯ ДОБРО ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ОТ ДОБРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Люди, не понимающие духовных основ того, что происходит в мире, судят о делах человеческих очень поверхностно, они разделяют деятельность человека на явно греховную, злую, и на добрую, похвальную, только по самому внешнему ее проявлению, стараясь провести между той и другой некоторую приблизительную границу, пользуясь самыми расплывчатыми, неустойчивыми мерками добра и зла по законам мира. Мир же сам в себе не имеет той истины, которая открыла бы ему настоящую цену вещей: только один закон дает ясное определение тому, что есть грех, что есть благо, что есть что, — это закон Евангельский. Законы мира сего иногда, в некоторых пунктах своих пытаются быть похожими на законы христианские но это только по наружности: на самом же деле все там по-другому.

Человек после своего падения хотя весь и поработился греху, стал уродливым, больным, озлобленным, но некоторые задатки естественного добра, вложенные при сотворении в него Создателем, еще сохранились, хотя и не имеют уже чистоты и святости, но растворены ядом греха. На этих-то жалких останках человек и стал строить свои учения о добром и нравственном, о любви и справедливости. Но такая оскверненная нечистотой «правда» человеческая не может научить его истинному добру, не может оживлять и исцелять душу, скорее вводит ее в великое заблуждение.

Люди неверующие тоже делают не мало красивых, будто даже похвальных дел, совершают многие добродетели, подвиги милосердия, любви, самопожертвования; иногда отдают жизнь свою ради народа своего или ради ближнего своего, дают

последний кусок хлеба голодному, помогают друг другу в беде, жертвуют свое имущество на разные добрые дела; встречаются удивительные, даже героические поступки, можно привести такие примеры, что многие будут тронуты ими до глубины души. И все эти проявления добра, если они не основаны на Евангелии, если они вырастают не из глубины верующей христианской души, то все это, столь похвальное нечисто, осквернено падением, не имеет пред Богом той ценности, которую приписывают ему люди. Эту важную истину многие никак не могут принять сегодня. Услышав сказанное, многие недоумевают, обижаются, некоторые гневаются.

И правда: слышится странно, человек совершает высокий подвиг, жертвует жизнью ради ближнего, умирает ради того, чтобы другой мог счастливо жить, и за душу такого героя можно сомневаться, что она спасена; ему еще может грозить ад? разве такой поступок не омывает всех грехов человека? Звучит как будто жестоко. Но посмотрим с другой стороны: если этот герой не ради Христа, не по учению Евангелия, не из веры христианской почерпнул силы в подвиге, если не Христовой силой совершилось это самопожертвование, не во имя Божие; то тогда выходило бы что и без веры, и без Христова искупления человек может спастись; значило бы, что в самом падшем человеке сохранилась та сила и чистота, которые достаточны для его оживления, для того, чтобы ему самому вырваться из цепей греха. Тогда зачем понадобилась страшная Жертва Голгофская, зачем учение Христово, Евангелие, Церковь? Зачем таинства, молитвы, посты, подвиги христианские? Тогда было бы достаточно только одного желания нашего и усилия воли, даже и вера не нужна?.. Как же это?

Дело в том, что совершать добрые дела, прекрасные дела, похвальные дела, и совершать дела веры — не одно и то же! Дела добрые, совершаемые без веры, без Бога, посвящены миру сему, от мира сего они и получают плату: славу, честь, почет. Славы вечной, небесной они чужды. А дела веры имеют внутреннее посвящение Богу, творятся с молитвой, с обращением к Богу, сколько возможно сокровеннее, чтобы ведал один Бог, такие дела имеют меньше впечатления внешнего, за то принимает их Господь, воздаст за них славу в будущей жизни.

И вообще, не правильно считать спасение души и наследие Царствия Небесного прямо зависящими от наших добрых дел. Бог милует человека и спасает не за его добрые дела, а за его верующее, сокрушенное и смирившееся сердце. Конечно, вера эта без дел быть не должна, да и не может, она обязательно воплотится в конкретные дела, и дела эти будут непременно самые добрые и святые, так как этим делам учит верующего Сам Господь.

Поэтому-то неправильно проповедовать людям абстрактное добро, учить их любить ближнего, быть милосердным, добрым, не говоря при этом о том, что этого они никак не смогут сделать правильно, свято, Богоугодно без учения Евангельского, без Церкви, без благодати Святого Духа, которую они могут получить только в храме через Святые Таинства. Если этого не говорить, то люди будут думать, что они могут, если захотят, сами прекрасно решить свои проблемы без Церкви, без таинств, без благодати Святого Духа, без Христа.

В миру совершаются часто добрые поступки, но еще чаще злые. И грехи мира гораздо изощреннее и разнообразнее, чем благие дела в нем. Эти грехи так близко прикасаются к тому добру, что как бы и нет между ними противоречия. Один и тот же человек, который похваляем всеми за свои добрые дела, тут же совершает множество гадких дел, на которые никто не обращает внимания. Герой мира совершает какой-либо удивительный самоотверженный поступок, а до и после него творит что-либо самое подлое и низкое. Таковы добродетели мира сего: здесь любовь и ненависть рядом; здесь: самопожертвование, геройство, милостыня — и тут же эгоизм, себялюбие, высокомерие. На самом же деле, и то, и другое зиждется на пагубных страстях. Добро там как будто существует для того, чтобы оттенять и придавать большую сладость греху, обострять его вкус. Само это добро пьет корнями своими оскверненную воду, тайные гордые, тщеславные помыслы тут же заглушают всякое искреннее, несколько возвышенное стремление души.

Говорит святитель Игнатий: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения; он проповедует, трубит о себе, о делах своих, не обращая никакого внимания на воспрещение Господа; ненавистью и мщением платит тем,

которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде: признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных. Напротив того, делатель Евангельских заповедей всегда погружен в смирение: сличая с возвышенностью и чистотой всесвятых заповедей свое исполнение их, он постоянно признает это исполнение крайне недостаточным, недостойным ога; он видит се я заслуживающим временные и вечные казни за согрешения свои, за нерасторгнутое общение с сатаной, за падение, общее всем человеком, за свое собственное пребывание в падении, наконец, за самое недостаточное и часто превратное исполнение заповедей» [9, т. 5, с. 36].

«Придет ли тебе какая благая мысль? Остановись, никак не устремись к исполнению ее с опрометчивостью, необдуманно. Ощутишь ли в сердце какое благое влечение? Остановись: не дерзай увлечься им. Справься с Евангелием. Рассмотри: согласны ли со всесвятым учением Господа благая мысль твоя и твое благое влечение сердечное. Вскоре усмотришь, что нет никакого согласия между евангельским добром и добром падшаго человеческого естества. Добро падшаго естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближайшего сходства с демонами. Напротив того, делая евангельское добро, как истинный и верный ученик Богочеловека, соделаешься подобным Богочеловеку» 19, т. 5, с. 35].

В каждом деле важно заглянуть в глубь сердца, в тайники сокровенных наших помыслов. Всякое дело, прежде чем мы на него решимся, бывает взвешено и расценено внутренними нашими силами, там происходит что-то вроде некоторого тайного совета: сердце говорит свои «за и против», ум — свои, чувства, плоть, наши страсти, привязанности, слабости — все здесь пытается вставить свое слово; и если на этом совете выносится суд справедливый, дело решается по Христовым законам, то оно будет совершаться во спасение души; если же будет допущено лукавствие в пользу какой-либо страсти, с тайной мыслью напитать эту страсть, то совершаемое дело, какой бы внешне благолепный вид оно ни имело, принесет душе скорее вред, чем пользу. И любой маленький и едва заметный поступок, шаг всегда сопровождается внутри нас этим внутренним посвящением во чье-то имя, совершается ради земного или небесного, Божьего или человеческого. И часто само это посвящение имеет большее значение, чем совершаемое наружно дело, в нем-то и заключается главная цена совершаемого пред Богом.

КОГДА НАША РЕВНОСТЬ К ХРИСТИАНСКИМ ПОДВИГАМ БОГУНЕ УГОДНА

Большей частью древа добродетелей, не основанные на животворной глубокой почве Христовых заповедей, бывают изнутри источены червем тщеславия и лицемерия. Особенно часто мы, сами того не замечая, получаем стимулы и силы для совершения видных и значительных дел от тайного желания иметь похвалу и славу от людей. Это так глубоко сидит в нас, так часто, так повсеместно встречается в людях, что можно точно сказать: редкое дело наше бывает чисто от этой фальши. И это не так легко увидеть в себе, но когда обстановка вокруг нас меняется, когда мы лишаемся той среды, в которой наши подвиги представлялись окружающим высокими, вызывали похвалу, то сразу обнаруживается, что вместе с тем резко исчезает интерес совершать эти труды. Многие это ясно замечали, живя в монастыре: монастырское уединение, отсутствие мирских людей, однообразие лиц вокруг прежнего подвижника очень скоро заставляет его оставить свои особые делания. В скором времени он уже еле-еле несет самые простые послушания, тяготится и малыми трудами, с нетерпением стоит на молитве в храме и т.п. даже на это у него нет уже сил. Но когда в обители появляются гости, множество новых лиц (например, в большие праздники приходят богомольцы из мирян), то вдруг этот послушник сразу оживает, становится бодрым, энергичным, никакой вялости, готов переделать сто дел. В чем же причина такой перемены настроения? Разве не в том, что мы, находясь в многолюдном обществе, постоянно напитываемся из него теми соками, энергиями, силами, которые изнутри питают и приводят в движение все это бурное человеческое

море, всю эту мировую греховную деятельность людей. Гордость житейская вот из чего часто произрастает и наша ревность к подвигам, и многое другое, кажущееся совершаемым ради Бога. Как часто Сам Господь Иисус Христос предостерегал Своих учеников, всех Своих последователей беречься этой фальши, чтобы не совершать дел благочестивых напоказ перед людьми, но втайне, пред Отцом Небесным.

Весьма поучительные рассказы встречаются в Отечнике.

Поведал о себе авва Евстафий: живши в мире, я никогда не вкушал пищи прежде захождения солнца. Когда я сидел в лавке книга не выходила из рук моих: рабы мои продавали и принимали товар, а я непрестанно упражнялся в чтении. По средам и пятницам я раздавал милостыню нищим. Когда начинался звон, я спешил в церковь, и никто прежде меня не приходил в нее. Когда я выходил из церкви, то приглашал с собой бывших тут убогих в дом мой, и разделяли они со мной трапезу мою. Когда я стоял в церкви на всенощном бдении, никогда не вздремнулось мне, и признавал я себя великим подвижником. Все прославляли и почитали меня. Умер сын мой: от великой скорби я впал в болезнь и едва оправился. После этого я подвизался по силе моей и не прикасался к жене моей: я жил с ней как с духовной сестрой. Когда случалось мне видеть монаха из скита, я приглашал его в дом мой вкусить со мной хлеба. У этих монахов я расспрашивал о чудесах, совершаемых святыми старцами, и мало-помалу пришло мне желание монашества. Жену мою я ввел в женский монастырь, а сам пошел в скит к авве Иоанну, с которым был знаком. Он постриг меня в монашество. Имел блаженный кроме меня еще двух учеников. Все, видя меня особенно усердным в церкви, отдавали мне почтение.

Провел я в ските около пяти месяцев и начал очень беспокоить меня блудный бес, принося мне воспоминания не только жены моей, но и рабынь, которых я имел в дому моем. Не было мне отдыха от брани ни на час. На святого старца я смотрел, как на диавола, и святые слова его казались мне уязвляющими меня стрелами. Когда я стоял в церкви на бдении, то не мог открыть глаза от сна, овладевавшего мной, так что не однажды, но несколько раз я приходил в отчаяние. Борол меня и бес чревообъядения, борол до того, что я часто брал остатки хлеба, ел и пил тайно. Что говорить много, помышления мои расположили меня выйти и бежать из скита, направиться на Восток, поместиться в таком городе, в котором никто не знает меня, там предаться любодеянию или жениться. В обуревании такими скверными и лукавыми помышлениями проведши пятнадцать месяцев, однажды, пред наступлением воскресного дня, увидел я во сне, что нахожусь в Александрии, прихожу поклониться святому апостолу Марку. Вот! внезапно встретило меня множество эфиопов. Они схватили меня и, окружив, разделились как бы на два лика. Они принесли черную змею, связали ею мои руки, а другую змею свернули в кольцо и возложили мне на шею; еще других змей положили мне на плечи, и они прицепились к ушам моим, также змеей препоясали меня. Потом привели женщин эфиоплянок, которых я имел некогда в доме моем, и начали они целовать меня и плевать мне в лицо. Нестерпим был для меня смрад их! Змеи начали есть ноги мои, лицо и глаза, а эфиопы, стоявшие вокруг меня, отворили уста мои и влагали в них ложкой нечто огненное, затем напоили меня горящей смолой с серой.

Когда я от всех этих видений кричал во сне, то пришли братья и разбудили меня. Я был облит слезами. Встав, я поспешил к преподобному старцу и, припав к ногам его, рассказал все по порядку. Старец объяснил значение всех виденных мной истязаний, указал: причины их — мои страсти и утаиваемые помыслы. Потом сказал: знай, сын мой, что добродетели, которые ты совершал в мире, смешаны были с возношением и гордостью. Твои бдения, твое пощение, твое неопустительное хождение в церковь, милостыни, которые ты раздавал, все это делалось под влиянием похвалы человеческой. По этой причине и диавол тогда не хотел нападать на тебя. Ныне же, увидев, что ты вооружился на него, и он восстал на тебя. Старец завещал мне всегда говорить о смущающих меня помыслах и, так наставив, отпустил. С этого времени я начал открывать мои помышления и пребывал во всяком покое [11, с. 102-105].

В примечании к этой повести святитель Игнатий говорит: «Подвиг иноческий основывается на истинном смирении, соединенном естественно с отвержением своего «я», причем возвеличивается пред человеком Бог, и вся надежда спасения возлагается на

Бога; напротив того, подвиг мирянина, состоящий из внешних дел, естественно растит свое «я» и умаляет пред человеком Бога. По этой причине видим, что многие великие грешники, вступив в монашество, соделались великими святыми, а знаменитые подвижники мира, вступив в монашество, оказали самое умеренное преуспеяние, а некоторые и расстроились. «Надлежит исследовать,— говорит св. Иоанн Лествичник,— почему миряне, которые проводят жизнь в бдениях, в посте, в подвижничестве, перешедши к жизни монашеской, в это поприще душевных опытов, удаленное от человеков, оставляют свое прежнее подвижничество растленное и притворное. Я видел многие и различного рода древа добродетелей, насажденные мирянами, напояемые тщеславием, как бы гноем из помойной ямы, при уходе за ними являтельства (совершения дел напоказ или открыто пред человеками), при утучнении земли около их похвалами: эти древа, будучи пересажены на землю пустынную, не посещаемую мирскими, неимеющую смрадной воды тщеславия, немедленно посохли. Воспитанным в неге древам несвойственно расти и приносить плод на жесткой почве иночества» (Лествица, слово 2-е).

В Константинополе жили два родных брата. Они были весьма набожны и постились много. Один из них пошел в Райфу, отвергся мира и принял монашество. По прошествии некоторого времени брат его, мирянин, захотел посетить монаха. Он пришел в Райфу и побыл с монахом некоторое время. Заметив, что монах вкушает в девятом часу (третьем пополудни), он соблазнился и сказал ему: брат! когда ты жил в миру, то не позволял себе вкушать прежде солнечного захождения. Монах отвечал: когда я жил в миру, то питался тщеславием, слыша похвалы от человеков: они облегчали для меня тягость подвига постного.

Некоторый брат пришел в Хермейскую гору к авве Феодору, старцу великому по жизни и добродетелям, и сказал ему: отец! что мне делать? душа моя погибает. Старец на это: почему так, сын мой? Брат отвечал: когда я проводил жизнь мирянина, много постился и упражнялся в бдениях, имел обильные слезы и умиление, ощущал в себе ревность: ныне же, когда отрекся от мира и сделался иноком, не вижу в себе ни одной добродетели.

Старец сказал ему: поверь мне, сын: то, в чем ты преуспевал в мирской жизни, преуспевал по причине гордыни и похвалы человеческой, они споспешествовали тебе, тонко действуя в тебе. Делание твое неприятно было Богу, и диавол пренебрегал тобой, не воздвигая против тебя браней и не препятствуя такому преуспеянию твоему; ныне же, видя, что ты вышел на войну против него, он вооружился против тебя. Но Богу угоднее один псалом, ныне произносимый тобой со смирением, нежели тысяча псалмов, которые ты произносил, находясь в мирской жизни.

Брат сказал на это: отец! ныне я вовсе не пощусь: все добродетели взяты от меня! Старец: брат! довольно тебе того, что имеешь, терпи с благодарением, и будет тебе благо. Но брат настаивал на своем: точно, говорил он, погибла душа моя.

Тогда старец сказал: брат! опасаясь, чтобы не ослабить твое смиренномудрие, я не хотел говорить тебе того, что вижу себя вынужденным сказать, по причине состояния уныния, в которое ты приведен диаволом. Выслушай внимательно слова мои. Мнение твое, что имел добродетели, пребывая в мирской жизни, принадлежит к отcaptor отрослям гордости: так и фарисей погубил все добрые дела свои. Теперь же, когда ты думаешь, что решительно не имеешь ни одного доброго дела, этой одной смиренной мысли уже достаточно для твоего спасения: так был оправдан и мытарь, не сделавший ни одного доброго дела. Грешный или ленивый человек, но сокрушенный или смиренный сердцем, угоднее Богу человека, делающего много добрых дел и зараженного по причине их самомнением.

Брат, услышав это, ощутил в душе своей утешение и разрешение недоумения своего. Он поклонился старцу до земли и сказал: ныне, при посредстве твоем, спасена душа моя [11, с. 336-337, ст. 1].

Все сказанное вовсе не означает, что в миру невозможно совершать истинные добродетели или что все должны идти в монастырь. Это также и не означает того, что лучше нам, чтобы не впасть в гордость и тщеславие, вообще оставить все внешние подвиги. Нет, но это должно отрезвить, должно повести к осторожности и осмотрительности: значит, среди общества человеческого так сильно действуют разные

страсти, как говорит апостол: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (1Ин.2,16). Этим духом всегда жил мир, особенно усилились в нем эти пагубные страсти в наше время. По- этому-то к каждому делу, которое может принести похвалу или уважение к делателю его, если оно не осолено духом смирения и самоуничижения, обязательно привьется пагубная страсть тщеславия и гордыни. Конечно: в миру также необходимо подвизаться и очень тщательно трудиться над своим внешним поведением, исполнять множество телесных добродетелей и подвигов, но необходимо все время пристально следить за сердцем, чтобы внешнее не совершалось во вред внутреннему. Для этого надо правильно расценить значение внутреннего и внешнего делания, уяснить цель того и другого, нащупать точную меру им обоим.

КАК ВНЕШНЕЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДЕЛАНИЕ СВЯЗАНО С ВНУТРЕННИМ

По учению св. отцов то проклятие земли, которое было изречено Богом в наказание Адаму и его потомкам, эта казнь роду нашему, и до сих пор лежит на земле, поэтому-то земля сама изобильно произращает разные сорные травы и деревья, не приносящие годных в пишу человеку плодов, а все злаки и растения, которые питают тело человека приходится выращивать, проливая пот, постоянно пребывая в труде [9, т, 5, с, 206].

Но эта казнь в духовном смысле относится к нашему сердцу. Эта земля — сердце наше, после грехопадения Адамова тоже произращает терния и волчцы, т.е. греховные ощущения и помышления. Чтобы насадить в сердце хлеб небесный — Слово Божие, чтобы оживить его, сделать его способным к духовной жизни, необходим немалый труд, подвиг. Для того чтобы земля могла принять в себя семена, необходимо эту землю возделывать: разрыхлить, переворачивать, умягчать, удалять сорные травы и вычищать их корни; нужны для этого разные орудия— плуги, бороны, лопаты. Точно так и сердце наше нуждается в обработке постом, бдением, поклонами и прочими удручениями тела, чтобы обуздать плотские его влечения и плотские помышления ума. Но если при этом возделывании сердца телесными подвигами оно не будет усваивать Евангельские заповеди, не будет поучаться в них и руководствоваться ими, жить ими, то тогда оно будет еще гораздо более, чем до возделывания, произращать из себя плевелы тщеславия, гордыни и блуда. И земля вспаханная, удобренная, мелко разрыхленная, но незасеянная с большей силой родит плевелы. Также и наоборот: не засевают семян в невозделанную почву, так и сердце, невозделанное телесными подвигами, с необузданными плотскими влечениями, не может вместить в себя духовного насаждения; кто возьмется за это, тот потрудится напрасно, или даже может впасть в самообольщение и бесовскую прелесть.

Телесные труды существенно нам необходимы. Святые отцы говорят, что телесные труды приводят душу в смирение. Но какое отношение имеют они к расположению души? Авва Дорофей говорит в ответ на этот вопрос:

«Я объясню вам это. Так как душа, по преступлении заповеди, предалась, как говорит святой Григорий, прелести сластолюбия и самозакония и возлюбила телесное, и некоторым образом стала как бы нечто единое с телом, и вся соделалась плотию, как сказано: *Не иматъ пребывати дух Мой в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3), и бедная душа как бы состраждет телу и сочувствует во всем, что делается с телом. Посему-то и сказал старец, что и телесный труд приводит душу в смирение. Ибо иное расположение души у человека здорового, и иное у больного, иное у алчущего и иное у насытившегося. Также опять иное расположение души у человека, едущего на коне, иное у сидящего на престоле, и иное у сидящего на земле, иное у носящего красивую одежду, и иное у носящего худую. Итак, труд смиряет тело, а когда тело смирится, то вместе с ним смиряется и душа...» [5, с. 48]

Из этих слов хорошо видно, какое должно быть соответствие между внутренним духовным и внешним телесным трудом. Никогда нельзя забывать цель всех наших внешних подвигов: умягчить, смирить наше сердце, сделать его восприимчивым к Слову Божию, затем тут же насаждать в нем семена духовные.

При этой обработке почвы сердечной, надо ясно сознавать свою меру, возможности, силы, чтобы распахать столько, сколько можем засеять и сколько будет нам по силам, чтобы вырастить и собрать плоды.

КАК МЫ МОЖЕМ ОШИБАТЬСЯ, ДУМАЯ, ЧТО ИМЕЕМ В СЕБЕ ИСТИННУЮ ЛЮБОВЬ К БОГУ

Теперь рассмотрим некоторые внешние добродетели и те неправильные основания, на которых они могут быть основаны.

Часто случается так, что человек, уверовавший и начавший благочестивую жизнь, но не изведавший еще своего глубокого греховного повреждения, впадает в мнение о себе, что всей душой любит Бога, начинает искать в себе признаки этой любви, старается всеусиленно разгорячить в сердце это чувство, сам искусственно изображает его в себе таким, как он себе его представляет. Иногда диавол так тонко скрывает от человека его страстные наклонности души, его внутренние болезни, что тот видит себя почти чистым, как белый лист бумаги, и начинает сам живописать разные «духовные» переживания, которые на самом деле не знакомы его сердцу и очень еще далеки от него. Тогда очень легко может сложиться впечатление, что он и вправду любит Бога всей душой и сердцем и Ему единому желает служить, Им только и живет. Но на самом деле ничего этого нет. Допустим: появилось у верующего некоторое усердие к молитве, ум несколько заинтересовался чтением Св. Писания и святых отцов, сердцу усладилась какая-то духовная мысль и т. п., ведь у каждого бывают такие просветления, утешения от Бога, но если при этом человек не видит свою темную сторону души, бездну греха в себе, все внимание его будет направлено на эти малые светлые пятна, то легко сложится убеждение, что и все в нем светло.

Ясно видно из всех наставлений св. отцов, из житий преподобных, да и из всего учения Православной Церкви, что никто не приходил к действительно светлому состоянию скоро и без жестокой борьбы.

Конечно, ни у кого не повернется язык сказать: «Я не люблю Бога», но на самом деле чаще всего так и есть. И не столько ужасно увидеть это в себе и взыскать пути к этой любви, как ужасно помышлять, что мы уже любим Бога. Чаще всего в этом сокрыта любовь не к Богу, а к себе. У нас может сложиться о себе мнение, некоторый идол в нашем самовоззрении, и мы представляем сами себя человеком, горящим ревностью, любящим всецело Бога, ненавидящим этот лукавый мир и жаждущим только небесного. Тогда, когда мы возлюбим себя такими, мысленно одев себя в эту добродетель, мы начинаем воздавать тайно хвалу этому идолу нашему, все, что мы как будто творим во имя Вожие, по любви к Богу, на самом деле потешает наше самомнение, от каждого подвига растет в нас этот идол, украшается, прославляется в нас, утверждается в нас эта мыль о себе: «я истинно любящий Бога христианин, я ревностный, я готов на все идти ради Бога» и т.д. Этот взгляд на себя может давать человеку необыкновенный стимул к совершению различных подвигов и внешних добродетелей.

Диавол, видя такое самодовольное настроение сердца, чтобы еще более укрепить человека в его довольстве собой, отводит от него все свои разжения и досаждения, которыми обычно распаляет в нас страсти, так что человек совершенно перестает видеть в себе какие-либо серьезные греховные наклонности и еще более утверждается в своей прелести. Разные незначительные свои погрешности он искореняет ревностно, думая, что в этом и содержится вся главная его духовная брань. Это как раз и есть та фарисеева закваска, которая комара отцеживает, а верблюда поглощает (Мф. 23, 24).

На самом же деле, до того как насадится в верующем истинная ревность и любовь к Богу, ему предлежит долгий и скорбный путь, часто придется ему проходить каменистую пустыню сердечного нечувствия и ожесточения, окунаться в холодную грязную воду своих страстей, нечистых помыслов, осквернений; какие же только он не увидит в себе безумные, сатанинские, нелепые наклонности, пожелания, в уме, в сердце, во всех своих внутренних силах; сколько раз впадет в уныние, увидит себя самым негодным, ни на что доброе не способным, почти что врагом Божиим. Сколько раз он увидит в себе сильнейшую привязанность к земле, к самому плотскому, даже к делам бесовским найдет в себе симпатию и сочувствие, сколько раз ужаснется о себе, восплачет, взмолится, сколько раз падет и восстанет, прежде чем начнут спадать милостью Божией с него эти цепи греха. И это все при том, что христианин обновлен св. крещением, которым исцеляются все недуги падшего естества, восстанавливаются образ и подобие Божии в

нем, насаждается в человека Святой Дух, уничтожается повреждение свойств и т.д. Да. Но благодатное состояние крещения нуждается в поддержании жительством по Евангельским заповедям. Мы же, ожив в пакибытие крещением, снова умерщвляем себя жизнью по плоти, жизнью для греха, для земных наслаждений и приобретений. Благодать крещения остается без действия, как светлое солнце, закрытое тучами, как драгоценный талант, закопанный в землю.

Так что не скоро и не легко достигает христианин истинной любви к Богу. Вот что об этом говорит святитель Игнатий:

«Весьма часто мы приступаем к служению Богу при посредстве такого способа, который противен установлению Божию, воспрещен Богом, который приносит душам нашим не пользу, а вред. Так, некоторые, прочитав в Священном Писании, что любовь есть возвышеннейшая из добродетелей, что она Бог, начинают и усиливаются тотчас развивать в сердце своем чувство любви, им растворять молитвы свои, богомыслие, все действия свои. Бог отвращается от этой жертвы нечистой. Он требует от человека любви, но любви истинной, духовной, святой, а не мечтательной, плотской, оскверненной гордостью и сладострастием. Бога невозможно иначе любить как сердцем очищенным и освященным Божественной благодатью, Любовь к Богу есть дар Божий: она изливается в души истинных рабов Божиих действием Святого Духа. Напротив того, та любовь, которая принадлежит к числу наших естественных свойств, находится в греховном повреждении, объемлющем весь род человеческий, все существо каждого человека, все свойства каждого человека.

Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение. Оно немедленно устраняет от правильного служения Богу, немедленно вводит в разнообразное заблуждение, оканчивается повреждением и гибелью души.

Ветхий Завет повествует о страшной казни, которой подверглись Надав и Авиуд, два сына Аароновы, жреца народа израильского. Каждый из них, сказано в книге Левит, взял свою кадильницу, вложил в нее фимиам, принес пред Господа огнь чуждый, котораго Господь не повелел приносить. Только освященный огнь, хранившийся в Скинии Свидения, мог быть употребляем при священнослужении израильтян. И изшел огнь от Господа, и попалил их, и умерли они пред Господом (Лев. 10, 2). Чуждый огнь и кадильнице жреца израильского изображает любовь падшего естества, отчуждившегося от Бога во всех своих свойствах. Казнью жреца дерзостного изображается умерщвление души, безрассудно и преступно приносящей в жертву Богу вожделение нечистое. Поражается такая душа смертью, погибает в самообольщении своем, в пламени страстей своих. Напротив того, священный огнь, который один употребляется в священнодействиях, означает собой благодатную любовь. Огнь для богослужения взимается не из падшего естества, а из Скинии Божией.

Раскаяние в греховной жизни, печаль о грехах произвольных и невольных, борьба с греховными навыками, усилие победить их и печаль о насильном побеждении ими, принуждение себя к исполнению всех евангельских заповедей — вот наша доля. Нам предлежит испросить прощение у Бога, примириться с Ним, верностью к Нему загладить неверность, дружество со грехом заменить ненавистью ко греху. Примирившимся свойственна святая любовь...

Ощущение любви, которое приписывает себе грешник, непрестающий утопать во грехах, которое приписывает он себе неестественно и гордо, есть не что иное, как одна обманчивая, принужденная игра чувств, безотчетливое создание мечтательности и самомнения. *Вся согрешаяй не виде Его ниже полна Его* (1 Ин. 3, 6), Который есть любовь.

«Премудрый Господь,— говорит великий наставник монашествующих Исаак Сирин,— благоволит, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть матерь следующей за ней. Если оставишь матерь, рождающую добродетели и устремишься к взысканию дщерей, прежде стяжания матери их: то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь (сл. 72). Духовный разум естественно последует за деланием добродетелей. Тому и другому предшествует страх и любовь. Опять страх предшествует любви. Всякий, бесстыдно утверждающий, что

можно приобрести последующее, не упражняясь предварительно в предшествующем, без сомнения положил первое основание погибели для души своей. Господом установлен такой путь, что последнее рождается от перваго» (сл. 5).

«Каждый говорит, что желает любить Бога; говорят это не только христиане, но и неправо поклоняющиеся Богу. Это слово говорится обыкновенно каждым. Но при таких словах движется только язык, между тем как душа не ощущает того, что говорится. Многие больные не знают даже того, что они больны. Злоба есть болезнь души, и прелесть — утрата истины. Весьма многие, зараженные этими недугами, провозглашают свое здравие и многими бывают похваляемы. Если душа не уврачуется от злобы и не стяжет естественного здравия, в котором она создана, если не возродится в здравие Духом, то человеку невозможно пожелать чего-либо вышеестественного, свойственного Духу, потому что душа, доколе находится в недуге по причине страстей, дотоле неспособна ощущать ощущением своим духовное и не умеет желать его, но желает только от слышания и чтения Писаний» [9, т. 2, с. 52-59].

«Когда человек сподобится ощутить что-либо духовное, т.е. ощущение от Бога, тогда он поймет, что все собственные душевные ощущения ничтожны, сопряжены с самообольщением. К земле обетованной надобно пройти через пустыню. Идя по этой пустыне, надо знать, что она — пустыня, а не земля обетованная, чтобы не принять какого-либо оазиса пустыннаго с роскошной и богатой природой за землю обетованную и по этой причине не лишиться земли обетованной...» [12, ч. 2, с. 218, письмо 196].

«Совершенство любви заключается в соединении с Богом, преуспеяние в любви сопряжено с неизъяснимым духовным утешением, наслаждением и просвещением. Но в начале подвига ученик любви должен выдержать жестокую борьбу с самим собой, с глубоко поврежденным естеством своим: зло, природнившееся грехопадением естеству, сделалось для него законом, воюющим и возмущающимся против закона Божия, против закона святой любви» [9, т. 1, с. 28].

«Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность. Состояние разгорячения переходит очень легко в состояние исступления. Находящихся в разгорячении и исступлении многие сочли исполненными благодати и святости, а они, несчастные, — жертвы самообольщения» [9, т. 1, с. 129].

«Божественная ревность есть огнь, но не разгорячающий крови! Он погашает в ней разгорячение, приводит в спокойное состояние. Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови, с нашествием многочисленных помыслов и мечтаний» [9, т. 5, с. 212].

«Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не духовное, оно из падшего естества нашего и познается потому, что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир... Смотри за твоими водами (сердечными чувствами), чтобы они текли тихо, как сказал пророк о водах силоамских: «воды Силоамли текущие тисе». Всякое разгоряченное чувство — кровяное! Не сочти его Сердием, ревностью по благочестию, любовью к Богу и ближним. Нет, это движение души, произведенное в ней нервами, кровию. А кровь приводится в движение душевными страстями, которые орудия и цепи миродержца, его скипетр, держава. Храни себя в глубоком мире и отвергай все, нарушающее мир, как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную» [10, с. 84-85, письмо 59].

«Желающий приступить к Богу для служения Ему должен предаться руководству страха Божия... Страх очищает человека, предуготовляет для любви: мы бываем рабами[5] для того, чтобы законно соделаться чадами. По мере очищения покаянием, начинаем ощущать присутствие Божие; от ощущения присутствия Божия является святое ощущение страха...

Если желаем стяжать любовь к Богу, возлюбим евангельские заповеди; продадим наши

---

[5] «Трояким образом, — говорит св. Василий Великий, — мы благоугождаем Богу: из боязни мук, как рабы, ища награды; ради собственной пользы, как наемники; или ради любви к Богу — творить добро ради самого добра, как сыновья» (авва Дорофей, поуч. 4).

похотения и пристрастия: купим ценой отречения от себя село — сердце наше, которое без этой купли не может принадлежать нам; возделаем его заповедями и найдем сокровенное на нем небесное сокровище — любовь» [9, т.2, с. 60-61, 68).

КАК МОЖЕМ МЫ ОБМАНЫВАТЬСЯ В СЕБЕ, ДУМАЯ, ЧТО ИМЕЕМ ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Очень часто в наше время люди обманываются, полагая, что достаточно одного желания и малого усилия, чтобы им начать любить ближних христианской любовью. Как много и красноречиво говорится в наши дни во всем мире о любви, все приглашают друг друга объединиться под знаменем любви, весь мир опьянен этой идеей какой-то абстрактной человеческой любви, надеется этим путем разрешить все свои ужасные противоречия. В христианском учении также часто говорится о любви к ближним: заповедь о любви к ближнему Самим Господом поставлена рядом с первой заповедью — любви к Богу, а все отцы Церкви единодушно утверждают, что любовь к ближнему есть основание заповеди о любви к Богу. Но одна ли и та же любовь, к которой призывает мир и которой учит Церковь? Нет! далеко не одна и та же, скорее они крайне различаются. Показательно то, что чем мир более превозносит свою любовь человеков друг ко другу, тем более ему ненавистно то понимание любви, которое преподается в учении Православия. Как во всем мире крайне извращено понимание любви к ближнему, так и в отдельности каждый человек легко может обмануться и принять чувства, самые чуждые истинному христианству, за нечто светлое, возвышенное, богоугодное.

Отчего это? Оттого, что люди, услыхав о возвышенности любви, о святости ее, что она выше всех добродетелей и без нее все мертво, начинают искать ее в себе и усиленно выжимать из себя эту любовь в готовом виде, не понимая того, что наше падение, наше удаление от Бога, все те накопленные нами болезни души, страсти, злые привычки и т.п. зло в нас больше всего повредили это наше свойство —любить. Никакие возвышенные слова и идеи о любви сами по себе недостаточны, чтобы восстановить *в* нас это повреждение.

«Если бы христианство ограничивалось только одним учением о любви, оно было бы бесполезно, потому что в наличной человеческой природе, искаженной грехом, нет сил для проведения в жизнь этого учения. О любви говорил и Ветхий Залет и даже язычники, но этого мало. Разум признает, что заповедь о любви хороша, но человек постоянно будет встречать в самом себе *иной закон, противоборствующий закону ума и пленяющий в законе греховнем* (Рим.7, 23). Кто наблюдает за движениями души свое, тот хорошо знает, как грехи и страсти борются с разумом и как часто они его побеждают. Разум гнется под напором страстей: грех, как бы какой туман, закрывает от нас солнце истины, связывает все добрые силы нашей души. Может ли нам в таком печальном состоянии помочь одно только учение о любви? Но в том-то сила и значение дела Христова, что оно не ограничивается одним только учением. Человечеству даны новые силы. Дело Христово есть создание «новой твари», т.е. Церкви. В Церкви живущий Дух Божий дает силы для осуществления христианского учения в жизнь. Без Церкви нет христианства; остается только христианское учение, которое само собой не может «обновити падшаго Адама» [17].

Так что искать любовь вне Церкви Православной, в среде людей совершенно неверующих или еретиков есть глубокое заблуждение. Но и мы сами, православные христиане, не должны думать, что сердце наше может легко склониться к исполнению этой заповеди. Нет, но надо пролить пот и слезы, много потрудиться и поскорбеть, прежде чем появятся хоть слабые признаки того, что сердце умягчилось и умилостивилось к ближнему. Если мы внимательно начнем всматриваться в свою душу, если действительно ради заповеди Божией возжелаем любить ближнего своего, то обнаружим в сердце жестокое противление, оно то будет отзываться окамененным нечувствием, то озлобляться и рыкать подобно хищному зверю, будет источать то ненависть, то клевету, то мстительность и зависть, то насмешку, то осуждение, то будет усмехаться злу, преткновению ближнего, то огорчаться его успехами,— таково наше

сердце, пока оно не очищено продолжительным трудом самоукорения, молитвами, многими внутренними и внешними подвигами, терпением скорбей, обид, несправедливостей и т.д. Недаром святой Иоанн Лествичник помещает любовь на самой высшей — тридцатой — ступени своей лествицы добродетелей. Как же мы мечтаем достичь ее, перепрыгнув все двадцать девять?

Какие только страсти, какие только искажения наших душевных чувств не способны облекаться в одежду любви к ближнему. Какие только пристрастия не стараются изображать из себя самую святую любовь и милосердие к ближним. Многие самые отвратительные страсти получают свободу жить и действовать под прикрытием христианской любви. Как раз больше всего нас от Христа и удаляют-то разные привязанности и пристрастия к людям, мы всегда-то и льнем друг ко другу и к обществу человеческому, водимые всевозможными страстями и дурными наклонностями, которых и перечислить невозможно. Начиная благочестивую христианскую жизнь нам должно как раз больше всего приложить усилия к тому, чтобы освободить сердце от множества таких больных душевных привязанностей к людям. И тут лукавые демоны стараются напеть нам некоторую разнеживающую, расслабляющую, льстящую нам песенку про любовь ко всем людям, про милосердие, про самопожертвование; таким образом человек может продолжить те же нечистые отношения, оскверняющие сердце, думая, что он начал совершенно иную жизнь и что он тянется к общению,— это есть признак зародившейся в нем любви к ближним. По неразумию такие страсти, как человекоугодие, ложное, основанное на самолюбовании, смирение, притворная скромность, блуд в самых тонких, сокровенных видах и т.п., могут показаться тем светлым источником, из которого исходит милосердие. Очень важно для спасения души удалить из нее все напускное, притворное, страстное. Мы не играть должны в христианскую любовь, но делать все, чтобы действительно стяжать эту истинную любовь к ближним. Мы должны различать кровяное, душевное, плотское от духовного. Все истинно евангельское, исполнение всякой заповеди Христовой именно ради Нога, ради вечности, не по страстному увлечению, всегда сопряжено с борьбой, с усилием, с понуждением своих сил. Чувство умиротворения и легкости будет после победы, после совершения самого подвига. А страсть, наоборот, так воодушевляет к делам ложной любви, что если встретятся препятствия со стороны церковных правил, установлений святых отцов, то движимый такой «любовью» спешит с раздражением отвергнуть их, назвав устаревшими или неправильно понятыми, и спешит исполнить дело «любви». Истинная христианская любовь не старается выказаться наружно, она сдержанна, ищет действительной помощи ближнему, не только в его телесной потребности, но заботится всегда и о душе; а плотская любовь не думает о вечности, для нее все главное только в этой жизни, ей нужны сильные переживания, впечатления, реклама. Душевная любовь эгоистична, она любит не ближнего, а саму себя, утверждаемую через ближнего. Опять в душе тот истукан: «я — милосердый и братолюбивый»,— он-то и присваивает себе славу за внешние дела милостыни.

Беда, когда человек привязывается к ближнему похотной телесной страстью, какой-нибудь темной и неясной привязанностью, думая, что это есть духовная связь. И окажется на суде, что многое из того, что нами почиталось светом,— тьма.

Вот об этом предмете учение отеческое. Пишет святитель Игнатий: «Не подумай, возлюбленнейший брат, чтобы заповедь любви к ближнему была так близка к нашему падшему сердцу: заповедь духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь — новая, а сердце наше — ветхое.

Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить — повелевает это Христос — и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских.

Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего и дщерь на матерь свою и невестку на свекровь свою. И врази человеку домашнии его (Мф. 10, 34-36.)*

Святой Дух научает любить ближнего свято.

В каком падении наше естество? Тот, кто по естеству способен с горячностью любить

ближнего, должен делать себе необыкновенное принуждение, чтобы любить его так, как повелевает любить Евангелие.

Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей [9, т. 1, с. 123—124J.

«Умрем для естественной любви к ближнему и оживем новой любовью к нему, любовью в Боге».

« Смирение убивает естественную любовь. А если она умирает от смирения, то жизнь ее составляется гордостью... В ней живет идол «я», поставленный на престоле татебно вкравшегося самомнения и завешивающийся завесой будто бы добродетели» [10, п. 86].

«Люди, оживая безумно друг для друга, оживая душевной глупой привязанностью, умирают для Бога, а из пепла блаженной мертвости, которая ради Бога, возникает, как златокрылый феникс, любовь духовная» [10, письмо 90].

«Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением, и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! Действия ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом, как жертва оскверненная; плоды действия душепагубны, убийственны. Следующим образом возлюби ближнего: не гневайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бранных, насмешливых слов, сохраняй с ним мир по возможности своей; смиряйся пред ним; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всем, в чем можно уступить ему, уступай; отучись от прекословия и спора, отвергни их, как знамение гордыни и самолюбия; говори хорошо о злословящих тебя; плати добром за зло; молись за тех, которые устраивают тебе различные оскорбления, обиды, напасти, гонения (Мф. 5, 21—47). Никак, ни под каким предлогом, не осуждай никого, даже не суди ни о ком, хорош ли он или худ, имея перед глазами того одного худого человека, за которого ты должен отвечать пред Богом,— себя. Поступай относительно ближних так, как бы ты желал, чтобы было поступлено относительно тебя (Мф. 7, 1-12). Отпускай и прощай из глубины сердца человекам согрешения их против тебя, чтобы и Отец Небесный простил тебе твои бесчисленные согрешения. Наконец, не повреждай брата своего многословием, пустословием, близким знакомством и свободным обращением с ним. Ведя себя так по отношению к ближнему, ты окажешь и стяжешь к нему заповеданную Богом и Богу угодную любовь; ею отворишь себе вход к любви Божией...»[9, т. 5, с. 66].

«Воздавай почтение ближнему как образу Божию,— почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей. Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, и постепенно начнет являться в сердце твоем святая любовь. Причина этой святой любви не плоть и кровь, не влечение чувств,— Бог...» [9, т. 1, с. 127].

Сличая это учение Церкви о любви к ближнему с той безобразной, искаженной личиной любви, которую провозглашает ныне мир, ужасаешься ее уродству. Как ясно, что взрастить в сердцах истинную любовь можно только в лоне Православной Церкви, при условии точнейшего исполнения ее учения и уставов, при постоянном очищении, освящении, приобщении благодати Божией чрез Святые Таинства, но никак не иначе. По мере того как люди все более и более отвергают смиренномудрое, покаянное учение отцов Православия, предаются самооправданию и самовозвеличиванию — они все более теряют даже верное понятие об истинной любви, заменяют ее кривляниями, лицемерием, фальшью.

Коснемся здесь еще несколько заповеди Господней о милосердии. Приведем еще одно наставление святителя Игнатия из его писем[6]:

[6] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 33, стр. 33-35. — Здесь так часто приводятся поучения этого святого отца не из-за какого-либо пристрастия к нему, но ради того, что св. еп. Игнатий, как никто другой, совершил величайший труд по изучению всего огромного, цельного, богатейшего наследия всех свв. отцов Церкви, сделал как бы вытяжку, собрал самое важное и необходимое, наиболее соответствующее потребностям нашего времени учение, изложил его доступно, ясно, обширно. Он пророчески предвидел все коварства последнего времени и оставил последним христианам подробное разъяснение — как им спасаться, как храниться тех сетей.

"Рассматриваю милосердие, заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров. Он заповедует нам: *Будите милосерды, якоже и Отец ваш* небесный *милосерд есть* (Лк. 6, 36). Чтоб исполнить эту заповедь, надобно сделаться столько милосердым, сколько милосерд бесконечно милосердый Господь. *Широка, Господи, заповедь Твоя зело!* (пс. 118). Кто возможет ее исполнить вполне самым делом?..

Но я, грешник, мрачный грешник, как ни взгляну в себя, всегда вижу смешение добра со злом, доставленное человеческому роду его праотцем, дерзостно и погрешительно вкусившим от древа познания добра и зла. Кажусь я людям милосердым; но с точностью поверив себя, исследовав себя, нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие; милосердствует во мне пристрастие; милосердствует во мне кровь; но чтоб подвигала меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая, — этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердым сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие. Обличается сердечный недуг мой святою заповедью! Убеждаемый ею, признаю себя, по естеству милосердого, жестокосердым, человеконенавидцем по отношению к Евангелию. Мое сердце согласно быть милосердым по движению крови; но быть милосердым по заповеди Христовой для него — распятие.

...Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя б это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем человекам. Естественное милосердие, как произведение плоти и крови, не может быть богоугодною добродетелью. Мало этого! оно враждебно заповедям евангельским! Для посещения и умерщвления его принесен на землю меч евангельский. Водимые естественным милосердием пребывают во мраке под влиянием лютого, всезлобного миродержца.

Господь, Спаситель мира, во время пребывания Своего на земле, возвещал однажды ученикам Своим, что Ему должно идти во Иерусалим, там много пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Тогда верховный из апостолов, святой Петр, движимый естественным милосердием, начал противоречить Господу: *Милосерд Ты, Господи,* — говорил он, — *не имать быти Тебе сие*. На это изъявление сострадания, милосердия — естественных, Господь отвечал св. Петру: *Иди за мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая* (Мф, 16,22—23). Неужели в устах Богочеловека слово *сатано* было лишь укоризненное? Сохрани Боже допустить такое богохульство! Этим словом Господь изображает, что мысли и чувствования падшего человека находятся под властью сатаны, хотя по видимому они и кажутся добрыми; действия человека по влечению его сердца сливаются в одно с действиями сатаны. Так повреждено горестным падением естество наше!

Должно умертвить то милосердие, которого причина — кровь; должно снискать то милосердие, которого причина, источник — светлая и святая заповедь Христова; она — Дух, она — живот вечный.

(Тогда) пред вами откроется необозримое поприще для подвига и течения. Какое бы вы ни стяжали преуспеяние в милосердии, оно покажется вам ничтожным в сравнении с образцом милосердия, начертанным в Евангелии. Самое преуспеяние ваше будет научать вас смирению, приводить к нему. Таково свойство преуспеяния духовного! Напротив того, кто не отвергается себя, не погубляет души своей (Лк. 17, 33), действует по влечению чувств сердечных, от движения крови, тот непременно осуществляет свое "я", видит добро в своих движениях, своих действиях, оживляет собственно себя, стяжавает мало-помалу высокое о себе мнение. Таковый, думая преуспевать духовно, преуспевает лишь в лютом падении..."

Это слово святого отца имеет особую ценность для нас, оно может быть отнесено к исполнению и всех других заповедей, да и вообще христианских добродетелей. Здесь ясно указано главное условие правильного исполнения их и причина прелести. Здесь коротко и точно высказано все то, о чем шла речь выше.

КАК РЕВНОСТЬ ДУШЕВНАЯ, ПЛОТСКАЯ МОЖЕТ ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ НАРУЖНО РЕВНОСТЬЮ СВЯТОЙ, БЛАГОЧЕСТИВОЙ

Люди, думающие о себе высоко, почитающие себя истинно верными служителями Бога, часто воспаляются плотской, душевной ревностью, начинают зорко следить за окружающими, осуждать их и обличать в разных нравственных погрешностях, в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. «Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоразумные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по повелению Божию, по обязанности своей, по внушению святого Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто же решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумнее и добродетельнее обличаемого им, что он действует по увлечению страстью и по обольщению демоническими помыслами» [9, т. 5, с. 275].

В каждом из нас очень глубоко сидит дух осуждения,— по гордости, по самомнению, высокомерию, по злобе и другим страстным побуждениям мы постоянно ищем и находим у ближнего множество недостатков, ошибок, погрешностей. При этом если мы начнем оправдываться ревностью по благочестию, то даем себе свободу действовать по этим страстям, начинаем с горячностью раздувать картину немощей и недостатков ближнего, рисовать его погрешности в самом ужасном неприглядном виде, распаляем в себе и в других негодование, гнев, нетерпеливое стремление исправить, обличить его, порываемся научить его уму-разуму, даже уничижить его, думая, что это движет нами само благочестие. Такая ложная воспаленная ревность всегда приводит к подозрительности, мнительности, клевете, жестокости, ненависти, к душевному вреду.

Замечено: когда ближний не принимает обличения, то такая слепая ревность производит памятозлобие и мстительность против него, а когда ближний покорится, то рождает тщеславное самодовольство.

Великое бедствие, когда разгоряченные ревнители дерзают вмешиваться в дела церковные, когда они по влечению своего страстного сердца и воспаленного ума думают исправлять то, что может быть исправлено лишь действием особенной благодати Божией, чрез посредство самых достойных, святых людей, которым ясно открыты судьбы Божии. Как много бедствий в духовной жизни бывает от такой надуманной, болезненной озабоченности благочестием ближних, от дерзкой попечительности о духовной устроенности окружающих нас верующих, когда сами мы еще далеко не устроены, не имеем мира в душе своей, далеки от любви к Богу и ближним.

ПОЛЕЗНО ЛИ НАЧИНАЮЩЕМУ ХРИСТИАНИНУ УЧИТЬ БЛИЖНИХ ДЕЛАМ ВЕРЫ?

На почве той же недуховной ревности, тщеславного разгорячения, самомнения, часто возрастает страсть к учительствованию. Стало обычным в наше время каждому наставлять и нравоучать ближнего, хотя очень часто учителями становятся те, кто сами еще не сделали даже нескольких шагов в христианскую жизнь, а только заглянули в нее чрез приоткрытую дверь. Как часто теперь бывает, что человек, проведший всю жизнь в неверии и грехах, после того как покаялся и несколько переменил образ жизни, несколько раз сходил в церковь или пробыл несколько дней в монастыре, узнал некоторые законы и воззрения христианские, ознакомился с некоторыми правилами и порядками церковными, как тут же начинает учить, обличать своих близких друзей, родственников, упрекать их в неверии, в нецерковности, даже обвинять их в служении сатане и т.п.

Часто наблюдаются такие случаи, что новообратившийся, только что оставивший греховную жизнь человек, начавший тут же учить, обличать, исправлять близких, усиленно обращать их к вере, спасать их души, сам вскоре претыкается, падает и возвращается к прежней греховной жизни; а те, кого он обличал, видя его в таком жалком состоянии, приписывают самому христианству бесполезность и немощность, сами еще более отвращаются от Церкви, от Бога.

Большинство из нас, как только прочитает что-либо поучительное или подметит

какую-либо интересную мысль, рассуждение из духовных книг, сразу же спешит преподнести это ближнему в науку, вразумить его, торопится дать совет применить то или иное правило из отцов, хотя сами мы еще не пользовались этими правилами и не собираемся пользоваться.

Как часто теперь уверовавшие не живут верой, а только уразумевают отдельные моменты христианской науки, перетолковывают их, сообщают ближнему, сами так и не воспользовавшись этим богатством. Как теперь распространено такое явление, что вся религиозная жизнь у человека и начинается и заканчивается только в голове, не доходя до сердца: входят религиозные познания через слух, через разум, вращаются в уме, пересматриваются, переосмысливаются, часто переделываются на свой лад и тут же через язык выносятся наружу, выдаются окружающим как бы нечто взятое из действительного духовного опыта, из самой жизни. Но такое знание, не испытанное, не выстраданное деятельной жизнью, борьбой,— пустое. Человек, поучающий не из духовного опыта, а из книжного знания, по слову Исаака Сирина (сл. 1), подобен художнику, который, обещая воду жаждущему, пишет ее красками на стене. Беда еще и в том, что преждевременно посвятивший себя учительствованию остается сам без плода, увлечение это становится сильным препятствием к тому, чтобы заниматься собой, видеть себя, свои немощи, искать собственного уврачевания.

Опять же: в основе такого неправильного учительствования лежат тщеславие, самомнение, гордость ума. Также может действовать склонность к праздности, стремление уклониться от тяжкого труда внутренней борьбы с собой и подменить эту работу легким — вразумлять других. Весь мир всегда был и есть болен этой страстью. Все мало-мальски выдающиеся умом личности всегда стремились учить и обращать всех к своим измышлениям; все философы, религиозные мыслители, ересеначальники старались усиленно распространить свои ереси; каждая религиозная секта желает всех, кого можно, вовлечь в свои сети. Значит, может быть множество безблагодатных стимулов, позывов к тому, чтобы проповедовать и вовлекать других в свою веру. Потому-то мы и не должны доверять этим нашим внутренним «ревностным» порывам — обращать всех на путь истинный, как это совершали благодатию Божией св. апостолы и св. отцы — светильники Церкви. Очень может быть, что это злые страсти, таящиеся в нас, подущают нас перенести заботы о спасении своей души на заботы о спасении других и таким образом они получают возможность иметь вольное пребывание в нашем сердце, и, спасая других, мы можем погибать. *Не мнози учители бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приимем,*— говорит апостол Иаков (Иак. 3, 1).

Вот что говорят об этом св. отцы:

Один старец сказал: «Не начни учить преждевременно: иначе во все время жизни твоей пребудешь недостаточным по разуму» [11, с. 368, ст. 134].

Авва Пимен Великий: «Учить ближнего столько же противно смиренномудрию, как и обличать его»[11].

Авва Исаия сказал: «Опасно учить ближнего преждевременно, чтобы самому не впасть в то, отчего предостерегается ближний учением. Впадающий в грех не может научать тому, как не впадать в него» [11, с. 131, ст. 74].

Он же: «Стремление учить других, по признанию себя способным к этому, служит причиной падения для души. Руководствующиеся самомнением и желающие возводить ближнего в состояние бесстрастия, приводят свою душу в состояние бедственное. Знай и ведай, что наставляя ближнего твоего сделать то или другое, ты действуешь как бы орудием, которым разрушаешь дом твой в то самое время, как покушаешься устроить дом ближнего» [11, с. 122, ст. 217].

Исаак Сирин: «Хорошо богословствовать ради Бога, но лучше сего для человека соделать себя чистым для Бога. Лучше тебе, будучи ведущим и опытным, быть косноязычным, нежели от остроты ума своего, подобно реке, источать учения. Полезнее для тебя позаботиться о том, чтобы мертвость души твоей от страстей воскресить движением помыслов твоих к Божественному, нежели воскрешать умерших.

Многие совершали чудеса, воскрешали мертвых, трудились в обращении заблудших и творили великие чудеса: руками их многие приведены были к Богопознанию, и после

всего этого сами, оживотворявшие других, впали в мерзкие и гнусные страсти, умертвили самих себя и для многих сделались со лазном, когда явны стали деяния их, потому что были они еще в душевном недуге и не заботились о здравии душ своих...» [2,сл. 36].

«Даже то, если ты, искупив сотни рабов-христиан из рабства у нечистивых, дашь им свободу, не спасет тебя, если ты при этом сам пребываешь в рабстве у страстей»[7, гл. 1].

«Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума» (Житие преподобного Серафима Саровского, 19 июля).

«Благовествование и проповедь не есть не только первый, но и хоть бы какой-нибудь долг всякого верующего. Первый долг верующего — очистить себя от страстей...» [13].

«Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом...» [9, т. 5, с. 77].

«Но для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым, надо иметь духовную опытность, а более всего — духовное помазание...»[9, т. 4, письмо 18].

«Если же человек прежде очищения Истиной будет руководствоваться своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее»[10, письмо 51].

Авва Исаия говорил: «Откуда могу знать, угоден ли я Богу, чтобы сказать брату: поступи так или иначе. Сам нахожусь еще под игом покаяния по причине грехов моих»[11, с. 121, ст. 19].

«Добрые чувства молчаливы. Излияния чрез слова ищут более чувства эгоистические, чтобы высказать то, что льстит нашему самолюбию и что может выказать нас, как нам мнится, с лучшей стороны»[7].

«Каждому из нас более должно заботиться о себе самом, о своей душе и о собственной пользе душевной, потому что, по слову апостола, каждый из нас сам о себе воздаст слово Богу. У нас же путаница от того и происходит, что мы все более склонны к вразумлению других и стараемся не только убедить, но и разубедить и доказать многоразличными аргументами...» (Преподобный Амвросий Оптинский, из писем).

«Еще не успел я начать подвигов благочестия, а уже заразился тщеславием. Еще не успел вступить в преддверие, а уже мечтаю о внутреннем святилище. Еще не положил начатков жизни Богоугодной, а уже ближних моих обличаю. Еще не узнал, что есть истина, а хочу быть наставником других. Душа моя! Все даровал тебе Господь смысл, разум, ведение, рассуждение, познай же полезное для тебя. Как мечтаешь ты сообщать свет другим, когда ты сама погружена еще во тьму? Врачуй прежде самое себя, а если не можешь, то оплакивай слепоту свою» [2].

Итак, как видно из слов св. отцов, поучать, руководить, наставлять — дело полезное не для каждого, хотя и представляется таким славным и похвальным; углубляться же в познание своих немощей, искать их врачевания — дело первейшей важности для всех.

ПОЛЕЗНО ЛИ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ХРИСТИАНИНУ РАЗМЫШЛЯТЬ О ВЫСОКИХ ДУХОВНЫХ ПРЕДМЕТАХ?

Начинающему шествовать по пути веры предстоит и такая опасность: вместо изучения простых и необходимых ему правил и основ деятельной христианской жизни уклониться в высокоумие, начать изучать сложные духовные предметы, стараясь своим немощным рассудком постичь то, что рассудком не познается; дерзнуть тонко исследовать Святое Писание, толковать таинственные пророчества. Ум наш болен и поврежден настолько, что ему как раз нельзя давать свободу решать духовные вопросы, как раз простым, почти детским верующим оком надо принимать уже готовую, подробно разъясненную духовную науку, преподаваемую Церковью, святыми отцами. Очень опасно самому, неочищенным разумом, не понимая еще самых основ веры, дерзать постичь корни тонких и глубоких истин.

«Вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренно и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери… В существе дела, рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса своему соображению и рассуждению, тот тем самым умалит значение своей веры пред Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И собственно тут уже нет веры...» [13,письмо 2].

«Когда ум, еще не очищенный покаянием, еще блуждающий в области и мраке падения, еще не просвещенный и не водимый Духом Святым, дерзнет сам собой, собственными силами, из мрака гордыни рассуждать о Боге, тогда он непременно впадает в заблуждение. Такое заблуждение — богохульство. О Боге мы можем знать только то, что Он по великому милосердию Своему открыл нам»[9, т. 1, с, 495].

«Не будьте разумны и многосведущи. Для Бога приятнее младенческое лепетание души умалившейся, так сказать, от зрения множества немощей своих, нежели красноречивое витийство души, напыщенной самомнением» [10, письмо 3].

«Занимающийся размышлениями о высоких предметах не может избежать заблуждения и, проводя, по мнению своему, духовную жизнь, будет далеко отстоять от пути спасения, Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и согрешения»[12, письмо 84].

«Диавол часто влагает мысли высокие, тонкие и изумляющие, особенно тем, которые остроумны и скоры на высокоумничание. И они, увлекаясь удовольствием иметь и рассматривать такие высокие помыслы, забывают блюсти чистоту своего сердца и внимать смиренному о себе мудрованию и истинному самоумерщвлению; таким образом, будучи опутываемы узами гордости и самомнения, делают себе идола из своего ума, а вследствие того мало-помалу, сами того не чувствуя, вдаются в помысел, что не имеют уже более нужды в совете и вразумлении других, так как привыкли во всякой нужде прибегать к идолу собственнаго разумения и суждения»! [7].

А мы постоянно вдаемся в высокоумие. Причем удивительно то, что разум современных людей никак не желает удовлетвориться теми разъяснениями духовных истин, которые преподает православное учение, они кажутся многим чересчур странными и невозможными, зато легко принимаются такие измышления и выдумки, чуждые учению христианскому, которые поражают своей фантастической нелепостью и отсутствием всякого здравого смысла.

Свойство падшего разума таково, что он безумие почитает часто высочайшей мудростью, а истинную мудрость осмеивает. Потому для христианина очень важно преобучить разум свой простоте и смиренномудрию. Так, духовные книги надо изучать только с той целью, чтобы воспользоваться этим знанием для души своей, чтобы согреть сердце и привести его в умиленное чувство, а не для того, чтобы этим знанием выказывать себя ученым перед людьми.

Очень опасно самому толковать Святое Писание, допытываться умом до понимания неясных мыслей в книгах св. отцов: в таком случае демоны часто нашептывают нам искаженные понятия и мы можем получить немалый вред, да и повредить другим. Все непонятное надо узнавать у тех, кто хорошо изучил св. отцов, или же — читая толкования святых. Надо заметить, что почти все ереси начались именно с неправильного толкования Св.Писания. Начинающему христианину многие вопросы и не нужно понимать во всех их тонкостях.

Еще важно уяснить то, что духовная мудрость открывается только через опыт деятельной христианской жизни, познается по мере духовного роста, по мере очищения ума и сердца, а не от усилия рассудка, как в земных науках и мудрованиях. Поэтому надо чаще прибегать за научением к св. отцам, которые жизнью прошли этот путь, на деле испытали всю эту таинственную духовную науку.

КОГДА ПОСЛУШАНИЕ БЫВАЕТ БОГУ НЕ УГОДНО

Все хорошо знают, как важно послушание в духовной жизни, как опасно самочиние и самонадеянность. Авва Дорофей говорит: «Я не знаю другого падения, кроме того, когда человек следует сам себе. Увидишь ли падшего — знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего гибельнее сего... Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божием. Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ, красив, но потом постепенно засыхает, падает и наконец попирается ногами. Так и человек, никем не управляемый, сначала всегда имеет усердие к посту, бдению, безмолвию, послушанию и к другим добродетелям, потом усердие это мало-помалу охлаждается и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, нечувствительно засыхает, падает и становится наконец подвластным рабом врагов, кои делают уже с ним что хотят»[5, поучение 5].

Но и послушание бывает истинное, духовное, а бывает и плотское, человекоугодливое. «Истинное послушание — послушание Богу, Единому Богу. Тот, кто не может один, сам собой, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо» [10, письмо 90]. И дело как раз в том, чтобы человек, которого мы слушаем, действительно ясно понимал волю Божию и имел трезвый взгляд на духовную жизнь, в противном случае он может повредить нам. Опять же необходимо различать — подчинение, отсечение своей воли и послушание. Подчиняться мы должны не только церковным начальствам, но и гражданским, там, где это не нарушает законов нашей веры; отсекать свою волю мы должны почти всегда и во всем, насколько это возможно, не только перед людьми, но и перед обстоятельствами, веруя, что все происходящее вокруг нас происходит по промыслу Божию. Конечно, и это надо делать с рассуждением, отличать душевредные вещи от безвредных, и если душе предстоит опасность повредиться, то не только не подклоняться под чужую волю, но и настойчиво сопротивляться. То же самое отсечение своей воли необходимо и в отношении с недуховными руководителями, к которым мы вынуждены прибегать во всем, что нам не вредит. В вопросах же важных, определяющих направление самой духовной жизни души, таким наставникам доверяться уже нельзя, с этими вопросами можно обращаться только к тем духовным лицам, которые действительно (мы должны быть уверены в этом) верны Православию и имеют ясный духовный взгляд, хорошо знают святоотеческое учение. Только к таким духовникам может быть действительное послушание. Слепо же довериться человеку с искаженным пониманием православного учения — значит и самому наследовать это искажение; значит, стать исполнителем уже не воли Божией, а поврежденной воли человеческой, и это независимо от того, будет ли тот наставник монах, иерей или архиерей.

Отцы говорят: «Всем будь послушен во всяком добром деле, только не следуй за любостяжательными, или сребролюбцами, или миролюбцами, да не явится послушание твое делом диавольским» [2, сл. 9].

«Пользуйся таким советником, который, все испытав сам, умеет в терпении обсудить, что требует рассуждения и в твоем деле, верно может указать истинно тебе полезное» [2].

«Для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым, надо иметь духовную опытность, а более всего — духовное помазание. Таково об этом предмете учение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный скорее может смутить, нежели принести пользу»[9, т. 4, письмо 18].

«В этом смысле завещевает и апостол: *не будите раби человеком* (1 Кор. 7, 23). Он повелевает самое служение слуг господам совершать духовно, а не в характере «человекоугодников», но в характере «рабов Христовых», творя волю Божию в наружном служении человекам (Еф. 6, 6). Ныне,— говорит Апостол,— *человеки препираю или Бога? или ищу человеком угождати? Аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1,10).

«От истиннаго послушания рождается и истинное смирение: истинное смирение осеняется милостью Божией. От неправильного и человекоугодливого послушания рождается ложное смирение, отчуждающее человека от даров Божиих, соделывающее его

сосудом сатаны» [11, с. 116].

Особенно же бедственно, когда послушник старается подражать такому всецелому послушанию, полному отказу от рассуждения и подчинению слову наставника, как это было у древних отцов, когда и сами руководители и руководимые были водимы Духом Святым, в наше же время почти не находится таких людей, которые бы могли безошибочно руководить и наставлять, тем более много таких учителей, которые сами заблуждаются в важнейших вопросах веры. Беда, когда ученик такого учителя начнет принимать каждое его слово и полслова как совершенную истину и точно следовать этому слову.

«Послушание» — чудо веры! «Совершить его может один Бог. И совершили его те человеки, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны: тогда они подобны упоминаемым в Евангелии здателям столпа, начинающим здание без средств к совершению его» [9, т. 4, письмо 54].

«Изучай Божественное Писание,— говорит Симеон Новый Богослов,— и писания св.отцов, особливо деятельные, чтобы с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть как в зеркале и понимать: согласное с Писанием усвоивать себе и содержать в мысли: ложное же и худое познавать и отвергать, чтобы не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей» [1,т. 5, ст. 33].

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит о послушании старцам, какое оно было у древнего монашества, что «такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы утверждали, что хорошо управлять и быть управляемыми— свойственно мудрым, и определяют, что это— величайший дар и благодать Святого Духа. Необходимое условие такого повиновения — духоносный наставник, который бы волей Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти.

Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волей Духа Божия, не может совершаться падшей волей наставника, когда сам наставник еще порабощен страстям»[9, т. 5, с. 71].

Под видом послушания могут скрываться и различные пристрастия, даже похотливая страсть. Вообще — все безмерное, неосоленное духом истинного смирения и богоугождения, непременно оскверняется какой-либо нечистотой, подвергается осмеянию бесов.

КАКИЕ ПРЕЛЬЩЕНИЯ БЫВАЮТ ПРИ УПРАЖНЕНИЯХ МОЛИТВОЙ

Горькая участь уклониться в самообольщение и прельщение злыми духами предлежит тем, кто мечтает достигнуть высоких молитвенных состояний, имея при этом ревность не истинную, а плотскую, душевную. Таких подвижников диавол легко опутывает своими сетями. Неправильное упражнение молитвой неразлучно с самообольщением, из которого и произрастает бесовская прелесть.

Очень подробно рассматривает разные виды прелести, бываемые при неправильной молитве, святитель Игнатий в «Беседе старца с учеником». Приведем здесь основные мысли этой статьи.

«Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душой, целью молитвы...

Покаяние и все, из чего оно составляется, как-то: сокрушение или болезывание духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предощущение смерти, суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий,— суть дары Божии, дары великой цены, дары первоначальные и основные, залоги даров высших и вечных. Без предварительного получения их подаяние последующих дарив невозможно. «Как бы ни возвышенны были наши подвиги,— сказал св. Иоанн Лествичник, но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны и тщетны» [сл. 7|...

Самый опасный неправильный образ молитвы заключается и том, когда молящийся

сочиняет силой воображения своего мечты или картины, заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же из своего собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения,— этими картинами льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя... Святой Симеон Новый Богослов, описывает молитву мечтателя и плоды ее так: «Он возводит к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем божественные совещания, небесные блага, чины святых ангелов, селения святых, короче, собирает в воображении своем все, что слышал в Божественном Писании, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо, всем этим возбуждает душу свою к божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет. Таким образом, мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению и молит Бога, чтобы сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не подвергнуться умоисступлению и сумасшествию. Если же не случится с ним этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовного разума и добродетели или бесстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония обонянием своим, слышавшие гласы ушами своими. Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место; другие приняли беса, преобразившегося в ангела светлого, прельстились и пребыли неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от кого из братий; иные из них, подучаемые диаволом, убили сами себя; иные низверглись в пропасти; иные удавились. И кто может исчислить различные прельщения диавола, которыми он прельщает и которые неисповедимы?..

Склоняется, влечется наше свободное произволение к прелести: потому что всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости».

Преподает святитель Игнатий поучительные примеры такой бесовской прелести от развития мечтательности при молитве.

«Некоторый чиновник, живший в Петербурге, занимался усиленным молитвенным подвигом и пришел от него в необычайное состояние. И вот для духовного совета он обращается в монастырь к одному старцу— монаху. Начал чиновник рассказывать ему о своих видениях, что он постоянно видит при молитве свет от икон, слышит благоухание, чувствует во рту необыкновенную сладость и так далее. Монах, выслушав этот рассказ, спросил чиновника: «Не приходила ли вам мысль убить себя?» — «Как же! — отвечал чиновник,— Я уже было кинулся в Фонтанку, да меня вытащили». Оказалось, что чиновник употреблял образ молитвы, описанный св. Симеоном, разгорячил воображение и кровь, при чем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию действие — и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Чиновник видел свет телесными очами: благоухание и сладость, которые он ощущал, были также чувственные. В противоположность этому, видении святых и их сверхъестественные состояния вполне духовны: подвижник соделывается способным к ним не прежде, как по отверзении очей души Божественной благодатию. Монах начал уговаривать чиновника, чтобы он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя и неправильность способа, и неправильность состояния, доставляемого способом. С ожесточением воспротивился чиновник совету. «Как отказаться мне от явной благодати!» — возразил он. Выглядел он и жалким и каким-то смешным. Так он задал монаху следующий вопрос: «Когда от обильной сладости умножится у меня во рту слюна, то она начинает капать на пол: не грешно ли это?» — Точно: находящиеся в бесовской прелести возбуждают к себе сожаление, как не принадлежащие себе и находящиеся по уму и сердцу в плену у лукавого, отверженного духа. Представляют они собой и смешное зрелище, посмеянию предаются они овладевающим ими лукавым духом, который привел их в состояние уничижения, обольстив тщеславием и высокоумием. Ни плена своего, ни странности поведения прельщенные не понимают, сколько бы ни были очевидными этот плен, эта странность поведения.

Когда чиновник ушел, другой монах, присутствовавший при разговоре, спросил старца: «С чего пришло ему на мысль спросить чиновника о покушении на самоубийство?» Тот отвечал: «Как среди плача по Богу приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих, так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовской прелестью, приходят минуты, в которые прелесть как бы разоблачается и дает вкусить себя так, как она есть. Эти минуты ужасны! Горечь их и производимое этой горечью отчаяние невыносимы. По этому состоянию, в которое приводит прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Увы! Начало прелести — гордость, и плод ее — преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя сосудом Божественной благодати, презирает спасительные предостережения ближних. Между тем припадки отчаяния становятся сильнее и сильнее: наконец отчаяние обращается в умоисступление и увенчивается самоубийством».

Со мной был,— повествует далее святитель Игнатий,— достойный замечания случай. Посетил меня однажды афонский иеросхимонах, бывший в России за сбором. Мы сели в моей приемной келии и он стал говорить мне: «Помолись о мне, отец: я много сплю, много ем». Когда он говорил мне это, я ощутил жар, из него исходивший, почему и отвечал ему: «Ты не много ешь и не много спишь; но нет ли в тебе чего особенного?» — и просил его войти во внутреннюю мою келию. Идя пред ним и отворяя дверь, я молил мысленно Бога, чтобы Он даровал гладной душе моей попользоваться от афонского иеросхимонаха, если он — истинный раб Божий. Точно: я заметил в нем что-то особенное. Во внутренней келии мы опять уселись для беседы, и я начал просить его: «Сделай милость, научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысяч монахов: в таком месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григориев Синаита и Паламы, по примеру многих других афонских светильников». Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником, и — о ужас!— с величайшим разгорячением начал передавать мне вышеприведенный способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: он в страшном разгорячении (у него разгорячены и кровь и воображение), он в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу в чине наставляемого, предлагать ему учение святых отцов о молитве, указывая его в Добротолюбии и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вполне незнаком с учением Отцов о молитве! При продолжении беседы говорю ему: «Смотри, старец! Будешь жить в Петербурге, никак не квартируй в верхнем этаже; квартируй непременно в нижнем».— «Отчего так?» — возразил афонец. «От того,— отвечал я,— что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга в Афон, и они понесут из верхнего этажа да уронят, то убьешься до смерти; если же понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься»,— «Представь себе,— отвечал афонец,— сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!» О казалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, чувствует в теле такой жар, что зимой не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтобы он, как постник и подвижник, испытал над собой способ, преподанный святыми отцами, состоящий в том, чтобы ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался в словах молитвы. При этом сердце обыкновенно содействует уму душеспасительным чувством печали о грехах... «Когда ты испытаешь над собой,— сказал я афонцу,— то сообщи и мне о плоде опыта; для меня самого такой опыт неудобен по развлеченной жизни, проводимой мной». Афонец охотно согласился на мое предложение. Через несколько дней приходит он ко мне и говорит: «Что сделал ты со мной?» — «А что?» — «Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы: то все мои видения пропали и уже не могу возвратиться к ним». Далее в беседе с афонцем я не видел той самонадеянности и той дерзости, которые были очень заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в

людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспеянии, Афонец изъявил даже желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться по наружному образу жизни от прочих иноков, потому что такое отличие себя ведет к высокоумию, то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он опять был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он нуждается в теплой одежде и спит гораздо более. При этом он говорил, что на Афонской горе многие и из пользующихся славой святости употребляют тот способ молитвы, научают ему и других...

«Внимательная молитва требует самоотвержения, а на самоотвержение решаются редкие. Заключенный в себя вниманием находящийся в состоянии недоумения от зрения своей греховности, неспособный к многословию и вообще к эффекту и актерству представляется для не знающих таинственного подвига его каким-то странным, загадочным, недостаточным во всех отношениях. Легко ли расстаться с мнением мира! И миру — как познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвиг вовсе неизвестен миру? То ли дело — находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимой ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкой наглостью, без всякой правильности, без толку и смыслу, с кровяным, вещественным, страстным разгоряченном, и по причине этого горестного, гибельного разгорячения. Святой, да и только! Издавна замечены вкус и влечение к таким в обществе человеческом.

Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее,— молились и достигали видений, разумеется ложных, упомянутым способом. Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести... Поведение подвижников латинства, объятых прелестью, было всегда исступленное, по причине необыкновенного вещественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись пред его взорами, по его желанию, ад или рай. Явление рая и ада совершалось не одним действием воображения человеческого: явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческому, совокуплявших действие с действием, пополнявших действие действием, на основании свободного произволения человеческого, избравшего и усвоившего себе ложное направление...»

Другой вид неправильной молитвы описывает святитель.

«Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Как исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не воссозданным десницей Святого Духа, так исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, божественными, когда оно еще вовсе неспособно для таких наслаждений. Сердце, усиливаясь вкусить божественную сладость и другие божественные ощущения и не находя их в себе, обольщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти. Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль огрехах, о греховности, о падении, о погибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа...

Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они сделались не только чуждыми Бога, но и исступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести ужасен: он одинаково душепагубен, как и первый, но менее явен: он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум и сердце. По производимому им состоянию ума, отцы назвали его

«мнением». Одержимый этой прелестью мнит о себе, сочинил о себе «мнение», что он имеет многие добродетели и достоинства, даже, что обилует дарами Святого Духа. «Мнение не допускает быть мнимому»,— сказал св. Симеон Новый Богослов. Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей: мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Необыкновенная напыщенность является в недугующих этой прелестью: они как бы упоены собой, своим состоянием самообольщения, видя в нем состояние благодатное. Они пропитаны, преисполнены высокоумием и гордостью, представляясь, впрочем, смиренными для многих, судящих по лицу, не могущих оценивать по плодам...

Нет спасения без покаяния, а покаяние принимается от Бога только теми, которые для принятия его продадут все имущество свое, то есть отрекутся от всего, что им ложно усвоилось «мнением».

Зараженные прелестью «мнения» встречаются очень часто. Всякий не имеющий сокрушенного духа, признающий за собой какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но рассуждающий о каком-либо догмате или предании произвольно, по своему усмотрению или по учению инославному, находится в этой прелести.

Должно бдительно наблюдать за собой, чтобы не приписать собственно себе какого-либо доброго дела, какого-либо похвального качества или особенной природной способности, даже благодатного состояния, если человек возведен в него, короче, чтобы не признать собственно за собой какого-либо достоинства.

Конечно, существуют и состояния духовные, производимые Божественной благодатью, при которых вкушается духовная сладость и радость, состояние, в котором открываются тайны христианства, в котором ощущается в сердце присутствие Святого Духа, в котором подвижник Христов сподобляется духовных видений, но существуют только в христианах, достигших христианского совершенства, предварительно очищенных и приуготовленных покаянием. Постепенное действие покаяния вообще, выражаемого всеми видами смирения, в особенности молитвой, приносимой из нищеты духа, из плача, постепенно ослабляет в человеке действие греха. Для этого нужно значительное время... Борьба со страстями необыкновенно полезна: она более всего приводит к нищете духа. Когда очень ослабеют страсти,— это совершается наиболее к концу жизни,— тогда мало-помалу начнут появляться состояния духовные, различающиеся бесконечным различием от состояний, сочиняемых «мнением». Духовные дарования раздаются с Божественной премудростью, которая наблюдает, чтобы словесный сосуд, долженствующий принять в себя дар, мог вынести без вреда для себя силу дара. Вино новое разрывает мехи ветхие! (Мф. 9, 17). Замечается, что в настоящее время духовные дарования раздаются с величайшей умеренностью, сообразно тому расслаблению, которым объято вообще христианство. Дары эти удовлетворяют почти единственно потребности спасения. Напротив того, «мнение» расточает свои дары в безмерном обилии и с величайшей поспешностью.

Общий признак состояний духовных — глубокое смирение и смиренномудрие, соединенное с предпочтением себе всех ближних, с расположением, евангельской любовью ко всем ближним, со стремлением к неизвестности, к удалению от мира...»[9, т. 1, с. 230-258].

Из этой очень важной, глубокой, основательной статьи владыки Игнатия здесь приведены только некоторые отрывки с целью указать самый общий характер тех опасностей и возможных уклонений, которые встречаются на пути молитвенном. Те, кто пожелают глубже знать причину прелести, пусть обязательно читает саму эту статью.

Но заметим здесь еще одну поразительную вещь, которая заставит нас быть еще и еще осторожнее в духовной жизни.

Святитель Игнатий, наверно, как никто из других святых отцов, особенно детально и точно исследует природу прелести в разных ее видах, он использует весь опыт древнего монашества, чтобы раскрыть множество всевозможных тонких бесовских козней, предостеречь от них последних христиан, которым предстоит вести духовную брань в

период особых искушений, когда необходима будет особая рассудительность и осторожность, чтобы не погибнуть. Но вот доказательство того, что одно знание, без смирения сердца не поможет избегнуть этой опасности: оказалось, что даже из самого учения о смирении и покаянии злые духи могут извлекать свои орудия.

Недавно произошел такой случай: монастырь посетил один инок, который несколько лет перед тем провел в пустынных местах, среди отшельников, в послушании у некоторого старца. Этот старец занимался необычным деланием плача, это делание он преподал своему ученику. (В той пустыне было и еще несколько монахов, разделявших то же учение и проводивших те же опыты.) Итак, инок стал делиться своим опытом с братьями монастыря, стал с горячностью говорить о значении покаянного плача, о том, что это есть главнейшее делание монаха, что в плаче только спасение, и т.д. Он приводил наизусть многие высказывания св. отцов о слезах, особенно же опирался на учение святителя Игнатия о плаче и покаянии, вспоминал наизусть целые его письма; в общем, изложил обширное, основательное, стройное учение о покаянном плаче, действительно очень похожее на учение об этом предмете св. отцов Церкви. Он убеждал монахов, что к плачу необходимо принуждать себя, что слезы даются чрез особый молитвенный труд и подвиг самоотречения и нежаления себя и т.д. Слушающие инока братья не могли не согласиться с его словами, но и не очень-то доверяли такой горячности инока. Наконец тот стал предлагать показать этот способ покаянного плача, которым занимаются в пустыне те старцы. Но при этом еще выяснилось, что для этого надо отойти подальше от обители — в горы, чтобы остальные братья монастыря не смутились. Это так насторожило монахов, что они отказались знакомиться с такими странными опытами. Разговор прекратился. Инок пошел куда-то погулять. Прошло некоторое время, каждый занимался своим делом. Вдруг горы окрест монастыря огласились каким-то странным воем, холодящим кровь завыванием, стонами, стенаниями; эхом носились эти звуки по ущелью от скалы к скале. Братья побросали дела, в недоумении прислушивались. Не сразу поняли, что это и есть то делание плача, что таким образом инок молился Иисусовой молитвой. Обитая где-то в безлюдной пустыне, среди скал и горного леса, те монахи, из числа которых был гость, в крошечных келейках, далеко отстоящих друг от друга, предавались таким отчаянным воплям, каждый день по многу часов оглашая окрестности стонами и рыданиями, проливая многие слезы, падая наконец от изнеможения. И такое истеричное занятие, основанное на взвинчивании своих нервов и самоупоении, казалось им истинным покаянным подвигом, преподанным святыми отцами[7].

Как удивительно, что такая сильнейшая форма прельщения свила себе гнездо там, где, казалось бы, все было направлено прямо против нее. Вспоминается здесь, как св. Антоний Великий духовно увидел все сети диавола, распростертые в мире, и воскликнул: «Горе человеческому роду. Кто возможет освободиться от этих сетей?» На это было ему сказано: «Смиренномудрие спасается от них, и они не могут даже прикоснуться к нему» [11, с. 43, сл, 202].

[7] Действительно, у святителя Игнатия есть такие советы относительно плача, которые несколько сходны с тем, что учат эти «старцы»: «Инокам крепкого телосложения возможно и полезно более усиленное понуждение и плачу и слезам; для них нужно, особенно в начале их подвига, слова молитвы произносить нлачевным гласом, чтобы душа, уснувшая сном смертным от упоении греховного, возбудилась на глас плачаи сама ощутил а чувство плача. Так плакал могучий Давид: Рыках от воздыхания сердца моего (Пс. 37, 9),— говорит он о себе,— «рыках» подобно льву, оглашающему пустыню воплем, в котором страшны и выражение силы, и выражение скорби. Для гласной молитвы и плача необходимо уединение, по крайней мере келейное: это делание не имеет места посреди братий, Из жизнеописаний св. отцов видно, что те из них, которые имели возможность, занимались гласным плачем, невольно раздававшимся иногда за стены келии, хотя они и заботились со всею тщательностью, чтобы всякое делание их оставалось тайной...» т.д. Безусловно, это святое учение, переданное св. Отцами, но какой здесь можно найти опасный повод к тому, чтобы извлечь из этого наставления только внешнее и, не имея смиренномудрия и истинного сокрушения о грехах, вдаться в нервное, кровяное, истеричное делание, воспаленные, надрывные движения души положить самоцелью, упиваться этим состоянием и почитать себя великим подвижником, вроде древних отцов.

ОТ КАКИХ ПРИЧИН БЫВАЮТ СЛЕЗЫ, И КОГДА ОНИ ПРАВИЛЬНЫ

О плаче находим у святых отцов очень много самых возвышенных слов и наставлений. Дар плача и слез признается ими одним из величайших даров Божиих, существенно нужных для нашего спасения. Причина слез — зрение и сознание своей греховности, нищета духа. Слезы, как дар Божий, служат признаком милости Божией, признаком принятого и принимаемого Богом покаяния.

Но и плач, как и другие делания духовные, может иметь под собой неверную основу, может проистекать от самых различных страстных помыслов и чувств. «Слезы, как свойство падшего естества, заражены недугом падения, подобно всем прочим свойствам. Иной бывает особенно склонен к слезам по природе и при всяком удобном случае проливает слезы: такие слезы называются естественными. Есть и греховные слезы. Греховными слезами называются слезы, проливаемые по греховным побуждениям. Такие слезы во множестве и с особенной легкостью проливаются людьми, преданными сладострастию. Слезы, подобные слезам сладострастных, проливают находящиеся в самообольщении и прелести; льются обильно слезы из тщеславия, лицемерия, притворства, человекоугодия. Наконец, проливает их злоба» [9, т. 1, с. 194].

Говорит Иоанн Лествичник: «Значение слез, особенно у новоначальных, темно и неудобопостижимо, они происходят от многих и различных причин: от естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, от памяти смерти и от многих других побуждений [4,сл. 7, ст. 32]. С богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия: и сие на опыте благочестно узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости» [4, сл. 7, ст. 26].

«Если мы в тех, которые думают, что плачут по Богу, видим гнев и гордость, то слезы таковых должны считать неправильными: «Кое бо общение свету ко тьме?» [4, сл. 2, ст. 29]. Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя 14, сл. 7, ст. 44]. Часто бывает, что и слезы надмевают легкомысленных; потому они и не даются некоторым. Таковые, стараясь снискать и не находя их, окаявают себя, осуждают и мучат себя воздыханиями и сетованием, печалью души, глубоким сокрушением и недоумением. Все сие безопасно заменяет для них слезы, хотя они ко благу своему вменяют это ни во что [4, сл. 7, ст. 47]. Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей: ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила заключено в сосуд» [4, сл. 7, ст. 35].

Святитель Феофан Затворник говорит: «Есть слезы от слабости сердца, от большой мягкости характера, от болезни, и насильно раздражают себя иные на плач, есть слезы и от благодати. Цена слез не водой, текущей из глаз, определяется, а тем, что бывает на душе при них и после них. lie имея благодати слез, не берусь рассуждать о них, догадываюсь только, что благодатные слезы состоят в связи со многими изменениями в сердце. Главное — сердце должно тогда гореть в огне суда Божия, но без боли и жжения, а с умилением, приносимым надеждой от престола милосердного Бога, судящего грех и милующего грешника. Также, думается мне, что слезы сии должны приходить уже под конец трудов, не внешних, а трудов над очищением сердца,— как последнее омытие или ополаскивание души. Еще — бывают они не час, не день и два, а годы. Еще есть, говорят, какой-то плач сердца без слез, но так же ценный и сильный, как и слезы. Последний лучше для живущих с другими, кои могут видеть» [14, письмо 2].

Обратим внимание на то, как святые отцы оберегаются тщеславия во всяком духовном делании: даже такой великий подвижник, затворник, молитвенник, как епископ Феофан (28 лет затвора, последние 11 лет каждый день служил литургию), говорит о себе, что он не имеет дара слез и поучает об этом делании с таким смирением, как бы он сам не стяжал плача, а знает об этом только от других. Конечно, этому святому отцу был открыт этот дар, как раз непризнание им за собой опытного знания плача, столь смиренное отношение к себе и есть свидетельство истинно покаянного духа. Истинно сокрушающиеся о своих грехах не дают цены своему плачу. Говорил отец Моисей: «Когда плачем, не будем возвышать глас воздыхания, да не уведает шуйца, что творит десница. Шуйца есть тщеславие» [11, с. 287, ст. 2].

Также встречается у святых отцов такой важный совет: те слезы, которые имеют основу не духовную, происходят от естества или даже от греховных побуждений, надо немедля прелагать на богоугодное, на правильное настроение, изменяя сами помышления, производящие слезы, т. е. приводить на память нашу греховность, неизбежную и неизвестную смерть, суд Божий,— и плакать уже по этим причинам [9, т. 1, с. 194].

По при этом: «Чудное дело! — замечает святой епископ Игнатий. — Те, которые по естественной наклонности проливали потоки беструдных бессмысленных и бесплодных слез, также те, которые проливали их по греховным побуждениям, когда захотят плакать богоугодно, внезапно видят в себе необыкновенную сухость, не могут добыть из глаз ни одной слезной капли. Из этого научаемся, что слезы страха Божия и покаяния суть дар Божий, что для получения их надо позаботиться, во-первых, о стяжании причины их». А «причина слез — зрение и сознание своей греховности» [9, т. 1, с. 194], как уже говорилось.

Приведем еще несколько слов тех же отцов.

Епископ Феофан: «Избави нас, Господи, от восторженных молитв. Восторги, сильные движения с волнениями, суть просто кровяные душевные движения от распаленного воображения. Для них Игнатий Лойола много написал руководств. Доходят до сих восторгов и думают, что дошли до больших степеней, а между тем все это мыльные пузыри. Настоящая молитва тиха, мирна; и такова она на всех степенях. У Исаака Сирианина указаны высшие степени молитвы, но не помечены восторги» [14, письмо 14].

Епископ Игнатий: «Должно держать себя в состоянии ровности, тишины, спокойствия, нищеты духа, удаляясь тщательно от всех состояний, производимых разгорячением крови и нерв. Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову для исторжения слез: такие слезы — от потрясения нервов, кровяные, не просвещающие ума, не смягчающие сердца. Ожидай с покорностью слезы от Бога... Придет слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от нее не покраснеют глаза,— кроткое спокойствие проливается на выражение лица» [10, письмо 88].

ЧТО ЗНАЧИТ «ТРУДИТЬСЯ БЕЗРАССУДНО»

Необходимо еще сказать несколько слов о телесных трудах, таких как физический труд, исполнение какого-либо послушания в монастыре или в храме, пост, стояние на молитве, поклоны, бдения и другие внешние подвиги. Каждый христианин должен ясно рассмотреть свое состояние, физическое и духовное,— каждому необходимо подобрать к себе упражнения, приемы духовной брани, конкретно ему подходящие. Затруднение в том, что для этого правильного подбора именно своих рецептов для каждой души, своих лекарственных средств, которыми можно уврачевать именно ее болезни, нужен искусный врач, знающий дело,— но таких очень и очень мало. Теперь чаще каждый сам хватает все известные ему действенные средства и усиленно начинает принимать их без всякого понятия об их назначении. Так поступают с постом, молитвой, бдением, трудами телесными, думая, что чем больше и интенсивнее их применять, тем быстрее достигается успех дела. Но эти дела хороши только тогда, когда они совершаются в точной мере, с точным правильным настроем, когда употребляющий их внимательно следит за тем, какое же они производят действие на сердце: смиряется ли оно этими трудами, умягчается ли, становится ли податливее для духовных занятий или же, наоборот, разжигается страстным увлечением, упивается самодовольством, напояет свое тщеславие, гордостно выказывает себя перед людьми, надмевается и ожесточается этими подвигами. Внешние подвиги особенно легко вводят в это состояние превозношения перед другими, так как они видны, заметны, мы сами не можем не примечать своих внешних выдающихся действий, тщеславие любит петь нам «славу» за такие геройства. От неправильных подвигов, не соотнесенных с целью их, то есть со смирением сердца, рождается самовлюбленность, эгоизм. Говорит святитель Феофан: «Эгоизм образуется от внешних подвигов без внимания к помыслам... Кто делает одни внешние подвиги, а себе не внимает, тот попадает в эгоизм: положит сколько-нибудь поклонов, сидит и мечтает: ну ныне мы потрудились. Видите, одолжили Бога. Или не поест досыта — и думает: так и

все святые: то есть хоть в святцы пиши... и прочее сему подобное. Существенно необходимы внешние подвиги, но останавливаться на них одних — беда!» [14, письмо 28].

Прежде всего: надо бояться делать что-либо напоказ; так, монахи египетские, когда какая-либо добродетель их делалась известной, уже не признавали ее добродетелью, но как бы грехом [11, с. 185, ст. 1].

Авва Исидор Пилусийский говорил монахам: «Подвизаясь успешно в посте, не превозноситесь этим. Если же вы тщеславитесь постом вашим, то лучше б было для вас есть мясо: не так вредно для монаха употребление мяс, как вредны гордость и надмение» [11, с. 222, ст. 6J.

«Будь ревностен, но в душе своей,— говорит Иоанн Лествичник,— нисколько не выказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком. И сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал уничижать ближнего. Если же ты на это не воздержан, то будь подобен братьям твоим и самомнением не отличайся от них» [4, сл, 4, ст. 81-82].

«Так как всем чрезвычайным питается тщеславие, и когда самые добрые дела надмевают нас, тогда, что само в себе есть врачество спасительное, делается для нас ядом убийственным» [4, Примечание].

Авва Исаия говорил: «Если совершаешь молитвы и подвиги со смиренномудрием, как недостойный, то они будут благоприятны Богу. Если же вспомнишь о другом спящем или нерадящем и превознесешься сердцем, то тщетен труд твой» [11, с. 119, ст. 10].

Авва Евфимий: «Если кто из новоначальных тщится явно и всенародно превзойти брата в посте и сердечном сокрушении, впадает в худшей грех. Первый пост — бегать самоволия и самозакония, добра своего не разглашать и не делать явно. Не в том воздержание — гнушаться пищей в укор брату своему. Лучше, не отрицаясь от малой еды при общей трапезе, блюсти крайне сердце и тайно бороться с тайными страстями. Образ внешнего и чувственного делания — Ветхий Завет, он же никого не делает совершенным. А Святое Евангелие есть образ внутреннего внимания; то есть — чистоты сердца» [11].

Один старец говорил: «Многие удручили подвигами плоть свою, но, сделав это без рассуждения, отошли из здешней жизни без всякого плода, без всякого приобретения. Наши уста смердят от поста; все Писание мы знаем наизусть; песнопения Давида столько усвоили мы себе, что они сделались как бы нашим произведением; но не имеем того, чего Бог требует от нас — смирения» [11, с. 362-362, ст. 88].

Иоанн Лествичник: «Как бы ни возвышенны были наши подвиги, но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны и тщетны» [4, сл. 7].

«Что значит трудиться безрассудно? — спрашивает епископ Игнатий, и отвечает: — Трудиться с плотским разгорячением, с тщеславием, с хвастовством, уничижением других братий, не могущих нести такого труда. Такой труд, как бы он ни был усилен, долговремен, полезен для обители в вещественном отношении, не только бесполезен для души, но и вреден, как наполняющий ее самомнением, при котором нет места в душе ни для какой добродетели» [9, т. 1, с. 310-311].

Для рассудительного делания отцы советуют точно соизмерять подвиги со своими силами, не слепо подражая древним отцам в подвижничестве, а перенимая самую суть их подвигов, их назначение, их принцип действия, а меру определять уже по себе.

«Если ты понудишь тело немощное на дела, превышающие силы его, то этим влагаешь в душу твою помрачение и приносишь ей смущение, а не пользу»,— сказал Исаак Сирин [2,сл. 85].

Авва Евагрий передал изречение одного старца: «Всякий подвиг должен быть благовременным и соразмерным. Подвиг, возложенный безвременно и несоразмерно с силами, может быть выдержан только в течение краткого времени, а всякое делание, совершаемое в продолжении краткого времени, потом оставляемое, более вредно, чем полезно» [11, с. 98, ст. 6].

Описывая дивные подвиги святых отцов в одном общежитии, св. Иоанн Лествичник заключает: «Удивляться трудам сих святых — дело похвальное; ревновать им — спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и

невозможное» [4, сл.4, ст.42].

«Добродетели наши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящую от немощей наших. Не должно от души своей, от своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать. Если потребуете сверх сил, то они обанкротятся, а оброк умеренный могут давать до кончины вашей, довольствуясь им, вы будете совершать себя до смерти и не умрете с голода»,— писал святитель Игнатий [10, письмо 21].

Приведем еще одно очень важное наставление о внешнем и внутреннем подвиге святителя Игнатия, изложенное им в письме, где особенно ясно излагается суть этого вопроса: «Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Другие вовсе не способны к телесным подвигам: все должны выработать умом, у них душа сама по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за орудия духовные. Бог является человеку в чистоте мысленной, достиг ли ее человек подвигом телесным и душевным или одним душевным. Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдет в душевный,— совершенно бесплоден,— более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит в высокое мнение о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровым и сильным телосложением, с него начинать — общее правило иноческое. Большая часть тружеников Христовых, уже по долговременном упражнении и укоснении в нем, начинают понимать умственный подвиг, который непременно должен увенчать и подвизающегося телесно, без чего телесный подвижник — как древо без плодов, с одними листьями.

Мне и тебе нужен другой путь (продолжает епископ Игнатий, обращаясь к иноку, которому пишет,— сам владыка был особенно многоболезнен, испытывал тяжкие телесные недомогания): относительно тела нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Все внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и сердце должны быть выправлены по Евангелию. Если же будем изнурять телесные силы по пустой кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержителями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи тела оставить многие сильные, существенно необходимые ему оружия— и потерпеть безмерный ущерб...» [10, письмо 92].

Очень ценный совет: мы должны приготовлять в себе телесными трудами почву для насаждения умственного и сердечного делания и прежде всего стараться сохранить ровность. Пост, бдение, молитва — все должно идти ровно, мерно, спокойно, не уклоняясь ни в какую крайность. Тогда создаются прекрасные возможности для внутреннего делания, для внимания и трезвения. В том же письме находим такой совет тому же иноку: «В молитвенном подвиге будь свободен... Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, то есть чтобы они произносимы были со вниманием и страхом Божиим... Тебе надобно умеренной наружной жизнью сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника» (там же).

Подобный же совет относительно поста находим у святителя Феофана: «Поста не чуждайтесь. Он — вещь прелюбезная. Только помалу... Обычно так, чтобы после еды все в душе оставалось по-прежнему, т. е. и та же теплота сердца, и та же светлость мысли. Это мерка» [14, письмо 27]. Скорее всего, такой же меркой можно размерять и все другие наши делания.

«Видно, что нашему времени уже не даны сильные, действенные подвиги внешние; об этом говорят многие последние отцы Церкви, да и у древних находим такие же пророчества о последних христианах: что те будут проводить жизнь очень слабую, даже и монахи, но спасаться будут терпеливым несением скорбей и искушений. Конечно, и те-

перь найдется множество смелых людей, способных на высокие подвиги,— но найдутся ли такие, которые способны разумно ими воспользоваться?! Внешние подвиги все более и более заменяются внутренними, не менее трудными, а внутренние — все более заменяются тяжкими скорбями и искушениями, окружающими христианина со всех сторон. Положение истинных христиан будет все более напоминать положение трех еврейских отроков в пещи вавилонской, объятых страшным, ревущим пламенем, и только чудом не сгоравших в нем. Сохранить правильное, кроткое, безропотное, молитвенное внутреннее свое состояние, сохранять сердце от скверн беснующегося мира, не изменить Православию — вот немалый подвиг в наше время. Сейчас уже вопрос состоит не в том, чтобы быть «хорошим» или «плохим» православным христианином, вопрос сейчас стоит так: сохранится ли наша вера вообще? У многих она не сохранится...» [19],— писал современник наш — отец Серафим Роуз († 1982).

Другой современный нам отец, игумен Никон († 1963), говорил: «Святые угодники объясняют нам, что в последние времена монашества не будет вовсе или кое-где хоть останется наружность, но без делания монашеского. Не будет никаких собственных подвигов у ищущих Царствия Божия. Спасаться же будут только терпением скорбей и болезней. Почему не будет подвигов? Потому что не будет в людях смирения, а без смирения подвиги принесут больше вреда, чем пользы, даже могут погубить человека, так как они невольно вызывают высокое мнение о себе у подвизающихся и рождают прелесть. Только при руководстве очень опытных духовных людей могли бы быть допущены те или иные подвиги, но их теперь нет, не найти. Руководителем является Сам Господь, да отчасти книги, кто имеет их и может понимать. Как же руководит Господь? — Попускает гонения, оскорбления, болезни, длительную старость с тяготой и немощами. Без смирения человек не может без вреда для себя получить и какие-либо дарования Божии. Вот почему и предсказано, что в последние времена ввиду усилившейся гордости люди будут спасаться только терпением скорбей и болезней, а подвиги от них будут отняты» [16, с. 116, 132-133].

По-видимому, те, кто теперь истинно ищет спасения души и желает охраниться от разных соблазнов и прелести, должны проводить жизнь самую скромную, все делать очень осторожно и соразмеренно, особенно хранить себя от всего показного и выдающегося, ненавидеть в себе тщеславие, по возможности скрывать свои подвиги от людей. Мы опять возвращаемся к временам как бы тайного, сокровенного христианства, должны скрывать свои добродетели, но не по причине гонения от язычников, а по причине гонения от страстей и лжи — как вовне, так и внутри нас.

После сказанного необходимо сделать еще одно предостережение: многие из нас, ясно увидев свои слабые силы, неспособность к правильному несению сильных, действенных внешних подвигов, охладив свой первоначальный душевный пыл, основанный на самомнении, могут впасть в такую крайность: вообще оставить внешние труды и упражнения; при всяком случае, требующем усилия и борьбы над собой, отсечения своей воли, самоотречения, оправдавшись немощью, убегать от этой брани, говоря: «Мы такие слабые, теперь не те времена, если мы начнем утруждать себя, то впадем в прелесть»; или: «С нас теперь малый спрос! лишь бы не грешить тяжко, а остальное— как-нибудь» и т. п. Ленивый, расслабленный, своевольный человек может с радостью схватиться за подобные вышеприведенным высказывания святых отцов, чтобы оправдать ими свое бездействие, со спокойной совестью предаться покою и небрежению, думая, что ему достаточно для спасения одного такого «смиренного» самовоззрения. Но на самом деле такое смирение может быть ложным. Истинно смиряется от своей немощи только тот, кто не жалеет себя, требователен к себе, бодрствует, но при этом наталкивается на свою немощь и познает чрез это свое падение. К таким-то и обращены предложенные советы, дабы придержать эту их ревность в рамках полезного. Бездельнику же, который постоянно ищет покоя и беспечности, оправдываясь немощностью, напомним другие высказывания отцовские.

Антоний Великий: «Непрестанно бодрствуй над собой, чтобы не быть обольщенным и сведенным в заблуждение, чтобы тебе не впасть в леность и нерадение, чтобы не быть отверженным в будущем веке. Горе ленивым! Приблизился конец их, и некому помочь

им, нет им надежды спасения» [11, с. 18, ст. 135].

Авва Исаия отшельник: «Возненавидь все мирское и самый телесный покой, потому что они соделывают тебя врагом Божиим. Как воин, имеющий сопротивника, сражается с ним, так и мы должны сражаться с телом, не допуская ему нежиться и расслабляться от излишнего упокоения» LH, с. 130, ст. 65].

Святитель Игнатий: «Подвижник должен поддерживать здоровье и силы тела настолько, чтобы тело сохраняло способность служить Богу. Чрезмерное развитие здоровья и дебелости в теле вводит его в тяжелое плотское состояние, возбуждает в нем скотоподобные движения и влечения в неодолимой силе, отнимает у него всю способность к ощущениям духовным. Тот, кто соделает свое тело легким посредством умеренного поста и бдения, доставит ему и самое прочное здоровье и соделает его способным принять в себя духовные движения, т. е. действие Святого Духа» [11, с. 132-133].

Святитель Феофан: «Кто держит себя как должно, тот трудится, себя не жалея, себе внимая, и возгревает в сердце религиозные чувства. Как только начнет он оттягивать от трудов по богоугождению, тотчас за сим следует блуждание мыслей и охлаждение сердца. Если не остановится, то быстро ниспадает в нерадение и беспечность, нечувствие и рассеянность. Это паралич душевный, или погружение души в смерть» [13, письмо 86].

«Везде потребно нам,— говорит св. Иоанн Златоуст,— усердие и многое разжение души, готовое ополчиться против самой смерти, ибо иначе невозможно Царствие получить» [Беседа 31 на Деяния].

«Не грех только плотской, но всякое угодие плоти в пище, питии, сне, покое, положении или пресекает духовные движения, или умаляет силу их напряжения» [13, письмо 14].

«Себя пожаление идет заодно с самоугодием и вообще с самолюбием и есть корень всех послаблений, опущений, равнодушия и беспечности. Слыхали вы фразу: живущий в нас грех? — Вот он-то и есть саможаление со свитой его. Если будете поблажать ему хоть иногда, то это всегда будет как параличом разбивать всякое предшествовавшими трудами стяжанное добро» [13, письмо 49].

«То правда, что саможаление и самоугодие не всякого ведут прямо к видимо худой жизни, но тем не менее всю жизнь делают бесплодной. Кто страдает ими, тот ни тепл, ни хладен, ни то ни се» [13, с. 286].

«Грех, живущий в нас,— корень и источник всех грехов,— есть самость или самолюбие. Первородные дщери его суть — саможаление и самоугодие. Чрез первое он всегда приводит ко второму и устрояет порядок и характер жизни, противоположной Богоугождению. Не подумай, что это образ жизни явно грешной. Нет! Эта жизнь исправна, только вся ведется из-за самоугодия. Саможаление и самоугодие допускают дела, относящиеся к Богоугождению, но под непременным условием, чтобы они не нарушали их покоя или и их питали. Таким образом иной и благочестив и добродетелен, а между тем опутан самоугодием. Такие услышат на суде: *«Не вем вас!»* ...Положили мы то и то делать, сознав то нужным в деле устроения спасения, и потому угодным Богу, а потом отказываемся от этого, не почему другому, как потому, что жачь себя, жаль от сна отнять нечто, жаль пищи немного не добрать, жаль потрудить себя и подобное... Пожалев себя, оставляем дела, какие по совести сочли нужными для себя в деле спасения. Следовательно, в этих действиях мы переходим от Богоугождения и содевания спасения к самоугодию, действуем поперек того, как положили действовать... Чаяли мы и Царствие получить и покойно жить, всласть себе: что не совместимо. У св. подвижников и говорится повсюду, что кто хочет как должно идти путем спасения, тот должен определить себя на смерть,— не на какие-либо лишения ничтожные, а на лишение даже самой жизни,— чтобы стоять в начатом до положения живота... Если ты поддаешься саможалению, то еще не отвергся себя, то еще и шагу не сделал по пути вслед Христа Господа. Только мысли и речи у тебя были об этом, а дело еще не последовало» [13].

Исаак Сирин: «Начало помрачения ума прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному обольщению; когда же лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки

противников своих...» [2, сл. 2].

«Остерегайтесь праздности: потому что в ней сокрыта верная смерть,— и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить нас. В день оный Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что опущением сего дается вход бесам. А когда, нашедши себе место, они войдут и заключат двери очей наших, тогда мучительски исполняют на нас то, что подвергает Божиему осуждению и жесточайшему наказанию...» [1, т. 2, с. 516, ст. 229].

«Блюдись поблажать себе в малом, чтобы не дойти до поблажек в большом и до великих падений. И малая небрежность, как сказал некто, нередко ведет к великим опасностям. И в малом и незначительном быть всегда трезвым — вот мудрость» [1, т. 2, ст. 239].

Святитель Игнатий: «Свойство пожеланий человеческих таково, что необходимо научиться побеждать их на мелочах. Приучившийся побеждать мелочные пожелания обуздает и великие. Побеждающийся малыми пожеланиями победится непременно и великими. Невозможно преодолеть ни страсти вожделения, ни страсти гнева, не научившись побеждать вообще все пожелания, чем исключительно исправляется испорченность воли» [11, с. 449].

Феофан Затворник: «Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух, шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие...

Итак, ясно, что без ревности христианин — плохой христианин, вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, пи хладен, — и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу».

Так что каждый из нас, имея в виду все сказанное, должен найти свой путь, свою меру.

КАК СМИРЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЛОЖНЫМ

Здесь часто повторялось: надо смиряться, ищи прежде всего смирения и т. п. Но надо сказать, что и смирение может быть ложным.

Во-первых, надо точно различать смирение от смиренномудрия, а смиренномудрие от смиреннословия. Смирение есть одна из высших евангельских добродетелей, превысшая человеческого постижения. Смирение божественно, оно есть учение Христово, свойство Христово, действие Христово. Иоанн Лествичник говорит, что одни водимые Божиим Духом могут удовлетворительно рассуждать о смирении. Желающий приобрести смирение должен с тщательностью изучать Евангелие и с такой же тщательностью исполнять все заповедания Господа нашего Иисуса Христа, Делатель евангельских заповедей может прийти в познание своей собственной греховности и греховности всего человечества, наконец, в сознание и убеждение, что он грешнейший и худший всех человеков. Смирение есть сердечное чувство.

Смиренномудрие же есть образ мыслей, заимствованный всецело из Евангелия от Христа. Сначала должно приобучаться к смиренномудрию, по мере упражнения в смиренномудрии, душа приобретает смирение [9, т. 1, с. 306]. Смирение даруется душе Богом, это уже действие благодати Божией, смиренномудрием же мы приготовляем себя к смирению, показываем Господу наше желание иметь святое смирение. Смиренномудрствуя, христианин старается делать все так, как бы он уже имел смирение— в отношениях с близкими, во всех своих действиях, в помыслах, хотя душа его еще не смирилась, ему приходится держать себя в смиренном настроении через принуждение, все время удерживая все свои дерзкие порывы. Но это не есть притворство и фальшь, так как здесь цель та, чтобы этим поведением действительно стяжать смирение, и, конечно, для этого надо вести себя скромно, говорить тихо, ходить спокойно, не спорить, не выказываться и т. д.

Но очень похоже на смиренномудрие смиреннословие. По большей части действия его как будто те же, видится снаружи так же, но внутри совсем иное. Смиреннословие имеет внутри другую цель, оно желает показаться людям смирением, с этой целью принимает смиренный вид, потупляет взор, говорит тихие, скромные слова: во всем виде тихость и

сдержанность; или же говорит о себе обличительные фразы — все это напоказ, ради мнения человеческого.

«Сколько полезно укорять себя и обвинять в греховности пред Богом, в тайне душевной клети, столько вредно делать это пред людьми. В противном случае мы будем возбуждать в себе обольстительное мнение, что мы смиренны»,— говорит епископ Игнатий. Он замечает интересную вещь: миру очень не нравится истинное смирение в людях, а ложное, притворное всегда очень привлекает его. Святитель пишет: «Преуспевшие в монашеской жизни стяжают особенную свободу и простоту сердца, которые не могут не вынаруживаться в их обращении с ближними. Они не нравятся миру! он признает их гордыми... Мир ищет лести, а в них видит искренность, которая ему не нужна, встречает обличение, которое ему ненавистно» [9, т. 1, с. 317].

Замечено, что истинно смиренные люди, любящие ближних, не заботятся о внешнем впечатлении своем на них, они внимают душе своей и заняты тем, чтобы действительно исполнить по отношению к ближнему Христовы заповеди; внешнее обращение таких людей бывает очень сдержанное, иногда кажется даже чрезмерно суровым или жестоким. Но само время потом открывает, что эти люди проявили искреннюю заботу о ближних, действительно сострадали и оказали помощь. А лицемеры, притворщики, лжесмиренные часто бывают необыкновенно радушны, милы, услужливы; но, случись скорбь, беда, затруднение, — они окажутся далекими, холодными и чужими, безразличными ко всем страданиям близких. Это-то и есть закваска фарисейская, беречься которой заповедовал Своим ученикам Господь наш Иисус Христос.

КАК НАУЧИТЬСЯ РАСПОЗНАВАТЬ ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ СТРАСТЕЙ И КОЗНИ ЛУКАВЫХ ДУХОВ

У многих святых отцов, опытно прошедших все ступени духовной брани, находим очень важные, тонкие, проницательные замечания, раскрывающие разнообразные личины страстей, их прикрытые лукавством ходы и лазейки, без знания которых успех в духовной битве почти невозможен. Или мы должны иметь опытного руководителя, хорошо знающего все эти тонкости и хитросплетения вражеские, или сами, изучая писания святых отцов, должны иметь в виду все эти возможные уловки наших врагов — страстей и демонов, иначе невозможно не впасть в их сети. Так важно в духовной жизни следование святым отцам, постоянное, внимательное обучение этой науке из их аскетических опытов, описанных во многих душеполезных писаниях.

К примеру, из книги святого Иоанна Лествичника узнаем следующие очень важные вещи: узнаем, что обычно бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу. Во-вторых, когда в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по воле Божией. А если и в сем не получают успеха: тогда уже, тихим образом приступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем богоугодно [4, сл. 26, ст. 8].

Как, черпая воду из источников, иногда неприметно зачерпываем и жабу, так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетенные с ними страсти. Например: со страннолюбием сплетается объедение, с любовью — блуд, с рассуждением — коварство, с мудростью — хитрость, с кротостью — тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание; с молчанием сплетается кичливость учительства, с радостью — возношение, с надеждой — ослабление, с любовью — опять осуждение ближних, с безмолвием — уныние и леность, с чистотой — чувство огорчения, со смиренномудрием — дерзость. Ко всем же сим добродетелям прилипает тщеславие, как отрава [4, сл. 26, ст. 58]. Дух тщеславия радуется, когда видит умножение добродетелей, так как дверь тщеславию — умножение трудов [4, сл. 22, ст. 5]. Мы тщеславимся, когда постимся; но когда разрешаем пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание,— опять тщеславимся, считая себя мудрыми. Побеждаемся тщеславием, одеваясь в хорошие одежды, но и, в худые одеваясь, опять тщеславимся. Станем говорить — побеждаемся тщеславием; замолчим — и опять им же побеждаемся. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх [4, сл. 22, ст. 5]. Скверное тщеславие научает нас

принимать образ добродетели, которой нет в нас, убеждая, что это необходимо для пользы ближних, как сказано: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела* (Мф. 5, 16) [4, сл. 22, ст. 37]. Тщеславие делает гневных кроткими перед людьми. Оно удобно присоединяется к естественным дарованиям и через них нередко низвергает окаянных рабов своих [4, сл. 226, ст. 26]. Гордость часто даже благодарит Бога и в этом благодарении находит себе пищу, так как она поначалу не явно отвергает от Бога, но под видом такого благодарения оправдывает свое возношение. Многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия и только при исходе из сего мира усматривают свое убожество [4, сл. 23, ст. 3, 36]. Иногда находящегося среди мира страсти не беспокоят оттого, что он уже вдоволь насытился ими, видя и слыша греховное; или же оттого, что бесы намеренно отступают, оставляя духа гордости, который с успехом заменяет собой всех прочих [4, сл. 15, ст. 62]. Но есть и ложное смирение, когда называют себя грешниками, даже, может, и думают о себе так — но уничижение от других показывает иное, что внутри-то они о себе высокого мнения [4, сл. 25, ст. 34]. Бесы часто преобразуются в ангела света и в образ святых и мучеников и представляют нам во сне, будто мы к ним приходим, а когда пробудимся, то приводят нас от впечатления сна в радость и возношение [4, сл. 7, ст. 48]. Также от частого псалмопения и во время сна приходят на ум слова псалмов, но иногда и бесы представляют их нашему воображению, чтобы привести нас в гордость [4, сл. 20, ст. 20]. Бесы — пророки во снах: будучи пронырливы, из обстоятельств они заключают о будущем и открывают нам это во сне, чтобы мы, когда виденное исполнится, удивились и думали о себе, что уже стали прозорливыми [4, сл.3, ст. 27]. Иногда же бес тщеславия внушает одному брату какие-либо помыслы, а другому открывает об этих помыслах и подстрекает объявить ему, что у него на сердце, и через это ублажает его как прозорливца [4, сл. 22, ст. 22]. Иногда страсть тщеславия внушает выказать добродетель воздержания в пище, а страсть объедения понуждает разрешить — и между ними устраивается целая ссора из-за бедного человека [4, сл. 14, ст. 9].

Монаху, по отречении от мира, бесы часто приносят помыслы, ублажающие тех, кто в миру совершает подвиг сострадательности и милосердия, а его жизнь в монастыре представляют лишенной таких добродетелей и потому ничтожной: через такое ложное смирение влекут его в мир [4, сл. 2, ст. 3]. Или же приходит лукавая мысль: не уходить из мира, но там, находясь среди искушений, но не поддаваясь им,— проводить честное житие, это, мол, подвиг высший монашеского и достоин большей награды (цель же врага — среди соблазнов скорее погубить человека) [4, сл. 36, ст. 10].Когда монах на год или на несколько лет удалится от своих родных, знакомых и приобретет некоторое умиление, благоговение, воздержание, тогда начинают приходить к нему суетные помыслы — идти в свое отечество для назидания тех, кто видел раньше его соблазнительное поведение, чтобы теперь их своим примером учить и спасать, на самом же деле, чтобы он опять впал в те же страсти,— такова затея диавола [4, сл. 3, ст. 11, 26].Также и во сне демоны часто показывают ему его страдающих родных или находящимися в болезнях, чтобы монаха тянуло в мир, чтобы лишить его внимательной жизни Г4, сл. 7, ст. 68]. А у иных монашествующих, когда они бывают в городах и среди молвы возбуждаются слезы умиления — и это дают им бесы, чтобы они думали, что и там они могут прекрасно молиться и не получать вреда, и чтоб без страха сближались с миром [4, сл, 4, ст. 118]. На безмолвника бесы блуда нападают с особой силой, внушая ему, что он никакой пользы от своей пустыни не получает: но от находящегося в миру монаха они часто отходят, чтоб, видя себя свободным от брани, он предпочел оставаться с мирскими [4, сл. 5, ст. 61]. Послушникам диавол внушает желание безмолвия, крайнего поста, неразвлекаемой молитвы, совершенного нетщеславия, незабвенного памятования смерти, всегдашнего умиления, превосходной чистоты и влечет их перескочить через предлежащие степени, чтобы они искали совершенств прежде времени и через это не получили их и в свое время. А пред безмолвствующим обольститель сей ублажает страннолюбие послушников, их служения, братолюбие, служение больным и т. д., чтобы этим и тех сделать нетерпеливыми [4, сл. 4, ст. 118]. Когда кто, живя в общежитии, впадет в искушение, бесы немедленно начинают советовать ему в помыслах идти на безмолвие. Находящихся в

повиновении они иногда оскверняют телесными нечистотами, делают окамененными сердцем и тревожными, наводят сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость, омрачение, чтобы внушить им, будто они никакой пользы не получают от своего повиновения, а, наоборот, идут вспять, чтобы этим отторгнуть их от подвига послушания. А тем, которые благодаря своему послушанию исполнились сердечного умиления, стали кроткими, воздержанными, усердными, свободными от браней и страстей, ревностными,— которые сделались такими чрез покров своего отца, бесы вкладывают мысль, что они уже сильны к безмолвию и могут через него достичь совершенства и бесстрастия. Таким образом — из пристани уводят их в бурное море и погружают на дно [4, сл. 4, ст. 69, 57, 58]. Бесы часто возбраняют нам делать легчайшее и полезное, а между тем побуждают предпринять труднейшее [4, сл. 26, ст. 164J, но познавший себя никогда не бывает поруган, чтобы предпринять дело выше своей силы [4, сл. 25, ст. 50].

Многообразно и неудобопостижимо лукавство нечистых духов, и немногими видимо, да и теми не вполне, например: отчего бывает, что мы иногда, и наслаждаясь, и насыщаясь, бдим трезвенно, а находясь в посте и злострадании, сильно отягощаемся сном? Отчего в безмолвии чувствуем сердечную сухость, а пребывая с другими, исполняемся умиления? Отчего, будучи голодны, претерпеваем искушения во сне: а насыщаясь, бываем свободны от сих искушений? Отчего в скудости и воздержании бываем мрачны и без умиления: когда же, напротив, пьем вино, тогда бываем радостны и легко приходим в умиление?.. [4, сл.26, ст. 127].

Во время молитв лукавый дух напоминает о нужных делах и всячески старается отвлечь от собеседования с Господом под любым благовидным предлогом или производит дрожание, боль в голове, жар, боль в животе. Как только кончается время молитвы — все это исчезает [4, сл. 13, ст.7-8]. Находящегося в блудном искушении волк сей обманывает, производя в душе его бессловесную радость, слезы и утешение, и тот думает, что это благодать, а не тщета и прелесть. При псалмопении иногда происходит сладость не от словес Духа, а от беса блуда. Некоторые от души молятся о своих возлюбленных, будучи движимы духом блуда, а думают, что исполняют долг памяти и закон любви. Склонные к сладострастию часто бывают сострадательны и милостивы, скоры на слезы и ласковы: но пекущиеся о чистоте не бывают таковы [4, сл. 15, ст. 42, 48, 49, 46].

Иногда бесы отступают от души, чтобы ввести ее в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она после того уже сама себе наветует и противоборствует [4, сл. 26, ст. 64]. Часто диавол все усилие и старание направляет на то, чтобы монашествующие были боримы противоестественными страстями. Поэтому некоторые из них, бывая в обществе с женским полом и не боримые при этом похотными помыслами, ублажают себя, не разумея того, что где есть большая пагуба, там в меньшей нет нужды. Еще бес плотского сладострастия весьма часто вовсе скрывает себя, наводит на инока крайнее благоговение, производит источники слез, когда он сидит среди женщин или беседует с ними, подстрекает его учить их памятованию о смерти, о последнем суде, хранению целомудрия, чтобы привлечь их к нему, как к пастырю, но затем, от близкого знакомства получивши дерзновение и воспламенившись внезапно страстью, он наконец подвергается жестокому падению. Иногда, сидя с женщинами за столом или находясь в их обществе, монах не имеет никакого худого помышления, но когда он после этого, уверенный в себе, мечтающий, что уже имеет «мир и утверждение», приходит в свою келию, то неожиданно падает в грех, уловленный диаволом [4, сл. 15, ст. 29, 63, 50].

Бывает, что, когда мы насытимся, бесы в нас возбуждают умиление, а когда постимся — ожесточают нас, горько насмехаясь над нами, чтоб мы, прельстившись ложными слезами, предались наслаждению [4, сл. 7, ст. 48]. Бесы под видом того, чтобы мы скрывали добродетель поста,— понуждают без меры есть и пить, когда к нам приходят другие [4, сл, 14, ст. 8]. Когда бесы видят, что мы, услышав смехотворную речь, хотим скорее отойти от вредного рассказчика, тогда влагают в нас ложно-смиренные мысли: «не опечаливай его»,— внушают они, или: «не выставляй себя более боголюбивым, чем прочие» и т. д. — но не должно им верить, а скорее отскочить прочь [4, сл. 12, ст. 5]. До

падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения — жестоким [4, сл. 5, ст. 31]. Иногда, вовремя нашего гнева, лукавые бесы скоро отходят от нас, чтобы мы вознерадели об этой вредной страсти, как некоторые говорят: «Я хоть и вспыльчивый, но скоро отхожу», и таким образом болезнь эта может сделаться неисцельной [4, сл. 8, ст. 9, 21J. Также многим из таковых диавол дает силу усердно упражняться во бдении, посте и безмолвии и под видом покаяния и плача подлагает им вещества, питающие их страсть [4, сл. 15, ст. 62]. Сребролюбие часто начинается под видом раздаяния милостыни нищим, а оканчивается ненавистью к ним и т.д.

Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные писания. Они обыкновенно делают это в сердцах тщеславных и еще более в обученных внешним наукам, чтобы, обольщая их, мало-помалу ввергнуть наконец их в ереси и хулы. Мы можем узнавать сие бесовское богословие, или — лучше сказать — богоборство, по смущению, по нестройной и нечистой радости, бывающей в душе во время сих толкований... [4, сл. 26, ст. 151].

Такие и многие подобные разоблачения демонских козней часто узнаем из писаний святых отцов Церкви. Вот почему так важно изучение и знание святоотеческой аскетической науки, конечно же — для самого прямого практического пользования ею в нашей жизни. Значит, как глубоко заблуждаются те, которые считают, что изучение отцов, жизнь по их руководствам уже не подходит для нашего времени. Но мы без этого знания более жалки, чем слепой, оказавшийся в густом лесу без проводника. Другое дело, что правильно применить это учение не так просто. Опять же необходима большая осторожность и рассудительность. Святые отцы в своих советах и наставлениях часто как будто противоречат друг другу, говорят и советуют разное, даже противоположное, но это не так. Точно определить и указать путь каждому человеку общими советами невозможно: путь духовной жизни каждого очень индивидуален, но святые отцы определяют нам одни направления, очерчивают границы безопасной местности, указывают пропасти и трясины. Иногда громкими призывами то к одному направлению, то к иному они ограждают нам как бы безопасный коридор, предохраняя нас как от одной крайности, так и от другой. Выбор же самого пути, также разных способов этого путешествия остается за каждым идущим — по его особенностям и способностям. Но без этого отцовского опыта мы непременно заплутаем!

«Никто так не опасен для нас, как мы сами!» [9, т. 4, письмо 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из всего сказанного здесь о разных духовных добродетелях и подвигах становится очевидно, как мы должны мало доверять своему разуму, сердцу, своим добрым делам и вообще всему, что нам может казаться похвальным в нас самих. Остается еще предупредить об одной возможной крайности: именно чтобы тогда, когда мы подвергнем пересмотру и переоценке все наши добродетели и найдем, что большая часть их или же все они нечисты, осквернены, не могут быть угодны Вогу по своей нечистоте; когда мы, встав на путь недоверия к себе, начнем обнаруживать великое множество тайных недугов своей души и в конце концов увидим, что совершенно никуда мы не годимся в настоящем нашем состоянии,— чтобы тогда не впасть нам в уныние и расслабление, не опустить рук от зрения той безобразной картины, которая откроется в нашем сердце. В духовной брани это известное оружие злых сил: кого они не смогут увлечь в прелестное, самодовольное, восторженное состояние, тех, наоборот, вовлекают в состояние безнадежное, холодное, нечувствительное, ожесточенное. Почти каждый искренний, самоотверженный, ищущий истинного смирения христианин обязательно проходит через этот скорбный, пустынный, безводный этап пути. И как раз в этом искушении выказываются настоящее мужество, вера, молитвенное взыскание Бога, упование на Него. Часто к нашим естественным немощам, к недугам души, к ее томлениям, тяготам, печалям злые духи присоединяют еще большее мучительнейшее томление, муку, скорбь, изнеможение, так что это состояние бывает крайне тяжелым и невыносимым. Но без этих скорбей не обойтись на пути ко спасению.

У святых отцов так много говорится о благодушном терпении этих внутренних

скорбей, об огромной пользе от них душой о необходимости терпения таких скорбей, что здесь уже об этом повторять излишне. Приведем только несколько слов о том, что надо быть снисходительным к своим немощам и не требовать от себя чрезмерного.

У Никодима Святогорца читаем: «Не на Фавор только охотно иди вослед Господа, но и на Голгофу, то есть — не тогда только, когда чувствуешь внутрь себя Божественный свет и духовные утешения и радости, но и когда нападают омрачения, скорби, туги и горечи, которые приходится иной раз вкушать душе от демонских искушений, внутренних и внешних. Пусть даже охлаждение это будет сопровождаемо таким омрачением и смущением, что ты не будешь знать, что тебе делать и куда обратиться, не бойся и при этом; но стой твердо в своем чине... Случается иной раз, что тогда, как душа томится в таком охлаждении, таком безвкусии ко всему духовному, враг нападает сильнее, воздвигая дурные помыслы, срамные движения и прельстительные сновидения. Цель у него та, чтоб, вдавшись в нечаяние от чувства оставления Божия, человек опустил руки и склонился на что-либо страстное, ибо после сего ему уже легко увлечь его опять в водоворот греховной жизни. Зная сие, стой твердо. Пусть бушуют волны греховные окрест сердца: но пока есть у тебя нехотение греха и желание пребыть верным Богу, кораблик твой цел» [7, ч.2, гл. 7].

«Много пользы доставляет душе такое огорчение и эта сухость сердца или оскудение духовной радости и сладости, когда принимаем их и переносим со смирением и терпением... Ибо душа, находясь в состоянии такой сухости, вкушая эту горечь и страдая от таких искушений и помыслов, о которых одно воспоминание приводит в трепет, отравляет сердце и совсем почти убивает внутреннего человека,— душа научается не доверять себе и не полагаться на свое благонастроение и приобретает истинное смирение, которого так желает от нас Бог...» [7, ч. 2, гл. 24].

«Если случится тебе впасть в какое-либо простительное погрешение делом или словом, именно: обеспокоиться какой-либо случайностью, или осудить, или услышать, как осуждают другие, или поспорить о чем, или испытать движение нетерпения, суетливости и подозрения других, или понебречь о чем, то не следует крайне смущаться или скорбеть и отчаиваться, помышляя о том, что ты сделал, тем более прилагать к тому печальные о себе думы, что верно тебе никогда не освободиться от таких слабостей, или что сила твоего произволения работать Господу слаба, или что ты не как следует шествуешь путем Божиим, обременяя душу свою тысячами и других страхов, от малодушия и печали... И все это происходит, оттого что мы забываем о своей естественной немощи и выпускаем из виду, как следует душе относиться к Богу, именно что когда душа впадает в какое-либо простительное и несмертное погрешение, то ей следует со смиренным покаянием уповательно обращаться к Богу, а не томить себя излишней о том печалью, тугой и горечью... [7, ч. 2, гл. 26]. Кто не полагается на себя, но уповает на Бога, тот, когда падет, не слишком дивится сему и не подавляется чрезмерной скорбью; ибо знает, что это случилось с ним конечно по немощности его, но паче по слабости упования его на Бога. Поэтому вследствие падения усиливает ненадеяние свое на себя, паче же тщится усугубить и углубить смиренное упование свое на Бога и спокойно и мирно несет покаянные труды... Чем же скорбь павших мрачнее и безотраднее, тем обличительнее, что они слишком много уповали на себя и очень мало на Бога: оттого скорбь падения их и не растворяется никакой отрадой» [7, ч. 1, гл. 4].

Святитель Игнатий говорит: «О таковых ежедневных и ежечасных падениях не должно безмерно печалиться, ибо это хитрость врага, хотящего безмерной печалью ввести в душу расслабление. О таких-то прегрешениях говорит Серафим Саровский, что не должно себя осуждать, когда случится преткновение, но, думая о себе, что мы способны ко всем грехам, что наше преткновение не есть новость и необычность, ходить пред Богом в сокрушении духа, исполненного мыслей покаяния. Это-то Бог не уничижит, т.е. сердце сокрушенное и смиренное поставит превыше преткновений [10, письмо 51]. Не только относительно тела, но и относительно души не все бывает так, как мы хотим, а большая часть зависит от обстоятельств. Почему, по возможности отклоняя причины расслабления, зависящие собственно от нас, надо пребывать мирным, повергая себя с немощами своими в пучину милосердия Божия [10, письмо 22]. Добродетели наши

должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящую от немощей наших. Не должно от души своей, от своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать [10, письмо 21J. Будьте снисходительны к душе вашей в ее немощах: излишняя строгость отвлекает от покаяния, приводит в уныние и отчаяние [10, письмо 15]. Пока мы на пути, пока не взошли в пристанище неизменяемой вечности, мы должны ожидать в себе и в своих обстоятельствах изменений, переворотов, скорбей обыкновенных и нечаянных. Некоторый преподобный отец сказал: «За все слава Богу,— за самые немощи наши; потому что лучше быть грешником и видеть себя таковым, нежели быть по наружности праведником и почитать себя таковым» [10, письмо 18].

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕР ПОКАЯННОГО САМОВОЗЗРЕНИЯ

Из псалмов преподобного Ефрема Сирина злые навыки опутывают меня как сети, и я радуюсь, что связан. Погружаюсь в самую глубину зла, и это веселит меня. Враг ежедневно обновляет узы мои, потому что видит, сколько рад я разнообразию сих уз.

То и достойно рыдания и плача, в том и позор и стыд, что связан я своими хотениями. И еще ужаснее то, что связываю себя теми узами, какие налагает на меня враг, и умерщвляю себя теми страстями, какие его радуют.

Зная, однако ж, коль страшны узы сии, тщательно скрываю их от всех зрителей под благовидной наружностью. На вид облечен я в прекрасную одежду благоговения, а душа опутана срамными помыслами. Пред зрителями я благоговеен, а внутри исполнен всякого непотребства. Совесть моя обличает меня в этом,— и я будто и хочу освободиться от уз своих и каждый день сетую и воздыхаю о сем,— но все оказываюсь связанным теми же сетями.

Жалок я: жалко и ежедневное покаяние мое, потому что не имеет оно твердого основания. Каждый день полагаю основание зданию,— и опять собственными руками своими разоряю его.

Покаяние мое не положило еще доброго начала; злому же нерадению моему не видно конца. Порабощен я страстям и злой воле врага, губящего меня.

Выжидаю в надежде покаяния и обманываю себя сим суетным обещанием, пока умру. Всегда говорю: покаюсь, и никогда не каюсь. На словах будто усердно каюсь, а делами весьма далек от покаяния.

Что же будет со мной в день испытания, когда Бог откроет все пред судилищем Своим! Конечно, осужден буду на муки, если здесь слезами не умилостивлю Тебя, Судию моего.

После того как уже приобрел я познание истины, стал я убийцей и обидчиком, ссорюсь за малости, стал завистлив и жесток к живущим со мной, немилостив к нищим, гневлив, спорлив; упорен, ленив, раздражителен, питаю злые мысли, люблю нарядные одежды; и доныне еще очень много во мне скверных помыслов, вспышек самолюбия, чревоугодия, сластолюбия, тщеславия, гордыни, зложелательства, пересудов, тайноядения, уныния, соперничества, негодования.

Не значу ничего, а думаю о себе много; непрестанно лгу и гневаюсь на лжецов; оскверняю свой храм блудными помыслами и строго сужу блудников; осуждаю падающих, а сам непрестанно падаю; осуждаю злоречивых татей, а сам и тать и злоречив. Хожу со светлым взором, хотя весь нечист.

В церквах и за трапезами хочу быть на первом месте. Вижу иноков и величаюсь; вижу монахов и кичусь. Домогаюсь того, чтобы казаться приятным для женщин, величавым для чужих, смышленым и благоразумным для своих, совершеннейшим для благоразумных; с благочестивыми обхожусь, как мудрейший, неразумных презираю, как бессловесных.

Если оскорблен, мщу; если почтен, гнушаюсь почтившим; если требуют чего от меня

по праву, начинаю тяжбу; а кто говорит мне правду, тех почитаю врагами. Обличаемый, гневаюсь; но если льстят мне, не совсем недоволен.

Не хочу почтить достойного, а сам, будучи недостоин, требую почестей. Не хочу утруждать себя, а если кто мне не услужит, гневаюсь на него. Не хочу идти вместе с работающими, а если кто мне не поможет в деле, злословлю его.

Брату, когда он в нужде, горделиво отказываю, а когда сам нуждаюсь, обращаюсь к нему. Ненавижу больного, а когда сам болен, желаю, чтобы все любили меня. Высших знать не хочу, низших презираю.

Если удержу себя от неразумного пожелания, тщеславлюсь; если преуспеваю в бдении, впадаю в сети непокорности и прекословия; если воздержусь от снедей, утопаю в кичливости и высокомерии; если неусыпен в молитве, препобеждаюсь раздражительностью и гневом; если вижу в ком добродетель, не останавливаюсь на нем вниманием.

Презрел я мирские приятности, но не отстаю от суетного пожелания оных. Если вижу женщину, развеселяюсь. По наружности смиренномудрствую, а в душе высокоумствую; по видимому не стяжателен, а на самом деле страдаю любоиманием. И к чему распространяться? По видимому отрекся я от мира, а на деле опять все думаю о мирском. Во время службы занимаюсь все разговорами, блужданием помыслов, суетными припоминаниями. Во время трапезы вдаюсь в пустословие, имею алчность к подаркам, принимаю участие в чужих падениях, вдаюсь в гибельное соперничество.

Такова моя жизнь! Сколько худого противополагаю я своему спасению! И мое высокомерие, мое тщеславие не дозволяет мне подумать о своих язвах, чтобы уврачевать себя. Вот мои доблестные подвиги! Таким множеством грехов ополчается на меня враг! И при всем том я домогаюсь прославиться святостью, окаянный. Живу во грехах, а желаю, чтобы почитали меня праведником.

Одно у меня оправдание во всем этом: диавол опутал. Но это не послужило в оправдание Адаму. Конечно, и Каина научил диавол; но и он не избежал осуждения. Что же буду делать, если посетит меня Господь? Никакого нет у меня оправдания в нерадении моем.

Увы, возобладавший мной грех нашел во мне пажить свою, и с каждым днем более и более унижает и погружает меня во глубину свою; и я, окаянный, не престаю прогневлять Бога, не страшась оного неугасимого огня, не трепеща нескончаемых мучений.

О, какая власть надо мною греховных страстей! О, какое господство злохитрого и коварного змия! Действуя по природе, он входит в торг, дает залог, чтобы продать ум самому греху. Убеждает меня угождать плоти, под предлогом употреблять ее на служение душе; и я препобеждаюсь сластолюбием и, предавшись тотчас невоздержному сну, совершенно лишаюсь ее услуги. Когда молюсь, внушает мне мысль о каком-либо ничтожном удовольствии и ею, как медной цепью, держит слабый ум мой — и не ослабляет уз, хотя он и порывается бежать.

Так грех блюдет под стражей ум и запирает от меня дверь ведения. Враг непрестанно наблюдает за умом, чтобы не пришел он в согласие с Богом и не воспрепятствовал продать плоть; для того приводит множество перепутанных помыслов, уверяя, что на суде и вопроса не будет о такой малости, что невозможно даже быть и ведению о сих помыслах и что все, подобное сему, предано будет забвению. Но я представляю пред взор себе обличение свое и знаю, что мне угрожает наказание.

Смотрю я, Господи, на грехи свои и сетую, видя их многочисленность. Увы, как это постигло меня такое бедствие. Язык мой говорит прекрасно, а поведение мое срамно и презренно. Горе мне в тот день, когда откроются тайны!

Весьма прекрасны слова мои для других, а дела мои отвратительны. Других учу порядку в мире, а сам, несчастный, предаюсь страсти.

Все дни мои протекли и исчезли в грехах, и ни одного дня не служил я правде. Едва начинал каяться с намерением больше не грешить, как приходил лукавый и уловлял меня по ненависти своей. Горе мне, потому что добровольно попадаюсь в сеть его.

Если выйду пройтись, то выступаю как праведник и мудрец. Увижу ли, что иной

грешит, смеюсь и издеваюсь над ним. Увы, обнаружатся и мои беззакония, — и посрамлюсь!

О, лучше бы мне не рождаться на свет! Тогда не развратил бы меня этот преходящий мир; не видя его, не сделался бы я виновным, не осквернил бы себя грехами и не боялся бы истязания, суда и мучения.

Едва даю я обет принести покаяние, как снова возвращаюсь и впадаю в те же грехи. Радует меня час, проведенный в грехе; и думаю еще, что делаю похвальное. Увы мне! Доселе не помышлял я, что ожидает меня геенна.

Лукавая воля вводит меня в грех; но когда согрешу, слагаю вину на сатану. Но горе Mite! потому что сам я причина грехов моих. Лукавый не заставит меня насильно согрешить; грешу я по своей воле.

Благодать Твоя, пришедши к сердцу моему, находит там зловоние скверных помыслов, почему тотчас отступает, не обретая себе входа и не имея возможности войти и вселиться во мне, как желательно ей.

Нищ я, скраденный змием; немощен я, связанный тлением; не имею сил, подавленный грехом. Утратил я дар Твой и потому не имею совершенного благоразумия. Утратил я общение с Тобой, потому не знаю, куда иду. Ничего нет у меня. Если имею что, то Ты же, умилосердившись, дал мне. Крайне нищ я; если же обогащусь, все это будет Твое дарование. И теперь оно Твое, и прежде было Твоим.

Прошу только благодати,— исповедую, что чрез Тебя спасусь, если только спасусь! [3, псалмы 10, 55, 69, 71, 98, 128.]

Молитва святителя Игнатия (Брянчанинова):

Господи! Даруй нам зреть согрешения наши, чтобы ум наш, привлеченный всецело ко вниманию собственным погрешностям нашим, перестал видеть погрешности ближних,— и таким образом увидел бы всех ближних добрыми.

Даруй нам узреть, при свете благодати Твоей, живущие в нас многообразные недуги, уничтожающие в сердце духовные движения, вводящие в него движения кровяные и плотские, враждебные Царствию Божию. Даруй нам великий дар покаяния, предшествуемый и рождаемый великим даром зрения грехов своих.

Охрани нас этими великими дарами от пропастей самообольщения, которое открывается в душе от непримечаемой и непонимаемой греховности ее, рождается от действия непримечаемых и непонимаемых ею сладострастия и тщеславия.

Соблюди нас этими великими дарами на пути нашем к Тебе и даруй нам достичь Тебя, призывающего сознающихся грешников и отвергающего признающих себя праведниками.

Да славословим вечно в вечном блаженстве Тебя, Единого Истинного Бога, Искупителя плененных, Спасителя погибших, аминь. [9, т. 2, с. 127].

ЛИТЕРАТУРА

1. Добротолюбие. 1895-1900. Т. 1-5.
2. Творения аввы Исаака Сирианина... Слова подвижнические.— Сергиев Посад, 1911.
3. Псалтирь, или Богомысленные размышления св. Ефрема Сирианина...— М., 1913.
4. Преподобного Иоанна, игумена Синайской горы, Лестница.— Сергиев Посад, 1908.
5. Преподобного аввы Дорофея душеполезные поучения и послания.— Калуга, 1900.
6. Творения... священномученина Петра Дамаскина.— М., 1947, Кн, 1.
7. Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Святогорца.— М., 1886.
8. Письма святогорца (иеросхимонаха Сергия (Веснина)] к друзьям своим о Святой Горе Афонской.— М., 1895. Ч. 1-3.
9. Собрание сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова).— СПб., 1905. Т. 1-5.
10. Письма епископа Игнатия (Брянчанинова) к разным лицам,— Сергиев Посад, 1913. Вып. 1.

11. Отечник, составленный епископом Игнатием (Брянчаниновым).— СПб., 1891.
12. Соколов Леонид. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения.— Киев, 1915. Ч. 2.
13. Епископ Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни.— М., 1892.
14. Епископ Феофан [Затворник]. Письма о христианской жизни.— М., 1908.
15. Иеромонах Антоний [святогорец]. Очерки жизни и подвигов старца иеросхимонаха Илариона Грузина.— Нью-Йорк, 1985.
16. Игумен Никон. Письма духовным детям.— Троице-Сергиева Лавра, 1991.
17. Архимандрит Иларион (Троицкий). Христианства нет без Церкви.— М., 1991.
18. (Иеромонах) Серафим (Роуз). Православие и религия будущего.— М., 1991.
19. Иеромонах Серафим (Роуз). Православное мировоззрение, или Царский путь. // Русский паломник — 1991.— № 1.

ЧТО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ СОВРЕМЕННОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНИНУ

ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ СПАСЕНИЯ

1.Вера

Вера есть первое из условии, необходимых для оправдания; она есть начало спасения людей, основание всего оправдания.

Без веры невозможно угодить Богу (Евр. 11, 6).

Благодатию вы спасены через веру (Еф. 2, 8).

Все, еже не от веры, грех есть (Рим. 14, 23) [1, 4].

«Оправдываемся не сами собой, и не своей мудростию, или разумом, или благочестием, или делами, о святости сердца нами совершаемыми, но посредством веры, которой Вседержитель Бог от века всех оправдал». Св. Климент, епископ Римский [3,63].

«Вера не в том только состоит, что ы несомненно веровать, что благодатию Божию верующему во Христа прощены грехи ради заслуг Его, но вера оправдывающая состоит в искреннем принятии всех истин откровения, как преподает и разумеет их вселенская Церковь. В особенности необходимо веровать, что есть Бог, Милосердый Отец и Верховный Судия всего. Веровати подобает приходящему к Богу, яко есть, и взыскающим Его мздовоздаятель бывает (Евр. 11, 6). Также необходима вера в таинства Пресвятой Троицы и воплощения. *Се есть живот вечный, да знают Тебе, единого истиннаго Бога, и Егоже послал еси, Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). *Несть иного имени под небесем, данного в человецех, о нем же подобает спастися нам* (Деян. 4,12) [1, 4].

Везде нам, возлюбленное, нужна вера». «Вера— мать всех благ, врачество ко спасению». «Как змий ничего не бережет, и когда само тело его рассекают на части, не сильно защищается, чтобы соблюсти голову; так и ты все отдай: и имение, и тело, и самую душу, чтобы сохранить веру. Ибо вера есть глава и корень, если ты сохранишь ее, то, хотя бы и все потерял, опять все приобретешь с большей славой». Святитель Иоанн Златоуст [1,14].

«Ни одно дело не может быть совершено надлежащим образом без благочестивой веры во Христа. Человеческие намерения в рассуждении доброго дела не совершаются без помощи свыше. Для совершения добродетели должны соединиться и человеческое усердие, и помощь, приходящая по вере свыше». Святитель Василий Великий [2, 490].

«Кто, не имея истинной веры, совершает некоторые добрые дела, тот подобен черпающему воду и вливающему ее в худой сосуд». Преподобный Иоанн Лествичник [1, 14],

«Общество людей без веры в Бога и бессмертие души,— это почти стадо диких зверей,

хотя и одаренных разумом, которые всегда готовы терзать и истреблять друг друга». Макарий, митрополит Московский [1, 15].

«Вера приближает человека к Богу и усвояет человека Богу. Она представит человека пред лице Божие и поставит его в последний день жизни этого мира — в начале вечного дня — одесную Престола Божия для вечного наслаждения в Боге, для вечного социарствования Богу» [6, 141].

«Вера во Христа — жизнь. Питающийся верой вкушает уже во время земного странствования вечную жизнь, назначенную праведникам по окончании этого странствования» [5,177].

«Признающий возможность спасения без веры во Христа отрекается от Христа и, может быть, не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства» [6, 471].

«Все добрые немощные человеческие дела, нисходившие в ад, заменены одним могущественным добрым делом: верой в Господа нашего Иисуса Христа». Свт. Игнатий (Брянчанинов) [6,471].

«Страшитесь отступления от веры, как начала всех зол... тот, кто верует в Господа, как гора Сион, не подвигнется: пребывает во век». Преподобный Антоний Великий [7, 12].

« Одна вера без добрых дел недостаточна для спасения. Верующему необходимы для оправдания еще добрые дела». *От дел оправдается человек, а не от веры единыя* (Иак. 2, 24) [1,6]

2.Дела веры

«Для спасения недостаточно одной веры, холодной и мертвой. Нет, спасает нас вера только живая, деятельная — выражающаяся в нравственно-добрых делах.

Где нет добрых дел христианских, там, без всякого сомнения, нет и истинной христианской веры: и наоборот, где является истинная христианская жизнь, там необходимо предполагается истинная христианская вера...» [1, 3].

«Не думай, что вера, если только можно назвать верой твою веру, обличаемую делами, сможет спасти тебя, потому что вера, оправдавшая вначале, требует согласных с нею дел, без которых спастись невозможно... Веру должны проповедовать более дела, чем слова... Ибо делами, а не словами должно быть обнаруживаемо сокровенное». Преподобный Исидор Пелусиот [2, 492].

«Господь объявил, что для спасения тех, кто не верует во Христа, необходима вера во Христа; а для спасения верующих во Христа необходимо жительство по заповедям Божиим. Неверующий во Христа погибнет во веки, и верующий во Христа устам и, но не исполняющий Его всесвятых заповедей и потому отвергающийся Его делами, погибнет навеки. Иначе: для спасения нужна живая вера во Христа» [6, 206].

«Когда иудеи спросили Господа: *Что сотворим, да делаем дела Божия?* — Господь отвечал им: *Се есть дело Божие, да веруете в Того, Его же посла Он* (Ин. 6, 28-29).

Живая вера во Христа есть дело, и дело Божие столь обширное, что им вполне совершается спасение. Такая вера выражается всей жизнью, всем существом человека: она объемлет его мысли, его сердечные чувствования, всю деятельность его. Верующий такой верой имать живот вечный (Ин, 6, 47). *Се же есть живот вечный, да знают Тебе, единаго истипнаго Бога, и Его же послал еси Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). Живая вера — жизнь, посвященная всецело благочестию и умерщвлению для мира. Живая вера — дар Божий. Испрашивали себе этот великий дар у Господа Его святые апостолы, когда говорили Ему: *Приложи нам веру* (Лк. 17, 5). Только при посредстве живой веры может человек отречься от мнимых достоинств падшего естества своего, соделаться учеником и последователем Господа разумом и деятельностью, подобающими естеству обновленному». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [6, 207].

«...Но одной веры недостаточно для спасения, надобно и жить свято по заповедям Господним. *Не вся к, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Божие, но творяй волю Отца Моего,— говорит Господь* (Мф. 7, 21). Воля же Отца Небеснаго выражена в заповедях Его...» [8, 61].

«Веруй и, приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез святые

таинства, живи по заповедям Божиим, под руководством богоучрежденных пастырей, состоя в живом союзе со св. Церковью...» Святитель Феофан Затворник [8, 57].

3. Для спасения также необходимо получать благодатные силы для соблюдения заповедей и совершения всех необходимых дел веры

«Для того чтоб и вера была, как следует, и дела совершались достодолжно, необходима нам благодать Св. Духа. Без нее не только поверовать, но и подумать о добром не можем. Но если б и подумали, исполнить то не имеем сил. Ибо, как говорит апостол, загадывать доброе мы еще загадываем: но как только подойдет дело, мы и прочь: *еже хотети, говорит, прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18).

«Знай и твердо держи то убеждение и ту веру, что благодать святого духа не иначе подается и принята быть может, как через таинства, Самим Господом учрежденные в Церкви руками св. апостолов» 18, 62-63].

«Чтоб тебе яснее было, как все это необходимо, сравни шествие путем спасения с обыкновенным путешествием. Чтоб путнику удобно и безопасно было идти, надобно, чтоб был свет, чтоб была проложенная дорога, чтоб сам он был здоров и крепок, чтоб в случае нужды, например, при поворотах и перекрещиваниях дорог, был кто-нибудь, кто бы указал ему, по какой дороге идти. Подобное сему необходимо и в шествии путем спасения: необходим свет — это вера; необходима проложенная дорога— это заповеди; необходимы здравие и крепость — это благодатные силы, чрез таинства подаваемые; необходимы путеуказатели и руководители — это пастыри Церкви. Все сие видишь ты действующим во святой Божией Церкви, с которой потому состоит в живом союзе всякий, надлежащим образом содевающий свое спасение. Все спасшиеся сим путем шли, и все спасающиеся им идут... другого пути спасения нет» [8, 57].

«Коротко всю веру можно совместить в следующем положении: Бог в Троице покланяемый, мир создавший и о нем промышляющий, спасает нас, падших, по благоволению Отца в Господе Иисусе Христе благодатию Святаго Духа во святой Своей Церкви, спасает спасением, здесь сокровенно в духе совершающимся, в будущей же жизни имеющим явиться во всей неизреченной светлости его». Святитель Феофан Затворник [8, 57].

4.Богоучрежденное пастырство

«Три изложенных пункта — вера, жизнь по заповедям в духе веры и благодать через таинства— требуют четвертого— богоучрежденного пастырства. Надо веровать, но как уверуют без проповедающего? *И како проповедят, аще не посланы будут?* (Рим. 10, 15). Потребно благодать приять через таинства: но как же это было бы без строителей и совершителей тайн Божиих? (1 Кор. 4, 1). Необходимо жить по заповедям в духе веры: но как сему быть в исправности без руководителя, который бы указывал, остерегал, ошибки поправлял, падающих поднимал и направлял опять на путь уклоняющихся с настоящей дороги? Таким образом, для устроения спасения необходимы лица, от лица Божия действующие, которые бы вере учили, освящали благодатию через таинства и руководили в жизни,— необходимы пастыри богодарованные и богопоставляемые. Их и благоволил учредить Господь. Вот тебе на это апостольское удостоверение! *И Той (Господь) дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же евангелисты, овы же пастыри и учители, в совершение святых, в дело служения, в созидание Тела Христова* (Еф. 4, 11-12). Да и само дело показало сие» [8, 65].

«Вот четыре пункта, которые мы должны содержать и по которым должны вести дело своего спасения, если желаем воистину спасенными быти.

Но есть и еще один, именно: Быть в теле Церкви живо сочетанными со всем сонмом верующих.

Господь назвал Церковь Свою виноградным деревом, в коем Он — лоза, или ствол дерева, а все верующие — ветви на лозе. Церковь, или вся совокупность верующих, есть потому единое нераздельное целое, живо сочетанное с Господом и в себе во всех частях.

Как ветвь, отломившись от дерева, засыхает и перестает жить, так перестает жить и всякий, кто каким-либо образом отделяется от Церкви Божией, а чрез то и от Господа (Ин. 15-16). Св. Павел яснее это представил, назвав

Церковь телом Господа. Мы все верующие — тело Христово; Христос же Господь есть глава этого тела. Как в теле всякий член живет не своей, а общей всему телу жизнью, и если отделится от тела, умирает и истлевает, так и ни один верующий не живет особняком, но живет общей всего сонма верующих или всей Церкви жизнью, и если отделится от них или отособится, замирает духовно и погибает (Рим. 12, 5; 1 Кор. 12, 12-14; 27; Еф. 4, 15-16; Кол. 1, 18). Так это велось и доселе ведется в среде истинно верующих, что законом жизни своей, жизни, ведущей ко спасению, считают — быть в Церкви. Церковь, исповедуем мы, есть матерь наша. И верно слово, что кому Церковь не мать, тому Бог не Отец. А если не Бог ему Отец, то кто же?! Господь, устроив чрез св. апостолов св. Церковь, все спасительное в нее вложил для хранения и распространения на земле. В ней все тайны веры и все разумение истины; в ней вся благодать и все таинства, подающие ее; в ней истинное пастырство, истинно ко спасению руководящее; на ней почивает благоволение Божие, блюдущее ее и послушающее молитвенного гласа ее: ангелы и человеки, и вся разумная тварь, объединившись, единому служат всеблагому Богу». Святитель Феофан Затворник [8, 66-67].

«Никто не достигает спасения и вечной жизни, кроме того, кто имеет главою Христа: а иметь главою Христа может лишь тот, кто находится в Его Теле, которое есть Церковь…

Кто не между членами Христовыми, тот не может иметь христианского спасения. Всякий, отделившийся от общения с Церковью, хотя бы жизнь его была достойна похвалы, за то одно беззаконие, что отторгся от единения со Христом, не будет иметь жизни, но гнев Божий пребывает на нем». Блаженный Августин [1, 439].

«Невозможно переплыть море без корабля. А корабль сей означает единую святую соборную апостольскую Церковь: Господин сего духовного корабля Сам Всемогущий Бог Отец; кормчий — Единородный Сын Его; благоприятный ветер — Дух Святой; подчиненные правители корабля — Церкви — апостолы и их преемники: пастыри и учители церковные; плывущие на сем корабле — все правоверующие христиане; дно и основание сего корабля есть правая вера во Святую Троицу; бока корабля, передняя часть его и кормила означают правые догматы веры, заповеди Божии, предания Церкви, правила апостольские и вселенских соборов и вообще постановления церковные; мачта — святый Крест Христов, которым все в Церкви скрепляется и утверждается; паруса — любовь, якорь — надежда.

Духовный сей корабль Церкви из разных мест и стран перевозит чрез житейское море всех правоверующих и истинных христиан в небесный Иерусалим». Святитель Иоанн Златоуст [1, 421].

КАКАЯ ЦЕРКОВЬ СПАСАЮЩАЯ?

Какой же Церкви даны обетования непогрешимости и вечности? Другими словами, какая Церковь спасающая? — Несомненно, что та только Церковь может быть признана «столпом и утверждением истины» или церковью спасающей, которую руководит и спасает Сам Господь, ибо, говорит Спаситель: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15,5); Господь же, по свидетельству ап. Павла, Спаситель только той Церкви, которая в слове Божием именуется Его Телом: *Христос глава Церкви, и Той есть Спаситель тела* (Еф. 5, 23).

1.Истинная Церковь — одна

«Истинная церковь, подлинно древняя есть одна... Ибо как один Бог и один Господь, так и истинное достоинство выражается единством во образ единого Начала. Итак, единая Церковь, которую ереси усиливаются рассечь на многие, уподобляется (единством) природе Единаго. Мы называем древнюю кафолическую Церковь единой по ее существу, по понятию об ней, по ее началу и превосходству». Св. Климент Александрийский [1, 31].

2.Истинная Церковь — свята, управляется благодатию Всесвятого Духа

«Церковь есть общество православноверующих и крестившихся во Иисуса Христа, Им Самим основанное непосредственно и посредством святых апостолов, Им же Самим оживляемое и ведомое к животу вечному: видимо — посредством духовных пастырей, чрез учение, священнодействия и управление и вместе невидимо — посредством вседействующей благодати Всесвятого Духа». Митрополит Московский Макарий [4,306].

«Святая соборная Церковь — повсеместно и в полноте преподает все то учение, которое должны знать люди, учение о вещах видимых и невидимых, небесных и земных, она весь род человеческий приводит к истинной вере, она повсеместно врачует и исцеляет все роды грехов, имеет в себе всякий вид совершенства, в делах, словах и всяких духовных дарованиях. Она одна во всем мире имеет беспредельную силу. В ней мы, приемля наставления и ведя добрую жизнь, получим Царство Небесное и наследуем вечную жизнь». Святитель Кирилл Иерусалимский (Огласительное поучение 18).

3.Истинная Церковь — соборна (кафолична)

«Церковь соборной называется потому, что находится во всей вселенной от концов земли до концов ее». Святитель Кирилл Иерусалимский (Огласительное поучение 18).

«Церковь одна по всей земле и на море,— почему мы и говорим в молитве: о святой и единой, кафолической и апостольской Церкви, сущей от пределов и до пределов вселенной». Блаженный Феодорит [4, т. 3, 316].

4.Истинная Церковь — апостольская

«В той Церкви должно пребывать, которая, будучи основана апостолами, существует даже до сего дня». Блаженный Иероним [4, т. 3, 320].

«Не должно у других искать истины, которую легко заимствовать от Церкви: ибо в нее апостолы в полноте положили все, что принадлежит истине, так что каждый желающий может принимать от нее питие жизни». Св. Ириней Лионский [1, 26].

5.Истинная Церковь — православная

«Православие есть истинное Богопознание и Богопочитание, православие есть поклонение Богу Духом и Истиной, православие есть прославление Бога истинным познанием Его и поклонением Ему, православие есть прославление Богом человека, истинного служителя Божия, дарованием ему благодати Всесвятого Духа. Дух есть слава христиан. Где нет Духа, там нет православия.

Православие — учение Св. Духа, данное Богом человекам во спасение. «Иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру, еяже аще кто целы и непорочны не соблюдет, кроме всякого недоумения, во веки погибнет»,— говорит Афанасий Великий, Святитель Игнатий (Брянчанинов) [6, 78].

«Св. Церковь православная есть сокровищница благ спасения. Что бы тебе не нужно было для спасения — все то найдешь в ней, и только в ней. Помимо ее и Сам Господь не дает сих благ. Так благоволил устроить Сам Он. Став главой Церкви, Он не иначе действует во спасение наше, как через сие тело Свое. И не ищи к Его сокровищам спасения другого доступа. Его нет.

Господь Спаситель, яко ипостасная Премудрость, принес в Себе Самом на землю, из таиниц Триипостасного Божества, всю спасительную премудрость. Но не удержал ее сокровенной в Себе Самом, а сначала преподал ее Апостолам, заповедав им преподать ее и всем верующим из всех языков! Апостолы предали ее всему сонму верующих, заповедав преемникам своим блюсти ее. И стала Церковь столп и утверждение истины, которая, водворившись в ней, пребывает в ней и будет пребывать до скончания века. Хочешь ведать сию премудрость? Иди в Церковь православную, верную блюстительницу всего, преданного апостолами,— и у ней поучайся ей». Святитель Феофан Затворник [8, 237].

«Премилосердый Бог совершает спасение душ православных христиан, православной верой, добрыми делами и своей благодатью, Вера православная есть та, которую содержит единая святая и апостольская Церковь, и без этой веры никак невозможно спастись кому бы то ни было. Дела добрые суть евангельские заповеди, без которых, как и без веры православной, также невозможно никому спастись: вера православная без добрых дел мертва есть, и дела добрые без веры православной мертвы суть. Хотящему спастись необходимо соединять и то и другое, и таким образом благодатию Христа Бога, сказавшего: «Без Меня не можете творить ничего», достигать спасения». Преподобный Паисий Величковский [11, 237-238].

«Познание учения православной Церкви — самое нужное познание для всякого православного христианина и необходимо должно продолжаться во всю его жизнь».

«В православной Церкви преподается то самое учение, которое открыто Богом и в священных книгах Ветхого и Нового Завета и в священном предании; — которое раскрыто и уяснено св. отцами Церкви на семи вселенских и девяти поместных соборах и которое всегда и неизменно содержала и до сих пор содержит одна только православная Церковь во всей чистоте и неповрежденности» [1, 2].

6.Вне православной Церкви негде взять благодатных сил ко спасению и невозможно спастись.

«Ипостасная Премудрость Божия, создав себе дом святой Церкви, утвердила в нем столпов (отделений) седмь и всех, приходящих к ней, по ее призыванию, обильно питает и наполет разнообразной своей благодатью. Семь источников благодати, но два из них текут неразлучно с течением всей жизни спасаемого. Это таинства покаяния и святого причастия, дающие благодать оправдания и благодать освящения — благодати, неточные в жизни спасительной. Они развивают, укореняют, возвышают в духе человека все, потребное для спасения. И чем кто чаще пользуется ими, тем успешнее зреет его духовная спасительная жизнь. А без этого она скоро засаривается, вянет и глохнет. Видишь, что вверено святой Церкви?! Не думай же и другому никому не позволяй думать, будто можно без живого союза с Церковью устроять свое спасение, когда без сего союза с нею нельзя нигде найти, получить благодатные силы ко спасению. Да, живое общение с Церковью и есть приятие через ее таинства сих сил. Почему живое общение со святой православной Церковью столько же необходимо, сколько необходимо сподобление благодатных во спасение сил». Святитель Феофан Затворник [8,240].

«Кто не между членами Христовыми, тот не может иметь христианского спасения. Можно иметь почесть, можно иметь таинство, можно петь «аллилуия», можно отвечать «аминь», можно держать Евангелие, можно иметь веру во имя Отца и Сына и Святого Духа и проповедовать ее, но нигде, кроме православной кафолической Церкви, нельзя найти спасения». Блаженный Августин (Прибавления к творениям св. отцов.— 1843.— С. 236).

«Люди, не хранящие союза и приискреннего общения с Церковию, хоть бы предали себя смерти за исповедание Имени Христова, грех их не омоется и самой кровию, неизгладимая и тяжкая вина разделения не очищается даже страданиями. Находящийся вне Церкви не может быть мучеником, оставляющий Церковь, имеющую царствовать, не может сподобиться царствия». Священномученик Киприан [1, 438].

7.Церковь православная пребудет домом спасения до конца веков

«Церковь пребудет на сей земле не на краткое время, но до конца века... Церковь не будет побеждена, не искоренится, не уступит никаким искушениям, доколе не настанет конец мира». Блаженный Августин.

«Блаженна ты, Церковь верных: ибо Царь царей утвердил в тебе Свое жилище. Твои основания никогда не поколеблются: ибо Господь страж твой: и врата адова не одолеют тебя и хищные волки не могут сокрушить или ослабить твоей крепости. О как велик ты,

дом Божий! Как ты прекрасен!» Преподобный Ефрем Сирин (Творения.— М., 1858.— С. 28).

ЧТО ОЗНАЧАЕТ «БЫТЬ В ТЕЛЕ ЦЕРКВИ»

Быть в теле Церкви и в ней содевать свое спасение — вот к чему обязывает всякого верующего:

а) веровать, как верует вся Церковь, от начала ее доселе, ее голосом поверять всякое свое или чужое соображение и разрешать всякое рождающееся недоумение, и ни под каким видом не позволять себе допускать что-либо хоть на волос несогласное сучением Церкви. Ибо она есть *столп и утверждение истины* (1 Тим 3, 15). Внимай — кто сего не соблюдает, тот язычник и мытарь, по слову Господа (Мф. 18, 17);

б) ни в чем не особиться от всех в порядках церковной жизни,— поститься, когда всем предлежит пост, говеть и причащаться св. Христовых Таин, как установлено в Церкви, и все другие соблюдать молитвенные и освятительные священнодействия Церкви, повинуясь слову апостола, который запрещает оставлять церковные собрания (Евр. 10, 25);

в)держать то убеждение, что и небесные и земные состоят в непресекаемом между собой общении, живом и непосредственном. Почему наши к ним и о них молитвы и их молитвы о нас и слышатся, и действенны бывают. Мы — свои, родственны и ангелам и всем от века Богу угодившим: *ибо, вцерковляясь, приступаем к граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов и Церкви первородных, на небесех написанных* (Евр. 12, 22-23). Святитель Феофан Затворник |8, 67).

«Кроме Церкви святыни негде взять», а следовательно, чтобы нам соделаться святыми, как свят Отец наш Небесный, надобно быть в сыновнем страхе и послушании у св. матери нашей — Церкви, исполняя все ее заповеди. Святитель Димитрий Ростовский.

Заповедей церковных, наиболее важных,— девять.

1-я заповедь предписывает каждому православному христианину молиться Богу и исполнять относящиеся до богослужения уставы во все воскресные и праздничные дни — есть соборное правило, отлучающее от Церкви того, кто три недели без уважительных причин не присутствует при богослужении.

2-я церковная заповедь повелевает соблюдать посты, определенные Церковью.

3-я церковная заповедь внушает должное усердие и уважение к служителям Христовой Церкви, и особенно к лицам духовным, а мирским людям запрещает вмешиваться в дела духовные.

4-я напоминает долг исповеди и причащения, а больным и елеосвящения.

5-я предписывает, чтобы неопытные в познании Священного Писания и наук не читали книг, написанных еретиками, не слушали богохульного их учения и удалялись от обращения с ними.

6-я заповедь предписывает молиться о всяком звании людей, особенно за тех, иже во власти суть духовной и гражданской. Тут же упоминается и молитва за усопших и об обращении к православной вере еретиков и раскольников.

7-я заповедь учит соблюдать посты и моления, назначаемые особо митрополитом или епископом в своей епархии в случае какой-нибудь общественной нужды и бедствий.

8-я заповедь касается до церковного достояния и имущества.

9-я, наконец, возбраняет совершать браки во дни, запрещенные Церковью, также чтобы православные христиане не присутствовали на непозволенных играх и зрелищах, не следовали языческим обычаям, но воздерживались от них [1, 452-453].

НАСКОЛЬКО НЕОБХОДИМЫ ВНЕШНИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ЧИНЫ И ОБРЯДЫ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ; МОЖЕТ ЛИ БЕЗ НИХ БЫТЬ ВНУТРЕННЯЯ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

«Враг многих уже сбил с пути, внушая, что Богу надо служить духовно и что внешнее бросить надо. Справедливо, что Богу надо служить духовно: но чтоб дойти до духовного служения, надо прежде поупражняться во внешнем и затем, достигши духовного, если кому Бог даст, поддерживать, оживлять и укреплять сие духовное необходимо опять тем же внешним. Детям где вдруг браться за духовное? Пусть прежде поучатся служить Богу

внешне: а подрастут, научатся служить Ему и духовно. Но, научившись и духовно Богу служить, они не бросят и внешнего, потому что оно, подобно подкладыванию дров в печь, разогревает и разжигает внутреннее духовное» [8, 280].

«Слыша: уставы Церкви — закон, не подумай, что закон сей обязателен потому, что определен общим голосом Церкви,— т.е. в том же смысле, как в житейском быту обязателен для каждого приговор общества, ибо общество властвует над частными лицами. В Церкви Божией не так. Святая Церковь — не обыкновенное человеческое общество, а есть тело, состоящее под главой— Христом Господом, Духом Святым руководимое и животворимое, и благоговением Бога Отца объемлемое. Потому все в ней,— и ей на свободу предоставленное, не есть одного человеческого происхождения, и обязательно не потому, что все решили быть так, а потому, что так благоизволил Триипостасный Бог. Покорность Церкви есть покорность Богу, в той силе, прибавлю опять, в какой что установлено, т.е. иное как необходимое, другое как полезное, то как утешительное, это как благоукрасительное. Почему веруем, что, исполняя все от души, мы Богу служим и Ему благоугождаем, хотя действование наше бывает лишь видимое, телесное, Бог же — Дух есть: ибо действуем с духовным настроением». Святитель Феофан Затворник [8, 273].

Всякое исполнение обрядов церковных должно совершаться с полным благоговением. «Поскольку в Церкви Божией все есть по Божию изволению и поскольку, исполняя то, мы службу Богу приносим, то все, малое и великое, должно быть исполняемо с полным благоговением, Богу приличествующим. Благоговение наше должно быть соизмеряемо не с великостию или малостию делаемого, а с лицем Бога, к Коему относится. Кадит ли кто, или читает и поет, или другое что делает, коль скоро небрежно то исполняет, подлежит суду творящих дело Божие с небрежением. Равно и из присущих в церкви, стоит ли кто, или поклоны кладет, или свечу ставит, если делает это небрежно, столько же погрешает, и тому же подлежит суду. Все сии и подобные действия не сами по себе важны, и не неотложно необходимы такие именно: на месте их могут быть всякие другие,— но коль скоро они приняты и установлены, и коль скородействованием к Богу относятся, то небрежничающий в них Бога презирает и оскорбляет. То же самое должно сказать и о действованиях вне церкви (дома). — Коль скоро они к Богу относятся и Ему посвящаются, то должны быть совершаемы с полным благоговением, не соразмерно со своей важностью или малостью, а как подобает действовать пред Всемогущим Богом, в честь и славу Его» [8, 280].

«Блюдитеся, чтобы, предаваясь заботам о внешних делах благочестия, не забыть внутреннего духа его: но блюдитесь и того, чтоб под предлогом предпочтения внутреннего внешнему не оставить совсем внешнего. Внешнее без внутреннего еще бывает, а внутреннее без внешнего никогда. Видали ль вы когда силу растительную без видимого тела растения?! А тел растений — дерев, сколько есть без внутренней жизни?! Внешнего не оставлять — это закон! Но да не будет нам: останавливаться и на нем одном, а под ним — под его влиянием, руководством и указанием, зреть и внутренно. Внутреннее веры слагается из ведения святой веры и соответственных ему дел,— или из совокупности здравых понятий и святых чувств и расположений.» Свт. Феофан Затворник [9, 43].

ПОЧЕМУ СТОЛЬ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ОБРЯДЫ, ЧИНЫ И ПРАВИЛА ЦЕРКОВНЫЕ ПОЧИТАЮТСЯ ДАННЫМИ ОТ БОГА, ХОТЯ НА НИХ НЕ УКАЗЫВАЕТСЯ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

«Внешние чины Церкви в главном и существенном учреждены апостолами, а дополнены и в настоящий вид приведены Церковью чрез святых отцов, по внушению Духа Святого и руковождению Господа Спасителя, Который есть глава Церкви...» Святитель Феофан Затворник 18, 2801.

«Не все передали апостолы чрез Писание, а многое также без Писания; но то и другое равно достойно веры: посему мы считаем достойным веры и Предание: Предание есть — ничего более не ищи». Святитель Иоанн Златоуст (Беседа на 2 Сол.).

«Из сохраненных в Церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от

письменного наставления, а некоторые прияли от апостольского Предания, по преемству, втайне; и те, и другие имеют одну и ту же силу для благочестия.,. ибо, если предпримем отвергать неписаные обычая, как не великую имеющие силу, то непременно повредим Евангелию в главных предметах, или паче, от проповеди евангельской оставим одно пустое имя». Святитель Василий Великий [1, 26].

«Бог вверил Церкви Свое откровение, заключенное как в Священном Писании, так и Святом Предании, почему Божественными источниками христианского учения веры несомненно признаются только такие, какие она приемлет. «Я не поверил бы Евангелию,— говорит блаженный Августин,— если бы в том не убедил меня голос кафолической Церкви». Церковь, приняв от Господа Иисуса Христа и Святого Духа откровение, хранит его целым и невредимым, ей предан и смысл онаго, она есть вместе непогрешительная истолковательница его от начала своего установления и пребудет такой до скончания века, ибо вселенская Церковь никогда не говорила и не говорит от себя, но говорит только от Духа Божия, Котораго она непрестанно имеет, имела и будет иметь своим учителем до конца века (Ин. 14, 16 17, 26), Важность Предания основывается единственно на авторитете Церкви» (VI Вселенский Собор, пр. 12).

«Веруем, пишут восточные патриархи, что Божественное и Священное Писание внушено Богом: посему мы должны верить ему беспрекословно, и притом не как-нибудь по-своему, но именно так, как изъяснила и передала оное кафолическая Церковь. Ибо и суемудрие еретиков принимает Божественное Писание, только превратно изъясняет оное... Посему мы веруем, что свидетельство кафолической Церкви не меньшую имеет силу, как и Божественное Писание. Поскольку виновник того и другого есть один и тот же Святой Дух: то все равно, от Писания ли научаться или от вселенской Церкви. Человеку, который говорит сам от себя, можно погрешать, обманывать и обманываться: но вселенская Церковь, так как она не говорила и не говорит от себя, но от Духа Божия — которого она непрестанно имеет и будет иметь своим Учителем до века,— никак не может погрешать, ни обманывать, ни обманываться: но подобно божественному Писанию, непогрешительна и имеет всегдашнюю важность» [1, 25J.

Само Святое Писание внушает хранить предания: Братие,— писал апостол к солунянам,— *стойте и держите предания, имже наученны есте или словом, или посланием нашим (2 Сол. 2, 15). Предание сохрани,— писал апостол к Тимофею,— уклонялся скверных суесловий и прекословии лжеименного разума (1 Тим. 6, 20). Хвалю вы, братие,— писал апостол к коринфянам,— яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите (1 Кор. 11, 2).*

На предания как на источник и основание истинного учения христианского постоянно указывается и в творениях отеческих.

Святой Епифаний пишет: «Нужно держаться и предания, ибо невозможно обрести все в одних писаниях: святейшие апостолы одно оставили в писании, другое — в предании».

Подобным образом и из правил и определений святых соборов поместных и вселенских ясно молено видеть, что все они в основании своем имеют Предание Церкви и на нем основываются и касательно истин верования, и касательно жизни христианской, и касательно обрядов и таинств, и касательно самого Писания и его разума или смысла, и неизменное хранение преданий считали священнейшей своей обязанностию. Последование учению святых отцов и Преданию кафолической Церкви они почитали шествием царским путем; они прямо говорили на соборах: да хранятся древние обычаи, древние предания, да соблюдается древний закон и правило, да не вводятся в Церкви, вопреки писаниям и церковным преданиям, новости».

«Храним не нововводно,— писали отцы VII Вселенского Собора,— все Писанием и без Писания установленные для нас церковные предания» [1, 29J.

МОГУТ ЛИ БЫТЬ ОТМЕНЕНЫ ИЛИ ПЕРЕМЕНЕНЫ КАКИЕ-ЛИБО ИЗ ПРАВИЛ И ОБРЯДОВ, ПРИНЯТЫХ И УСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕРКОВЬЮ?

Сами соборные правила говорят: «Никому да не будет позволено вышеозначенные правила (св. соборов и св. отец) изменяти или отменяти, или, кроме предложенных правил, приимати другие, с подложными надписаниями, составленные некими людьми, дерзнувшими корчемствовать истиной...» (VI Вселенский Собор, пр. 2; VII Вселенский Собор, пр. 1; Карфагенский Собор, пр. 2).

«Да не будет позволено никому произносити, или писати, или слагати иную веру, кроме определенный от св.отец в Никеи граде, со Святым Духом собравшихся» (III Вселенский Собор, пр. 7).

«Божией благодатию определяем: хранити неприкосновенно нововведениям и изменениям веру, преданную нам от самовидцев и служителей Слова, богоизбранных апостолов... да вера всех в Церкви Божией прославившихся мужей, которые были светилами в миру, содержа слово жизни, соблюдается твердой и непоколебимой, вкупе с Богопреданными их писаниями и догматами.»

«Аще кто-либо из всех, не содержит и не приемлет догматов благочестия, и не тако мыслит и проповедует, но покушается идти противу оных, тот да будет анафема, по определению, прежде постановленному святыми и блаженными отцами, и от сословия христианского, яко чуждый, да будет исключен и извержен. Ибо мы сообразно с тем, что определено прежде, совершенно решили ниже прибавлять что-либо, ниже убавляти, и не могли никоим образом» (VI Вселенский Собор, пр. 1).

«Православный христианин должен за верное и несомненное принимать, что все члены веры кафолической и православной Церкви преданы ей от Господа нашего Иисуса Христа чрез Его апостолов, изъяснены и утверждены вселенскими соборами, и веровать в оные, как повелевает апостол: тем же убо, братие, стойте и держите предания, имже научистеся или словом или посланием. Эту веру надлежит не только хранить в тайне сердца, но и устами возвещать и исповедовать без страха и сомнения.» (Правое исповедание. ч. 1, вопрос и ответ 4).

«Правила веры, признанные всей Православной Церковью, неприкосновенны и неизменны, однако необходимо различать догматы веры от обрядов. Догмат веры учители церковные уподобляют жизни, а правила церковные сравнивают с пищей и рассуждают так: без пищи человек может несколько времени жить, а без жизни пища бесполезна и не нужна.

Пища бывает разнообразная: существенное же составляет в ней питательность. И в правилах не образ их наблюдается, но по преимуществу их мысль и цель, а образ иногда и преступается, как о том святой Василий в правиле 5-м пишет: «Правилы не образ смотряют, но изволение». Обряды же не уподобляются не только жизни, но и пище, а разве бы кто уподобил их сосудам, служащим для приготовления пищи. Они, как сии сосуды, были различны в различные времена и даже в одно время, но по разным местам, по потребностям и уменьшались, и умножались, и сокращались, и забывались, и упраздняемы бывали. Итак, хотящему распознать истину, чтобы не лишиться единения со Святой Церковью, прежде необходимо знать, что есть догмат веры, что правило, что образ правила или изволение и что о ряд или обычай.

Догмат веры есть неприкосновенное ни святителям, ни ангелам, а правила вручены святителям правой веры, во еже управляти по ним Церковь Божию, и если по какому-либо случайному опущению или небрежению не исполняются, пренебрегающий имут прещение, но православия не отпадают. Обряды же рассуждением соборным и отменяются и прибавляются, и ежели кто, не ведая, что есть догмат правой веры, что правило и что обряд, по одному обряду захочет распознати истинную Церковь: о таковом можно сказать, что он слеп умным оком и не разумеет, что есть жизнь и что поддержание жизни и что украшение» (Архим. Павел. Собр. соч. Ч. 1. 3-е изд.— С. 383-385).

«Итак, под обрядами разумеются такие постановления Церкви, которые касаются не существа веры, а внешней стороны ее и не имеют догматического основания ни в Слове Божием, ни в определениях Вселенских Соборов. Сюда относятся: церковные чины и

уставы, порядки церковного управления, разные предметы и действия, имеющие символическое значение.

Обряды явились не сразу в своем строго определенном виде, а вырабатывались постепенно Церковью, которая сама вводила их в употребление и, когда находила нужным, то изменяла их, а некоторые и совсем уничтожала, заменяя новыми, лучшими, причем строго требовала подчинения своим распоряжениям, подвергая неподчиняющихся отлучению. Такое право Церкви изменять, дополнять и переменять на лучшее то, что не имеет догматического характера, всегда принадлежало и принадлежит Церкви неотъемлемо» [1, 485].

«Внешний чин Церкви есть риза Господа, самая же Церковь — Тело Его. Спросить еще иной может: если Церковь властна переменять свое внешнее, то чего ради не переменяет? Того ради, что ей дано переменять не потому только, что она властна это делать, или не для того только, чтоб дать упражнение своей власти: но в таком случае, если какое-либо действие, уставом ее определяемое, перестало быть потребным, перестало назидать и питать дух. И это не по капризу некиих лиц — модников, но удостоверившись, что действительно так есть и что перемена или отмена всеми желательна в видах польз духовных, а не каких-либо удобств внешних. Если же в Церкви все назидательно, требуется и удовлетворяет потребности, а не излишество составляет, то для чего отменять или переменять? Она не отменяет и не переменяет». Святитель Феофан Затворник [8, 278].

В КАКОЙ СТЕПЕНИ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ СВОЕМУ УМУ В ПРЕДМЕТАХ ВЕРЫ

«Не тот верующий, кто верит всему, но кто верует Богу, тот только и называется таким. Оставь исследования и прими веру. Вера просвещает все, вера освящает все, вера делает человека достойным Духа Святого». Святитель Иоанн Златоуст [1, 88].

«Не исследуй ничего из того, чего Бог не требует от тебя, но будь доволен исповеданием правой веры, и не любопытствуй ни о чем сверх того». Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк [13, 128].

«В полном смысле настоящая вера и есть та, когда кто верует потому только, что так Бог повелел, и когда для того, чтоб уверовать, ничего больше не ищет, как узнать, как он повелел, и как только узнает, что Бог повелел так и так веровать, так и успокаивается на том полным успокоением, не допускающим никаких колебаний. Се — детская вера, беспрекословно верящая Богу — Отцу Своему! — Ее-то и требовал Господь, когда сказал: *Если не будете как дети, не внидите в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Из сего можете вы сами заключить, что кто иным каким-либо образом верует, о том нельзя не усомниться, войдет ли он в Царство Небесное.

Такая детская вера не есть слепая, а видящая, и видящая все глазами чистыми, ничем не запорошенными. Она только в умовые исследования не пускается, а как узнает, что Бог так сказал, так и успокаивается. Это у ней самая верная, самая прочная и самая разумная основа на все верования». Святитель Феофан Затворник [8, 4-5].

Предпочтение необходимо дать детской вере, послушающей Бога и оставляющей собственные исследования!

«У нас вошло в обычай слепой вере противополагать разумную, а под разумной верой разуметь веру ученую, которая не довольствуется одним тем основанием, что — «Бог так повелел и верую»,— но ко всему примешивает и соображения своего ума, стыдясь даже помянуть, что так Бог повелел, видя в этом унижение уму своему. У иных это доходит до того, что они и совсем верить не хотят ничему такому, что не сумеют под весть под начала своего разума и согласовать с суммой добытых им понятий и с установившимися в голове воззрениями на сущее. — На сие скажу: никакого нет греха доискиваться некоторых умовых соображений в уяснение и полнейшее уразумение предметов веры. Это делали нередко и святые отцы. Но надо заметить, что к существу веры это ничего не прибавляет, и есть совсем побочное и придаточное дело. Будь это или не будь, вера, верующая Богу, как сказано, нисколько от того не теряет. Кто набрал себе таких соображений, не имеет у Бога преимущества пред тем, кто не имеет их, а искренно и ясно верует во все веруемое по тому одному, что так Бог повелел» [8, 5-6].

«По мере того, как дается предпочтение своим соображениям, вера слабеет и теряет свое значение: а где своим только соображениям верят, там и совсем веры нет, а есть умствования о предметах веры.

Рассуждать рассуждайте, но покорности вере не ослабляйте и не расшатывайте, потому что это есть покорность Богу, против Коего спорить нельзя».

«Вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренно и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери».

«В существе дела рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса своему соображению и рассуждению, тот тем самым умалит значение своей веры пред Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И собственно тут уже нет веры...» Святитель Феофан Затворник [8, 22].

Разум есть только способность познавать истину, а вовсе не источник истины. «Мы сами в себе носим готового ересеначальника и кователя всякой лжи — наш разум. Под дайся только ему — и он заведет незнать куда. Удивитесь, может быть, недоумевая, чтоб таков был разум, но на деле так есть. Ныне все и повсюду ищут разумности. Только и слышишь: того требует разум; об этом как скажет разум; дайте разумное воззрение, разумное убеждение, разумную веру. Если верна пословица: что у кого болит, тот о том и говорит,— то разум есть болезнь нынешнего времени. Хорошо, что ищут разумности. Но то нехорошо, что ищут ее в одном разуме человеческом. Сей разум хотят сделать всемирным наставником — царем истины. Непонятно, откуда ему такая честь? Когда родится человек на свет, ничего не знает: ни одной вещи назвать даже не умеет сам, всему учится; а как только стал на ноги, еще не вступив в совершеннолетие, начинает надышаться и твердить: я, да разум у меня, все рассудим и порешим сами собой. Разум точно есть великий дар Божий, но, даруя его нам, Бог не поставил его источником истины, а только преемником ее. Не сказал Он нам: вот вам разум — его слушайтесь, и как научит вас — так и поступайте. А что сделал?— Создав человека с разумом, тотчас явился ему и стал учить его истине, и с тех пор не переставал и не перестает руководить его к познанию ее и просвещать ум его ведением ее...»

«Разум есть способность познавать истину; но сама истина не в нем, а должна быть преподана ему со вне. Кем же как не Богом — источником бытия и истинного ведения? Она и преподана Им, пребывает на земле,— хранится и преподается всем. Разуму надо сказать: изучай ее и храни, из себя же самого ты можешь испускать только фантазии, как мыльные пузыри, или вытягивать хитросплетения помышлений, как сеть паутинную, кои разлетаются при легком дыхании ветра». Святитель Феофан Затворник [9].

Лучше не доверять нашему разуму.

«Когда ум, еще не очищенный покаянием, еще блуждающий в области и мраке падения, еще не просвещенный и не водимый Духом Святым, дерзнет сам собой, собственными силами, из мрака гордыни, рассуждать о Боге — тогда он непременно впадает в заблуждение. Такое заблуждение — богохульство. О Боге мы можем знать только то, что Он по великому милосердию Своему открыл нам» [5, 495].

«Мой собственный ум носит на себе печати падения, покрыт покрывалом мрака, расставляет для себя сети. Еще в раю стремился он неразборчиво и неосторожно к приобретению знания, для него погибельного, убийственного! По падении он сделался неразборчивее, опрометчивее: с дерзостию упивается чашей знания ядовитого, и тем решительно уничтожает в себе вкус и вожделение к Божественной чаше знания спасительного». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [5, 394].

КАК ОТНОСИТЬСЯ К НАУКАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

«Люди после падения начали возделывать землю, начали нуждаться в одежде и других многочисленных потребностях которыми сопровождается наше земное странничество; словом сказать, они начали нуждаться в вещественном развитии, стремление к которому — отличительная черта нашего века.

Науки — плод нашего падения,— произведение поврежденного падшего разума. Ученость — приобретение и хранение впечатлений и познаний, накопленных человеками во время жизни падшего мира. Ученость — светильник ветхого человека, светильник, которым «мрак тьмы во веки блюдется». Искупитель возвратил человекам тот Светильник, который им дарован был при создании Создателем, которого лишились они при грехопадении своем. Этот Светильник — Дух Святой, Он Дух Истины, наставляет всякой истине, испытывает глубины Божии, открывает и изъясняет тайны, дарует и вещественные познания, когда они нужны для духовной пользы человека. Ученому, желающему научиться духовной мудрости, завещает апостол: *Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем — буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3, 18). Точно! Ученость не есть собственно мудрость, а только мнение мудрости. Познание Истины, которая открыта человекам Господом, к которой доступ — только верой, которая неприступна для падшего разума человеческого, заменяется в учености гаданиями, предположениями. Мудрость этого мира, в которой почетное место занимают многие язычники и безбожники, прямо противоположна, по самым началам своим, мудрости духовной, божественной. Нельзя быть последователем той и другой вместе: одной непременно должно отречься. Падший человек — «ложь», и из умствований его составился «лжеименный разум», т.е. образ мыслей, собрание понятий и познаний ложных, имеющие только наружность разума, а в сущности своей — шатание, бред, беснование ума, пораженного смертной язвой греха и падения. Этот недуг ума особенно в полноте открывается в науках философских». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [4, 6].

«Господь открыл нам вход еще здесь в Царство Божие, а мы ищем жалких крупиц истины в науке, философии и где угодно, только не в Евангелии и не у св. отцов, осуществивших Евангелие в своем подвиге. Жалкие мы люди. Сами себя обрекаем на несчастное полуживотное существование, да еще и других виним в тягостях жизни». Игумен Никон [6, 112].

«Я спрашивал у наук: что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собой за пределы гроба! Доселе я вижу только знания, даемые, так сказать, на подержание, оканчивающиеся землей, не могущие существовать по разлучении души с телом. К чему служит изучение математики? Предмет ее — вещество. Она открывает известный вид законов вещества, научает исчислять и измерять его, применять исчисления и измерения к потребностям земной жизни. Указывает она на существование величины бесконечной, как на идею за пределами вещества. Точное познание и определение этой идеи логически невозможно для всякого разумного, но ограниченного существа.

Затем физика и химия вращаются в одном веществе, расширяют познания об употреблении его для временных земных нужд человека и человеческого общества. Менее положительна, нежели упомянутые науки, философия, которой особенно гордится падший человек. Естественные науки непрестанно опираются на вещественный опыт, им доказывают верность принятых ими теорий, которые без этого доказательства не имеют места в науке. Философия лишена решительного средства к постоянному убеждению опытом. Множество различных систем, несогласных между собой, противоречащих одна другой, уже уличают человеческое любомудрие в неимении положительного знания истины. Какой дан в философии простор произволу, мечтательности, вымыслам, велеречивому бреду, нетерпимым наукой точной, определенной! При всем том философия обыкновенно очень удовлетворена собой. С обманчивым светом ее входит в душу преизобильное самомнение, высокоумие, превозношение, тщеславие, презрение к ближним. Слепотствующий мир осыпает ее, как свою, похвалами и почестями. Довольствующий познаниями, доставляемыми философией, не только не получает правильных понятий о Боге, о самом себе, о мире духовном, но, напротив того, заражается понятиями превратными, растлевающими ум, делающими его неспособным, как зараженного и поврежденного ложью, к общению с Истиной. *Не разуме мир премудростию Бога!* (1Кор. 1, 21),— говорит апостол. *Мудрование плотское — смерть есть... мудрование плотское — вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может* (Рим. 8, 6 7),

потому что это не свойственно ему. *«Братие, блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе — в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна»* (Кол. 2, 8, 3).

Философия, будучи исчадием падения человеческого, льстит этому падению, маскирует его, хранит и питает. Она страшится учения Истины, как смертоносного приговора для себя. Состояние, в которое приводится философией дух наш, есть состояние самообольщения, душепогибели, что вполне явствует из вышеприведенных слов апостола, который повелевает всем желающим стяжать истинное познание от Бога, отвергнуть знание, доставляемое любомудрием падшего человечества. *Никто же себе да прельщает!* — говорит он,— *аще же кто мнится премудр быти в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3, 18).

И истинная философия (любомудрие) совмещается в едином учении Христовом. Христос — Божия Премудрость (1 Кор. 1, 30). Кто ищет премудрости вне Христа, тот отрицается от Христа, отвергает премудрость, обретает и усваивает себе лжеименный разум, достояние духов отверженных. О географии, геодезии, языкознании, литературе, прочих науках, о всех художествах и упоминать не стоит: все они для земли — потребность в них для человека оканчивается с окончанием земной жизни,— большей частию гораздо ранее. Если все время земной жизни употреблю для снискания знаний, оканчивающихся с жизнию земной: что возьму с собой за пределы грубого вещества?.. Науки! Дайте мне, если можете дать, что-либо вечное, положительное, дайте ничем неотъемлемое и верное, достойное назваться собственностью человека! — Науки молчали». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [5, 557-559].

«В делах веры и спасения не философия требуется, а простое, покорное приятие преподанного. Умишко надо под ноги стоптать, вот как на картине Михаил Архангел топчет сатану, Михаил Архангел — это ум, покорный истине Божией, а сатана — это ум возмутительный, суемудренный, от которого все революции и в семействах, и в Церкви. Пусть не думают, что в области веры нет философии. Нет, совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная, утешительная и воодушевительная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии. Только до созерцания сей системы нельзя дойти вдруг. Надо принимать истину за истиной чисто, как преподается, без суемудрия, и слагать их в сердце. Когда соберутся все истины, тогда сознание, молитвой изощренное, узрит строй их и будет ими наслаждаться. Эта премудрость — от века сокровенная! Какие-нибудь бредни, например хоть гегелевские, ведь слушают же с терпением до конца, хотя ничего не понимают в них. Пусть так поступят в отношении к истинам Божиим. Разница будет та, что здесь всякая истина понятна, а в конце возсияет в душе свет великий, которому нет подобного. А там и в продолжении и в конце — все тьма пребезотрадная». Святитель Феофан Затворник («Письма о христианской жизни», письмо 93).

«Я когда-то был настолько наивен, что хотел познать душу, изучая курсы психологии. Сколько глупостей делаешь в молодости, когда нет у тебя руководителя! Вот я действительно был, как в лесу. «Князь мира сего» так ослепляет людей, что как слепые ходят ощупью, а потому постоянно попадают из одной лужи в другую.

Наука — ложь, когда ее данные принимают как нечто абсолютное, ибо завтрашняя наука будет отрицать сегодняшнюю; искусство — сознательная фальсификация по большей части; политика всегда была полна обмана, лжи, преступления, здесь все надо понимать «наоборот», а то, что называется «жизнью»,— суета сует, всяческая суета, а главное, ужасная мелочность, пустота, ложь без конца. Словом, «эпоха лжи», царство князя мира сего...» Игумен Никон [12, 110].

«Вот непрестанно изменяются и поновляются формы слова человеческого. И пусть. Но если вы во всех многословных произведениях его редко встречаете или совсем не встречаете того, что выражает существо христианства, как, например: *Слово плоть бысть и вселися в ны* (Ин. 1, 14), *Господь грехи наши вознесе на теле Своем на древо* (1 Пет. 2, 24), *Единем человеком грех в мир вниде и грехом смерть* (Рим. 5, 12), и прочее, то ведайте, что оно приняло ложное направление, и не подражайте ему.

Вот быстро идут вперед науки. И пусть. Но если они допускают выводы, противные

откровенным истинам, каковы следующие: что все пришло в бытие потому, что Бог рече и быша, повеле и создашася, или, что когда тело возвратится в землю, из коей взято, дух отыдет к Богу, Иже и даде его: то ведайте, что они уклонились на распутие лжи и не идите вслед их.

Вот повсюду размножаются удобства жизни. И пусть. — Но наперед знайте, что сие никак не может изменить той истины, что узкие врата и тесный путь вводят в живот, и кто стал бы проповедовать противное сему, проповедал бы ложь. Не слушайте его.

Вот утончаются формы взаимных отношений (гуманность, цивилизованность). И пусть. Но да не обольстит кто вас лестью, будто, в угоду сему, истина может подать руку лжи, дух плоти,— Христос — Велиару. Кто бы стал утверждать сие, нет истины в нем. Не имейте части с ним.

Вот изобретается все к упрочению благоденствия на земле. И пусть. Но то несомненно, что сие никогда не дойдет до того, чтоб не нужно уже было нова небеса и новы земли, по обетованию Божию, чаять. И кто бы стал настаивать на сем, шел бы против истины,— уклонитесь от такого.

Так и во всем! Утвердите вы в себе сознание духа веры и жизни христианской, и, храня его непоколебимым, все несогласное с ним отревайте. Сие сознание да будет в духе вашем, как утес среди волн моря...» Святитель Феофан Затворник [9, 210].

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ИНЫМ ХРИСТИАНСКИМ (НЕПРАВОСЛАВНЫМ) ВЕРОИСПОВЕДАНИЯМ

«Церквами христианскими... именуются, кроме православной нашей Церкви, Церковь латинская и многие христианские общества протестантские. Но ни Латинской Церкви — ни тем паче протестантских общин не следует признавать истинными Христовыми Церквами, потому что они несообразны с апостольским Церкви Божией устроением». Святитель Феофан Затворник [8].

«Вначале, как известно, все верующие во Христа составляли единую, святую, соборную и апостольскую Церковь, имели одну веру, одни святые таинства, одного главу — Господа Иисуса Христа, а потому тогда все были православные, и у всех было одно учение, одно наставление. Появлялись, правда, еще со времен апостолов в Церкви Христовой еретики и раскольники, и, чем более и дальше распространялось христианство, тем больше и разнообразнее возникали лжеучения: некоторые из древних еретиков и раскольников составляли из себя значительные по своей численности общества или были недолговечны, или были лишены характера стройной самостоятельной религиозной общины: они были лишь больными членами Церкви, иногда отсекаемыми, иногда терпимыми, а не особым больным «телом», не особой «Церковью» (хотя наименование «Церкви» неправильно усвояется неправославным христианским общинам). Но с IX века отделение в Церкви Христовой получило более острый, решительный, устойчивый и более определенный характер. Прежде всего от истинной православной Церкви заслонилась большая часть западных христиан и составила из себя

Церковь римско-католическую: от Церкви римско-католической, в свою очередь, отпала Церковь лютеранская, называемая также протестанской, в XVI веке, с ее многочисленными сектами; и явились таким образом три главные христианские исповедания: православное, римско-католическое и протестантское, и у каждого вероисповедания образовался свой особый катехизис» [1, 2].

Римско-католическая (латинская) церковь

«Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный ее грех — страсть ковать новые догматы, по своему смышлению и своеволию. Сначала она изобрела догмат о происхождении Духа Святого от Отца и Сына, или чрез Сына,— это давно, в начале ее отпадения от истинной Церкви,— а вот на нашей памяти еще придумала два: о непорочном зачатии Божией Матери и о

непогрешимости папы. Ей кажутся такие новоизобретения обогащением и возвышением совершенства Церкви: на деле же это порча Церкви, и порча очень существенная. Учение о происхождении Святаго Духа и от Сына или чрез Сына повреждает догмат о Пресвятой Троице; учение о непорочном зачатии Божией Матери повреждает догмат о повреждении нашего естества в падении и отчасти об искуплении; учение о непогрешимости папы человеку самочинно присвояет Божеское свойство, и повреждает общее учение о Боге и человеке.

Так у нее (Римской Церкви) повреждены существеннейшие части христианского исповедания: о Пресвятой Троице, об искуплении и вообще о естестве Бога и человека. Все сии учения чужды апостольскому преданию, и суть измышления человеческие, и, как таковые, походят на пристройки к зданию, не по плану и стилю здания, и не из того же материала, или на то, как если б кто в цельное виноградное вино подлил какой-либо жидкости, противной его естественному составу. Как такой пристройкой портится здание, а этой примесью вино, так теми учениями латиняне повредили и испортили святую веру, святыми апостолами преданную. Особенно разрушителен последний догмат — о непогрешимости папы. После него недоумеваешь, как и смотреть на эту Церковь». Святитель Феофан Затворник [8, 229-230].

Святой старец Паисий Величковский пишет одному священнику по имени Иоанн, повидимому униату, который просит разрешить его недоумения: «Первым и важнейшим заблуждением униатов является принятое ими от римлян учение, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына. Это есть первая и важнейшая из всех ересей, ибо она заключает в себе неправильное и противное Священному Писанию мудрование о Боге, едином во Святой Троице. Кто исповедует, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына, тот мудрствует в Боге два начала: одно Отца, другое Сына. Мы же, православные, исповедуем в Божестве единое начало — Отца, как и Сам Господь наш Иисус Христос научил нас во Святом Евангелии, говоря, что Дух Святой исходит от единого Отца. Он говорит: *Егда же придет Утешитель, Егоже Аз пошлю вам от Отца, Дух Истины, Иже от Отца исходит* (Ин. 15, 26J. И апостол говорит: *Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов* (Иак. 1,17).— Видишь ли? Он говорит — Отца светов, т.е. Отец есть корень и источник Божества; два же света,
Сын и Дух от единого света Отца, имеют свое предвечное бытие, Сын в рождении и Дух Святой в исхождении.

Божественный же пророк Давид говорит: *Словом Господним небеса утвердишася, и духом уст Его вся сила их* (Пс. 32, 6). Видишь ли, Господом называет Отца, Словом же Его называет Сына, как предвечно от Него родившегося: духом же уст Его (а не их) называет Святого Духа, как исходящего от единого Отца. Много и других можно отыскать свидетельств Ветхого и Нового Завета, яснее солнца показывающих, что Дух Святой исходит от единого Отца и на Сыне почивает, как это обнаруживается и в крещении Господнем.

И все святые толкователи Священного Писания, вселенские учители Церкви как бы едиными устами говорят, что Дух Святой исходит от Отца, и нигде не написано, что и от Сына. И так, если униаты являются единомысленными с римлянами в столь тяжкой ереси, то какая есть у них надежда спасения, если они не отвергнут явно эту духоборную ересь и не соединятся снова со святой православной восточной Церковью?..»

Далее старец Паисий убеждает священника, которому пишет, поспешно бежать от унии, как Лот бежал из Содома: «Не пожалей,— пишет он,— ни имущества, ни родственников, если они не захотят послушать тебя, но всячески спасай собственную твою душу от погибели. Ибо для тебя нет ничего нужнее души, за которую умер Христос. Убегая же, не озирайся вспять сердцем ради скоро погибающего имения: лучше тебе в нищете пребывать, нежели похулить Святого Духа, как хулят Его римляне. Уйди и беги от унии как можно скорее, да не застигнет тебя в ней смерть и да не будешь причислен к еретикам, а не к христианам. И не только сам уходи, но советуй уходить и другим, о которых по совести знаешь, что они послушают тебя. Если же не послушают, то хотя сам уходи от сети вражией и соединись душой и сердцем со святой православной Церковию, и таким образом, содержа вместе со всеми непорочную веру и исполняя заповеди

Христовы, сможешь спастись» [11, 217-218].

Феофилакт Болгарский, блаженный отец XI века, все латинские разногласия хотя и называет несправедливыми, но считает возможным покрыть их христианской любовью. Вооружается же он главным образом против прибавления к Символу веры «и от Сына»: «Здесь,— пишет блаж.Феофилакт,— самое опасное зло, и если не позволяют сделать исправлений, то уступать не надобно, хотя бы говорили они от престола, которым так хвалятся возносящиеся, хотя бы выставляли исповедание Петрово, хотя бы обещали блаженство, хотя бы показывали блаженство, хотя бы показывали нам ключи Царствия Небесного...» (Предисловие к «Благовестнику»).

Протестантские церкви

«Что касается до протестантских общин, то хотя и можно назвать их христианскими, потому что они толкуют о христианстве,— но никак Христовыми Церквами, Христова Церковь устроена святыми апостолами, по начертанию и плану Самого Господа, Духом Святым уясненному и утвержденному. А эти общины устроены людьми самочинно и по плану, ими самими учиненному. У них есть многое, взятое из апостольского предания, но всему дан иной строй, иное место и иной смысл. Они разоряли прежнее здание Церкви, брали из нее, что казалось гожим по их мыслям, прибавляли свое и из смеси того и другого слагали свою общину. Что же тут Христово? В здании главное — идея здания и план по ней. Как у них то и другое не Христово, а свое, своим умом измышленное, то эти общины несправедливо именовать Христовыми Церквами. Ибо Христу в устроении их не дано части. Правда, они говорят, что заимствовали указания на устроение своих общин из Писания. Но идея и план построения не были преданы Писанию; потому не могли быть оттуда заимствованы. Можно наведения некие делать об них из написанного, но наведения дают только вероятности, а не подлинную истину. Истинную идею и план Церкви Божией апостолы осуществили на деле в устроении Церкви. Кто возжелал бы их познать, тому следует обратиться к самой Церкви Божией, и из нее сему научиться, а не из Писания браться извлекать их, когда они туда не положены. Они там видны отчасти: но чтобы узреть их, надо наперед ознакомиться с ними из действительного устройства святой Божией Церкви. А протестанты как поступают? Разорят Церковь и потом из обломков ее с приложением кое-чего и своего строят новую, самоизмышленную. Можно ли ожидать, чтоб они напали на след Божия начертания истинной Церкви?!»

«После сего сам можешь сделать неложное заключение о протестантских Церквах: что, поскольку они устроены не по Божию, а по измышленному плану и такой же идее, то не суть подлинные Церкви Христовы, а поддельные. Они то же, что фальшивая монета или, лучше, что фабрикованное вино. Фабрикованное вино и по виду и по вкусу, иногда и по аромату бывает похоже на естественное вино — настоящее: но в существе своем совсем не оно есть, хоть золотыми буквами надписывается, что это такое-то, такое-то вино. Так и эти Церкви, по надписи Христовыми кличутся, но в существе не суть таковы. Их прилично назвать фабрикованными церквами.

Первым начал эту фабрикацию Лютер, а потом, с его легкой руки, за то же взялись и другие и нафабриковали церквей множество, но все еще не довольны. Фабрикование церквей стало боевой жилой протестантства. Оттого среди них оно все еще продолжается и, кажется, будет продолжаться до скончания века...

Все фабриканты церквей исходили и исходят из той мысли,— что Церкви Божией, как она апостолами устроена, нет на земле,— что я и называю разорением старого. Но как без Церкви нельзя быть, то надобно ее снова построить, к чему они и приступают смело, почитая себя к тому призванными по тому одному, что это пришло им в голову. Но как строить, по каким указаниям? — Конечно по Писанию, как же иначе? — Бросаются в Писание и ну — рыться. В Писании, как я говорил, не изложен план здания Церкви, но содержатся только некие неясные намеки на него. Нападая на такие намеки и истолковывая их по-своему, они берут их в основу плана здания церкви и немедленно приступают к устроению самой церкви. Как один из них берет одно в основу своей церкви, другой другое, третий третье, то у каждого выходит своя церковь, непохожая на

другие. Выходит, сколько умов, столько планов церквей, сколько планов, столько и церквей. А настоящей — ни одной. Разность их, сама бросающаяся в глаза, довольно сильное должна подавать вразумление, что ни один из фабрикантов их не попал на след истины. Но как все они имеют в основании нечто от Писания, то всякий из них затрудняется признать себя ошибающимся, а напротив, твердит, что он только один и попал на след должный. Так и стоят сии церкви одна подле другой,— все почитая себя настоящими церквами и не будучи ни одна такой.

Если нет на земле апостольской Церкви, то где же с нашим умишком додуматься до того, как она устроена была апостолами? Нечего потому и браться за это дело возустроения Божией Церкви. Да ведь и не для чего. — Есть на земле апостольская Церковь, по неложному обетованию Самого Господа. Эти фабриканты церковные двояко виноваты: и тем, что берутся за дело, к которому не призваны и способов не имеют, и тем, что не трудятся увидеть истинную Церковь Божию, которая по неложному обетованию Божию должна быть на земле до скончания века, или нарочно искривляют глаза свои, чтоб не видеть ее, когда она стоит воочию их. Этот труд искания и обретения истинной Церкви был бы достоин похвалы; а этот труд — фабрикования церкви — смеха достоин. Тот спасителен, а этот в пагубу ведет и фабрикующего и увлекающихся вслед его...

Папа изменил многие догматы, все таинства перепортил, расслабил правила церковного руководства и исправления нравов, и все пошло не по намерению Господа — хуже и хуже. Потом явился Лютер — умный человек, но своенравный. Папа, говорит, изменяет все, что вздумает, почему же мне не изменять?! И начал все строить и перестраивать по-своему, и учредил таким образом новую веру — лютеранскую, далеко не похожую на ту, которая Господом заповедана и святыми апостолами нам предана. После Лютера выступили философы. — Вот, говорят, Лютер завел у себя новую веру, хоть из Евангелия, будто, но по своему уму. Почему же нам и помимо Евангелия не составить учение по одному своему уму? — И начали умствовать и гадать — и о Боге, и о мире, и о человеке — всякий по-своему, и наделали столько учений, что голова помутится от одного перечисления их. И стало у них теперь: веруй как вздумаешь, живи как хочешь, наслаждайся, чем душе твоей угодно. — Широко у них: все преграды разметаны. Но путь сей широкий ведет в пагубу, как Господь сказал.— Вот куда завело послабление в учении!..

Ни у папистов, ни у протестантов, ни у англичан... нет истины Божией,— настоящей, чистой, полной. Она пребывает в единой истинной Церкви православной. То правда, что сами они в обольщении думают, что обладают истиной, но истина далека от них. Паписты первые отпали от истины, но думают, что они-то и удерживают ее. Протестанты обличили несостоятельность папистов во многом, но сами не попали на истину, а еще дальше отбежали от нее, построив свою новую веру, и по своему суемудрию, а не по истине Божией, думать же и они думают, подобно папистам, что напали на истину, которой чуждыми сочли папистов. Англичанам не понравилась немецкая вера, и они построили свою, тоже по своему суемудрию, а не по истине Божией, говоря: у немцев то и то нехорошо, мы свою сочиним веру, которая нам пригожей,— и сочинили, уклонившись от истины Божией еще дальше, думая однако же, что стоят в ней тверже других. У англичан потом, равно как у немцев расплодилось множество вер, которые все тоже хвастают, что напали наконец на истину, тогда как на деле еще дальше отступили от нее. Как они искали ее не там, где ее Бог положил, а в своем суемудрии, то не на истину напали, а приняли за истину разные признаки истины и на них построили свои верования...» Святитель Феофан Затворник [8, 91].

Секты

Что же касается до всевозможных сект и собраний, которые прикрываются именем Христовым, но Церкви Святой чуждаются и все дальше и дальше удаляются от нее, то уместно вспомнить правила святых соборов.

«Аще кто кроме Церкви особо собрания составляет и, презирая Церковь, церковная говорит хощет, не имея с собой пресвитера по воле епископа: да будет под клятвой».

«Аще кто учит невозбранно пренебрегати дом Божий, и бывающие в нем собрания: да будет под клятвой» (Поместный Гангрский Собор, пр. 5).

«Да не будет позволено никому произносити, или писати, или слагати иную веру, кроме определенныя от св.отец, в Никеи граде, со Святым Духом собравшихся» (Ефесский Собор, пр. 7).

«Необходимо помнить, что христианство возвестило нам истину Божественную, следовательно, абсолютную, следовательно, навеки неизменную и не подлежающую ни поправкам, ни дополнениям, ни усовершенствованиям. Если же так, то христианское вероучение должно быть как вначале, так и на все последующие века вероучением совершенно тождественным в своем содержании, И дело немыслимое, будто Церковь, которой затем и преподан *образ здравых словес* (2 Тим. 1, 1), чтобы быть ей *столпом и утверждением истины* (1 Тим. 3, 15), может проповедовать учение веры одним векам и поколениям с такой полнотой, а другим с иной...

В XVIII веке Восточные Патриархи писали о этом: «Наши догматы и учение нашей Восточной Церкви еще издавна исследованы, правильно и благочестиво определены и утверждены Святыми Вселенскими Соборами: прибавлять к ним или отнимать от них что-либо непозволительно».

В Окружном послании Восточные Патриархи еще яснее подтверждают свою верность традициям Вселенской Православной Церкви. «И мы предадим святую веру в грядущие поколения, какой сами приняли, без всякого изменения, дабы и они, подобно нам, непостыдно и без упрека могли говорить о вере своих предков».

Православное вероисповедание допускает прогресс в христианстве, но его нужно понимать не в смысле появления каких-либо новых догматов, а в более углубленном и расширенном понимании той или иной догматической истины» [10, 111-113].

«Бегайте новин в делах веры и благочестия и блюдитеся от этих лживых пророков, которые приходят в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы,— проразумевайте ложь, кроющуюся в привлекательных словах льстецов, ищущих растлить вас под видом доброжелательства,

Я разумеваю всех неправомыслящих и неправоходящих не по немощи, а по упорству, с желанием привлечь и других на свою сторону...» Святитель Феофан Затворник [9, 19].

Православная Церковь

«Но когда на Западе множилось такое разнообразие вер, более или менее ложных, на Востоке неизменно пребывала в своем веровании Православная Церковь — единая, истинная, Божию истину содержащая, ту самую истину, которая возвещена Господом Спасителем и насаждена в Церкви святыми Его апостолами. Мы, сыны Церкви православной, содержим сию истину и стоим в ней. Чрез целый ряд веков шла непреложная истина в Церкви Православной и до нас дошла. Стоит в истине святая Церковь: стоим в ней и мы. Благодарение Господу, благоволившему родиться нам в недрах единой истинной Православной Церкви!» Святитель Феофан Затворник L8].

КАКОВО ВСЕГДА БЫЛО ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ К ЕРЕТИКАМ

По учению отцов и учителей Церкви, ересью называется такое лжеучение, которое подрывает самые основы христианского вероучения, искажает догматы веры и совершенно отчуждает своих последователей от Православной Церкви... Как говорит св. Василий Великий: еретик — тот, кто верой чужд.

«До самого скончания века мы не должны ожидать никакого нового откровения. Что же потому должно думать о том, кто пришел бы и стал уверять нас, что он приносит нам от Бога новое откровение? — Мы должны почесть его лжецом и обманщиком. Если б даже он говорил, что ангел или какой-либо дух говорит ему, и тогда надо с твердостью отвергнуть его, не допуская в себе раскрыться духу пытливости или каким льстивым надеждам. «Един Господь, едина вера, едино крещение»,— учит апостол (Еф. 4, 5). Какой еще иности в вере и Богоугождении ожидать, желать и принимать нам?! И какая нужда

нам слушать всякого встречного, тем паче, когда он иного Иисуса — иной образ спасения проповедует, его же не проповедали апостолы, или иного духа предлагает принять, коего не принимали доселе, или к иному благовестию склоняет, коего не было слышно прежде (2 Кор. 11, 4)? — Какого еще нужно учения, когда то, которое мы содержим, так спасительно и так многообразно доказало свою спасительность?! К сему может располагать только праздное желание перемены. Послушайте, что о сих духах — проповедниках новых учений — пишет апостол и евангелист Иоанн Богослов: *Возлюбленные, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. О сем познавайте Духа Божия и духа лестна: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть. И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть: и сей есть дух антихристов, егоже слышасте, яко грядет, и ныне в мире есть уже* (1 Ин. 4, 13)». Святитель Феофан Затворник [1, 729-730].

«Кто из учения Христова отвергает хотя один догмат, тот отрицается Христа» [6, письмо 30].

«Что ересь заключает в себе отвержение Христа, о том сказал св. апостол Петр во втором послании своем: *В вас будут лживии учителие, иже внесут ереси погибели, и искупльшаго их Владыки отметающеся* (2 Пет. 2, 1). Всякая ересь есть отвержение Искупителя. Самая иконоборная ересь, по наружности отвергающая только икону Христову, в сущности отвергает вочеловечение Христово, следовательно отвергает Искупителя и искупление. Отвержение христианских таинств, без очевидного отвержения Христа, в сущности, есть отвержение Христа: при отвержении таинств прекращается и уничтожается существенное общение со Христом».

«Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душой, чужд благодати и спасения, в общении с диаволом и его погибелью. Ересь — грех ума. Ересь — более грех диавольский, нежели человеческий: она — дщерь диавола, его изобретение,— нечестие, близкое к идолопоклонству. Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь — злочестием. В идолопоклонстве диавол принимал себе божескую честь от ослепленных человеков, а ересью он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха — богохульства. Кто прочитает со вниманием «Деяния соборов», тот легко убедится, что характер еретиков — вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость,— увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности замечательна их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви и жажда к крови их! Ересь сопряжена с ожесточением сердца, со страшным помрачением и повреждением ума, упорно держится в зараженной ею душе — и трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Святого: она или хулит догмат Святого Духа, или действие Святого Духа, но хулит непременно Святого Духа.

С у щ н о с т ь в с я к о й е р е с и — богохульство...

Замечательно: все древние ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную литургию, все таинства, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святого Духа...» Святитель Игнатий (Брянчанинов) [6, письмо 28].

Святые отцы Церкви всегда учили остерегаться и удаляться от еретиков. «Некоторые имеют обычай коварно носить имя Христово, между тем делают дела, недостойные Бога. От них вы должны убегать, как от диких зверей; ибо это бешеные псы, исподтишка кусающие. Вам должно остерегаться от них, ибо они страдают неудобоисцелимым недугом. Для них есть только один врач... Господь наш Иисус Христос» [3, 104].

«Итак, прошу вас, не я, но любовь Иисуса Христа,— питайтесь одной христианской

пищей, а от чуждого растения, какова ересь,— отвращайтесь. К яду своего учения еретики примешивают Иисуса Христа, чем и приобретают к себе доверие: но они подают смертоносную отраву в подслащенном вине. Не знающий охотно принимает ее и вместе с пагубным удовольствием принимает смерть» [3, 121].

«Не обольщайтесь, братья мои! Растлевающие домы Царствия Божия не наследуют. Но если делающие это в отношении к плоти подвергаются смерти, то не гораздо ли более,— если кто злым учением растлевает веру Божию, за которую Иисус Христос распят? Такой человек, как скверный, пойдет в неугасимый огонь, равно как и тот, кто его слушает». Священномученик Игнатий Богоносец [3, 108].

«Быть еретиком — значит быть в отлучении от Бога».— Рассказывали об авве Агафоне следующее: «Пришли к нему некоторые иноки, услышав о великой его рассудительности. Желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его: ты — Агафон? Мы слышали о тебе, что ты гордец? — Он отвечал: да, это правда. Они опять спрашивают его: ты, Агафон, пустослов и клеветник?— Он отвечал: я. И опять говорят: ты, Агафон, еретик? — Он отвечал: нет, я не еретик. Затем спросили его: скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес? Он отвечал им: первые пороки я признаю за собой, ибо это признание полезно душе моей, а быть еретиком, значит быть в отлучении об Бога; но быть отлучником от Бога я не хочу. Услышав это, они удивились рассудительности его и отошли, получив назидание».

На путь язык не идите и во град Самарянский не внидите (Мф. 10, 5). Нам это надо понимать в отношении к еретикам: итак не войдем в церкви их, ни в жилища их. Но где будет сын мира, семя благочестивое, там и пристанем, там и пищу принимать будем, как и в предыдущие годы. Будем беречься от притворяющихся держащими истину, которые говорят, что они правые руководители, но не суть таковы, а заблуждаются, *прельщающе и прельщаемы* (2 Тим. 3,13), *ихже суд праведен есть* (Рим. 3, 8). Будем хранить веру неуклонной и жизнь непорочной, не умаляя и не оскорбляя одной другой, но в той и другой пребывая целыми и совершенными». Прп. Феодор Студит [13, 364].

«От святого Поликарпа Смирнского слышали, что Иоанн, ученик Господа, в Ефесе, пришед в баню и увидев в ней Керинфа (известного еретика), выбежал из бани, не мывшись, и сказал: убежим, чтобы не упала баня, потому что в ней враг истины — Керинф». И сам Поликарп при встрече с Маркионом, сказавшим ему: «Знаешь ли меня?» — отвечал: «Знаю первенца сатаны». Такую осторожность имели апостолы и их ученики, чтобы даже в слове не иметь общения с кем-либо из тех, которые искажали истину, как и Павел сказал: *От еретика — человека отступай после первого и второго вразумления, знал, что таковый развратился и согрешает, будучи самоосужден* (Тит. 3, 10-11)». Священномученик Ириней Лионский [3, 632].

«Когда кто из знаемых твоих держится еретических мудрований, увещай его познать правую веру, но не состязайся с ним и не желай слышать, как он мудрствует, чтобы не заразиться ядом его. Если он пожелает услышать истину веры, приведи его к святым отцам, которые могут оказать ему пользу о Христе. Таким образом ты поможешь ему по Богу без вреда себе. Но если он по первом и втором увещании не исправится, то таковаго, по слову апостола, отрицался (Тит. 3, 10)». Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк [13, 130].

«Грешно не только читать, но даже держать у себя неправославные книги, например еретические и раскольнические. Пресвитер Кириак, державший в своей келии еретические сочинения Нестория, был вразумлен в своей виновности следующим видением: он видел стоявшую около своей келии жену, одетую в багряницу, и с нею двух мужей, в коих он узнал Пресвятую Богородицу и сопутствовавших ей Иоанна, Предтечу Господня, и Иоанна Богослова. В неизреченной радости бросился благоговейный пресвитер к стопам Богоматери и просил посетить его келию, но Она не согласилась, несмотря на его слезные просьбы, и наконец сказала: «Как же хочешь ты, чтобы я вошла к тебе, когда ты в своей келии держишь врага Моего?»

Пробудившись от сна, Кириак в глубокой скорби начал размышлять: «Кто бы мог быть врагом Пресвятой Богородицы? Кроме меня, со мной никого не было в келии». Чрез несколько времени, занявшись чтением книг, пресвитер нашел между ними поучения

еретика Нестория, осужденного на III Вселенском Соборе за то, что называл Пресвятую Богородицу не Богородицей, а Христородицей, как бы от нее родился простой человек, а не вместе и Бог. Теперь только Кириак понял, кто был в его келии враг Пресвятой Богородицы. Он тотчас сжег еретическую книгу, сказав: «Пусть же с этих пор не будет у меня врага Пресвятой Богородицы» [1].

В житии великого отца Египетской пустыни преподобного Паисия Великого (память 19 июня) мы находим поразительный пример тому, как легко утратить благодать Божию.

Дело было в Египте. Однажды ученик его отправился в город, чтобы там продать рукоделие свое. На пути туда повстречался он с евреем, который, приметив его простоту, начал соблазнять его, говоря так: «Возлюбленный, зачем ты веруешь в простого Человека, который к тому же распят на кресте? Он ведь совсем не ожидаемый Мессия. Должен прийти другой, а не Он», Ученик, будучи слаб умом и прост сердцем, начал прислушиваться к этим словам и даже посмел сказать: «Может быть, ты говоришь правду». И вот он вернулся в пустыню, преподобный Паисий отвернулся от него и ни слова не сказал ему. Наконец, после долгих упрашиваний ученика, преподобный сказал ему: «Кто ты такой? Не узнаю тебя. Тот ученик мой — христианин, и благодать святого крещения была на нем, а ты не таков,— если ты и в самом деле мой ученик, то благодать св. крещения оставила тебя, и образ Христа в тебе уничтожен». Ученик в слезах поведал о своем разговоре с евреем, на что преподобный отвечал: «О несчастный! Что может быть хуже и подлее тех слов, которыми ты отрекся от Христа и Его Божественного крещения? Теперь иди и плач над собой как хочешь, у меня же тебе нет места, имя твое записано среди имен, отрекшихся от Христа, и вместе с ними тебя ждут осуждение и муки». Услышав от преподобного такой приговор, ученик исполнился покаянием, и в ответ на его мольбы преподобный ушел в затвор для молитвы. Он умолял Бога простить ученику его грех. И услышал Господь молитву преподобного и даровал ему знамение, что прощен ученику грех его. И тогда преподобный предостерег его: «Чадо, воздай славу и благодарение Христу Богу нашему со мной за то, что нечистый богохульный дух изгнан из тебя, и вместо него Дух Святой низшел на тебя и восстановил в тебе благодать св.крещения. И вот, храни себя теперь, дабы из-за лености и беспечности не впасть тебе снова во вражеские сети, ибо, согрешив, должен ты будешь гореть в огне геенны». Житие преподобного Паисия Великого.

«Ныне, когда гонители не продолжают гонение за Христа, нам надлежит пророческого послушаться слова: *изыдите из среды их и отлучитеся, глаголет Господь* (Ис. 52,11; 2 Кор. 6,17). Если иные действуют в сем отношении, они сами за себя дадут Господу ответ в день суда. Мне же кажется, что идти вместе сними есть то же, что безразличничать в отношениях своих к еретикам». Преподобный Феодор Студит [13, 371].

СПАСУТСЯ ЛИ ЕРЕТИКИ?

«Вопрос, предложенный вами, теперь предлагается сряду. «Отчего не спастись,— пишете вы,— язычникам, магометанам и так называемым еретикам? Между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да! Это противно даже здравому разуму человеческому! — А еретики — те же христиане. Считать себя спасенными, а членов прочих верований погибшими,— это и безумно, и крайне гордо!»

Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий — разряд существ погибших. Погибель — удел всех людей, и добродетельных и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. «Сниду к сыну моему, сетуя, во ад»,— говорит св. патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе, целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел человеческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтоб восстановить общение человека с Богом, иначе,— для спасения,— необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено не ангелом, не каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ,— совершено было Самим беспредельным Богом. Казни — жребий рода человеческого — заменены Его

казнью; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верой в Господа нашего Иисуса Христа. Спросили Господа иудеи: «Что сотворим, да делаем дела Божия?» Господь отвечал им: *Се есть дело Божие, да веруете в Того, Егоже посла Он* (Ин. 6, 28-29). Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера; но вера — дело. Верой, одной верой мы можем войти в общение с Богом, при посредстве дарованных Им таинств. Напрасно же, ошибочно вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, т.е. вступят в общение с Богом! Напрасно вы смотрите на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! Таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной и Новозаветной. Церковь всегда признавала одно средство спасения — Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиной предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как вы хотите, чтоб язычники и магометане за то, что они кажутся вам добренькими, не познавшие и не уверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю вам, средством,— верой в Искупителя? — Христиане! Познайте Христа! Поймите, что вы не знаете Его, что вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа отрицается Христа и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

Вы говорите: «еретики — те же христиане». Откуда вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином, как и еретики, а святую веру христианскую не отличит от чада клятвы — богохульной ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душой, чужд благодати и спасения, в общении с диаволом и его погибелью.

Сущность всякой ереси — богохульство. Святой Флавиан, патриарх Константинопольский, запечатлевший кровью исповедание истинной веры, произнес определение Поместного Константинопольского Собора на ересиарха Евтихия в следующих словах: «Евтихий, доселе иерей, архимандрит, вполне уличен и прошедшими его действиями и настоящими его объяснениями в заблуждениях Валентина и Аполлинария, в упорном последовании их богохульству тем более что он даже не внял нашим советам и наставлениям к принятию здравого учения. А потому, плача и воздыхая о его конечной погибели, мы объявляем от лица Господа нашего Иисуса Христа, что он впал в богохульство, что он лишен всякого священнического сана, нашего общения и управления его монастырем, давая знать всем, кто отныне будет беседовать с ним или посещать его, что они сами подвергнутся отлучению». Это определение — образчик общего мнения Вселенской Церкви о еретиках; это определение признано всей Церковью, подтверждено Вселенским Халкидонским Собором. Ересь Евтихия состояла в том, что он не исповедовал во Христе по воплощении двух естеств, как исповедует Церковь,— он допускал одно естество Божеское.— Вы скажете: только?!..

Конечно, в ереси вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно поэтому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святой— только! Принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство, не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего — он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему во спасении!.. Вся причина последнего вашего недоумения, как и всех прочих,— глубокое незнание христианства!

Богохульник не спасется! И те недоумения, которые вы изобразили в письме вашем,— уже страшные наветники вашего спасения. Их сущность — отречение от Христа! Не играйте вашим спасением, не играйте! Иначе будете вечно плакать.— Займитесь чтением

Нового Завета и св. отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая церковь выдает за святых!); изучите в святых отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жительство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину. Из Писания и живой веры изучите Христа и христианство» Святитель Игнатий (Брянчанинов) [6, письмо 28].

МОЖНО ЛИ ВХОДИТЬ В МОЛИТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ С НЕПРАВОСЛАВНЫМИ ХРИСТИАНАМИ (ЕРЕТИКАМИ)?

Можно ли возносить молитвы за инославных христиан живых?

«По духу и смыслу церковных законоположений церковная молитва должна быть возносима только за тех верующих, которые состоят или состояли в подчинении Церкви, признают или признавали ее своей матерью, веруют или веровали в нее, а с:теми, которые чуждались или чуждаются Церкви, не должно быть общения молитвенного. По 45-му апостольскому правилу «епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся только, да будет отлучен»; тому же отлучению по 10-му апостольскому правилу подлежит всякий, «кто с отлученным от общения церковного помолится, хотя бы то было в доме»; по 46-му правилу запрещается принимать жертву от еретиков. Эти правила повторяются и подтверждаются дальнейшими соборными определениями (см.: Антиохийский Собор, пр. 2; Лаодикийский Собор, пр. 6, ,33, 37) и они должны лежать в основании практики церковной, и в своей пастырской деятельности пастырь Церкви не должен отступать от этих правил. Очевидно, с этими правилами не согласно возношение церковных молитв за тех, которые стоят вне церковного общения» [1, 693].

Из апостольских правил:

«Аще кто с отлученным от общения церковного помолится, хотя бы то было в доме: таковый да будет отлучен» (пр. 10).

«Аще кто, принадлежа к клиру, с изверженным от клира молиться будет: да будет извержен и сам» (пр. 11).

«Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что-либо, яко служителям Церкви: да будет извержен» (пр. 45).

«Епископа, или пресвитера, приявших крещение, или жертву еретиков извергати повелеваем. *Кое бо согласие Христови с Велиаром? Или кая часть верному с неверным?* (2 Кор. 6, 15) (пр. 46).

«Не подобает от еретиков принимати благословения, которые суть суесловия паче, нежели благословения» (пр. 32).

«Не подобает молиться с еретиком, или отщепенцем» (пр. 33).

«Не попускати еретикам, коснеющим в ереси, входити в дом Божий» (пр. 6).

«Не должно принимати праздничные дары, посылаемые от иудеев, или еретиков, ниже праздновати с ними» (Лаодикийский Собор, пр. 37).

«Аще кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолиться: да будет и от чина священного извержен, и отлучен от общения церковного» (Правила святых апостолов, 66).

«История не знает, а мысль отказывается предполагать возможность совместного сослужения православных священников со священниками латинскими, старокатолическими, или же армянскими, потому что в нашем сознании живы прещения 45-го апостольского правила, которое предусматривает строгие санкции для молящихся совместно с еретиками и отлучение для тех, которые принимают священнодействия (требоисправления), совершаемые их клириками. С другой стороны, согласно древним правилам Церкви, никто не перестает быть еретиком, если, признавая и исповедуя таинства Православной Церкви, продолжает быть отделенным от нее по вопросам веры и жизнепонимания (концепции).

Поэтому общение с инославными в таинствах находится в противоречии с нашими традициями, ибо, по учению святых отцов, отпадение от Церкви влечет за собой прекра-

щение благодатных даров Святого Духа вследствие утраты преемственности (1-е пр. св. Василия Великого). И для того, чтобы не быть участниками в их заблуждениях относительно веры и избежать осуждения вместе с ними, св. Иоанн Дамаскин поучает всячески остерегаться евхаристического общения с ними, принимая от них или же преподавая им Святое Причастие...»

«Для Православной Церкви теоретическое признание таинств, совершаемых вне ее, означало бы для нее отречение от сознания ее собственной непогрешимости, как единственной непрерывной хранительницы богооткровенных истин и благодати, и в то же время было бы в противоречии с правилами первенствующей Церкви, верной продолжательницей которой она является. Равенство в отношении таинств предполагает одновременно и взаимообщение в таинствах, что категорически осуждается учением Соборной Вселенской Церкви» [10, 320-324, 333].

Когда в 336 году еретик Арий обманом добился того, чтобы быть принятым в церковное общение, и готовился идти в храм, престарелый византийский епископ Александр в храме Мира молил Бога о том, чтобы он сам или ересиарх Арий были взяты из мира, так как епископ не хотел быть свидетелем такого святотатства, как приятие еретика в общение с Церковью. И Промысл Божий явил над Арием справедливый суд Свой, в день торжества послав ему нежданную кончину (см,: Жития святых св. Димитрия Ростовского. Кн. 9. М., 1908.— С. 820).

Когда во второй половине IV века император Валент (364-378), желая насадить арианскую ересь, незаконно возвел на епископскую кафедру арианина, лжеепископа по имени Лупус, то православное население Едессы, клирики и миряне, перестали посещать свою церковь, захваченную арианами. Они собирались за городом и совершали богослужение на открытом месте.

Император приказал призвать к себе на допрос клириков, лиц духовного чина, во главе со старейшим пресвитером Евлогием, он добивался, чтобы они вошли в церковное общение с лжеепископом, но никто из них не согласился. После этого 80 мужей духовного чина в оковах послали в заточение во Фракию (Жития святых, 26 августа).

«Скажи мне, старец, когда ты умрешь,— как хочется тебе, чтобы похоронили тебя (т.е. с православными или с неправославными)?» — так спросил ангел одного старца — подвижника, который, по слепой простоте в делах веры, без разбора приобщался, где только открывался случай. Когда вопрошенный старец пришел к другому старцу и передал ему, что слышал от ангела,— последний старец внушил ему нигде не приобщаться вне Святой, Соборной и Апостольской Церкви и ангелу отвечать, что желает быть похороненным, подобно инокам иерусалимским, которые были истинно православные. Ангел, выслушав такой ответ от вразумленного старца, одобрил его, и старец тотчас скончался: все это сделано было с той целью, чтобы старец не погубил трудов своих и не был осужден с грешниками» (Луг духовный, гл. 176).

«Так как мы причащаемся от единого Хлеба, то все делаемся единым Телом Христовым и единой Кровию, и членами друг друга, будучи составляющими одно Тело со Христом. Поэтому, да станем всей силой отвергаться, чтобы ни принимать причащения от еретиков, ни давать им. Ибо *не дадите святая псом,— говорит Господь,— ни пометайте бисер ваших пред свиниями* (Мф. 7, 6), чтобы нам не сделаться участниками превратного учения и осуждения их» (Точное изложение православной веры св. Иоанна Дамаскина, с. 225).

«Один православный монах уговаривал их (раскольничьих монахов.— Ред.) оставить все свои несогласные с церковными обычаи, принять и войти в общение с Церковью. Они согласились все принять, все предания, только чтоб им по-прежнему креститься двумя перстами. Когда об этом узнал святой Патриарх Антиохийский Сильвестр, муж святой и исполненный премудрости Святого Духа, а также и молдавский митрополит Никифор, грек, муж премудрый, то они наотрез запретили этим раскольникам остаться в православном монастыре в таких даже словах: «Если вы от всей души вашей хотите присоединиться к Соборной Церкви, то вам следует без всякого сомнения и со всей искренностию принять все апостольские предания и обычаи Церкви, без какого-то ни было исключения; тогда и Церковь приняла бы вас в свое общение, как любимых чад, с

великой радостью. А так как вы не на все апостольские предания и церковные обычаи соглашаетесь, но крепко и непоколебимо стоите на своем самоизмышленном двоеперстном сложении и не хотите в этом деле покориться Божией Церкви и просите, чтобы Церковь приняла вас в общение с вашим двоеперстным сложением, то может ли Церковь исполнить ваше желание? Возможно ли, чтобы в одной и той же Соборной Церкви было два обычая, друг с другом несогласных и друг другу противных, чтобы одни и те же христиане не одним и тем же способом полагали на себе крестное знамение? и т.д., и т.п.» — и потом говорят: «Поэтому знайте твердо, что Церковь Божия на ваше предложение ни в каком случае согласиться не может и вы об этом, как о вещи невозможной, более нас и не просите, но идите к себе и уже не оставайтесь в той обители, в которой теперь находитесь, ибо вы, как непокорные Церкви, не можете иметь общения с живущими там православными монахами».

Рассудите теперь сами, христолюбцы,— если раскольничьих монахов, готовых принять все апостольские и церковные обычаи, за одно неоставление ими двуперстного сложения, Церковь не приняла в свое общение, то каким образом она может принять тех, которые... имеют сомнения относительно предания Соборной Церкви, не слушают ее повелений и во многом другом не хотят покориться церковным правилам? Вы спрашивает е о них, имеют ли они надежду спасения, хотя бы за их добрые дела, и можно ли священнику разрешать их на исповеди и причащать Святых Таин, и молите дать вам достаточный ответ. На это отвечаю вам: по моему мнению, раскол может быть двоякий — или сам кто-нибудь состоит в расколе, или других приводит в раскол, отторгая от Церкви своим богоборным учением. Пребывающий в таком расколе, если и все добрые дела совершил, если бы и кровь свою мученически за Христа пролил, что несомненно превосходит все добрые дела, ни в каком случае не сможет загладить этого смертного греха, т.е. раскола. Если же человек даже мученической кровью не может загладить своего раскола, то какая может быть ему надежда на спасение и как может разрешить его на исповеди священник без истинного его обращения к Церкви и сподобить его причастия Святых Таин? Это никак невозможно и будет во всяком случае противно истине Святой Божией Церкви» [11, 222-223].

«Если вы говорите о противящихся Соборной Церкви, и в противлении и нераскаянии своем умирающих, то поверьте мне, что церковное поминовение о таковых не только не будет приятно, но и противно будет и Богу и Святой Церкви, и священник, дерзающий по таковым творить поминовение, смертно согрешает. Поминовение по умершим есть самая главная часть бескровной жертвы, приносимой за православных христиан, как живых, так и умерших. Если кто-нибудь, и даже из православных христиан, явно согрешает и не кается, то о таковом Св. Церковь запрещает приносить бескровную жертву, пока он совершенно не оставит своего греха и искренно не покается. Если о православном явном грешнике не кающемся Церковь не разрешает приносить бескровную жертву, то может ли она допустить приносить таковую за умершего без всякого покаяния, в противлении Св. Церкви?! — Никак не может.

О явном грешнике, что не подобает ему причащаться святых Таин и невозможно приносить за него бескровную жертву, свидетельствует святой Симеон, архиепископ Солунский, следующими словами: «Нет места неверным или иномудрствующему. Поэтому никак не следует какому бы то ни было священнику приносить жертву или творить поминовение о явно согрешающем и не кающемся, так как это приношение бывает им в осуждение, равно как и принятие страшных Таин недостойно и без покаяния причащающимся, как об этом говорит божественный Павел (1Кор, 11, 29). Того же Симеона, о каковых следует приносить частицы: «Явно согрешающих верных приношения священники не должны принимать, как случится, но сначала требовать покаяния. Ибо приобщение бывает приносимой частицей, и не подобает, будучи недостойными, причащаться этой жертвы».

Того же Симеона о том, что священнику следует внимательно наблюдать, о ком он приносит частицу: «Насколько полезно бывает приношение о достойно приносящих, настолько бедственно и вредно о недостойных, в какой мере это возможно для людей, ибо частица, принесенная о ком-нибудь, будучи положена вблизи Божественного Хлеба, после

того как этот Хлеб будет священнодействовал и станет Телом Христовым, тотчас же и та частица причащается святыне; вложенная же в потир, соединяется и с Кровию, и этим сообщает благодать и той душе, за которую она принесена...»

Доселе слова св. Симеона, лучше же сказать, слова всей Святой Соборной Церкви, ибо он говорит согласно с соборным мудрованием. Из этих слов вытекает, что об умерших без покаяния и в противлении Святой Церкви никак не следует совершать церковное поминовение. Дерзающий совершать о таковых поминовение воздаст за это страшный ответ пред Христом Богом вдень Страшного суда Его» [11, 225-226].

«Не только неверных еретиков, не только блудников и прелюбодеев и других, творящих подобные непотребства, забирает под власть свою змий; но и тех, кои безразлично относятся ко всем таким и вступают в общение с ними, гак как верно слово, что «касайся смоле очернится, и приобщайся гордому точен ему будет». По сей причине, хотя меня укоряют за то, я запретил православному поминать на священных поминаниях и на Божественной Литургии некоего, притворявшегося православным и не перестававшего иметь общение с еретиками и еретичеством. Ибо, если бы он, хотя в час смерти исповедал свой грех и приобщился Святых Таин,— то православному можно бы делать за него приношение. Но как он отошел в общении с ересью, то как можно вчинять такого в православное общение? — Святой апостол говорит: *Чаша благословения, юже благословляем, не общение ли Крови Христовы есть ? Хлеб, егоже ломим, не общение ли Тела Христова есть? Яко един хлеб, едино тело есмы мнози: еси бо от единого Хлеба причащаемся* (1 Кор. 10, 16-17). Судя по сему, приобщение еретического хлеба и чаши делает приобщающегося принадлежащим противной православным части и из всех таких причастников составляет одно тело, чуждое Христа. *Кое бо причастие правды к беззаконию? Или кое служение Церкви Божией со идолы?* (2 Кор. 6, 14, 16),— как в другом месте взывает тот же апостол. — Но о таковых плакать подобает; о тех из них, кои остались еще в живых, молиться, да дано им будет исторгнуться из сетей диавола; о себе же благодарить *лко избрал есть нас Бог во спасение во святыни Духа и веры истины* (2 Сол. 2, 13), чтобы поработать Ему в православной вере до настоящего исповедничества, за которое, если совершим его непорочно и безукоризненно, да сподобит Он нас небесного Царствия Своего». Преподобный Феодор Студит (Добротолюбие. Т. 4. С. 444).

Несмотря на все эти установления святых отцов, в последнее время стали встречаться случаи причащения католиков в православных храмах, а 16 декабря 1969 года Священный Синод Русской Православной Церкви вынес «Разъяснение» о допуске в порядке икономии к Святым Тайнам римо-католиков, но на заседании Священного Синода 29 июля 1986 года было постановлено: «Ввиду поступающих запросов по поводу данного Разъяснения от 16 декабря 1969 года, Священный Синод сообщает, что практика эта не получила развития, и определяет отложить применение синодального Разъяснения до решения этого вопроса Православной Полнотой» (ЖМП.— 1986, № 9,— С. 7).

ЧТО ТАКОЕ «АНАФЕМА». МОЖЕТ ЛИ КТО-НИБУДЬ РАЗРЕШИТЬ АНАФЕМУ, НАЛОЖЕННУЮ СОБОРНО?

«Анафема значит не проклятие (но только отлучение). Этот смысл проклятия придан анафеме уже только впоследствии, и придан по недоразумению, по раздражению человеческих сердец, по удалению некоторых от Духа Христова, по непониманию смысла и духа слов Христовых.

Не думайте, однако, что приговор анафемы будет для анафемы незначителен. Нет. Есть таинственная связь между благорасположением людей и милостью Божией к человеку. Непрощенный, неразрешенный на земле, он предстанет в горний мир непрощенным, неразрешенным, связанным в своем грехе. *Аминь бо глаголю вам,*— подтверждает сие соображение Сам Господь,— *что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на, небе* (Мф. 18, 18).

Утверждаем далее, что Господь Иисус Христос завещал анафему только для грехов ума, для грехов против истины, для грехов против Духа Святого, но не против грехов собственной воли, не против грехопадений, покрываемых покаянием, но только против грехов упорства и ожесточения...

Ни одна христианская душа не есть вместилище непогрешимой, всецерковной. вселенской истины. Всякая более или менее погрешает в своих убеждениях. Но если кто сеет ложь упорно, как сам диавол, отец лжи, сеет, как человекоубийца для человекоубийства, для убийства душ, если кто восстанет против утвержденной Христом, Его апостолами, всей Вселенской Церковью, всеми возвышеннейшими умами христианского человечества истины; если кто не приемлет царство Божие, как кроткое и смиренное дитя, но гордо отвергает его, как ожестелый враг истины,— то такой творит грех против Духа Святого! И сей грех, если не очищается покаянием, не отпустится человеку ни в сей век, ни в будущий. Такой грех вторично распинает Сына Божия, и для такого греха уже не обретается другой искупительной жертвы. Такой грех подрывает самые основы Церкви Божией, иона, как живое тело, защищая саму себя, испускает вопль боли своего материнского сердца: анафема!» Архиепископ Херсонский Никанор [1, 490].

«Вот как следует поступать с соблазнителями, по заповеди Самого Христа: если согрешит против тебя брат твой, станет соблазнять тебя неправым учением, неправыми мыслями, развращающим словом, погибельным примером — ты поступи так: если брат твой, твой единоверный, согрешит против вашего единоверия мыслию, словом или делом, обойдись с ним осторожно, благоразумно и терпеливо, обличи его наедине между тобой и им одним; если он послушает тебя, то ты приобрел брата твоего, сберег твоего единоверца для тебя, твоей Церкви и для Бога; если же тебя одного не послушает, то, чтобы не потерять его, своего брата, возьми с собой еще одного или двух свидетелей— единоверцев; и обличи его перед этими свидетелями, чтобы они подкрепили твое слово, дабы подтвердилось слово устами двух или трех свидетелей; если же не послушает и их и будет упорствовать в своем неверии или еретическом мнении,— поведай Церкви, ее предстоятелям; если же брат твой, твой единоверный, не послушает и Церкви,— то пусть он будет для тебя, как язычник и мытарь, пусть он будет чужой для тебя, перестанет считаться твоим братом, твоим единоверующим, членом одной для вас истинной Церкви Божией.

Вот заповедь Самого Христа об анафеме. Вот ее значение и назначение! Вот ее происхождение от Самого Христа» [1, 489].

Кому возглашается анафема?

«Отрицающим бытие Божие и Промысл Божий; называющим Бога не Духом, а веществом; не принимающим равночествования лиц Пресвятой Троицы; отвергающим необходимость для людей искупления Христова; хулителям присно- девства Божией Матери; не верующим в богодухновенность Священного Писания и в благодать Всесвятого Духа; отрицающим загробную жизнь, кончину мира, Страшный суд, вечные награды праведникам и вечные же муки грешникам; не принимающим спасительных таинств Церкви; не признающим Вселенских Соборов и вселенских преданий».— Таким образом анафеме подвергаются собственно грехи неверия и богохульства. (См. «Последование в Неделю Православия».)

«Вера всех в Церкви Божией прославившихся мужей, которые были светилами в мире, содержа Слово Жизни, да соблюдается твердо, и да пребывает непоколебимой до конца века, вкупе с Богопреданными их писаниями и догматами. Отметаем и анафемствуем всех, которых они отметали и анафемствовали, яко врагов Истины. Если же кто-либо не содержит и не приемлет вышереченных догматов благочестия и не так мыслит и проповедует: тот да будет анафема!» (VI Вселенский Собор, пр. 1).

Может ли быть разрешена клятва или анафема, наложенная соборно?

«Клятва или анафема на противящихся Соборной Церкви, т.е. на крестящихся двумя перстами или в чем-нибудь ином противящихся и не покоряющихся, будучи соборно наложена восточными патриархами, имеет оставаться благодатию Христовой твердой, непоколебимой и неразрешимой до скончания века. Вы еще спрашиваете: наложенную анафему разрешил ли впоследствии какой-нибудь восточный Собор или нет?— Отвечаю: мог ли быть подобный Собор, за исключением какого-нибудь противного Богу и Святой

Церкви, который бы собрался на опровержение истины и утверждение лжи? В Церкви Христовой такого злочестивого Собора во веки не будет. Вы еще спрашиваете — могут ли какие-нибудь архиереи, помимо Собора и согласия и воли восточных патриархов, разрешить подобную клятву?

Отвечаю: это невозможно; несть бо нестроения Бог, но мира. Знайте твердо, что все архиереи при своем рукоположении получают одну и ту же благодать Святого Духа и обязаны, как зеницу ока, хранить чистоту и непорочность православной веры, а также и все апостольские предания и правила святых апостолов, Вселенских и Поместных Соборов, и богоносных отцов, какие содержит Святая, Соборная и Апостольская Церковь.

От того же Святого Духа они приняли власть вязать и решить по тому чину, какой установил Святой Дух через святых апостолов во Святой Церкви. Разорять же апостольские предания и церковные правила — такой власти архиереи от Святого Духа не получили, поэтому разрешить вышеупомянутую анафему на противников Соборной Церкви, как правильно и согласно святым Собором наложенную, ни архиереям, ни восточным патриархам никак нельзя, а если ы кто покусился это сделать, то это ыло ы противно Богу и Святой Церкви. Вы еще спрашиваете: если эту анафему никто из архиереев не может разрешить без восточных патриархов, то не разрешена ли она восточными? — Отвечаю: не только никакому архиерею без восточных патриархов, но и самим восточным патриархам невозможно разрешить эту клятву, как об этом достаточно уже сказано, ибо таковая анафема вечно неразрешима...» Преподобный Паисий Величковский [11, 223-224].

КАК СМОТРЕТЬ НА ЭКУМЕНИЗМ СПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Экуменизм — движение, стремящееся к объединению всех христианских Церквей. Исходит оно, во-первых, из недр римско-католической церкви, как движение католического миссионерства по существу, с другой стороны, по линии различных протестантских объединений, откуда это движение наиболее широко распространилось и приняло наиболее широкие организационные и идейные формы, и, наконец, как организация современное экуменическое движение сформировалось и получило утверждение на конгрессе в Амстердаме в 1948 г. при создании Всемирного Совета Церквей, который и является теперь главенствующим органом движения экуменизма.

Началом экуменического движения можно считать всемирную конференцию в Эдинбурге в 1910 г.

Ассамблеи ВСЦ проходили: в Эвенстоне (США) в 1954 г.; Дели (Индия) в 1961 г.; в Упсале (Швеция) в 1968 г.; в Найроби (Кения) в 1975 г.

Русская Православная Церковь вошла в ВСЦ в 1961 г.; Грузинская Православная Церковь — в 1962 г.

В эту организацию входят многие религиозные объединения, которые нельзя назвать Церквами; лютеране, англикане, григориане, старокатолики, евангелисты-баптисты, методисты, квакеры, реформисты, пресвитериане, конгрегационалисты и т.п.

Какова же идеология экуменизма?

«Идеология, стоящая за экуменизмом,— идеология, которая относится к уже хорошо известным ересям: «Церковь Христова не существует, никто не знает истины, Церковь начинает строиться только сейчас...» [14, Введение]. Один из наиболее известных экуменистов, проф. В.В. Зеньковский, говорил в 1935 г.: «Церковь не явлена миру в полноте своей силы и правды, и лишь в результате экуменического общения мы сподобимся получить откровение о Церкви» (Вестник русского студенческого христианского движения.— 1935, Янв., февр.).

Экуменист проф. Илья Цоневский (Софийский университет) в 1947 г. говорил: «Природа Церкви и ее основные свойства самым тесным образом связаны с ее единством, потому что она есть Тело Христово и Христос ее Глава. Церковь не могла бы быть ни святой, ни кафолической (соборной), ни апостольской, если она не едина. Весь смысл и полное значение экуменического движения заключается в единстве Церкви; оно является его основой, а также и его задачей и осуществлением» (Духовная культура.—

1947, Июнь. — С. 31).

«Таким образом, экуменисты во главу угла ставят единство Церкви или Единую Церковь. Но в понятие «единая» они вкладывают свой неправильный, извращенный смысл, и о под этой Единой Церковью они разумеют не только всех православных, но и всех инославных христиан, т.е. еретиков.

Эта экуменическая точка зрения совершенно расходится с православным взглядом, который под Единой Церковью всегда разумеет одних только истинно верующих православных людей. Наша Церковь никогда не считала еретиков входящими в ее состав, в состав самого Тела Христова. Да и как возможно данную точку зрения считать православной, когда Вселенские Соборы всегда предавали еретиков анафеме, т. е. отлучению от Церкви? Очевидно, экуменисты в своем учении о Церкви не признают над собой авторитета Вселенских Соборов. Но это равносильно отрицанию авторитета всей Православной Церкви и признанию в данном случае единственным критерием истины своего собственного разума при отрицании православной веры в Церковь.

Такой же рационализм и такое же неверие в истинную Христову Церковь экуменисты вкладывают в свое толкование наименования Церкви Соборной. Мы вместе со святыми отцами называем Церковь Соборной, или Кафолической, или Вселенской потому, что «она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народностью, но заключает в себе истинно верующих всех мест, времен и народов» (Пространный катехизис митрополита Филарета). Но экуменисты под этим наименованием Церкви разумеют не только истинно верующих православных христиан, но и всех еретиков.

Такое же заблуждение они обнаруживают и в своем отношении к наименованию Церкви Апостольской. Как это ни странно, экуменисты относят к этой Апостольской Церкви и так называемые «христианские церкви», которые совсем

е имеют апостольского происхождения или преемства. Они считают все еретические исповедания принадлежащими к Апостольской Церкви, несмотря на то что Павел, величайший апостол, отлучает всех еретиков от Православной Церкви и предает их анафеме, говоря: *Аще мы или ангел с небесе благовестит вам паче еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1,8).

Но больше всего православные экуменисты погрешают против девятого члена Символа веры в отношении наименования Церкви Святой, когда включают в состав этой Святой Церкви еретиков. Церковь называется Святой потому, что она есть раздаятельница благодати Святого Духа, которая сообщается верующим в Таинстве Миропомазания при совершении над ними крещения.

Эта возрождающая, освящающая и спасающая благодать есть самое драгоценное и высшее для нас благо, ибо дарование ее нам было целью пришествия в мир Христа и Его крестных страданий и смерти. Симеон Новый Богослов говорит: «То и было целью и концом всего домостроительства Христова, чтобы верующие принимали Духа Святого и чтобы Он был как бы душой нашей души и чтобы действием Сего Духа мы освящались, обновлялись и пересозидались по уму, совести и по всем чувствам».

Но этого самого драгоценного для нас блага, этой возрождающей благодати Святого Духа с ее святостью,— нет и не может быть у протестантов, ибо у них нет Таинства Миропомазания. В крещении мы только очищаемся от грехов, умираем для жизни плотской и возрождаемся от Святого Духа для жизни новой и святой. Но последняя возможна для нас только при помощи той благодати, которую мы получаем в Таинстве Миропомазания. В этом таинстве преподается нам Дух Святой со всеми Его дарами, возражающими и укрепляющими нас в духовной святой жизни.

Эта благодатная святая жизнь невозможна и для тех инославных христиан, которые хотя и имеют Таинство Миропомазания, но в силу отвержения их Православной Церковью за ереси благодать сия является у них недейственной и неспасительной.

Отсюда совершенно не правы православные экуменисты, когда в Святую Церковь включают всех еретиков.

Они смешивают воедино отдельных членов, членов Православной Церкви, как грешников и немощных людей, с инославными христианами и их «церквами», полагая, что те и другие станут святыми через благодать Божию и через любовь общения.

Но между теми и другими существует огромная разница. Члены Православной Церкви, будучи грешниками, как бы ни были велики их грехи, всегда могут через Таинство Покаяния и при помощи действенной и спасительной благодати стать святыми — достигнуть истинной и совершенной благодатной святости. Но еретикам в отдельности или в целых группах, организациях эта святость никогда не будет присуща, ибо у них не действует благодать Таинства Миропомазания и благодать Таинства Покаяния. Еретики могут быть святыми только после покаяния или отречения от всех своих ересей и после воссоединения с Православной Церковью. Только тогда инославных христиан можно включить в состав Святой Христовой Церкви...

Однако толкование православными экуменистами наименования Церкви Святой, как и других ее наименований, не является одним только простым заблуждением. Это заблуждение в своей сущности есть ниспровержение нашей православной веры в Церковь. Последняя требует от нас веры в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, с тем чтобы мы все эти свойства прилагали только и исключительно к нашей Православной Церкви. А православные экуменисты не хотят ей оказывать послушания. В силу этого они до неузнаваемости искажают девятый член Символа веры. В итоге получается какое-то неестественное смешение истины с ложью, Православия с ересями, что приводит православных экуменистов к крайнему извращению истинного понятия о Церкви и настолько, что они, будучи членами Православной Церкви, в то же время являются членами экуменической церкви, точнее, какого-то вселенского еретического общества с его бесчисленными ересями. Следовало бы им всегда помнить слова Христа: *Аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17).

Это непослушание православных экуменистов приводит их к заявлению, что «разделительные стены между Церквами не достигают до самого неба, до Христа-Главы, и не спускаются до самого сердца Церкви, до Святого Духа».

Но эти разделительные стены, т.е. разделения Православной Церкви с еретиками, начали происходить на Вселенских Соборах. Происходили они в целях сохранения православной веры от гибели через смешение с пагубными ересями. Происходили эти разделения во исполнение слов Христа: *Мните ли, яко мир приидох дати на землю? Ни, глаголю вам, но разделение* (Лк. 12, 51). А также на Вселенских Соборах осуществлялись и слова нашего Господа, сказанные апостолам и их преемникам, стоящим во главе Православной Церкви епископам: *Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси* (Мф. 18,18). Ясно, что эти разделения достигают самого неба. Каким же образом эти разделения не достигают Христа, когда они основаны на собственных словах Христа Спасителя?!

Затем догматические постановления Вселенских Соборов с анафемой против еретиков выносились на основе апостольских слов: *Изволися Святому Духу и нам...* (Деян. 15, 28). Следовательно, постановления против еретиков исходили не только от св. отцов Вселенских Соборов, но и от Самого Духа Святого. Знаменательны в данном случае слова Христа, сказанные во время Его явления ученикам по воскресении: *Приимите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им; и имже держите, держатся* (Ин. 20, 22-23).

Ясно, что анафема Вселенских Соборов, имевшая в своей основе слова Христа, накладывалась на еретиков совместно: и от Святого Духа, и от Церкви. Спрашивается, могут ли эти догматические разделения не достигать и Святого Духа, как от Него происшедшие?

Но и это не все. Из слов Христа: «Елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси» явствует, что анафема на еретиков, т.е. отлучение их от Церкви, переходит в будущую жизнь и что все еретики после смерти идут в адские муки...

Православные экуменисты не только не слушают Православную Церковь, но даже открыто обвиняют ее в грехе разделения.

Но не православная Церковь, а еретики создавали ереси. Православная же Церковь до мученической крови защищала от еретиков чистоту православной веры. Если бы не было этой борьбы, то православная истина через смешение с еретической ложью перестала бы существовать, а вместе с этим исчезла бы и Православная Церковь с лица земли...

Трудно сказать, где более православные экуменисты отступают от Православной Церкви — в своих ли писаниях или же присутствуя на экуменических конференциях? Это присутствие является в своей сущности изменой нашему православному догматическому учению о Церкви, выраженному в девятом члене Символа веры. Присутствуя на еретическом собрании, которое экуменисты называют «всецерковной конференцией», «собранием всех христианских церквей» и «единой святой Христовой церковью», православные представители тем самым фактически утверждают бытие этой «единой святой церкви Христовой» со всеми ее еретическими заблуждениями...

Кроме того, на всех экуменических конференциях происходит совместная молитва еретиков с православными. Но такая совместная молитва возбраняется святыми канонами нашей Церкви (10-е, 45-е и др. апостольские правила).

В своем толковании этого последнего правила епископ Смоленский Иоанн говорит: «Правила стремятся не только к охранению православных от заразы еретическим духом, но и к охранению их от индифферентизма к вере и Православной Церкви, который легко может возникнуть от общения с еретиками в делах веры... Такое положение, впрочем, нисколько не противоречит духу христианской любви и терпимости, отличающему Православную Церковь, так как большая разница — терпеть заблудших в вере и жить с ними во внешнем гражданском общении или вступать с ними без разбора в религиозное соприкосновение, так как последнее означает, что мы не только не стараемся об их обращении в Православие, но и сами в нем колеблемся».

Св. Киприан, епископ Карфагенский, говорит, что еретики никогда не будут приходить к Церкви, если будут нами самими укрепляться в убеждении, что у них тоже есть Церковь и Таинства...

Только в том случае православные представители могли бы присутствовать на экуменических конференциях, если бы устроители последних заявили Православной Церкви от лица так называемых христианских церквей, входящих в экуменическое движение, об их готовности отказаться от всех своих религиозных заблуждений и соединиться с ней в православной вере. Но заправляющие всем ходом экуменических конференций никогда таких заявлений не делали и не сделают, ибо инославные христиане и не думают отрекаться от своих ересей и воссоединиться с Православием. Не следует забывать, с каким упорством и фанатизмом еретики отстаивают свои религиозные убеждения. Соединение с Православной Церковью, как показывает действительность, нужно отнести к разряду единичных фактов, и притом весьма редких и исключительных. Будем всегда помнить пророческие слова Христа: *Сын Человеческий пришед, убо обрящет ли веру на земли* (Лк. 18, 8).

Ввиду всего этого у нас не может быть основания для надежды, что так называемые «христианские церкви» могут соединиться в вере с Православной Церковью. Мы должны ожидать большего и большего сокращения числа истинно верующих людей.

Впрочем, и сам главный экуменический совет совсем не помышляет о том, чтобы инославные христиане воссоединились с Православной Церковью...

За экуменическим движением стоят исконные враги Православной Церкви — масоны... Устроители экуменических конференций стремятся не к догматическому соединению всех так называемых христианских церквей с Православными Церквами, а к смешению тех и других, через отступление православных от своей веры и их экуменической дружбы с еретиками, в особенности с протестантами. А это смешение равносильно уничтожению Православия.

Конечно, в экуменическом вопросе мы не должны упускать из виду, что в самом последнем истоке экуменического движения перед нами стоят не только исконные враги нашей Православной Церкви, но стоит отец всякой лжи и пагубы — диавол. В прежние века, возбуждая о Церкви всякие ереси, он хотел погубить Святую Церковь через смешение православных с еретиками. Это делает он и ныне через то же самое смешение посредством экуменизма с его неисчерпаемыми масонскими капиталами.

Однако раньше это дело смешения имело больше препятствий, чем ныне. Тогда у христиан была огненная ревность о православной вере, ибо последняя защищалась ими до мученической крови. Ныне православные объяты небывалым равнодушием к своей

вере, что так ненавидит Господь, сказавший: *О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Апок. 3, 15-16). Тогда за ревность о вере и чистоту христианской жизни православные имели от Бога ведение. Богословски непросвещенный народ в лице даже простых женщин спорил на рынках: единосущен или подобосущен Христос Своему Божественному Отцу? Ныне среди православных царствует всеобщее ослепление в вопросах веры. Пользуясь всем этим, экуменическое движение быстро разрастается по лицу всей вселенной, пленяя в свои хитросплетенные сети даже Православные Церкви...

Памятуя сущность экуменизма и его цели, всецело отвергнем экуменическое движение, ибо здесь — отступление от православной веры, предательство и измена Христу, чего всячески мы должны избегать во исполнение слов преподобного Серафима: «Горе тому, который хотя на одну йоту отступил от святых Вселенских Соборов». Здесь мир, враждебный Христу и Его Святой Православной Церкви. Поэтому дружба с этим миром есть, по словам апостола, *вражда против Бога* (Иак. 4, 4).

Наша Святая Церковь всегда боролась с ересями, и даже до крови. Но людей, впавших по внушению диавола в ереси, Православная Церковь всегда жалела, движимая любовью к ним, она налагала на них епитемию, вплоть до отлучения от церковного общения. Однако она никогда не прекращала и не прекратит своей молитвы, этого дыхания благодатной истинной любви, о вразумлении и обращении еретиков на путь спасительной истины. Вот как Святая Церковь учит нас молиться о них: «Отступившия от православный веры, и погибельными ересьми ослепленные, светом Твоего познания просвети и Святей Твоей Апостольстей, Соборней Церкви причти» (молитва на поминовение живых, Молитвослов).

Таким образом, Святая Церковь различает самые ереси, требуя бескомпромиссной борьбы с ними, от людей, впавших в эти ереси, всегда простирая к ним свои материнские любвеобильные объятия...

Поэтому не будем иметь абсолютно никакого общения с экуменическим движением. Будем в данном случае руководствоваться словами Священного Писания: Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? *(2 Кор. 6, 14-15).* Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых *(Пс. 1, 1)...» Архиепископ Серафим (Соболев)* [10].

ВОЗМОЖНО ЛИ НА КАКОМ-ЛИБО РЕЛИГИОЗНОМ ОСНОВАНИИ ОБЩЕНИЕ И ЕДИНЕНИЕ ХРИСТИАН С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИЙ?

«Диалог с нехристианскими религиями» стал частью интеллектуальной моды нашего времени, он представляет современное состояние экуменизма в его движении к универсальному религиозному синкретизму...

«Христианский экуменизм» в его лучшей форме может рассматриваться как следствие искренней и вызывающей сочувствие ошибки части протестантов и католиков, неспособных понять, что Церковь Христова уже существует на земле и что сами они находятся вне ее.

«Диалог с нехристианскими религиями», однако, есть нечто совсем другое, представляющее скорее сознательное отступление даже от той части христианской веры и знания, которые сохранились у части католиков и протестантов. Это не плоды «добрых намерений» простодушного человека, а, скорее, плоды диавольского «внушения», которому могут быть подвластны только те, кто уже настолько отошел от христианства, что стал фактически язычником; служителем «бога века сего» — сатаны (2 Кор. 4,4) — и последователем любой интеллектуальной моды, которую способен инспирировать этот могущественный «бог».

«Христианский экуменизм» находит свою опору в смутном, но тем не менее реальном чувстве «общности христианства», которое разделяется многими из тех, кто поверхностно размышляет о Церкви и не так глубоко чувствует ее. Его цель — каким-то образом «построить» церковь, охватывающую всех этих индифферентных «христиан».

Но на какую общую поддержку может полагаться «диалог с нехристианскими

религиями»? Но на каком же основании возможно какое-то единство, даже самое неопределенное, между христианами и теми, кто не просто не знает Христа, но решительно отвергает Его, как те представители нехристианских религий, которые находятся в контакте с христианством?..

Нет! Христос, независимо от новейших определений или интерпретаций, не может быть объединяющим звеном «диалога с нехристианскими религиями», в лучшем случае Имя Его используют лишь как добавку к единству, которое открывается в чем-то еще. Единственным общим звеном для всех религий является весьма смутная концепция «духовности», которая действительно открывает религиозным «либералам» почти неограниченные возможности для расплывчатого теологизирования.

Иудаизм, христианство, ислам — эти три религии, действительно, говоря об общем их происхождении, относят себя к почитателям Бога Авраама. Широко распространено мнение, что поскольку мы все объявляем себя детьми Авраама (иудеи и мусульмане телесно, а христиане духовно), то все мы служим (каждый на свой манер, естественно) одному и тому же Богу. Этот общий Бог и представляет, некоторым образом, точку нашего единства и «взаимопонимания», что и является основанием для «братских отношений», о которых великий раввин доктор Шафран говорит, перефразируя псалом: «О, как приятно видеть братьев, сидящих рядом...»

Если встать на подобную точку зрения, то, конечно, Иисус Христос, Бог и Человек, Сын, изначально единосущный с Отцом, Его воплощение, Его Крест, Его славное Воскресение и Его Второе и страшное пришествие — всего лишь второстепенные детали, которые могут помешать нашему «братанию» с теми, кто рассматривает Его как «простого пророка» (согласно Корану) или как «сына нечистой женщины» (согласно некоторым преданиям Талмуда). Таким образом, мы должны поместить Иисуса Христа из Назарета и Магомета на один и тот же уровень. Я не знаю, какой христианин, заслуживающий этого имени, мог бы вместить ото в своем сознании. Могут сказать, что эти три религии, пройдя долгий путь, могли бы согласиться на том, что Иисус Христос — совершенно выдающаяся личность и что Он послан Богом. Но что касается нас, христиан,— то, если Иисус Христос не Бог, мы не можем видеть в Нем ни «пророка», ни «посланника Бога», а лишь величайшего самозванца, без стеснения объявившего себя «Сыном Божиим», сделав себя таким образом равным Богу (Мк. 14, 61-62).

Согласно экуменическому выводу надконфессиального уровня, Триединство Христианского Бога равноценно монотеизму иудаизма, ислама, еретика средневековья Савелия, современных противников Триединства или некоторых сект иллюминаторов. Ведь может и не быть Троицы в Божественном Единстве, достаточно предположить, что есть единственное Существо, неизменное для одних и последовательно меняющее «маски» (Отец — Сын — Дух) для других! — и после этого утверждают, что здесь тот же самый Бог!.. Могут наивно предполагать: «Все-таки у всех трех религий есть общее звено — все они исповедуют Бога Отца!» — Но, согласно святой православной вере, это абсурд. Мы исповедуем: «Слава Святей, Несотворенней, Животворящей и Нераздельней Троице»,— как можем мы делить Отца от Сына, если Иисус Христос утверждал: Я *и Отец — одно* (Ин. 10, 30). Святой апостол Иоанн, евангелист и богослов, апостол любви, ясно учит: *Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца, а исповедающий Сына, имеет и Отца* (1 Ин. 2, 23),

Но даже если считать, что все три религии называют Бога Отцом,— чей же Он, в действительности, Отец? Для иудеев и мусульман Он Отец в плане сотворения, в то время как для нас, христиан,— Он Отец Господа нашего Иисуса Христа, но и наш в плане усыновления (Евр. 1, 4-5).

Что же общего между Божественным Отцовством в христианстве и в других религиях?!

Нет! Ни в малейшей степени наш Бог не походит на Бога, который есть у нехристиан! — Непременным условием познания Отца является Сын: *Видевший Меня, видел Отца: никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14, 9, 6). Наш Бог воплотившийся! *Что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши* (1 Ин. 1, 1). Нематериальное стало материальным для нашего спасения, как сказал св. Иоанн Дамаскин, и Он открыл Себя нам. Но разве Он открывал Себя нынешним иудеям и

мусульманам? На каком основании должны предположить, что они знают Бога? Если же они имеют знание Бога помимо Иисуса Христа, то воплощение, смерть и вознесение Христа были напрасны?

Нет! Они не знают Отца. Они имеют представление о Боге, но всякое представление о Боге — это идол; потому что представление — всего лишь продукт нашего воображения, сотворение Бога по нашему образу и подобию. Для нас, христиан, как сказал Василий Великий, Бог является непостижимым, непредставимым, неописуемым и нематериальным. Для нашего спасения Он стал (в меру нашего единения с ним) постижимым, описуемым и материальным в откровении во время таинства воплощения Его Сына...

Да сохранит нас Господь от отступничества и от пришествия антихриста, признаки приближения которого умножаются день ото дня! Да сохранит Он нас от великих бедствий, которые даже избранные не смогли бы перенести без милости Того, Кто сократит те дни. И пусть сохранит Он нас в «малом стаде», «оставшихся по выбору милости Его», так, чтобы мы подобно Аврааму могли насладиться Светом Лица Его, по молитвам Пресвятой Богородицы Пречистой Девы Марии, всех Небесных Сил, множества исповедников, пророков, мучеников, святителей, апостолов, которые сохранили верность вплоть до смерти, проливших свою кровь за Христа, пробудивших нас к новой жизни словом Иисуса Христа в воде Крещения». Иеромонах Серафим (Роуз) [14, гл. 1].

Что же относительно восточных религий— буддизма и тому подобных?

«Должно быть ясно для каждого, что если бы кто стал утверждать, что христианство и буддизм одинаково исходят от Бога, Который есть абсолютная Истина, то он допустил бы такую нелепость, оправдать которую можно было бы разве только совершенным незнанием фактов, сюда относящихся. Ведь то, бесспорно, выше всякого сомнения, что обе эти религии стоят одна к другой в явном и непримиримом противоречии,— притом по таким пунктам, которые наиболее существенны в религии: а могут ли две противоречащие между собой системы одинаково быть даны человеку для его веры Богом истины? Утверждать так — значило бы допускать прямую нелепость.

Если христианство представляет собой несомненно истинную систему догматического и морального учения, то, очевидно, буддизм, стоящий в противоречии с ним, представляет собой систему ложную и по справедливости может быть назван «ложной» религией. Если первое есть «свет», то второе не может быть иным чем, как тьмой.

Невозможно, чтобы христианство и буддизм одинаково могли служить средствами спасения для тех, кто принял их, и их учением регулирует свои верования и свое поведение, невозможно нравственно, чтобы столь глубоко противоположные между собой системы могли приводить человека к одной и той же цели. Если одна приводит к Богу, то другая несомненно должна отдалять от Него, и затем: если, с признанием ога как несомненно действительного Верховного Существа, жизнь человека и все его усилия должны быть направлены к тому, чтобы приближаться к Нему, познавать Его и осуществлять Его всеблагую Волю, то несомненно, кто следует Будде, не знавшему и не признававшему никакого Верховного Существа, тот не может найти и спасения для себя, потому что спасение наше только в Боге и от Бога. И действительно, столь восхваляемый ныне некоторыми «свет Азии» ведет людей не к спасению, не к обители света и жизни Отца Небесного, а к погибели, к мраку безнадежного греха и фатального отчуждения от Бога» [1, 741-742].

Священное Писание говорит: Всяк преступай, и не пребывай в учении Христове, Бога не иматъ: пребывая же в учении Христове, сей и Отца и Сына имать. Аще кто приходить к вам и сего учения не приносит, не приемлите его в дом, и радоватися ему не глаголете: глаголяй бо ему радоватися, сообщается делом его злым *(2 Ин. 1, 9-11).*

Аз есмъ путь и истина и живот: никтоже придет ко Отцу, токмо Мною. Аще мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте *(Ин. 14, 6-7).*

Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас *(Мф, 7, 6).*

«Псы» — это неверные, а «свиньи» — это те, кто хотя и верует, но тем не менее ведет грязную жизнь. Итак, не должно говорить о тайнах веры пред неверными и произносить светлых и жемчужных слов богословия пред нечистыми, потому что свиньи попирают

или пренебрегают тем, что им говорят, псы же, обратившись, терзают нас, что делают те, которые называются философами. Когда они услышат, что Бог был распят, они начинают терзать нас своими умствованиями, софизмами доказывая, что это невозможно». Блж. Феофилакт Болгарский («Благовестник»).

«В наши дни на христианство обрушиваются удары врага, страшного врага, который невидим для верующих. И если бы этот враг мог, он пронзил бы самое сердце христианства, прежде чем назвать свое имя. Враг этот — индуизм! И он ведет с христианством войну догматов...

Если бы христиан уговорили отбросить или изменить свои догматы, чтобы приспособиться к требованиям более современного или «универсального» христианства, то они потеряли бы все, ибо все оценки и христианства, и индуизма непосредственно вытекают из их догматов. И догматы индуизма являются прямым отрицанием христианских догматов. И это приводит нас к потрясающим выводам: то, что христиане считают злом, индуисты считают благом, и, наоборот, то, что индуисты считают злом, христиане считают благом.

Вот здесь и ведется реальная борьба: то, что христианин считает окончательным грехопадением, индуист считает окончательной реализацией добра.

Христианство всегда смотрело на гордыню как на величайший грех — источник прочих грехов. И Люцифер — ее архетип— говорит: «Я достигну небес, я воздвигну престол свой выше звезд Божиих. Я вознесусь выше облаков. Я уподоблюсь Всевышнему». На более низком уровне гордыня способна даже добродетели превратить в грехи. Но для индуиста вообще, а для последователей ацвайты и веданты в особенности, их единственный «грех» — не веровать в себя и в человечество как в Самого Бога...

«Индуистские и христианские догматы полностью противостоят друг другу в вопросах о природе Бога и человека и целях человеческой жизни».

«Лишь немногие, даже из тех, кто максимально выражает желание вступить в «диалог» с восточными религиями и выразить свое принципиальное религиозное единство с ними, имеют хоть сколько-нибудь точное представление о вере и о практике языческих религий, от тирании которых освободило человечество благословенное и светлое иго Христово. Так, богиня Кали, одна из наиболее популярных индусских богинь, обычно изображается среди крови и резни: черепа и отрубленные головы свисают с ее шеи, язык гротескно высунут изо рта, жаждущего крови: ее ублажают в храмах Индии кровавыми жертвоприношениями коз...» Иеромонах Серафим (Роуз) [14, гл. 2].

Яко еси бози язык бесове (Все боги язычников есть бесы) (Пс. 95, 5).

НЕ ДУШЕВРЕДНО ЛИ ЧТЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ НЕПРАВОСЛАВНЫХ (т.е. ЕРЕТИЧЕСКИХ) РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ?

«Божественная Церковь заповедует еретических книг не читать и с еретиками не беседовать. В книге православного исповедания на вопрос, какая есть пятая заповедь церковная, имеется следующий ответ: необученным в Священном Писании и в других необходимых науках книг еретических не читать и не слушать вредоносного учения еретиков, даже не разговаривать и не обращаться с ними по слову псалмопевца пророка: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и па пути грешных не ста* (Пс.1,1). В другом месте Священное Писание говорит: *Еретика — человека по первом и втором наказании отрицайся* (Тит. 3,10). Смотрите внимательно и замечайте, что Божественная Церковь не всем заповедует не читать еретических книг и не беседовать с еретиками, но только необученным в Священном Писании и в науках; ибо последние очень легко могут, читая еретические книги и знакомясь с их учением или неосторожно вступая в разговоры с еретиками, поддаться их богопротивному и извращенному мудрованию: еретическое мудрование в глазах невежественных людей часто представляется истинным, будучи в действительности безусловно ложным. Подобно тому, как сатана, будучи тьмой, преобразуется в светлого ангела, так и еретические учения, будучи тьмой и совершенно непричастные свету истины Божией, в глазах людей, необученных в Священном Писании и в науках, часто кажутся имеющими некоторое подобие истины. Вот почему Церковь

необученным в Священном Писании и в науках дает заповедь книг еретических не читать и с еретиками не беседовать, чтобы по своей неопытности они не потерпели вреда от их учения. Обученные же в Священном Писании и в науках свободны от этой заповеди. Таковы святые отцы, пастыри и учители Святой Церкви. Они не только в Священном Писании благодатию Божией в совершенстве были наставлены, но и все науки внешнего учения в полноте изучили и несравненно превзошли во всякой внешней премудрости не только своих учителей, но и всех древних философов...

Не получившему же соответственных познаний полезнее повиноваться Богу и церковной заповеди, гласящей: еретических книг не читай и с еретиками не вступай в собеседования». Преподобный Паисий Величковский [11, 219-220].

«Покаяние возможно только при точном, хотя бы и простом, знании православной христианской веры, чуждом всякой ереси и зломудрия. Заимствовавшие свой образ мыслей о добродетелях и правилах жизни из романов и других душевредных еретических книг не могут иметь истинного покаяния: многие смертные грехи, ведущие в ад, признаются ими за ничтожные, вполне извинительные погрешности, а лютые греховные страсти — за легкие и приятные слабости: они не страшатся предаваться им пред самыми смертными вратами. Неведение христианства— величайшее бедствие!»

«Вы убедились, что единственный непогрешительный путь ко спасению — неуклонное следование учению святых Отцов, при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного — духовным. Признав умом и сердцем эту правду, исповедайте ее устами: дайте обет Богу, что вы будете руководствоваться учением святых отцов, уклоняясь от всякого учения, не засвидетельствованного Святым Духом, не принятого Святой Восточной Церковью. Исповедав правду Божию устами, исповедуйте и делами: дав обет, исполняйте его.

Не устрашитесь этого обета! Его обязан дать каждый православный сын Церкви, должен его истребовать у каждого сына Православной Церкви его духовный отец при совершении Таинства Исповеди. Между вопросами, которые именно положено делать исповедающемуся, первое место занимают следующие:

1. Рцы ми, чадо: аще веруеши, яко Церковь кафолическая, апостольская, на востоце насажденная и возращенная и от востока по всей вселенной разсеянная, и на востоце доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи?

2. Аще не сумнишися в коем предании?

3. Рцы ми, чадо, не был ли еси еретик и отступник?

4. Не держался ли еси с ними, их капища посещая, поучения послушал или книги их прочитывая?

Чтение еретических книг и внимание их поучениям — тяжкий грех против веры, грех ума, недугующего гордостью и потому свергающего иго послушания Церкви, ищущего вольности безумной, греховной. А ныне этот грех уже не ставят в грех! Ныне позволяют себе безразборчиво читать всевозможных еретических писателей. Против них Церковь прогремела анафемой! Но ослепленные грешники не внемлют грому церковному или внемлют ему, но только для того, чтоб посмеяться над предостерегающим от погибели голосом Церкви, чтоб ее суд и определение назвать несмысленно суеверием и варварством.

Истинные христиане всех времен со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они неотступно держались догматического и нравственного предания Церкви...» Святитель Игнатий (Брянчанинов) [6, п. 53].

«Аще кто подложные книги нечестивых, аки святые в Церкви оглашает, ко вреду народа и клира: да будет извержен» (Правила святых апостолов, 60).

«Сколько было учений, искажавших истину о Христе Иисусе и прежде Ария, и еще более после него? — Все они обличены Церковью и прокляты. Сколько расплодилось их на Западе? Счету нет. Но все они отвергаются Православной Церковью, несмотря на то, что только и речи у них, что о Господе Спасителе. Стало быть, нельзя так заключить: поскольку такой-то о Христе Иисусе проповедует, то по тому самому истину возвещает, а следует проверять, право ли возвещает он истину о Христе Иисусе». Святитель Феофан

Затворник [8, письмо 8].

«Устраним от себя все ложные учения и деятельность по ним: овцы Христовы по чуждом гласе не идут, но бежат от него, яко не знают чуждого гласа. Ознакомимся определенно с гласом Христовым, чтобы немедленно последовать его велению. Стяжав в духе сочувствие к этому гласу, мы стяжем в духе отчуждение от чуждого гласа, который издается плотским мудрованием в разнообразных звуках. Едва услышим чуждый глас — побежим, побежим от него, по свойству овец Христовых, спасающихся от чуждого гласа бегством: решительным невниманием ему. Внимание ему уже опасно: за вниманием уже вкрадывается обольщение, за обольщением — погибель. Падение праотцев наших началось с внимания праматери к чуждому гласу». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [5, 931.

К КАКИМ УЧИТЕЛЯМ НУЖНО ИМЕТЬ ПОСЛУШАНИЕ И ОТ КАКИХ УДАЛЯТЬСЯ РАДИ СПАСЕНИЯ ДУШИ

«Истинные христиане всех времен со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они неотступно держались догматического и нравственного предания Церкви. Не только веровали православно в Святую Троицу, но и жизнь свою, и подвиги свои, и нравы направляли по преданию Церкви. Отличительной чертой всех святых отцов было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви, и они заповедали такого только духовного наставника считать истинным, который следует во всем учению отцов Восточной Церкви и их писаниями свидетельствует и запечатлевает свое учение. Кто ж думает руководить ближних из начал премудрости земной, из начал падшего разума, как бы он ни был блестящ, тот сам находится в самообольщении и последователей своих приводит к самообольщению. Святые отцы постановили непременным правилом для желающего спастись — последование нравственному преданию Церкви. Для этого они заповедуют желающему жить благочестиво и благоугодно руководство наставлениями истинного учителя или руководство писаниями отеческими, соответствующими образу жизни каждого. По прошествии восьми столетий по Рождестве Христовом начинают церковные святые писатели жаловаться на оскудение духовных наставников, на появление множества лжеучителей. Они заповедуют по причине недостатка в наставниках обращаться к чтению отеческих писаний, удаляться от чтения книг, написанных вне недра Православной Церкви. Чем далее времена отклонялись от явления на земле Божественного света, тем усиливался недостаток в истинных святых наставниках, усиливалось обилие в лжеучителях: они со времен открытия книгопечатания наводнили землю как потоп, как горькие апокалипсические воды, от которых умерло множество людей душевной смертию. «Мнози лжепророцы возстанут, — предвозвестил Господь, — и прельстят многия: и за умножение беззакония, изсякнет любы многих». Сбылось это пророчество: исполнение его пред очами нашими. И есть еще другое предсказание Господа о характере времени, в которое будет Его Второе страшное пришествие на землю. «Сын Человеческий,— сказал Господь, указуя на будущую судьбу веры,— егда приидет, обрящет ли веру на земли?» Тогда будут господствовать на ней лжеименный разум, премудрость человеческая, враждебная вере и Богу». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [6, письмо 53].

«Мало таких, а особенно в наше время, которые бы могли хорошо пасти, а особенно врачевать разумные души. Соблюдать пост и бдения, сохранять внешний вид благочестия иные еще могут, могут многие и словами с успехом поучать, но достигнуть того, чтобы смиренномудрием и всегдашним плачем отсечь свои страсти, и стяжать главнейшие добродетели, таких очень мало». Преподобный Симеон Новый Богослов.

«Лживые пророки познаются по плодам, по жительству своему, по делам, по последствиям, истекающим из их деятельности. Не увлекись красноречием и сладкоречием лицемеров, их тихим гласом, как бы выражением кротости, смирения и любви, не увлекись той сладкой улыбкой, которая играет на их устах и лице, той приветливостию и услужливостию, которая светит из взоров: не обольстись той молвой, которую они искусно распускают о себе между человеками,— теми одобрениями,

похвалами, громкими именами, которыми величает их мир: всмотрись в плоды их». Преподобный Нил Сорский (Послание иноку).

«Духовная мудрость место и седалище свое имеет в сердце, ане на языке, внутрь, а не вне: в силе, а не в словеси. Не всяк бо тот мудр, кто вне и пред людьми является таковым, но кто в самой вещи таков, и не всяк, кто красную речь говорить может, но кто и сердце такое имеет. Часто бо бывает житие несходно с красноречием: и часто под видом красноречия кроется злонравие, которое с духовной мудростью купно быть не может». Георгий Затворник (Письма… затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия. — М., 1839,— С. 61).

«Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу,— недостоин он быть руководителем ближнего! — Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, его сеть! «Не будите раби человеком»,— завещает апостол (1 Кор. 7, 23)». Святитель Игнатий (Брянчанинов) (Письма... к разным лицам.— Сергиев Посад, 1913. Письмо 90).

«Изучай Божественное Писание,— говорит Симеон Новый Богослов,— и писания святых отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать: согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей» (Добротолюбие. Ч. 1. Гл. 33).

«В наше время распространению учения святых отцов особливо противодействуют отверженные духи, влагая разные помышления плотского мудрования и восставляя людей, руководимых плотским мудрованием» (письмо 261).

«Умножились люди, пренебрегающие законом Божиим и не останавливающиеся ввергать ближних в беды и напасти». Святитель Игнатий (Брянчанинов) (письмо 298).

Так говорит Господь Саваоф: не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних, Они постоянно говорят пренебрегающим Меня: «Господь сказал: мир будет у вас». И всякому, поступающему по упорству своего сердца, говорят: «не придет на вас беда... Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали. Если бы они стояли в Моем совете, то объявили бы народу Моему слова Мои и отводили бы их от злого пути их и от злых дел их... Вот, Я — на пророков, говорит Господь, которые действуют своим языком, а говорят: «Он сказал» (Иер. 23,16-17,21-22,31).

Кто из современных учителей опасен как еретик.

Рудольф Штейнер — немецкий мыслитель, «ясновидец», типичный представитель гностического неохристианства, всемирно известный теософ-окультист, завершивший свои теософские изыскания созданием новой «духовной науки» — пресловутой антропософии.

«Главные отличительные черты этой ереси следующие:

- ярко выраженная оккультная направленность;
- полное отсутствие покаянного духа;
- антропоцентризм, неизбежно ведущий к дьяволоцентризму.

Антропософия, будучи еретической пародией на христианскую антропологию, отрывает христианина от Церкви и лишает его благодати церковных таинств. Без исповеди и причастия Святых Христовых Таин невозможно вести правильную, успешную борьбу со страстями. В результате отвержения этой святыни отвергается и делание Господних заповедей, т.е. жизнь по законам Богооткровенного Евангелия. Подвиг внутреннего крестоношения подменяется сомнительной интеллектуальной активностью. Ложное понимание новозаветного вероучения заводит в тупик рационалистической прелести. Антропософы принимают и любят Искупителя рассудочным воображением, в действительности же они отрекаются от Него всей своей жизнью. Как правило, у них «нет явного отречения от Бога,— но, несомненно, имеется отречение прикрытое,— так как в настоящее время вообще диавол очень прикрывает свои сети, более заботясь об уничтожении существенного, нежели наружного». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [5, т. 3].

Тейяр де Шарден — католический священник, ученый-философ и религиозный

мыслитель. Его основной труд «Феномен человека» — это многочисленные, но, увы, безуспешные попытки необлагодатствованной мысли во что бы то ни стало выбраться из нескончаемого лабиринта лжеименного разума.

Владимир Соловьев — всемирно известный религиозный философ, поэт, увлекавшийся католицизмом, западной мистикой, оккультизмом и временами черпавший свое «творческое вдохновение» в состояниях медиумического транса. Его учение о Софии и космическом всеединстве, как и многие другие взгляды,— не соответствует православно-церковному миросозерцанию. Так, например, цикл его статей «Смысл любви» представляет собой некий жуткий «оккультный проект воссоединения человека и Божества через разнополую любовь» (Георгий Флоровский. «Пути русского богословия»). (См.: Статья митрополита Антония «Из истории новгородской иконографии» //Богословские труды.— № 27.— С. 74; А.Ф. Лосев. Владимир Соловьев.— М., 1983,—С. 72).

Николай Бердяев — всемирно известный религиозный философ, внесший значительный вклад в разработку лжемессианского мировоззрения. Творческое наследие этого мыслителя, насквозь пропитанное тяжелым, еретическим духом, пользуется громадной популярностью. Особенно показательны в этом отношении эсхатологические воззрения Бердяева, целиком и полностью принимающего еретическую эсхатологию Оригена, который вместе со своим лжеучением об апокатастасисе (восстановлении, прощении) диавола, демонов и нераскаянных грешников был окончательно осужден и предан анафеме.

Отец Сергий Булгаков — в миру: один из крупнейших экономистов; в религиозной жизни: всемирно известный богослов, активно участвовавший в экуменическом движении. Учение о. Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией, вызвало возражения со стороны митрополита, впоследствии патриарха, Сергия (Страгородского), Владимира Лосского, архиепископа Серафима (Соболева), протоирея Георгия Флоровского и дало основание Собору архиереев Русской Православной Зарубежной Церкви обвинить его (Булгакова) в софиологической ереси.

Отец Павел Флоренский — выдающийся ученый-энциклопедист, всемирно известный богослов, российский исповедник и новомученик. Некоторые труды о. Павла Флоренского перенасыщены усложненной терминологией и труднодоступны для понимания. При создании отдельных работ (например, эссе «Макрокосмос и микрокосмос»), стремился «расширить» Православие в сторону гностицизма. Оно было, по-видимому, основным пафосом творчества священника Павла Флоренского, а его софиология — главным богословским орудием в решении этой задачи (см: Статья митрополита Антония в сб. «Богословские труды», № 27,— С. 76).

Даниил Андреев — сын известного русского писателя Леонида Андреева, православный христианин по вероисповеданию, поэт и мыслитель, написавший литературно-философско-религиозный трактат «Роза мира» (отрывки опубликованы в журнале «Новый мир», № 3, 1989). Автор этого нашумевшего произведения, получавший неоднократно «озарения свыше», подробно и стилистически безупречно описывает свои странствования по «иным мирам» с их, как выразился некий критик, «недогматической иерархией» добрых и злых сил и таким образом незаметно вводит читателя в сферу демонической духовности, в область падших и отверженных духов.

Отец Александр Мень — современный богослов и религиозный писатель-экуменист (за границей издано несколько книг под собственным именем и псевдонимами: Эммануил Светлов, Андрей Боголюбов). Читал публичные лекции по библейской истории и выступал по телевидению. Тайно и явно симпатизировал масонству. Отвергал обвинения в различных ересях, ссылаясь на полную свободу «богословских мнений», которая, мол, искони присуща «творческому духу» православного богословия.

Елена Блаватская — всемирно известная оккультистка, создавшая так называемую теософию и напрямую общавшаяся с падшими, отверженными духами. По свидетельству очевидцев, демоны везде и всегда сопровождали эту несчастную женщину, постоянно напоминая о себе чувственным, осязательным образом — даже в условиях домашнего быта.

Георгий Гюрджиев — один из крупнейших оккультистов XX века. В высшей степени «красноречив», общее название первой (3 книги — около 1300 страниц) из трех серий его сочинений: «Объективная и беспристрастная критика человеческой жизни, или Рассказы Веельзевула своему внуку». Как видим, князь тьмы назван здесь своим именем, так что даже непосвященному читателю совершенно ясно, кто есть кто.

Супруги Рерихи — всемирно известные оккультисты, создавшие чрезвычайно популярное ныне лжеучение «Агни-йога», которое — в мягкой форме, этически безупречно и изысканно интеллектуально — предлагает смертоносный демонизм.

Бхагван Шри Раджниш — современный индийский философ, мыслитель, религиозный писатель и всемирно известный гуру (т.е. «духовный» учитель), выражаясь же точнее один из крупнейших магов. Соблазняет неопытных, доверчивых интеллигентов, особенно — молодежь, «оригинальным и необыкновенно интересным» толкованием евангельских притч; гарантированной помощью в глубинном изучении любой религии; обещанием быстрых «духовных» успехов, полного и окончательного «просветления» и т.д.

Карлос Кастанеда — современный американский антрополог, долго живший в Мексике в качестве ученика одного из индейских колдунов, В своих книгах описывает мрачный мир древнеязыческого индейского шаманства, разнообразные явления демонов и собственный опыт бесообщения.

Ричард Элперт — современный американский психоаналитик, получивший демоническое посвящение в Индии. В своих лекциях и книгах рекламирует различные виды медитации, оккультные методики и магические системы, цель которых — показать кратчайший путь в астрал, иными словами, ввести свою жертву в царство сатанической тьмы.

Анатолий Кашпировский, Алан Чумак, Джуна Давиташвили и многие другие целители, которых, видимо, будет появляться все больше — экстрасенсы, гипнотизеры, психоэнергетики, т.е. — иными словами — ультрасовременные колдуны, даже малое доверие которым крайне душепагубно.

С ЧЕМ СВЯЗАНО СТОЛЬ ЧАСТОЕ УКЛОНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН В НАШИ ДНИ ОТ МНОГИХ САМЫХ НЕОБХОДИМЫХ ПРАВИЛ И УТВЕРЖДЕНИЙ НАШЕЙ СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет в одном письме своем, что скорби всегда постигали стадо Христово: вначале было явное гонение на христиан, затем гонители стали требовать не отречения от Христа, а принятия ересей.

«Далее,— говорит святитель Игнатий,— гонение сделалось еще тоньше: оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто жительство по заповедям Христовым; принято жительство противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, т.е. в духовную. Вера без дел веры, т.е. без исполнения заповедей Христовых, мертва. Самые вводные познания ее остаются для человека крайне темными и сбивчивыми, как не объясненные в нем и ему деянием, паче — Духом Святым, В этом состоянии сбивчивости и темноты мы видим в настоящее время многих, считающих себя христианами и даже учителями Христовой Церкви,— из них иной не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, иной не верит существованию демонов: опять иной думает, не умея различать дела веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела и проч. и проч. По этой причине весьма редко можно слышать истинное Слово Божие из уст человеческих, хотя и часто можно слышать поддельное. Глад слышания Слова Божия — вот бедствие, несравненно тягчайшее бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан» [7а, письмо 54].

«Состояние наше, по причине недостатка в руководителях, в живых сосудах Духа, по причине бесчисленных опасностей, которыми мы обстановлены, достойно горького плача, неутешного рыдания. Мы бедствуем, мы заблудились, и нет голоса, на который могли бы выйти из нашего заблуждения: книга молчит, падший дух, желая удержать нас в заблуждении, изглаждает из нашей памяти и самое знание о существовании книги.

«Спаси мя», Господи, взывал пророк, провидя пророческим духом наше бедствие и приемля лице желающего спастись, «яко оскуде преподобный»! Нет духоносного наставника и руководителя, который непогрешительно указал бы путь спасения, которому желающий спастись мог бы вручить себя со всей уверенностью!

Умалишася истины от сынов человеческих, суетная глагола кийждо ко искреннему своему (Пс. 11, 2-3), по внушению душевного разума, способного только развивать и печатлеть заблуждения и самомнение». Святитель Игнатий (Брянчанинов) (Приношение современному монашеству.— СПб., 1905.— С. 140).

«Дни века сего всегда были лукавы и пребудут такими: но наш век не больше ли всех лукав,— и не больше ли потому мудрости требует от нас, чтоб искупить сие опасное время, обратив противодействие ему в куплю спасения. У нас и вера, и жизнь, и благочестие — все окружено искушениями.

С одной стороны, невежество, обратившее букву в догмат, расширяет область свою: с другой — ложно направленное просвещение, не хотящее знать даже Божественных словес, развращает умы, прельщая их признаком истины. С двух противоположных концов действует враг света и добра...» Святитель Феофан Затворник [9, 114].

«Главная причина нестроения Церкви заключается в том, что правила святых апостолов, Соборов и отцов оставлены без внимания, даже забыты, а заменены они выдумками, чуждыми духа Церкви, заимствованными из духа враждебного Православной Церкви, уничтожающими самый дух Церкви при оставлении одного наружнего благоприличия в некоторой степени и форме» [7а, письмо 67].

«В высших пастырях Церкви осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква» [7а, письмо 236].

«Отцы, по возвышенности своей, несмотря на простоту слога, мало понятны для этого (для настоящего) поколения, в котором христианство до крайности слабо» [7, письмо 215].

«В настоящее время главный труд их (бесов) заключается в том, чтоб уронить все истинные идеи о Боге и о всем Божественном и возвеличить идеи о человеке в падшем естестве его— тем приготовить возвеличение того человека, который превознесется паче Бога по предречению св. апостола Павла. Та же идея, которая сгубила человеков в раю! Только она теперь развивается обширнее» [7а, письмо 264J.

«Ты видишь теперь, как важно для спасения направление, доставляемое изучением святых отцов, как оно редко и как доселе сильно и непреоборимо. Ты видишь, как козни демонские тонки, как они опутывают человека неприметно для него: ты видишь, как современные люди плутоваты, как легко спасающийся может быть обманутым» [7а, письмо 204|.

«Умоляю тебя: дай цену, дай должный вес деланию св. отцов, которому они научились из Божественных откровений, дай цену деланию, которое соделает для тебя удобным спасение и преуспеяние: дай хотя ты цену деланию — говорю с плачем и слезами,— деланию, которое ныне отвергнуто монахами, попрано ими, заменено, не знаю чем — какими-то играниями. *По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе!* — говорит апостол. Увы! Ищу в себе самоотвержения и не обретаю его! Ищу человека, который бы решился отвергнуться волей своих и, обнаженный всякой воли, всецело захотел последовать Христу, исполнять Его волю,— и не встречаю такого человека! Тоскуют мои взоры между многолюдством как бы в безлюдной пустыне,— не находят зрелища, на котором бы остановились с утешением! Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую — смерть вечную! Путь узкий — путь самоотвержения, тесно на пути широком своеугодия! — Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисполненную уже, в пресыщенную уже пропасть ада!..» [7а, письмо 89].

«Закатывающееся солнце живо представляет собой состояние христианства наших Бремен. Светит то же Солнце Правды — Христос, Оно испущает те же лучи, но они уже не проливают ни того сияния, ни той теплоты, как во времена, нам предшествовавшие. Это оттого, что лучи не падают прямо на нас, но текут к нам лишь в косвенном, скользящем

направлении. Лучи Солнца Правды, Христа — Дух Святой: «Свет и Податель Света человекам, Имже Отец познавается, и Сын прославляется и от всех познавается».

Ныне, когда умножились богатые науками, искусствами, всем вещественным, ныне оскуде преподобный (Пс. 11, 2), Святой Дух, призирая на сынов человеческих, ища достойного сосуда в этом сонме именующих себя образованными, просвещенными, православными, произносит о них горестный приговор: *Нестъ разумеваяй и нестъ взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупе непотребны быша: несть творяй благостыню, нестъ даже до едынаго. Гроб отверст гортань их, языкы своими льщаху, яд аспидов под устнами их; ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь; сокрушение и озлобление на путех их: и пути мирнаго не познаша. Несть страха Божия пред очима их* (Рим. 3, 11-18).

Вот причины, по которым Дух Божий чуждается нас, между тем как Он — истинное достояние истинных христиан, приобретенное для всех новых израильтян их всесвятым Родоначальником». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [5, 405J.

«На Западе, без сомнения, благодать Божия утрачена уже много веков тому назад. Католики и протестанты наших дней и вкуса благодати Божией не знали никогда. Поэтому неудивительна их неспособность различать бесовскую подделку под нее. Но увы! Нынешний успех поддельной духовности среди православных христиан обнаруживает, что и среди них спасительная сила христианства утрачена настолько, что они уже не способны отличить истинное христианство от фальшивого. Слишком долго православные не принимали как должное драгоценное сокровище св. отцов и не потрудились пустить в дело чистое золото их учительских словес. Сколько православных вообще знают о существовании основных текстов православной духовной жизни, которые как раз и учат, как различать подлинную и фальшивую духовность,— текстов, в которых представлена жизнь святых — мужей и жен, преизобильно стяжавших в своей жизни сокровище благодати Господа Бога? Многие ли из них впитали в себя учение, содержащееся в «Лавсаике», в «Лествице» св. Иоанна, в «Невидимой брани», в книге «Моя жизнь во Христе» св. Иоанна Кронштадтского?

Эгоцентризм и самодовольство, которыми пронизана жизнь большинства нынешних «христиан», настолько пропитали все вокруг, что всякое понимание того, что такое «духовная жизнь», для них — за семью печатями, и когда такие вот люди берутся за «духовную жизнь», то у них получается лишь другая форма самоудовлетворенности.

«Удовлетворенность» и «мир», которые описывают все эти современные «духовные» движения, полностью изобличают их, как порождение духовного обольщения, духовного самоублажения, которое есть смерть для духовной жизни, обращенной к Богу...

Христианская духовность созидается в тяжелой борьбе за обретение вечного Царствия Небесного, которое начинается во всей полноте лишь после конца временного мира, и настоящий воин Христов не ищет покоя даже в предвидении вечного блаженства, в котором он может удостовериться еще при жизни...» [14, Заключение].

«Сейчас уже вопрос состоит не в том, чтобы быть «хорошим» или «плохим» православным христианином, вопрос сейчас стоит так: сохранится ли наша вера вообще?

У многих она не сохранится: грядущий антихрист будет слишком привлекателен, слишком соответствовать тому духу времени, тому мирскому духу, к которому мы стремимся, чтобы большинство людей даже не узнало, что они потеряли свое христианство, поклонившись ему (антихристу)». Иеромонах Серафим (Роуз) (статья «Царский путь»),

«Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Эта сила посторонняя, злая сила. Источник ее — диавол, а злые люди являются только орудием, посредством которого он действует. Это антихрист идет в мир. Это его предтечи. Про это апостол говорит: «Послет им духа заблуждения, духа лестча. Зане любве истины не прията». Старец Варсонофий Оптинский (из писем).

«Дух времени таков и отступление от православно христианской веры начало распространяться в таком сильном размере, безнравственность так всеобща и так укоренилась, что возвращение к христианству представляется невозможным...

Христос соделался невидимым для иудеев и, невидимый ими, удалился из среды их, когда они хотели убить Его; христианство соделывается невидимым для нас, удаляется от нас, когда мы покушаемся убить его распутной жизнью, принятием разных лжеучений, когда мы покушаемся смесить христианство со служением миру...» [7а, письмо 41.

«Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию; они начнут оставлять без внимания обновление естества человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь: в этом настроении и направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения всем поврежденным и развращенным требованиям и пожеланиям души и тела. Разумеется: такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд. Такому направлению отступление от христианства свойственно. Отступление настанет, по проречению Писания (2 Сол. 2, 3). Когда христианство до крайности умалится на земле, тогда окончится жизнь мира...» Святитель Игнатий (Брянчанинов) |5, 457—458].

КАК ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАСТЫРИ ЦЕРКВИ И ВСЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ ДОЛЖНЫ ХРАНИТЬ СВЯТУЮ ИСТИНУ

«Чтоб хранить истину, надо ее возыметь, чтоб иметь, надо ее узнать. Таким образом, всякий, ведущий христианскую истину, становится хранителем, блюстителем и защитником ее. Чем более ведущих истину, тем сильнее защита ее, тем безопаснее сама она,— не сама в себе, а в среде людей. Напротив, чем менее ведущих истину, тем менее оплотов против лжи,— тем опаснее положение истины среди нас. Ибо в этом случае, явись какое ложное учение, неведущий истины пропустит его, потому что нечем ему распознать и обличить его. От него она (ложь) перейдет к другому — неведущему, от другого к третьему, и так далее. Ложь войдет и вытеснит истину.

Прав ли тот, кто пропустил ее?! — Никак. Это будет то же, как если бы воин, по небрежности не узнавший пароля, пропустил врага в стан. В этом отношении, стало быть, всякий неведущий истины есть уже изменник ее, и изменник общества верующих, или Святой Церкви. Строго? Но так и есть!

Само собой разумеется, что эта вина падает всей тяжестью на тех, кои имеют силы и способы узнать истину и не узнают, т.е. преимущественно на класс образованный.

Христианин чужд того позыва, чтоб все по-своему понимать; а ищет одного — как все всегда понимали вещи и судили о них. По его убеждению, отособиться — значит отпасть от истины,— и следовательно, не к совершенству идти, а в пагубу. Но, подчиняясь общему верованию, он не думает, что теряет самостоятельность. В этом общем он усвояет себе только начала,— начала верные, ибо они от Бога исходят,— и, на них основываясь, судит потом о всем и все решает; и решает не заблудно, ибо исходит от истинных положений, запечатленных Божественным авторитетом.

Все ереси и все лжи произошли от нарушения сего основного правила истины. Ересь есть суждение о чем-либо по- своему, не соображаясь с тем, как судить о том предал Церкви Господь. Арий стал судить о Господе по-своему и впал в ересь, не признавая единосущие Его Богу Отцу и Духу Святому. Лютер стал по-своему составлять систему христианского учения,— и сколько лжей изобрел? То же и папа, то же и все новые заблуждения. Когда рождается вопрос, христианин ищет разрешения ему не в себе, не в своем постижении, а в общем всех исповедании. Не то, чтоб он сам не рассуждал и не построевал никаких соображений: они у него родиться могут быстрее, нежели у кого-либо. Но дело в том, что он цены им не даст никакой до тех пор, пока не проверит общим учением. Согласны они с сим учением, он оставляет их за собой, не согласны — отвергает, И в этом покой его. Он стоит на сем общем, как на твердом камне. Ибо по нему восходит он к Богу, как источнику» [9, 100].

«Надлежит нам приобресть знание учения святой веры ясное и определительное, и потом постоянно его поновлять, расширять, очищать и утверждать всякого рода основаниями,— и блюсти всякую часть его как зеницу ока. Как бережливый торговец часто пересматривает и перечищает свои товары, чтобы не залежались и были всегда как

новые: так истины веры, познанные и сложенные, как в магазин какой, в память сердца, надо почасту пересматривать внимательным размышлением, чтоб ведение о них всегда было ново. Как хозяин окна дома своего часто велит перетирать, чтоб не затускнели от пота, пыли и жара: так надо и нам истины святые, из которых каждая есть окно в духовный мир, протирать воспоминанием и размышлением, чтобы не затмились и не сделали для нас мира духовного неудобно-невидимым» [9, 152].

«Настоящее положение дел не есть неожиданность. Его во всей подробности провидел св. апостол Павел и тогда же прописал, в лице апостола Тимофея, наставление, как и что должно делать преемникам их в подобных случаях:

Сие же веждь,— говорит он св. Тимофею,— *яко в последния дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбци, сребролюбци, величави, горди, хульницы, родителям противящийся... нелюбовни, непримирительны... невоздержницы... предателе... сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущие образ благочестия, силы же его отвергшиися... поныряющии в домы и пленяющии женища...* (2 Тим. 3, 1-6).

Не так ли это теперь? — *Всегда учащася, и николиже в разум истины приити могущия. Якоже Ианний и Иамврий противистася Моисею, тако и сии противляются истине, человецы растлении умом, и неискусны о вере...* (2 Тим. 3, 7-8). *Будет время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотям изберут себе учители, чешеми слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся* (2 Тим. 4, 3-4).— Не то ли делается ныне?

Что же делать ревнителю истины в подобных обстоятельствах? — Вот что! *Ты же трезвися о всем, злопостражди, дело сотвори благовестника, служение твое известно сотвори...* (2 Тим. 4, 5). *Не постыдися страстию Господа нашего Иисуса Христа... но спостражди благовествованию Христову по силе Бога, спасшаго нас и призвавшаго званием святым... Образ имей здравых словес, ихже от мене слышал еси...* (2 Тим. 1, 8-9,13). *Проповедуй слово, настой благовремение, и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2).

Итак, воспроповедуем, братья, в храмах и домах, в общих собраниях и частных беседах, устно, письменно, печатно. Да будем трубами, непрестанно гласящими, но внятными. Бросим разделение, тайно проходящее в рядах наших: составим братский союз, сосредоточим силы, устремим их все на одно. Истина сама за себя стоит: огласим ею слух всех, и она сама привлечет ихже пред в еде Отец наш Небесный. Только поведем сие дело так, чтоб никто не мог сказать нам по правде: врачу, исцелися сам». Святитель Феофан Затворник [9].

«Прежде всего оставляй сынам твоим в наследие непорочную веру и святые догматы, чтобы тебе не только сынов, но и внуков твоих привести к Господу путем православия». Преподобный Иоанн Лествичник («Слово к пастырю», гл. 14).

«Прошу же вас, будем крепко хранить веру святую; ибо видите, сколько уклонений бывает от нее и сколько должны мы благодарить Бога, что не попали в какое-либо заблуждение, но получили и держим веру православную». Преподобный Феодор Студит (Добротолюбие.— т. 4.— с. 330).

«Не будем вводить ничего нового! Последуем с точностью учению, преданному Св. Церковью, учению, преданному святыми апостолами и святыми отцами». Святитель Игнатий (Брянчанинов) [7а, письмо 58].

«...Если же, кроме Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, каковой и называется и есть Церковь Православная, так сомнительно спасение других вероисповеданий, то почему же в России не проповедуется истина сия? На это ответ очень простой и ясный. В России допущена веротерпимость, и иноверцы наравне с православными занимают у нас важные должности: начальники губерний и уездных городов часто бывают иноверцы; полковые командиры — нередко иноверцы. Где ни начни духовное лицо открыто проповедовать, что вне Православной Церкви нет спасения, сановитые иноверцы оскорбятся. От такого положения русское православное духовенство и получило как бы навык и укоренившееся свойство говорить об этом предмете уклончиво. А может быть, некоторые по той же причине и от всегдашнего обращения с иноверцами, а более от чтения их сочинений, стали и думать снисходительнее в отношении надежды спасения и прочих вероисповеданий».

Преподобный Амвросий Оптинский (Журнал Московской Патриархии.—1988, № 6. — с.70).

«Дружба с еретиками есть грешное и опасное дело. Однажды еретики — ариане, нечестиво учившие о Сыне Божием, распространили молву, будто всеми уважаемый подвижник и пустынник Антоний Великий вступил с ними в дружественные отношения. Удивленный их дерзкой ложью, святой Антоний воспылал праведным гневом и немедленно пошел в Александрию. Там пред епископом и всем народом предал их проклятию, называя предтечами антихриста.

Было бы ошибочно думать, чтобы Антоний чрез этот поступок нарушил добродетель христианского терпения и кротости... Не обличив дерзкую клевету, он подал бы случай другим о себе соблазниться; а что ужаснее,— невежды, которые не могут проникать намерений великого человека, могли бы предаться пагубной ереси. Молчать в этом случае было бы и опасно и грешно» [1, 179].

«Мы и братья наши (т.е. члены Церкви) обязаны везде поддерживать общественный порядок и гражданский закон, не отвергая нигде, в делах мирских, содействия наших сограждан, к какому бы вероисповеданию они не принадлежали. Но не так в делах веры. Как члены Церкви, мы — носители ее величества и достоинства, мы — единственные, в целом мире заблуждений, хранители Христовой истины. Отмалчиваясь, когда мы обязаны возглашать глагол Божий, мы принимаем на себя осуждение, как трусливые и неключимые рабы Того, Кто потерпел поношение и смерть, служа всему человечеству, но мы были бы хуже, чем трусы, мы стали бы изменниками, если бы вздумали призывать заблуждение на помощь себе в проповеди истины и если бы, потеряв веру в Божественную силу Церкви, мы стали искать содействия немощи и лжи. Как бы высоко ни стоял человек на общественной лестнице, будь он нашим начальником или государем, если он не от Церкви, то в области веры он может быть только учеником нашим, но отнюдь не равным нам и не сотрудником нашим в деле проповеди. Он может в этом случае сослужить нам только одну службу — обратиться» (А.С. Хомяков. Собр. соч.— т. 2. С. 87).

«Не идет ли кто путем Иудиным?

Идет — тот, кто, принимая Тело и Кровь Господа в Евхаристии, принимает их без должной веры (как простой хлеб и вино) и почитает себя чрез то ничем не обязанным своему Спасителю; кто в храме показует некое уважение к Святыне и, когда говорят о грехах и измене закону, готов, подобно Иуде, спросить: «Не я ли, Господи?» — а за храмом явно поклоняется миру и его кумирам; продает бесстыдно веру и закон, стыд и совесть.

Итак, с кем вы? С кем — не здесь и теперь — в храме: а там, где встретит вас искушение; где, может быть, надобно будет приять честь и богатства неправедные или идти на крест за правду?.. Но уже вы избрали что должно: каждый из вас сказал: «Я не дам Тебе лобзания Иудина»! Смотрите: не давайте же сего адского лобзания. Иначе оно будет некогда жечь уста и сердце ваше адским пламенем! Каждый из вас обещал исповедовать Господа, подобно благоразумному разбойнику: смотрите, исповедуйте же! В случаях к сему не будет недостатка, ибо мир и теперь тот же, что был прежде: весь во зле лежит и ко злу всех влечет. Стойте же мужественно против сего зла и в себе и в других...» [1, 547].

«Лжепророки века сего, в том числе многие из тех, кто официально именуются «православными», все громогласнее заявляют о приближении «новой эры Святого Духа», «новой Пятидесятницы», «точки Омега». А это, согласно подлинному пророчеству Православной Церкви, и есть то самое царство антихриста, И именно в наше время, именно сегодня эго сатанинское пророчество начинает сбываться —демонической силой. Вся духовная атмосфера современного мира буквально заряжена энергией бесовского опыта посвящений: «мистерия беззакония» овладевает душами людей, стремясь овладеть даже самой Церковью Христовой, насколько это возможно...

Так до какой же степени должны ходить православные в страхе Божием, страшась, как бы не утратить благодать, которая дается отнюдь не каждому, а только тем, кто держится истинной веры, проводит жизнь в христианском борении и кто сокровищем почитает благодать Божию, возводящую к небесам. И с какой великой осторожностью должны ходить православные христиане именно в наши дни, когда они окружены

поддельным «христианством», которое предлагает им свои опыты «благодати» Св. Духа и способно в изобилии цитировать Св. Писание и святых отцов, чтоб доказать их...

Православные!

Крепче держитесь за благодать, которую вы имеете, не допускайте, чтобы она превращалась в дело привычки, не пытайтесь измерить ее человеческими мерками и не надейтесь постичь ее человеческой логикой; не надейтесь, что ее могут постичь те, кто ничего не мыслит выше человеческого уровня или считает, что можно получить благодать Св. Духа каким-то другим путем, отличным от того, которым одна Церковь Христова подает нам. Истинное Православие по самой природе своей кажется полностью неуместным в эти демонические времена — тающая кучка презираемых и «тупых» среди религиозного «возрождения», инспирированного духом совсем другого рода.

Но давайте же обретем утешение во вполне определенных словах Господа нашего Иисуса Христа: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство». Так пусть же все истинные православные укрепятся для грядущей битвы и никогда не забывают, что во Христе победа всегда будет наша. Он обещал, что врата адовы не одолеют Его Церкви (Мф. 16, 18), что ради избранных сократит Он дни последней и великой скорби (Мф. 24, 22). И среди самых жесточайших искушений мы должны помнить повеление: *Мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33).

Так давайте же жить так, как жили истинные христиане во все времена, в ожидании конца всех вещей и Пришествия нашего любимого Спасителя, ибо: *Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь. — Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Апок. 22, 20) Иеромонах Серафим (Роуз) [14, гл. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Священик Григорий Дьяченко. Уроки и примеры православной веры. Опыт катехизической хрестоматии.— М., 1894.
2. Настольная книга священнослужителя.— М., 1986. Т. 5.
3. Раннехристианские отцы Церкви. Антология.— Брюссель, 1978.
4. Митрополит Макарий. Православное догматическое богословие. Б.м., Б.г.
5. Собрание сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова) Т. 4. Аскетические опыты.— СПб., 1905. Т. 1-3.
6. Собрание сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова). Аскетическая проповедь и письма к мирянам.— СПб., 1905.
7. Отечник, составленный епископом Игнатием (Брянчаниновым).— СПб., 1891.

7а. Соколов Леонид. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915. Ч. 2.

8. Епископ Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни.— М., 1892.
9. Епископ Феофан (Затворник). О Православии с предостережениями от погрешений против него.— М., 1894.
10. Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви.— М., 1949.
11. Протоиерей Сергий Четвериков. Молдавский старец Паисий Величковский, его жизнь, учение и влияние на православное монашество» // Вечное.— Париж, 1976.
12. Игумен Никон. Письма духовным детям.— Троице-Сергиева Лавра, 1991.
13. Добротолюбие.— М., 1896.— Т. 2.
14. Иеромонах Серафим (Роуз). Православие и религия будущего.— М., 1991.

СЛОВО ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ О СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАЙНАХ

Хлеб сердца человека укрепит (Пс. 103, 15), пророчествовал Пророк о некоем чудном хлебе, который, в отличие от обыкновенного вещественного хлеба, укрепляющего тело, долженствовал укреплять сердце человеческое. Нуждается сердце наше в укреплении, страшно поколебалось оно при падении нашем, и само собой не может остановиться от колебания. Непрестанно потрясается оно различными страстями. Тщетно и всуе проповедует падший человек, в ослеплении своем, о твердости воли человеческой. «Этой твердости нет: увлекается воля насилием преобладающего ею греха. Нужен, нужен предвозвещенный чудный хлеб, чтоб укрепить поколебавшееся, ослабевшее сердце человеческое» (прп. Варсонофий Великий, отв. 401; прп. Кассиан, соб. 9, гл. 21).

Совершает укрепление сердца человеческого хлеб, сшедый с небесе, хлеб жизни (Ии. 6, 58, 48). Этот хлеб — Господь наш Иисус Христос. Он сказал: *Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира... Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне, пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 51, 56).

Какое чудное установление! Естественно уму человеческому придти в недоумение пред установлением сверхъестественным, непостижимым. Услышали установление люди, омраченные плотским мудрованием и неверием, не захотели получить объяснение от Бога о Божественном установлении, произнесли о Божественном установлении свой суд в осуждение и погибель себе. *Жестоко слово сие,* сказали они: *кто может его послушати? ...От сего мнози от учеик Его,* всуе носивших имя учеников, *идоша вспять, и ктому не хождаху с Ним* (Ин. 6, 60, 66). И ныне наветуются сомненьем о великом таинстве те, которые только носят имя христиан, придерживаются наружных обычаев христианских, а по жизни и сердечному залогу чужды христианства. *Жестоким* было бы *слово,* если бы произнес его человек; послушание слову было бы невозможным, если бы слово произнес человек. Слово произнесено Богом, принявшим, по бесконечной благости Своей, человечество для спасения человеков: и потому слово должно быть преисполненным благости. Слово произнесено Богом, принявшим человечество для спасения человеков: и потому внимание к слову и суждение о нем не должны быть поверхностными. Послушание слову должно быть принято верой, от всей души, как должен быть принять и вочеловечившийся Бог. Принятие Богом человечества непостижимо для человеков; столько же непостижимы установления и действия Богочеловека: они человека, зачатого в беззакониях и рожденного во грехах, человека, обреченного вечной погибели и вечному томлению в темницах и пропастях ада, усвояют Богу, соделывают богом по благодати, возводят па небо для вечного жительства и для вечного блаженства па небе. Осудившие слово и установление Богочеловека, отвергшие слово и установление, осудили и отвергли Слово — *Дух и живот* (Ин. 6, 63), осудили и отвергли установление, которым преподается ученику Христову *Дух и живот. Аминь, аминь глаголю вам,* сказал Господь, *аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53). «Подобает научиться,— говорит святой Иоанн Златоуст,— чудному свойству и действию святых тайн: что — они? для чего они преданы? какая польза от них? Мы — едино тело с телом Господа нашего Иисуса Христа, мы — плоть от плоти Его, кость от костей Его (Быт. 2, 23). Тайнонаученные! внимайте тому, что говорится: мы соединяемся со всесвятой плотию Господа не только при посредстве любви, но и при посредстве самого таинства. Всесвятая плоть Господа соделывается нашей пищей! Он даровал нам эту пищу, желая показать любовь, которую имеет к нам. Он смесил себя с нами, и возмесил в нас Свое тело, чтоб мы были соединены с Ним, как соединено тело с главой: таково свойство неизреченной любви. Предызображая собой Господа, Иов поведал о рабах своих, которыми был особенно любим, что они, в объяснение великой любви к нему, говорили: *кто у бо дал бы нам от плотей его насытитися* (Иов. 31, 31). Доставил нам это Христос, вводя нас в величайшую любовь, и Свою любовь являя к нам, подавая желающим не только видеть Себя, но и прикасаться к Себе, и снедать Себя и соединяться с Собой, и исполнить всякое желание»[8]. Господь,

[8] Нравоучение 46-е в беседах на Евангелиста Иоанна.

заменив для нас Собой нашего праотца, Адама, от которого рождаемся в смерть, соделавшись нашим родоначальником, заменяет плоть и кровь, заимствованный нами от Адама, Своей плотию и кровию. Такое действие Господа, при благочестивом созерцании искупления человеков вочеловечением Бога, пребывая непостижимым и сверхъестественным, вместе становится и ясным и естественным. Непотребные плоть и кровь естества падшего и отверженного должны быть заменены в естестве, которое обновил Богочеловек, всесвятой плотию и кровию Богочеловека (Св.Исаак Сирин, сл.68 е).

«Благий, всеблагий и преблагий Бог,— богословствует святой Иоанн Дамаскин,— будучи весь благость, по безмерному богатству Своей благости, не потерпел, чтоб благо, то есть естество Его, пребывало одно, и никто не был причастником этого естества»[9]. Таково воззрение ума человеческого, озаренного светом Святого Духа, на действия Божии: таково объяснение действий Божиих этим умом; так объясняет этот ум для самого себя действия Божии: действия Божии и начала действий Божиих в точности и с полной определенностью постижимы для одного Бога. Просвещенный Свыше ум человеческий издает следующее священное вещание[10]: Состоялось благоволение Божие, чтоб всесовершенная благость, то есть существо Божие, отразилась в других существах, как отражается солнце на предметах, которых оно прикасается лучами. Для этого Бог первоначально сотворил духов и тот мир, в котором они обитают, потом чувственный мир, наконец человека, принадлежащего по душе к сотворенным духам, принадлежащего по телу, в которое облечена душа, к миру чувственному. Бог, будучи жизнь, саможизнь, пролил из себя жизнь во все живущее и существующее. Жизнь мира есть отражение в нем саможизни — Бога. И духи, и человек, и вся прочая тварь вышли из рук Создателя совершенными, совершенными относительно ограниченному естеству своему, исполненными цельного добра, без малейшей примеси зла. Добро в тварях, соответственное естеству их, было отражением беспредельной благости беспредельного Творца. Ограниченное совершенство тварей было отражением всесовершенного совершенства, составляющего свойство единого Творца. Духи и человек сделались между тварями ближайшим и яснейшим отражением Бога. В самом существе их Творец начертал Свой образ; этот образ Он украсил качествами, подобными тем качествам, которые в беспредельности и совокупности своей составляют сущность Бога. Бог — благость, и разумных тварей Он соделал благими. Бог — премудрость, и разумных тварей Он соделал премудрыми. В решительный оттенок подобия Он даровал разумным тварям Святого Духа Своего,— этим соединил дух их, все существо их с Собой.

Зло явилось от свободного произволения разумных тварей. Зачади зло в себе, и родили его в отрицательное бытие его, духи. Яд зла они сообщили всему человеческому роду, заразив злом корень рода, праотца, обольстив праотца обещанием состояния, равного Богу. Здесь является благость Божия в поразительнейшем проявлении. Чтоб извлечь человечество из падения и погибели, триипостасный Бог единым из Лиц Своих приемлет человечество, в Себе и Собой обновляет человека, доставляет ему этим соединение с Собой, несравненно теснейшее, нежели какое даровано было при сотворении. Сын Божий по естеству, вочеловечившись и соделавшись родоначальником человеков, соделал их сынами Божиими по благодати. Зачатие и рождение скотоподобные, которому человеки подчинились по падении, отвергается: покрывается оно, так сказать, рождением от Святого Духа при крещении. Возрожденные человеки претворяются из плоти в дух, не по естеству, по свойству: *рожденное от плоти, плоть есть, рожденное от Духа, дух есть* (Ин. 3, 6), Христиане, родившись от Адама в смерть, рождаются крещением в жизнь, рождаются от Бога, рождаются уже чадами Божиими (Ин. 1, 12, 13). Бытие их названо *пакибытием* и есть *пакибытие* (Мф. 19, 28; Тит. 3, 5): оно — бытие в жизнь вечную, бытие совсем иное, нежели каким было бытие в смерть; оно — бытие второе, вторично преподанное по утрате первого бытия падением, вечной смертью. Состоянию пакибытия дарована пища, соответствующая состоянию. Как рождение в пакибытие есть рождение от Святого Духа; так и питание, преподаваемое обновленному человеку, приуготовляется Святым Духом. Питание это — плоть и кровь Богочеловека. «Плоть Господа — Дух

[9] Точное изложение Православной веры святого Иоанна Дамаскина, кн. 4, гл. 13.

[10] Заимствовано из Точного изложения Православной веры святого Иоанна Дамаскина, кн. 4, гл. 13.

животворящий, сказал святой Иоанн Дамаскин, так как зачата она от животворящего Духа: говорю это, не уничтожая (не отвергая) естество тела, но желая показать всю Божественность и животворность его»[11].

Богочеловек, будучи всесовершенным Богом, по наружности, для телесных чувств человеческих, запечатленных падением, был только человеком. Святые человеки, соделавшиеся чрез крещение чадами Божиими, соделавшиеся духом, сохранившие и развившие усыновление и духовное состояние богоугодным жительством, пребывали для наружных чувств человеческих, запечатленных падением, обыкновенными человеками, неотличавшимися ничем от прочих человеков. Святые Христовы тайны, будучи телом и кровию Богочеловека, будучи Духом, сохраняют для телесных чувств наружный вид хлеба и вина. И видится хлеб и вино, и обоняются хлеб и вино, и осязаются хлеб и вино, и вкушаются хлеб и вино. Обнаруживаются и являются святые тайны чрез действие свое. Так обличался Бог, прикрытый человечеством: Он обнаруживался и свидетельствовался действиями Своими. Так обличались святые Божии, сосуды Духа: обнаруживались они и разоблачались действиями. Наружность глубоко смиренная, покровенная простотой, чуждая изысканности, чуждая эффекта,— действие сверхъестественное, Божественное! Действием Божественным возвышается достоинство дивно-смиренной наружности. Точно! Бог смирился несказанно вочеловечением и земной жизнью Своей: все действия Его несказанно смиренны, несказанно благолепны и величественны в смирении своем. Это относится и к святым тайнам. Что может быть по наружности смиреннее, обыкновеннее пищи, предлагаемой обновленным человекам, той необыкновенной, чудной, страшной пищи, в которой преподается в снедь Святой Дух, в которой преподается в снедь Богочеловек? *Ядый Мою плоть, и паяй Мою кровь,*— сказал Он,— ядый Мя, *той жив будет во веки* (Ин. 6, 56, 57). «Причащающиеся пресвятого тела и пресвятой крови, сказал великий Отец, стоят с Ангелами и Архангелами, и горними силами, одеянные в самую царскую Христову порфиру, препоясанные оружием духовным. Этим я еще не сказал ничего великого: они бывают облечены в самого Царя»[12], При установлении преобразовательных жертв дозволено было употребление в пищу мяс, приготовленных на огне, воспрещено употребление крови. В причину воспрещения объявлено: *зане душа всякия плоти кровь его есть* (Лев. 17, 11). Когда была принесена новозаветная Жертва, Прообразованная слабыми тенями — ветхозаветными жертвами; когда принесена была новозаветная Жертва Жрецом — Господом, Который был и Жертва и Жрец: тогда вышло от Бога иное повеление о жертвенной крови, *Пийте от нея вси,*— повелевает Господь всем,— призывая всех, *сия бо есть кровь Моя нового завета* (Мф. 26,27,28). Все приглашаются к употреблению крови Христовой! Приглашение совершается по той же причине, по которой произнесено воспрещение. В крови Христовой — душа Его. Ясно ощущается при причащении святых тайн прикосновение души Христовой к душе причащающегося, соединение души Христовой с душой причащающегося. Без слов, без наставления словами, начинает душа ощущать в себе чуждые падшему естеству ее успокоение, кротость, смирение, любовь ко всем, холодность к тленному и преходящему, сочувствие к будущему веку. Навеваются эти ощущения, насаждаются в душу из души Христа, как сказал Он: *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Научитесь не от Ангела, не от человека, не из книги, научитесь от Меня,— говорит святой Иоанн Лествичник,— объясняя слова Спасителя, от Моего усвоения вам, от Моего сияния и действии в вас, что Я кроток и смирен сердцем, и помыслом, и образом мыслей, и обретете упокоение от внутренней борьбы, облегчение душе вашей от тягости и смущения, причиняемых ей помышлениями, приносимыми из области падших духов[13]. Таково действие святых тайн: они, действуя на нас, вместе действуют на невидимых и неусыпных врагов наших, на демонов, ограждая от них свой сосуд — человека, достойно вмещающего их в себя. Пища, по наружности вещественная, приемлемая устами, действует против духов, оковывает их

---

[11] Точное изложение Православной веры святого Иоанна Дамаскина, кн. 4, гл. 13

[12] Свт. Иоанн Златоуст, нравоучение 45-е в беседе на Евангелиста Иоанна.

[13] Лествица, Слово 25-е. Здесь последние слона святого Иоанна несколько дополнены аскетическим объяснением.

как бы цепями! Трапеза, на которой, по наружности, представлены хлеб и вино, борется с духами, попирает их! *Уготовал еси предо мною трапезу,*— воскликнул в восторге к Богу Пророк, указывая издали на жертвенник христианский,— *уготовал еси трапезу сопротив стужающим мне!* (Пс. 22, 5)[14]. Это действие святых тайн в особенности известно инокам, проводящим жизнь безмолвную, и подвергающимся усиленному нашествию бесовских помыслов. «Они горят — выразился преподобный Пимен Велики, выразился из собственного опыта — от яда злобных демонов, и с нетерпением ожидают субботы и дня недельного, чтоб придти на источники живой воды — к телу и крови Господним — ими очиститься от горечи, которой напоил их враг»[15]. И падшие духи ведают силу святых тайн. Они трепещут ее, ненавидят ее, завидуют причащающимся, завидуют той завистью, к которой способны демоны... Часто с исступлением нападают они на готовящегося к причащению, расхищают его мысли, наводят на сердце холодность и ожесточение, приносят тяжкие греховные воспоминания и мечтания, стараются осквернить совесть, привести христианина в недоумение, воспрепятствовать причащению; часто после приобщения совершают духи подобное нападение, опять с целью ввергнуть в недоумение, смущение, с целью поколебать веру, насеять мысль, что причащение святым тайнам не приносит никакой пользы. Эта невидимая брань, воздвигаемая духами злобы на причащающихся, служит свидетельством величайшей важности и пользы святых тайн. Драгоценно сокровище, к получению которого так усиливаются не допустить человека враги его! Драгоценно сокровище, которое так неистово стараются восхитить у человека враги его! Утвердимся верой, и противостанем мужественно супостатам нашим. Постараемся, при приготовлении нашем к принятию святых таин, сохранить всевозможное бодрствование над собой; постараемся, по принятии святых таин, сохранить это бодрствование над собой, Неубоимся душевной бури, производимой нашествием духов! Не допустим унынию и смущению овладеть нами. Действие святых тайн не преминет явиться в душе терпеливого подвижника, как является солнце на небе, по очищении его от облаков. *На враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9), сказал святой Давид, по миновании возмущения, произведенного ими в душе его. Произнесет это исповедание о себе и причастник святых тайн, освободившись от нашествия духов, которых тем яснее обличит пред ним действие святых тайн. Всякий, приобщившийся со вниманием и благоговением, с должным приготовлением, с верой, чувствует в себе изменение, если не тотчас по причащении, то по прошествии некоторого времени. Чудный мир нисходит на ум и сердце; облекаются спокойствием члены тела; печать благодати ложится на лице; мысли и чувствования связываются священными, духовными узами, воспрещающими безрассудную вольность и легкость, обуздывающими их. При постоянно благочестивой и внимательной жизни действие святых тайн делается яснее, ощутительнее, обильнее. Действие это уподоблено Писанием помазанию главы, т.е. ума, духовным елеем, уподоблено державной, царственной чаше, властительски упоевающей душу ощущениями, исходящими из Святого Духа, исходящими из Христа. При постоянно внимательной и благочестивой жизни делается отчасти постижимой непостижимая милость Божия, явленная человекам в даровании им небесной пищи. Эта *милость* Божия *поженет* ко спасению, сверхъестественной силой своей, причащающегося по возможности часто, по возможности достойно, *вся дни* земного *живота* его, *вселит* его в небесный *дом Господень* на бесконечную *долготу дний* вечных (Пс. 22,5, 6).

Хлеб вещественный есть образ хлеба небесного, и вино есть образ истинного духовного пития. Действие вещественных хлеба и вина служит образом действия тела и крови Христовых[16]. Хлеб, будучи употребляем в пищу, отделяет из себя, при посредстве пищеварения, соки в тело, неизвестным и непостижимым для человека образом. Образ действия неизвестен и непостижим: последствия действия, а потому и самое действие, очевидны. Сходственно с действием хлеба действие вина, действующего преимущественно на кровь. Оно отделяет из себя газы, которые изменяют состояние

---

[14] Сей псалом входит в последование ко Св. Причащению.

[15] Алфавитный патерик. В молитве по 19-й кафизме читается: Наслади душу мою Твоею честною кровию от горести, еюже мя сопротивник напои.

[16] Мысль эта имеется у святого Иоанна Дамаскина.

крови, посредством крови действуют на душу, действуют на ум, действуют на сердце. Действие вещественных хлеба и вина — вещественно. Хлебом поддерживаются и укрепляются силы тела; вино, действуя на кровь, возбуждает в ней деятельность, содействует хлебу в питании и укреплении тела. Тело, лишенное вещественной пищи, должно по необходимости сделаться жертвой смерти.— Духовный хлеб — тело Христово — укрепляет сердце человека, укрепляет все существо его, укрепляет волю, укрепляет ум, доставляет правильность пожеланиям и влечениям души и тела, естественные свойства человеков освобождает от недугов, которыми оно заразилось при падении, которые называются страстями, т.е., страданиями, болезнями. Духовное питие содействует духовной пище. Оно сообщает душе качество свойств Христовых. Христос принял на Себя все свойства человеческие, кроме греха: свойства человеческой души Христовой чужды повреждения греховного, непорочны; по причине соединения с Божеством, они Божественны. Этими обоженными свойствами напаивается душа пьющего кровь Христову, «Как вещественное вино,— сказал святой Марк,— растворяется во всех членах пьющего, и бывает вино в нем и он в вине: так и пьющий кровь Христову, напаивается Духом Божества, растворяется в совершенной душе (Христовой), и эта душа в нем,— освятившись таким образом, соделывается достойным Господа»[17]. Удаляющийся от причащения святых тайн, отчуждается от Христа, предоставляется самому себе, своему естеству, пораженному вечной смертью. Вечную смерть уничтожает в человеке, внутри его, и уме и сердце, един Христос. Он входит, как всемогущий Бог, в невходные сокровищницы человека, там поражает смертью смерть. Если не будет совершено этого,— вечная смерть пребудет в человеке, пребудет, как начало и залог вечной погибели. Нет возможности избежать вечной погибели тому, кто имеет и хранит в себе начало и залог ее — вечную смерть.

О! Как делается понятным, естественным, приглашение всемилосердного Господа ко вкушению Его всесвятых тела и крови, к питанию ими. Приглашение это — самое убедительное, оно соединено с великими обетованиями и с великими угрозами. Господь, по неизреченной любви Своей к нам, спас нас Собой, заменив наши казни Своей казнью, заменив наше оскверненное достоинство Своим святейшим достоинством: по этой же неизреченной любви, в чудных порядке и системе, установленных этой любовью, Он призывает нас в теснейшее единение с Собой причащением святых тайн, как в вернейшее, как в необходимое условие нашего спасения. *Делайте не брашно гиблющее,*— говорит Он,— *но брашно, пребывающее в живот вечный, еже Сын человеческий вам даст* (Ин, 6, 27). *Отец Мой даст вам хлеб истинный с небесе. Хлеб бо Божий есть сходяй с небесе и даяй живот миру* (Ин. 6, 32-33). *Аз есмь хлеб животный* (Ин, 6, 48). *Аз есмь хлеб животный, сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего жив будет во веки, и хлеб тоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира* (Ин. 6, 51), *Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво* (Ин. 6, 55). *Аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Ии. 6, 53). Приобщение святым тайнам установлено ежедневное[18]. Ежедневное приобщение жизни Христовой долженствует ежедневно оживлять христианина духовной жизнию. «Частое причащение жизни,— сказал Василий Великий,— что иное значит, как не частое оживление?»[19] Частое причащение что иное значит, как не обновление в себе свойств Богочеловека, как не обновление себя этими свойствами? Обновление, постоянно поддерживаемое и питаемое, усваивается. От него и им истребляется ветхость, приобретенная падением; смерть вечная побеждается и умерщвляется вечной жизнью, живущей во Христе, источающеюся из Христа; жизнь — Христос водворяется в человеке.

Особенное действие слова Божия, описанное святым апостолом Павлом, имеют и святые тайны. Это — естественно! Как в слове Божьем действует Христос, действует Святой Дух, действует Христос и Святой Дух, содействуя друг другу, действуя из единого, равночестного и единоестественного Им начала — Отца, так действуют Они и в святых тайнах. *Живо слово Божие,*— возвестил великий Павел,— *и действенно, и острейше паче*

---

[17] По ссылке святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов.— Добротолюбие, ч. 2-я, гл. 92.

[18] Новая Скрижаль. Статья Дары святые приносятся по заповеди.

[19] Послание 30-е к благородной Кесарии, книга 3-я.

всякого меча обоюдуостра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судително помышлением и мыслем сердечным (Евр. 4, 12). То же должно сказать о святых тайнах! «Они входят в нашу сущность,— говорит святой Иоанн Дамаскин,— для сохранения и очищения нас от всякой скверны, для отражения от нас всякого вреда. Если же встречают в нас поддельное золото, то очищают его огнем суда, да не с миром осудимся в будущем веке: очищают болезнями и всякими бедствиями»[20]. Причащающийся святым тайнам, должен знать, что, приемля их, он *суд себе яст и пиет* (1 Кор. 11, 29),— как сказал Апостол. Этот суд оправдывает проводящих жизнь богоугодную, раздаст, расточает им духовные награды: он судит погрешности тех, которых богоугождение недостаточно, врачует погрешности временными наказаниями во отвращение вечных; он поражает казнями, казнями страшными, тех, которые дерзают приступать к святым тайнам, проводя жизнь произвольно греховную, противную заповедям Христовым.

На этом основании завещается желающим приступить ко святым тайнам тщательнейшее приуготовление. *Да искушает же себе человек,*— говорит Апостол,— *и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет* (1 Кор. 11, 28). Должно углубляться в самовоззрение, внимательно рассматривать, исследовать себя; должно очищать себя от согрешений, искоренять их из себя исповедью и покаянием; должно исправлять уклонения от пути заповедей Христовых и самые тонкие, возвращением на этот путь, полагать в душе намерение всеусильно держаться этого пути, укреплять намерение чтением, изучением Слова Божия, теплейшими молитвами, учащенным причащением святых тайн. Должно рассматривать ничтожество, бедность, греховность, падение человеческие, с одной стороны, с другой —величие Божие, неизреченную благость Спасителя, предавшего за нас на убиение Свое тело, на пролитие Свою кровь,— неизреченную любовь Спасителя, питающего нас Своей плотию и кровию, этим питанием вводящего в теснейшее единение с Собой. От такого рассматривания и суждения себя является сокрушение сердца, приготовляется христианин к достойному принятию святых таин искренним сознанием своего недостоинства. Такое рассматривание себя изложено святыми Отцами в молитвах ко причащению, которыми Отцы вспомоществуют нашему тупозрению и ожесточению, которыми они облекают души наши, как в брачные одежды, в смирение столько возлюбленное Спасителю нашему. *Смиряли себе вознесется* (Лк, 18, 14),— сказал Спаситель,— *и аще снесть от хлеба сего, жив будет во веки* (Ин. 6, 51).

Достойное причащение святых таин возможно только при постоянно благочестивой жизни, или после решительного раскаяния в жизни греховной и решительного оставления ее, засвидетельствованного и запечатленного принесением покаяния по наставлению святой Церкви. Рассеянная, невнимательная жизнь, неозаренная и неруководимая словом Божиим, направленная по представлениям собственного разума, по влечениям грехолюбивых сердца и тела, оставляя человеку тщетное имя христианина, лишает его основательного Богопознания и самопознания, лишает должного понятия о святых тайнах, лишает приличествующего приготовления пред принятием их, приличествующего настроения и состояния при принятии, необходимого хранения по принятии. *Ядый и пияй недостойне суд себе яст и пиет, не рассуждая тела Господня* (1 Кор. 11, 29), не давая ему должной цены, не приготовив сосуда своего к принятию величайшего, святейшего сокровища. Сокровище спасительнейшее есть вместе и сокровище самое страшное по неизреченной святыне своей. Не карал бы нас суд Божий, если бы мы проводили внимательную жизнь по заповедям Христовым, тщательно исполняя их, тщательно врачуя упущения в исполнении покаянием. *Аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были* (1 Кор. 11, 31). Легкомыслие и недостаточно добродетельную жизнь карает суд Божий, возбуждаемый недостойным принятием святых таин, карает с милосердием, карает казнями во времени с целью спасения в вечности. *Судими же от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 32). Исчисляя казни, которым коринфяне подвергались за недостойное причащение святых тайн при недостаточно богоугодной жизни, Апостол говорит: *сего ради*, ради недовольно

[20] Точное изложение Православной веры.

достойного причащения святым тайнам, *в вас мнози немощна и недужни, и сеят довольны* (1 Кор. 11, 30), т.е. значительное число умирает.

Иное значение имеет недостойное причащение святых тайн при произвольно и намеренно греховной жизни, при впадении в смертные грехи, при неверии и при зловерии. Причащающиеся в таком состоянии, совершают преступление, навлекающее казни уже не исправительные, казни решительные, навлекающие вечную муку[21]. Преступление это равно преступлению, которое совершили убийцы Богочеловека[22], осыпавшие Его поруганиями, ударявшие по ланитам, покрывавшие заплеваниями Его лице, истерзавшие тело Его жестоким биением, гвоздями, распятием. *Иже аще яст,*— сказал великий Павел,— *хлеб сей, или пиет. чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни* (1 Кор. 11, 27). *Страшно некое чаяние суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя. Отвергая кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или триех свидетелях умирает: колико, мните, горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 27-29). *Да искушает человек себе* (1 Кор. 11, 28), да рассматривает себя, прежде нежели приступить к святым тайнам,— и, если он погряз в скверне греховной, да устранится страшного причащения, чтоб не навершить и чтоб не запечатлеть грехов своих самым тяжким грехом: наруганием над святыми тайнами Христовыми, наруганием над Христом. Прежде дерзновенного вшествия на брак к Сыну Божию, да позаботится о своей душевной ризе: она измывается, очищается от греховных пятен, каковы бы эти пятна ни были, неизреченной милостью Господа, при нашем покаянии. — Преподобный Марк Подвижник сделал следующее замечание: «Между сеятвой и жатвой определено некоторое пространство времени: по этой причине мы не веруем воздаянию»[23]. Этого рода неверию подвергаются почти все причащающаяся недостойно. Приступая к Христовым тайнам из смрада греховного, повергаясь в смрад греховный после принятии тайн, не видя над собой немедленного наказания, они полагают, что никогда не последует никакого наказания. Ошибочное заключение! Иудеям предсказана была решительная казнь за богоубийство; но она последовала чрез несколько десятков лет по совершению ужаснейшего преступления. Неизреченное милосердие и долготерпение Божие еще ожидало покаяния их. Это милосердие и долготерпение ожидает и нашего покаяния. Казнь отсрочивается и отсрочивается, но она непременно постигнет нераскаянных, намеренных, упорных грешников. Начало ее видим наиболее во внезапной смерти, или в смерти, произведенной такой болезнью, которая отнимает возможность покаяния. Самая казнь выполняется в стране загробной. *Не льститеся,*— говорит Апостол,— *не обманывайте себя: Бог поругаем не бывает: еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет. Яко сеяй вплоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6, 7-8).

Установлено Богочеловеком таинство Евхаристии[24] сегодня, после вкушения прообразовательной пасхи и последовавшей за ней вечери, пред исшествием на спасительные для нас страдания. Участниками вечери были двенадцать апостолов. Воспоминая и празднуя великое событие, святая Церковь, в великий четверток, собирает в лоно свое чад своих к Божественной Литургии, по полудни, необычно, в часы вечерние, чтоб совершение таинства и причащения святым тайнам последовало в те самые часы, в которые Господом совершено в первый раз таинство, возглашено приглашение к питанию телом и кровию Его. Таким образом великое событие, самой обстановкой воспоминания о нем, живо напечатлевается в душах наших, и завещание Господа *сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 24) исполняется с особой точностью. «Господь» — поведает святой Василий Великий, заимствуя поведание из Священного Писания и священного Предания—«хотя изыти на вольную и приснопамятную и животворящую Свою смерть, в ночь, внюже предаяше Себе за живот мира, прием хлеб на святыя Своя и

---

[21] Точное изложение Православной веры.

[22] Святой Иоанн Златоуст. Нравоучение 46-е в беседах на Иоанна.

[23] О Законе Духовном. гл.118.

[24] Ευχαριστια (греч.) — благодарение. Названо таинство так по той причине, что оно совершается при обильном благодарении и славословии Бога.

пречистыя руки, показав Богу и Отцу, благодарив, благословив, освятив, преломив, даде Своим учеником и Апостолом, рек: *Приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.* Подобие и чашу от плода лознаго прием, растворив, благодарив, благословив, освятив, даде святым Своим учеником и Апостолом, рек: *Пиите от нея еси, сия есть кровь Моя нового завета, яже за вы, и за многия изливаемая, во оставление грехов*»[25]. Эти тело и кровь суть истинные тело и кровь Богочеловека, заимствованные Им от Пресвятой Девы; это тело и кровь — Божественны, как истинно соединенные с Божеством[26]. «Не вознесшееся тело,— говорит святой Иоанн Дамаскин,— сходит с небес, а самые хлеб и вино претворяются в тело и кровь Божии. Если же спросишь, каким образом это совершается? То довольно тебе услышать, что совершается это Святым Духом, так же, как Господь и от Святой Богородицы составил Себе и в Себе плоть Духом Святым. Более — мы не знаем ничего: знаем только, что слово Божие истинно, действенно и всесильно. Образ действия Его — неисследим»[27].

Сие творите в Мое воспоминание, сказал Спаситель мира избранным ученикам Своим, уединившись с ними в горнице для тайной вечери. И исполняется доселе повеление Господа во вселенной, во всех храмах, принадлежащих православной Церкви. Какое всемогущее поведение! дано оно двенадцати простейшим рыбарям и мытарям, дано за смиренной, предсмертной вечерей, за которой произнесено много горьких предречений, долженствовавших немедленно исполниться, дано в тишине и сумраке вечера, в уединении горницы, составлявшей верхнюю, отдельную часть дома,— действует по всей земле, действует через столетия, через тысячелетия.— Божественная Литургия, на всем протяжении своем, всеми обрядами своими, представляет ряд и цепь воспоминаний о Господе. Самое приготовление хлеба и вина к освящению начинается с этого воспоминания. Облеченный во все облачение священник, прежде начатия Божественной Литургии, совершает проскомидию; так называется приношение хлеба и вина и приготовление их в тот вид, который они должны иметь для совершения Литургии. Священник берет просфору, и знаменуя на ней копием знамение креста трижды, трижды произносит слова: «В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»[28]. При дальнейших действиях он говорит, что Господь яко овча на заколение ведеся, и *яко агнец, непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзаешь уст Своих* (Ис. 53, 7). Далее воспоминаются различные события из страданий Господа. Приготовленные хлеб и вино, освященные святейшими воспоминаниями, получают значение и название образов тела и крови Христовых[29]. Затем начинается Божественная Литургия. По призвании архиереем иди священником Святого Духа и по освящении образов, эти образы тела и крови Христовых пресуществляются в тело и кровь Христовы. Во время совершения великого таинства воспевается песнь: *Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, и молимтися, Боже наш.* Песнь эта — повторение произнесенных Господом благословения, благодарения, хваления при освящении и пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Его на тайной вечери. Нет места для других слов при совершении великого таинства. Таинство непостижимо, необъяснимо. Пред ним и ум человеческий, и ум ангельский должны благоговеть, от обильного благоговения — безмолвствовать. Если ж допущены слова и голос: то ими должно выражаться одно благодарение и славословие, равносильные и ровнозначущие благоговейному молчанию.

Драгоценность дара, святость, возвышенность, Божественность дара могут быть необъяснимо объяснены одним благодарением и славословием Бога.

Величие таинства возлагает на нас соответствующие обязанности. Мы должны не только души, но и тела наши представить *в жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1). Тело — Господеви, и Господь — телу (1 Кор. 6, 13). *Телеса ваша удове Христовы суть* (1 Кор. 6, 15),— говорит Апостол. Назначение человека но душе и но телу — быть обителью Богу (2 Кор. 6, 16), сосудом Божества (1 Сол. 4, 4). Сообразно этому назначению

[25] Божественная литургия Василия Великого, Чиновник архиерейского служения.

[26] Заимствовано из Точного изложения Православной веры св. Иоанна Дамаскина.

[27] Точное изложение Православной веры.

[28] Служебник.

[29] Божественная Литургия Василия Великого. Точное изложение Православной веры. кн. 4, гл. 13.

должна быть настроена душа, должно быть настроено тело. Невозможно, невозможно приять Бога в душу, заимствовавшую свое настроение от сатаны! Невозможно приять Бога в тело, которым владычествуют нечистые вожделения. Воспрещено Богом такое приятие под страшными угрозами. Попирающие воспрещение Божие, попирающие величие Божие, попирающие Самого Бога, совершают грех безмерной тяжести.

Освободим от дебелости, от греховных похотений, стремлений, увлечений наше тело. Очистим душу как от тех страстей, которые принадлежат исключительно ей, от гнева, сребролюбия, тщеславия и других подобных, так и от тех, которыми заражает ее тело, каковы чревонеистовство и сладострастие. Очистим дух от свойственной ему скверны, от мыслей ложных, богохульных, от ощущений неправильных, из чего составляется самообольщение, ослепление, умерщвление вечной смертью. Израбатывается освобождение наше святой Истиной (Ин. 8, 32). Израбатывается освобождение и очищение наше воздержанием от излишества в пище и питии, бдением, молитвенными стояниями и коленопреклонениями, обузданием неосторожных и любопытных взора, осязания, слуха и прочих телесных чувств, которыми грех входит в душу, оскверняет и тело и душу. Израбатывается освобождение и очищение наше Словом Божиим. Напитаем себя чтением слова Божия, оживим в себе, соделаем действующим Слово Божие деятельностью по воле и завещанию Господа, возвещаемыми нам Словом Божиим. Часто да возобновляются в памяти нашей благочестивым размышлением и созерцанием страдания Спасителя нашего, Его смерть на кресте, которой мы искуплены от вечной смерти, Его земная жизнь — это постоянное выражение смирения и любви — проведенная среди лишений, преисполненная скорбями. Положим твердое намерение провести благоразумно и Богоугодно наше краткое земное странствование. Проведем его в приготовлении себя к вечности, в приготовлении на суд Божий. Для этого необходима тщательная бдительность над собой, тщательное настроение себя по учению Евангелия, тщательное исправление упущений и уклонений покаянием. Страшны — ликование сынов мира, их непрерывающаяся рассеянностью и многопопечительность о тленном, их упоение обольщением суетного мира. В этом состоянии — условие погибели. Уже отверзла на самопроизвольные жертвы свои вечная смерть темную, адскую пасть, готова пожрать и поглотить их, при первом миновании попущения Божия, по миновании долготерпения Божия, ожидающего покаяния грешников, при решительном отступлении Бога от нераскаянных грешников. Убоимся впадения в состояние, точно страшное! Устремим во времени и благовременно все силы наши к Богу нашему, чтоб усвоиться Ему навечно, и в усвоении Ему обрести наше спасение и блаженство во времени и в вечности. При таком жительстве, когда оно будет постоянно, и тем докажет верность нашу Богу, осеняет нас Божественная благодать, укрепляет колеблющийся подвиг наш, изменяет и перерождает его, дарует нам подвиг новый,— сильный, духовный, небесный; этим подвигом вводит нас в скорое и обильное преуспеяние. И при собственном подвиге — и собственному подвигу человека содействует благодать, но не обнаруживая себя,— служитель Божий, хотя борется еще со страстями, но уже причащается достойно тела и крови Христовых, когда причащается их в сокрушении духа и в полном сознании своего недостоинства. Тело и кровь Христовы содействуют его подвигу, подвигу мученическому: они очищают и наказуют его по милосердому, Божественному суду своему, пожигая и истребляя в нем те скверны, которых он не может ни усмотреть, ни истребить сам собой. По осенении подвижника благодатью, тело и кровь Христовы оживотворяют его, возбуждают в нем новые, доселе бывшие ему вовсе неизвестными, духовные, высшие разумения и ощущения, открывают Божественные таинства, исполняют действий Святого Духа, доставляют смирение, несравнимое, по глубине его и по производимому им чудному успокоению, со смирением, доставляемым страданиями под гнетом страстей и падших духов. *Прилепляяйся Господеви, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17). Господь — Дух, и человека, прилепляющегося к Господу, Господь соединяет с Собой, соделывает духом, несмотря на то человек этот остается в теле: человек этот соделывается духовным, заимствуя из Духа Господня духовные свойства, причем отделяются и отпадают от него, как струп от заживленной раны, свойства скотоподобные, которыми заразило его падение. Жительство по евангельским заповедям,

молитва в сокрушении духа вводят в соединение с Господом: навершается это соединение Божественной благодатью и причащением всесвятых Божественных тела и крови Христовых.

Бог питал манной, падавшей с неба, избранный народ свой — Израильтян, когда этот народ путешествовал по пустыне из Египта в Землю Обетованную: *одожди им манну ясти*,— говорит Писание,— *и хлеб небесный даде им. Хлеб ангельский яде человек* (Пс. 77. 24-25). Хлебом этим преобразовался Христос, питающий Своим словом (Мф. 4, 4), Своей плотию и кровию христиан, странствующих в юдоли изгнания, шествующих и возносящихся в горнее отечество при многоразличных и многочисленных препятствиях, страданиях, бедствиях. Египет знаменует состояние человеческого падения, состояние порабощения греху и падшим духам. Исшествием из Египта изображается отвержение греховной жизни, принятие веры во Христа, вступление в жительство по заповедям Христовым. Обетованная земля — небо; путешествие по пустыне — земная жизнь; хлеб небесный — Христос. *Хлеб бо Божий есть сходяй с небесе, и даяй живот миру* (Ин. 6, 33). *Отцы ваши*,— говорит Христос новому Израилю о ветхом Израиле,— *ядоша манну в пустыни и умроша. Сей есть хлеб, сходяй с небесе, да аще кто от него яст, не умрет* (Ин. 6, 49-50) вечной смертью ни во время земной жизни, ни по разлучении души с телом смертью тела. Аминь.

Содержание

НАЗНАЧЕНИЕ КНИГИ 1
О ТАИНСТВЕ ИСПОВЕДИ И О ГРЕХАХ 3
ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ 3
О ГРЕХАХ..... 6
СОВЕТЫ ГОТОВЯЩЕМУСЯ К ИСПОВЕДИ 17
КРАТКИЙ ОБЗОР НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ..... 20
В НАШЕ ВРЕМЯ ГРЕХОВНЫХ УВЛЕЧЕНИЙ 20
СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ПОУЧЕНИЯ О ПОКАЯНИИ 46
О ТАЙНЫХ НЕДУГАХ ДУШИ 57
ЧТО ОСОБЕННО ВАЖНО В НАЧАЛЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ 57
ГДЕ И КАК НАУЧИТЬСЯ СВЯТОМУ ПОКАЯНИЮ 59
СКОРО ЛИ ИСЦЕЛЯЕТСЯ ДУША 66
КАКОВЫ ОСОБЕННОСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 68
БОЯТЬСЯ ЛИ АДА «РЕВНОСТНЫМ» ХРИСТИАНАМ 71
КАК МОЖЕТ САМОУНИЧИЖЕНИЕ УЖИВАТЬСЯ С ВНУТРЕННИМ МИРОМ..... 75
КАК МОГУТ ДЕМОНЫ, ПРЕДЛАГАЯ ПО ВИДИМОМУ ДОБРОЕ, УЛАВЛИВАТЬ НАС В СВОИ СЕТИ..... 76
КАК РАЗЛИЧАЕТСЯ ДОБРО ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ОТ ДОБРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО..... 85
КОГДА НАША РЕВНОСТЬ К ХРИСТИАНСКИМ ПОДВИГАМ БОГУНЕ УГОДНА 87
КАК ВНЕШНЕЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДЕЛАНИЕ СВЯЗАНО С ВНУТРЕННИМ 90
КАК МЫ МОЖЕМ ОШИБАТЬСЯ, ДУМАЯ, ЧТО ИМЕЕМ В СЕБЕ ИСТИННУЮ ЛЮБОВЬ К БОГУ..... 91
КАК МОЖЕМ МЫ ОБМАНЫВАТЬСЯ В СЕБЕ, ДУМАЯ, ЧТО ИМЕЕМ ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ 94
КАК РЕВНОСТЬ ДУШЕВНАЯ, ПЛОТСКАЯ МОЖЕТ ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ НАРУЖНО РЕВНОСТЬЮ СВЯТОЙ, БЛАГОЧЕСТИВОЙ..... 98
ПОЛЕЗНО ЛИ НАЧИНАЮЩЕМУ ХРИСТИАНИНУ УЧИТЬ БЛИЖНИХ ДЕЛАМ ВЕРЫ? 98
ПОЛЕЗНО ЛИ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ХРИСТИАНИНУ РАЗМЫШЛЯТЬ О ВЫСОКИХ ДУХОВНЫХ ПРЕДМЕТАХ? 100
КОГДА ПОСЛУШАНИЕ БЫВАЕТ БОГУ НЕ УГОДНО 102
КАКИЕ ПРЕЛЬЩЕНИЯ БЫВАЮТ ПРИ УПРАЖНЕНИЯХ МОЛИТВОЙ..... 103
ОТ КАКИХ ПРИЧИН БЫВАЮТ СЛЕЗЫ, И КОГДА ОНИ ПРАВИЛЬНЫ 109
ЧТО ЗНАЧИТ «ТРУДИТЬСЯ БЕЗРАССУДНО»..... 110
КАК СМИРЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЛОЖНЫМ..... 115
КАК НАУЧИТЬСЯ РАСПОЗНАВАТЬ ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ СТРАСТЕЙ И КОЗНИ ЛУКАВЫХ ДУХОВ..... 116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119
ПРИЛОЖЕНИЕ..... 121
ПРИМЕР ПОКАЯННОГО САМОВОЗЗРЕНИЯ 121
ЧТО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ СОВРЕМЕННОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНИНУ 124
ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ СПАСЕНИЯ 124
КАКАЯ ЦЕРКОВЬ СПАСАЮЩАЯ?..... 127
ЧТО ОЗНАЧАЕТ «БЫТЬ В ТЕЛЕ ЦЕРКВИ» 130
НАСКОЛЬКО НЕОБХОДИМЫ ВНЕШНИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ЧИНЫ И ОБРЯДЫ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ; МОЖЕТ ЛИ БЕЗ НИХ БЫТЬ ВНУТРЕННЯЯ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ 130

ПОЧЕМУ СТОЛЬ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ОБРЯДЫ, ЧИНЫ И ПРАВИЛА ЦЕРКОВНЫЕ ПОЧИТАЮТСЯ ДАННЫМИ ОТ БОГА, ХОТЯ НА НИХ НЕ УКАЗЫВАЕТСЯ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ 131

МОГУТ ЛИ БЫТЬ ОТМЕНЕНЫ ИЛИ ПЕРЕМЕНЕНЫ КАКИЕ-ЛИБО ИЗ ПРАВИЛ И ОБРЯДОВ, ПРИНЯТЫХ И УСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕРКОВЬЮ? 133

В КАКОЙ СТЕПЕНИ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ СВОЕМУ УМУ В ПРЕДМЕТАХ ВЕРЫ 134

КАК ОТНОСИТЬСЯ К НАУКАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ 135

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ИНЫМ ХРИСТИАНСКИМ (НЕПРАВОСЛАВНЫМ) ВЕРОИСПОВЕДАНИЯМ 138

КАКОВО ВСЕГДА БЫЛО ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ К ЕРЕТИКАМ 142

СПАСУТСЯ ЛИ ЕРЕТИКИ? 145

МОЖНО ЛИ ВХОДИТЬ В МОЛИТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ С НЕПРАВОСЛАВНЫМИ ХРИСТИАНАМИ (ЕРЕТИКАМИ)? 147

ЧТО ТАКОЕ «АНАФЕМА». МОЖЕТ ЛИ КТО-НИБУДЬ РАЗРЕШИТЬ АНАФЕМУ, НАЛОЖЕННУЮ СОБОРНО? 150

КАК СМОТРЕТЬ НА ЭКУМЕНИЗМ СПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 152

ВОЗМОЖНО ЛИ НА КАКОМ-ЛИБО РЕЛИГИОЗНОМ ОСНОВАНИИ ОБЩЕНИЕ И ЕДИНЕНИЕ ХРИСТИАН С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИЙ? 156

НЕ ДУШЕВРЕДНО ЛИ ЧТЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ НЕПРАВОСЛАВНЫХ (т.е. ЕРЕТИЧЕСКИХ) РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ? 159

К КАКИМ УЧИТЕЛЯМ НУЖНО ИМЕТЬ ПОСЛУШАНИЕ И ОТ КАКИХ УДАЛЯТЬСЯ РАДИ СПАСЕНИЯ ДУШИ 161

С ЧЕМ СВЯЗАНО СТОЛЬ ЧАСТОЕ УКЛОНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН В НАШИ ДНИ ОТ МНОГИХ САМЫХ НЕОБХОДИМЫХ ПРАВИЛ И УТВЕРЖДЕНИЙ НАШЕЙ СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ 164

КАК ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАСТЫРИ ЦЕРКВИ И ВСЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ ДОЛЖНЫ ХРАНИТЬ СВЯТУЮ ИСТИНУ 167

ЛИТЕРАТУРА 170

СЛОВО ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ О СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАЙНАХ 171